

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 1978 ГОД

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

Редакционная коллегия

*М. П. Алексеев, В. Г. Базанов, В. Н. Баскаков, Н. В. Измайлов,
К. Д. Муратова*

Ответственный редактор

К. Д. Муратова

Е $\frac{70202-539}{042(02)-80}$ 533.80.4603010101.

© Издательство «Наука», 1980

С. С. Гречишкин

АРХИВ С. А. ПОЛЯКОВА

Сергей Александрович Поляков (1874—1943) сыграл заметную роль в литературном процессе начала XX в. прежде всего как основатель и владелец крупнейшего символистского издательства «Скорпион» и главного периодического издания поборников «нового искусства» — журнала «Весы». В историю русской литературы Поляков вошел и как талантливый переводчик, переведший на русский язык «великих скандинавов», французских, польских и бельгийских писателей, «имена которых стали нашим культурным достоянием».¹ В памяти современников за ним осталась «слава образованнейшего, необычайно жадного до языков человека, полиглота».²

1

Родился Поляков 13 октября 1874 г.³ Происходил он «из серой купеческой семьи»,⁴ но отец его был купцом уже новой, быстро

¹ Лидин В. Г. Люди и встречи. М., 1961, с. 231. Помимо многочисленных переводов, опубликованных в периодической печати, Поляков в 1900-е годы издал в «Скорпионе» в своем переводе произведения К. Гамсуна «Сьеста. Очерки и рассказы» (1900), «Пан. Из записок лейтенанта Томаса Глана» (1901) и «Драма жизни» (1902), Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся» (1901, совместно с Ю. К. Балтрушайтисом), С. Пшибышевского «Аметисты» и «День вознесения» (1905), Ш. Ван Лерберга «Пан», «Они почуяли» и «М-лле Косп-Сено» (1908), и др. Печатавая критические и библиографические заметки, Поляков подписывал их иногда псевдонимом «С. Ещбоев».

² Лобанов В. М. Кануны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М., 1968, с. 176.

³ См. копию паспортной книжки С. А. Полякова, приложенную к «делу» I отделения Канцелярии Главного управления по делам печати «Об издании в гор. Москве журнала „Весы“»: Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 776, оп. 8, № 1753, л. 2.

⁴ Письмо В. Я. Брюсова к П. П. Перцову от 20 декабря 1900 г., см.: Русский современник, 1924, № 4, с. 229.

капитализирующейся формации, понимающим значение образования. В секретном дозесении Департамента полиции об издании журнала «Весы» об отце Полякова сказано: «Потомственный почетный гражданин Александр Яковлев Поляков, человек весьма состоятельный, имеет собственные дачи и фабрику в Звенигородском уезде Московской губернии под фирмой „Товарищество Знаменской мануфактуры“». ⁵ Это было прибыльное капиталистическое предприятие, ежегодные доходы с которого исчислялись в 100—200 тысяч рублей.

После успешного завершения гимназического курса Поляков поступил на физико-математический факультет Московского университета. Диплом 1-й степени о его окончании он получил 2 июля 1897 г. Любовь к точным наукам (в особенности к математике) Поляков сохранил на всю жизнь. Однако еще в ранней юности в нем вспыхивает страсть к литературе, он пишет стихи, усердно изучает иностранные языки, мечтая стать переводчиком, увлекается «модернизмом» в литературе и живописи. По окончании университета Поляков входит, как это было принято в буржуазно-купеческих семьях, в дела отцовского предприятия, становится пайщиком Знаменской мануфактуры и «исправляет должность кассира по торговле в гор. Москве». ⁶ В его распоряжении оказываются значительные денежные средства.

К лету 1899 г. Поляков сближается с поэтами К. Д. Бальмонтом и Ю. К. Балтрушайтисом; вскоре к ним примыкают В. Я. Брюсов и критик М. Н. Семенов. ⁷ Знакомство с «энтузиастами» символизма побуждает Полякова к учреждению в том же году книгоиздательства «Скорпион», сделавшегося вскоре «центром, который объединил всех, кого можно было считать деятелями „нового искусства“, и в частности сблизил московскую группу <...> с группой старших деятелей, петербургскими писателями <...> (Мережковский, Гиппиус, Сологуб, Минский и др.)». ⁸ Московская и петербургская «фракции» подали друг другу руки на страницах издававшихся «Скорпионом» альманахов «Северные цветы» (вышло 5 выпусков: в 1901, 1902, 1903, 1905, 1911 гг.). Наряду с альманахами «Скорпион» приступил к печатанию книг приверженцев нового литературного направления.

Фактическим руководителем всех издательских начинаний «Скорпиона» (вплоть до 1909 г.) был В. Я. Брюсов. Именно он, по праву считавший себя «вождем» движения и жаждавший воплощения своих «лидерских» потенций, сумел склонить Полякова

⁵ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, № 1753, л. 6.

⁶ Там же.

⁷ См.: Брюсов В. Дневник. 1891—1910. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1927, с. 74—75; Бальмонт Е. А. «Воспоминания». — ГБЛ, ф. 374, карт. 1, № 52. Бальмонт и старший брат Полякова были женаты на сестрах.

⁸ Брюсов В. Автобиография. — В кн.: Русская литература XX века. 1890—1910. Т. 1. Под ред. проф. С. А. Вепгерова. СПб., «Мпр», 1914, с. 113—114.

к мысли об издании журпала «Весы» (М., 1904—1909) на «скорпионовской» платформе. В разговоре с Д. Е. Максимовым (1930) Андрей Белый вспоминал: «Символизм не был для Полякова идеологией, исповеданием, а лишь фактом наиболее приемлемой для него общей культуры. Только поэтому, связавшись с группой будущих скорпионовцев, он и стоял за символизм, но в литературные дела „Весов“ редко вмешивался, оставив в своем личном ведении лишь художественную часть, вопросы оформления и пр.»⁹ В первые годы издания Брюсов был полновластным «диктатором» и в журнале. Однако Белый несколько преуменьшает роль Полякова в «Весках», ибо тот, будучи владельцем журнала, посподволь влиял на редакционную политику, публиковал «своих» авторов и т. д. После прекращения издания «Весов» Поляков единолично руководил делами «Скорпиона».

После Октябрьской революции Поляков принимал активное участие в деятельности Профессионального союза писателей.¹⁰ Он занимал в нем должность казначея, ибо в его архиве сохранились приходо-расходные записи (1922—1927 гг.), свидетельствующие о том, что при его посредничестве многие литераторы получали материальную помощь (в том числе Г. И. Чулков, А. Соболев, О. Э. Мандельштам, Н. С. Ашукин, Н. Д. Телешов, Л. Я. Гуревич, А. И. Свирский, К. И. Чуковский, С. Н. Дурылин, Д. Д. Благой и др. — оп. 2, № 219). В 1920—1930 гг. Поляков серьезно занимался математикой. Он также изучал новые языки (в частности, якутский), продолжал переводческую работу.¹¹ Умер он весной 1943 г. в эвакуации в Казани.

2

Большая часть поляковского архива хранится в Отделе рукописей Института мировой литературы им. М. Горького (ИМЛИ, ф. 76, 645 ед. хр.), меньшая — в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 240, оп. 1—3, 424 ед. хр.). В части архива, находящейся в Пушкинском Доме, содержатся документы издательской деятельности Полякова, связанные с главными «детьми» его жизни — издательством «Скорпион» и журналом «Весы», позволяющие уточнить их историю, финансовое положение, расширить представления о круге их авторов и читательской аудитории.

⁹ Литературное наследство, т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. с. 261.

¹⁰ См. удостоверение Полякова: ИРЛИ, ф. 240, оп. 1, № 4. Далее ссылки на материалы архива Полякова, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, даются в тексте с указанием номера описи и единицы хранения.

¹¹ См.: Вилье де Лиль-Адан. Освобождение. Драма в одном действии. Пер. С. А. Полякова. М., ГИЗ, 1920; Стендаль. Жизнь Гайдна, Модарта и Метастазжо. Пер. С. А. Полякова. — В кн.: Стендаль. Собр. соч., т. 10. Л., 1936, с. 17—217, и др.

Исследователи и мемуаристы мало внимания уделяли финансовому положению издательства. Между тем оно чрезвычайно характерно. В первые годы существования «Скорпиона» творчество символистов (за исключением Бальмонта) не пользовалось большой популярностью. Учитывая это, Поляков установил довольно низкий авторский гонорар,¹² что, однако, не спасало положения: издательство имело большой отрицательный баланс (см.: оп. 1, № 104; оп. 3, № 100). Об этом красноречиво свидетельствует письмо М. Н. Семенова к С. А. Полякову от 8 октября 1904 г.: «До нас дошли слухи о неудовольствии папашы¹³ твоими большими расходами <...> Если твои дела будут вообще скверны, то совету прекратить на время издания».¹⁴ Однако Поляков не прекратил издательскую деятельность, хотя доходы от продажи книг были крайне незначительны. В «отчете» книжного склада «Коммиссионер», единственного распространителя «скорпионовских» изданий в Петербурге, приводятся сведения об их продаже за декабрь 1905—ноябрь 1906 г. Так, за год в Петербурге было продано лишь 15 экземпляров «Золота в лазури» А. Белого, 30 — его же «Северной симфонии (1-й, героической)» (М., 1904; тираж 1200 экз., цена 1 рубль), 10 — сборника стихов И. А. Бунина «Листопад» (М., 1901; 1800 экз., цена 1 рубль),¹⁵ по 20 — «Собраний стихов» З. Н. Гиппиус (М., 1904; 1200 экз., цена 1 руб. 50 коп.) и Ф. Сологуба (М., 1904; 1200 экз., цена 1 рубль), 36 — «Собрания стихов» Д. С. Мережковского (М., 1904; 1200 экз., цена 1 руб. 50 коп.). За этот же период раскуплено соответственно 45 и 190 экземпляров вызвавших хвалебные рецензии сбор-

¹² В 1930-е годы И. А. Бунин вспоминал: «„Скорпион“ вообще не баловал своих сотрудников гонорарамп. Помню, как однажды горестно пел Вячеслав Иванов: — Знаете, сколько получил я от Полякова за свою последнюю книгу? Увы, всего пятьдесят рублей!» (Бунин И. А. Собр. соч., т. 9. М., 1967, с. 291). Андрей Белый, например, за книгу «Золото в лазури» (М., 1904; 263 с., или 15 печатных листов, тираж 1200 экз.) получил всего 150 рублей (т. е. по 10 рублей за печатный лист; см. письмо Брюсова к нему после 1 августа 1908 г., иллюстрирующее гонорарную практику издательства: Литературное наследство, т. 85, с. 360—362). Для сравнения укажем, что Н. Д. Телешов в 1884 г. за первый свой опубликованный маленький рассказ получил гонорар в 15 рублей (Телешов Н. Записки писателя. М., 1958, с. 9). Позднее Поляков увеличил размеры гонораров. Так, в 1912 г. Брюсов за сборник «Зеркало теней» (М., 1912; 218 с., или 12,5 печатных листа, тираж 2100 экз.) получил 880 рублей (оп. 3, № 39). В 1900-е годы гонорарные ставки, как правило, не опускались в других издательствах менее 25 рублей за печатный лист.

¹³ А. Я. Поляков, отец издателя, являлся распорядителем основного капитала Знаменской мануфактуры.

¹⁴ ИМЛИ, ф. 76, оп. 3, № 181.

¹⁵ Следует отметить, что в 1903—1908 гг. издательство «Знание», ориентировавшееся на демократического читателя, трижды выпустило в свет «Стихотворения» Бунина (тиражом в 5200 экземпляров, по цене в 1 рубль), охотно раскупавшиеся публично. Видимо, в случае с «Листопадом» (удостоенным 19 октября 1903 г. премии имени А. С. Пушкина Академии наук) покупателей отпугивала «декадентская» слава издательства.

ников Брюсова «Urbi et Orbi» (М., 1904; 1200 экз., цена 2 рубля) и «Stephanos» (М., 1906; 1200 экз., цена 2 рубля). С продажей переводной литературы дело обстояло еще хуже (оп. 3, № 115). В конце 1900-х годов нераспроданные книги были уценены. Например, сборник Бунина «Листопад» стал стоить 60 коп. вместо 1 рубля, «Собрание стихов» Сологуба — 90 коп. вместо 1 руб. 50 коп.; книга И. Конеvского «Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений» (М., 1904; 2000 экз., цена 2 рубля) была уценена вдвое (оп. 3, № 124).

В 1910—1917 гг. Поляков вел «продажные ведомости» «Для памяти за неделю» — отпечатанные типографским способом списки «скорпионовских» изданий, где аккуратно фиксировал сведения о продаже книг (оп. 3, № 117—123). В соответствии с этими списками, на 11 ноября 1917 г. на складе «Скорпиона» оставались непроданными, к примеру, 937 экземпляров сборника рассказов Брюсова «Ночи и дни» (М., 1913; тираж 2050 экз., цена 1 руб. 25 коп.), 373 — сборника рассказов Сологуба «Жало смерти» (М., 1904; 1800 экз., цена 1 руб. 50 коп.), 75 — «4-й симфонии» А. Белого «Кубок метелей» (М., 1908; 1000 экз., цена 1 руб. 50 коп.), 228 — «Посмертного собрания сочинений» И. Конеvского, 107 — сборника лирики Вяч. Иванова «Прозрачность» (М., 1904; 1200 экз., цена 1 руб. 50 коп.), 228 и 188 экземпляров альманахов «Северные цветы» на 1901 и на 1902 гг. (тираж соответственно 3025 и 1800 экз., цена 1 руб. 50 коп. и 2 рубля) и др. Все это наталкивает на вывод о том, что писатели-символисты, несмотря на журнальную и газетную шумиху вокруг их имен, были далеки от подлинной читательской популярности.

Андрей Белый отзывался о Полякове как о «горе-купце».¹⁶ И действительно, в своей издательской деятельности Поляков не стремился к наживе, главным для него была пропаганда новых направлений в литературе и искусстве. Поляков был и одним из первых русских издателей, обративших серьезное внимание на подлинно художественное оформление книги. Он тщательно следил за «элегантным» соотношением текста и полей на страницах, выбирал шрифты для «скорпионовских» изданий, заказывал лучшим художникам-модернистам эскизы обложек, виньетки и иллюстрации.¹⁷

Существует мнение, будто издания «Скорпиона» ориентировались лишь на эстетствующую «верхушку» Москвы и Петербурга. Между тем издательство значительную часть тиражей рассылало в провинцию. Читатели наложенным платежом выписывали «скорпионовские» книги. В фонде сохранились сотни таких заказов за 1901—1918 гг., посланных зачастую из глухих «медвежьих» углов (например, село Богородское Казанской губернии,

¹⁶ Литературное наследство, т. 85, с. 260.

¹⁷ Верным соратником его в этом деле был Брюсов. См.: Чудецкая Е. Из книги «Воспоминания в воспоминаниях». — В кн.: Брюсовский сборник. Ставрополь, 1974, с. 130.

село Знаменка Иркутской губернии, село Митрофановка Херсонской губернии и др., а также города: Юхнов, Галутвин, Ишим, Ямполь, Бурынь, Новоалександровск, Оса, Троицк, Григориополь, Балашов, Камышин и др., — оп. 3, № 96—99, 101—113). Столичные читатели покупали книги в магазинах. Среди заказчиков «Скорпиона» преобладали представители провинциальной «служилой» интеллигенции: врачи, земские чиновники, преподаватели гимназий и реальных училищ, аптекари, юристы и т. д., а также студенты и учащиеся средних учебных заведений. Приведем один примечательный заказ, посланный пачинающим тогда латышским писателем Андреем Упитом: «В книгоиздательство „Скорпион“. Нижеподписавшийся покорнейше просит выслать ему (с наложенным плат~~е~~жом) повесть Валерия Брюсова „Огненный Ангел“. А. М. Упит, литератор. Адрес: ст. Ремерсгоф, Риго-Орловской ж~~е~~лезной д~~о~~роги, до востребования. Ремерсгоф, 24 сентября 1910» (оп. 3, № 99). Нередко Поляков бесплатно рассылал книги (в основном в студенческие и земские библиотеки — оп. 3, № 27, 82).

К этим материалам примыкают и другие финансовые документы: счета книжных и писчебумажных магазинов (оп. 3, № 80, 82, 115), переплетных заведений и типографий (оп. 1, № 78, 91). Поляков поддерживал отношения с иностранными издательскими и книготорговыми фирмами: австрийскими, английскими, бельгийскими, голландскими, итальянскими, латиноамериканскими, немецкими, норвежскими, португальскими, турецкими, финскими, французскими и швейцарскими (оп. 3, № 83—95). Документы такого рода представляют несомненный интерес для историков книжного дела и для специалистов по взаимосвязям русской и зарубежной литератур. В архиве хранятся также счета за найм редакционного помещения (оп. 3, № 115). Воспетая многочисленными мемуаристами двухкомнатная квартира в доме «Метрополь», который одноименное акционерное общество арендовало у Петербургского общества страхования в Москве, где размещались редакции «Скорпиона» и «Весов», стоила 150 рублей в месяц. Поляков платил эту сумму из преступных соображений: здание «Метрополь» (в центре Москвы) являлось в те годы «вывеской» русского архитектурного модерна.

Временные рамки деятельности издательства «Скорпион» обычно определяются 1899—1916 гг.¹⁸ Действительно, после 1916 г. «Скорпион» книг не выпускал. Это обстоятельство было вызвано, с одной стороны, трудными условиями военного времени, а с другой — убытками издательства. Кроме того, основные сотрудники «Скорпиона» — Брюсов и Балтрушайтис — уже не работали в нем, да и сам Поляков начал охладевать к издательству.

---

¹⁸ Последним изданием «Скорпиона» явилась книга «Поэзия как волшебство» К. Д. Бальмонта (М., 1915, на обл.: 1916; тираж 2000 экз., 93 с., цена 80 коп.).

Однако издательство не объявляло о прекращении своей работы: выполнялись читательские заказы, рекламировались ранее изданные книги и т. д. После Октябрьской революции Поляков думал о возобновлении издательской деятельности. В архиве сохранился следующий документ: «Настоящим удостоверяется, что книгоиздательство „Скорпион“ С. А. Полякова,¹⁹ Страстн<ой> бульвар, д. 8, кв. 3, зарегистрировано в Отделе народного просвещения С<овета> р<абочих> д<епутатов> Гор<одского> р<айона> 22 августа 1918 года, что подписью и приложением печати удостоверено. Регистрационный № 128» (оп. 3, № 116). Следовательно, издательство как юридическое лицо продолжало функционировать и в 1918 г.

3

В архиве С. А. Полякова сохранились письма и телеграммы корреспондентов, связанных с руководимым им издательством. В числе этих лиц Ю. К. Балтрушайтис 8 (1900—1908), Е. А. Бальмонт 10 (1902—1922), К. Д. Бальмонт 40 (1899—1916), М. В. Добужинский (1911), П. В. Кузнецов 2 (1912), М. Ф. Ликиардопуло 6 (1906—1915), Д. С. Мережковский 4 (1901—1900), А. М. Ремизов (1902), С. А. Скирмуит (1902), К. А. Сомов 2 (1901, 1902), Е. Н. Троповский (1904), В. К. Трутовский (1905), Н. П. Феофилактов 2 (1906), Д. В. Философов (1901), Э. М. Штиглиц 2 (1911) и др. Всего около 20 корреспондентов.

Почти все письма сугубо деловые: в них идет речь об издании книг, об авторских предложениях, о гонорарах и т. д. Отметим некоторые наиболее интересные письма.

31 августа 1902 г. Ю. К. Балтрушайтис и М. Н. Семёнов послали из Мюнхена С. А. Полякову открытку — силуэт М. Н. Семёнова, которую Балтрушайтис сопроводил четверостишием:

Кругом, вдали, была святая тишина,
А он, искатель рыпчного шума,
Хотел исчерпать здесь всю суетность <до> дна,
И победил? О ночь! о свет! о дума.

(Оп. 1, № 11)

Письмо от 28 августа 1908 г. (?) содержит сведения о совместной переводческой практике поэта и издателя, осуществивших ряд переводов со скандинавских языков. «Высылаю 1-й акт Гамсуна,²⁰ — писал Балтрушайтис. — Есть еще много сомнений и ошибок, часть которых прошу тебя исправить с М. Ф.²¹ Отдай

¹⁹ Далее следует домашний адрес издателя.

²⁰ Речь идет о переводе пьесы «У царских врат» (см.: Гамсун К. У врат царства. Пролог. Пер. с норвежского Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. М., 1915).

²¹ Ликиардопуло Михаил Федорович (1883—1925) — переводчик и критик, секретарь «Весов» в 1907—1909 гг., близкий также к делам издательства.

переписать. 2-й акт пересматриваю и сейчас же пошлю. 4-й будет готов через три дня. Через несколько дней ты получишь новую рукопись в моей окончательной редакции и тогда согласишься мой перевод с твоим. Пошлешь ли мне свой акт? <...> Со своей стороны я ничего не задержу. Где печатать, переговорим после <...> Заранее подписываюсь под всякое твое решение. Завтра еду в Копенгаген <...> Итак, я делаю все, и ты сделай все. Особенно хлопоту о Гамсуне, потому что это, очевидно, мой единственный заработок в будущем сезоне. „Шиповник“ вместо 1000 уплатил 100 и работать в нем, видимо, не стоит»²² (оп. 1, № 8).

В письмах К. Д. Бальмонта (наиболее информативных в архиве) содержатся интересные сведения о творческих замыслах поэта, об истории создания его отдельных сборников, об издательском и цензурном прохождении ряда его книг. Например, 15 января 1902 г. Бальмонт информировал Полякова о скором завершении работы над сборником «Будем как солнце»: «Через несколько дней мой новый сборник стихов будет вполне закончен. Напиши мне, пожалуйста, поскорее, как ты решишь с ним» (оп. 1, № 14). Бальмонт опасался цензурных придирок к книге. 30 ноября 1902 г. он писал: «Стихотворение „Я ненавижу всех святых“ (Голос Дьявола) в „Danses Macabres“²³ мне кажется безусловно цензурным и должно быть выброшено» (оп. 1, № 17).

Бальмонт отличался поразительной работоспособностью, умением одновременно заниматься разными видами литературного труда. 23 мая 1903 г. он информировал Полякова из курортного города Меррекюль: «Что нового в Москве? Здесь чудесно. Море шумит. Цветы. Сосны поют. Я ежедневно перевожу по 100 строк из Шелли и, кроме того, успеваю читать разные английские, французские и испанские книги. Обнимаю тебя, и люблю жизнь» (оп. 1, № 20).

---

²² Имеются в виду финансовые осложнения при подготовке петербургским издательством «Шиповник» собрания сочинений К. Гамсуна в 12 томах; издание осуществлено в 1909—1910 гг. «при ближайшем участии К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова».

²³ «Пляски смерти» (*франц.*) — название раздела сборника «Будем как солнце» (М., 1903). Книга была задержана Московским цензурным комитетом из-за эротических и антиклерикальных стихотворений. Цензурное разбирательство длилось с января по конец мая 1903 г. Цензор С. И. Соколов резюмировал в докладе для Главного управления по делам печати: «Книгу Бальмонта я нахожу крайне вредной с цензурной точки зрения». Конфликт был улажен лишь после того, как по приказанию Главного управления по делам печати от 21 мая 1903 г. Бальмонт пзъял 8 стихотворений и заменил их новыми. Однако стихотворение «Голос дьявола», отличавшееся явной антицерковной направленностью, в их число не попало (см.: Дело III отделения Канцелярии Главного управления по делам печати с донесением о книгах, напечатанных без предварительной цензуры. — ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, ед. хр. 625, л. 27—30). Сохранилась повестка Полякову с предложением явиться в цензурный комитет по поводу этой книги (оп. 3, № 19).

С годами тон писем Бальмонта к Полякову меняется: они становятся суше, деловитей. 20 января 1907 г. он писал из Парижа: «Прошу известить меня, когда я начну получать корректуры „Жар-Птицы“. Ввиду того что известный срок со дня выхода „Злых Чар“²⁴ уже прошел и ввиду того что месяца через 1½ я намерен предпринять путешествие и адрес мой будет шатким, я просил бы, если возможно, приступить к набору теперь же. Срок выпуска книги, конечно, точно обозначен нами, если „Скорпион“ не найдет для себя желательным сколько-нибудь его сократить.²⁵ Напоминаю, что я читаю всегда несколько корректур. Прошу не задерживать ответа» (оп. 1, № 25).

Несмотря на то что Бальмонт был (наряду с Брюсовым) другом и любимым автором Полякова, отношения между поэтом и издателем не были идиллическими. Былая близость с течением лет уступила место некоторой отчужденности, Поляков перестал беспрекословно выполнять категорические требования Бальмонта. Свидетельством тому является, например, парижское письмо от 2 ноября 1909 г.: «Сергей, я писал тебе несколько слов из Лондона.²⁶ Письмо твое я получил, равно как чек при нем на 250 рублей. Для меня некоторая неожиданность — то, что ты хочешь напечатать не 1000 или 1500 экземпляров, как у тебя было уже условлено с Е. К. Цветковской,²⁷ а 1500 или 2000. Я не буду, однако, возражать, если ты говоришь, что иначе издание не принесло бы ничего издательству.²⁸ Вероятно, Елена передала тебе то, что я и в письме раньше писал. Мне непременно хотелось издать эту первую мою книгу о Мексике — и первую Русскую книгу о Мексике — в „Скорпионе“. И, конечно, ты вполне понимаешь, что получаемая мною за нее плата не есть достаточное вознаграждение за вложенный в нее труд и за связанные с нею мои издержки. Но раз ты не можешь предложить мне более, я довольствуюсь тем, что получил и дополучу, и рад, что мы столкнулись об этой книге с тобою, и что она появится быстро и в „Скорпионе“.

Относительно „Ваятеля масок“²⁹ приемлю то, что пишешь,

---

²⁴ Бальмонт К. Злые чары. Книга заклятий. М., «Золотое руно», 1906.

²⁵ Книга «Жар-Птица. Свирель славянина» К. Д. Бальмонта (М., «Скорпион», 1907) поступила в продажу летом 1907 г. как VII том «Полного собрания стихов» поэта.

²⁶ Имеется в виду телеграмма от 18 сентября 1909 г., в которой Бальмонт просил выслать ему деньги (оп. 1, № 29).

²⁷ Цветковская Елена Константиновна — последняя жена Бальмонта.

²⁸ Здесь и ниже идет речь об издании книги Бальмонта «Змеиные цветы. Путевые письма из Мексики» (М., 1910; цена 3 рубля). Поэт путешествовал по Мексике в феврале—июне 1905 г.

²⁹ Имеется в виду бальмонтовский перевод раннего опыта бельгийского драматурга: Кроммелинк Ф. Ваятель масок. Трагический символ в одном действии. Предисл. и пер. К. Д. Бальмонта. — Весы, 1909, № 5, с. 15—43; отд. изд.: М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1912.

и благодарю. Мне все же очень досадно, что письмо мое пропало.³⁰ Кстати, оно было, конечно, послано — как письмо, я это помню, как вот сегодняшней миг, — и никогда не вкладываю в бандероли даже незначительных записок, тем менее важных писем. Из письма твоего я не понял, однако, думаешь ли ты издать „Ваятеля“ отдельной книжкой, и когда, и на каких условиях. Если ты не расположен его издать, я отдам его издателю, который меня о нем просил. Будь добр известить меня.

Сергей, я также так и не имею обещанного Ликкардуло листка отчетного по моим томам. Весьма прошу о нем и должен напоенец его иметь.

Листок этот был обещан еще год тому назад.³¹

Через три недели я уезжаю в Египет.³² Я молю тебя поэтому без промедления набрать книгу о Мексике. Корректуры я не задержу, прочту тотчас. Корректуры желательно иметь уже в читаемом виде, дабы, по моем их прочтении, я мог доверить их тебе уже к утверждению без вторичного их возвращения сюда или в Каир.

Итак, дважды и трижды прошу тебя велеть типографии набрать книгу в три приема. Это вполне ведь возможно.

Говорил, повторяю и еще повторю, что мне хотелось бы лишь укреплять мои отношения с тобой, как личные, так и деловые, а никак не порывать их и не расшатывать. Если таково и твое желание, я рад, я буду счастлив.

Жму руку и шлю искренний привет. Твой К. Бальмонт» (оп. 1, № 30).

11 августа 1914 г. Бальмонт писал: «Сергей, приветствую тебя за то, что издаешь Уитмана, и в особенности за то, что решаешь сделать это без промедлений.³³ Для меня это истинная радость.

Относительно гонорара. Цифра 300 недостаточна. Цифра 400 тоже невелика, но так как времена для писателей и издателей теперь исключительные, я вполне доволен этой цифрой <...> Выпустить книгу — очень прошу тебя — не позднее конца ноября

³⁰ Понятно, о каком письме идет речь.

³¹ Бальмонт просил прислать ему продажную ведомость о количестве раскупленных томов его «Полного собрания стихов».

³² В конце 1909 г. Бальмонт предпринял путешествие по Египту; результатом явилась книга «Край Озириса. Египетские очерки» (М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1914).

³³ Речь идет о кн.: Уитман У. Побег трав. Пер. К. Д. Бальмонта. М., «Скорпион», 1911 (1500 экз., 217 с., цена 1 руб. 90 коп.). На сборник 3 марта 1911 г. был наложен арест Московским комитетом по делам печати. Цензура усмотрела в книге «культ человеческого тела и чувственной любви» и возбудила против издателя судебное преследование. В приговоре суда от 22 мая 1912 г. сказано: «Сергей Александрович Поляков признан виновным и присужден к штрафу в сумме 25 рублей, а из самой книги постановлено уничтожить отдел „Дети Адама“ и стихотворение „Ласка орлов“, с остальной же части издания арест снять» (см.: Дело II отделения Канцелярии Главного управления по делам печати и исполнения ареста на брошюру «Уольт Уитман. Побег трав»... — ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 17, № 145, л. 1—4).

или начала декабря. Я очень верую, что это есть наилучшая дата для выхода новых книг. Внешность книги и цену ее вполне предоставляю на твое усмотрение» (оп. 1, № 32).

Бальмонт часто обращался к Полякову с предложениями об издании своих книг. В письме от 3 марта 1911 г. он информировал его: «Я закончил новую книгу стихов под названием „Зарево Зорь“. Это небольшие, чисто лирические вещи, написанные за последние два-три года. По размерам — книга небольшая. В рукописи в ней 202 страницы, в печати будет, должно быть, 13 листов. Расположен ли ты ее издать, или я свободен предложить ее какому-либо другому издателю?» (оп. 1, № 34). Владелец «Скорпиона» не принял предложения поэта, сборник вышел в другом издательстве.³⁴ 18 марта 1913 г. Бальмонт уведомлял Полякова: «Я составляю сборник „Образцы поэзии Бальмонта“. Том страниц в 300, из наиболее любимых читателями стихов моих, а равно из наиболее любимых мною, — по несколько стихотворений из каждой моей книги. Сборник должен быть напечатан в большом количестве экземпляров и стоить не дороже рубля. Я полагаю, что такая книга двинет продажу всех моих томов. Сообщи мне, пожалуйста, расположен ли ты издать такой сборник» (оп. 1, № 42). «Изборник» Бальмонта был издан «Скорпионом» в 1913 г. под более «традиционным» заглавием — «Звенья. Избранные стихи. 1890—1912», тиражом 5000 экземпляров (цена 1 рубль).

В 1911—1913 гг. отношения между Бальмонтом и Поляковым осложнились в связи с печатанием «Полного собрания стихов» поэта. В 1904—1914 гг. «Скорпион» предпринял четыре попытки такого издания, но ни одну из них не довел до конца, к тому же тома выходили зачастую не синхронно и не по порядку. Все это в высшей степени волновало поэта и нашло отражение в переписке с издателем. 25 февраля 1911 г. он писал: «Я очень радуюсь, что томы мои наконец пришли в движение, — если они пришли в движение. Ничего нет для меня столь тягостного, как медленность, и неукошительно буду молить тебя сделать возможное для скорейшего печатания остающихся томов. Буду ждать корректур „Литургии Красоты“³⁵ и сообщения о судьбе „Злых Чар“.³⁶ Если

³⁴ См.: Бальмонт К. Зарево зорь. М., «Гриф», 1912, 168 с. (1300 экз., цена 1 рубль); изд. 2-е: М., «Гриф», 1914, 166 с. (цена 1 рубль).

³⁵ Сборник «Литургия Красоты. Стихийные гимны» (М., «Гриф», 1905) составил 5-й том 2-го издания «скорпионовского» «Полного собрания стихов» Бальмонта (М., 1911).

³⁶ Сборник «Злые чары. Книга заклятий» (М., «Золотое руно», 1906) вошел как составная часть в 6-й том 2-го издания «Полного собрания стихов» Бальмонта (М., 1911). Еще 25 ноября 1906 г. за антихристианские мотивы сборник подвергся аресту со стороны Московского комитета по делам печати. 17 января 1907 г. арест был утвержден Московским окружным судом. Судебное разбирательство длилось около 5 лет. Дело было закончено лишь при подготовке переиздания сборника в «Полном собрании стихов» Бальмонта. 2 апреля 1911 г. Московский комитет информировал Главное управление по делам печати: «Прокурор Московского окружного суда отношением от 31 минувшего марта 1911 года (...) уве-

их позволят перепечатать, не забудь, что перед ними в этом томе идут „Фейные сказки“.³⁷ Если вопрос о „Злых Чарах“ затянется снова, я очень прошу тебя вместо них перепечатывать „Зеленый вертоград“.³⁸ Это тем более желательно, что торопливое и скомканное каким-то типографским приключением издание „Шиповника“ этой книги содержит до ста опечаток, и твое издание будет в сущности первым изданием, о чем я считал бы позволительным упомянуть в соответствующих объявлениях.

Промежутки между выпуском томов нужны или не нужны? Увы, они будут помимо вопроса об их нужности. Я же лично думаю, что они и для меня и для тебя крайне вредны, ибо, если бы все 10 томов могли появиться сразу, — или хоть приблизительно одновременно, — критика должна была бы о них говорить, хвалебно или бранно, и хвала им или брань — (безразлично) — сильно двинула бы распространение издания. Теперь же критика молчит при выходе каждого тома отдельно». Письмо заканчивается сердечным обращением к Полякову: «Каждое слово приветя, которое встречаю в твоих письмах, для меня истинная радость. У меня очень мало людей, которых я по-настоящему люблю, и ты один из этих немногих. Жизнь изменяет и искажает без сожаления, и тем ценнее желанье сердца хранить что-нибудь, и тем счастливее сердце, если есть у него несколько образов, которые оно хочет сохранить навсегда» (оп. 1, № 33).

В 1913 г. возникла неразбериха из-за одновременного осуществления третьего и четвертого изданий «Полного собрания стихов» Бальмонта. Осознавая сложность денежных расчетов за параллельно печатавшиеся тома, поэт 26 января 1913 г. предложил Полякову теперь же купить у него право на издание собрания стихов: «... я очень хотел бы остаться поэтом „Скорпиона“ на веки вечные, — и это тебе решать, можешь ли и хочешь ли ты приобрести у меня эти 10 томов в вечную собственность» (оп. 1, № 41). Поляков отказался от этого предложения. Это объяснялось падением читательской популярности Бальмонта и коммерческого успеха его книг. Бальмонту же хотелось увидеть свое собрание полностью законченным (в одной серии)

домил Комитет, что по делу о напечатании книги «...» состоялся 21 февраля с. г. оправдательный приговор, коим между прочим постановлено: листы из книги „Злые чары“ Бальмонта, содержащие в себе стихотворения „Отречение“, „Шир у Саганы“ и „Будь проклят“ (листы 62, 63, 64), как заключающие в себе богохуление, уничтожить» (см.: Дело II отделения Главного управления по делам печати о наложении ареста на брошюру К. Д. Бальмонта «Злые чары. Книга проклятий»... — ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 16, № 938, л. 1—4). Книга поступила в широкую продажу лишь в начале марта 1913 г.

³⁷ Сборник «Фейные сказки. Детские песенки» (М., «Гриф», 1905) вошел в 6-й том 2-го издания «Полного собрания стихов» Бальмонта.

³⁸ Сборник «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные» (СПб., «Шиповник», 1909) составил 8-й том 2-го издания «Полного собрания стихов» Бальмонта (М., 1911).

именно в «Скорпионе». 6 апреля 1913 г. он писал Полякову: «...для меня вопрос о моих десяти томах не есть вопрос о том или ином томе, а о целой эпохе моей жизни и целой полосе русской поэзии, которая была, существует ярко — как зеркало бывшего, и замкнулась. Так — внутренне, так да будет и внешне» (оп. 1, № 43). Но Полякову выгоднее было издавать отдельные, наиболее популярные тома Бальмонта. Следствием возникшего конфликта был разрыв на время отношений Бальмонта со «Скорпионом». 28 мая 1913 г. он обратился к А. М. Ремизову, близкому к редакции петербургского издательства «Сирин»: «Я отказал Полякову в переиздании разошедшихся книг и был бы очень расположен уступить их „Сирину“, если и „Сирин“ расположен к тому же».³⁹ «Сирин» не выпустил много томного собрания стихов Бальмонта.

Отношения с Поляковым были восстановлены в 1914 г. (переписка возобновилась 16 ноября 1914 г. — оп. 1, № 44). В последнем из хранящихся в фонде писем к Полякову, от 25 января 1916 г., Бальмонт сообщал о литературном вечере в Петрограде, на котором он читал в своем переводе фрагменты поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Слава Бальмонта-поэта убывала. Он радуется своему успеху как интерпретатор и переводчик грузинской поэмы: «Вчера произнесил слово о Руставели и читал отрывки из „Носящего барсовую шкуру“. Слушатели устроили мне триумф, и волшебным дышал целый куст ландышей, и золотились и алели тюльпаны» (оп. 1, № 51).

Естественно, что люди, близко стоявшие к «Скорпиону» и «Весам» в течение ряда лет, но отошедшие впоследствии от участия в них, сквозь годы сохранили о них теплые воспоминания. Так, М. Ф. Ликиардопуло писал Полякову 11 июля 1915 г. из Стокгольма, где исполнял обязанности корреспондента газет «Утро России» и «День»: «Последние дни почему-то часто вспоминаю Вас, „Весы“, „Скорпион“. Потому ли, что искал везде здесь в магазинах каких-нибудь книг Гамсуна — и не нашел — не знаю <...> Пишу наугад, просто потому, что как-то страшно потянуло к тому, что было 10 лет назад. Бывает же такая „тоска по прошлому“» (оп. 1, № 76).

В первые годы существования издательства Д. С. Мережковский близко к сердцу принимал его дела. Будучи уже «маститым» литератором, Мережковский проявлял настойчивость в своих гонорарных требованиях. Образчиком посланий такого рода служит письмо к Полякову от 3 июня 1903 г. (оп. 1, № 80). В этом же письме Мережковский предлагал Полякову выпустить несколько своих книг (в том числе напечатать роман «Петр и Алексей» и даже «Полное собрание сочинений Д. С. Мережковского»). Поля-

---

³⁹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 38. В «Сирине» вышел сборник стихов Бальмонта «Белый зодчий. Тайство четырех святильников» (СПб., 1914, 324 с.).

ков, далекий от религиозно-философской проблематики, разработавшейся Мережковским, отклонил эти предложения.⁴⁰

В архиве Полякова хранятся также письма и телеграммы литераторов к сотруднику издательства Н. А. Баженову. Среди его корреспондентов Ю. К. Балтрушайтис (1911), К. Д. Бальмонт 27 (1913—1914), В. П. Дриттенпрейс (б. д.), К. В. Кандауров (1914).

Внимание специалистов по классической филологии могут привлечь письма И. И. Рачинского к М. Н. Семенову (7 писем 1903 г.), издавшему в 1904 г. в «Скорпионе» перевод поэмы Лукреция Кара «О природе вещей». В них затрагиваются частные вопросы перевода латинских стихов на русский язык (оп. 3, № 79).

Несколько писем обращены к М. Ф. Ликпардопуло. Ему писали М. А. Пожарова (1909), С. М. Соловьев (1908), С. Г. Судейкин 2 (1910, 1911), Е. Н. Троповский (1906) и др.

Архив включает письма разных лиц, адресованные непосредственно в контору издательства. В числе корреспондентов «Скорпиона» А. И. Алексеев (1913), Н. А. Баженов, Ю. К. Балтрушайтис (1911), К. Д. Бальмонт (1903), В. И. Бякин (1911), В. М. Гауфман (1910), М. М. Гербановский (1903), К. Гпрземан 9 (1901—1913), В. Н. Гусев (1912), Д. Н. Кардовский (1909), В. К. Кольгас (1908), В. П. Крымов (1904), Х. Ламберт (1910), А. А. Ланг (1902), Д. С. Навашин (1911), С. И. Никольская (1911), И. И. Рачинский (1903), А. А. Селиванов 3 (1916), Е. Н. Троповский (1904), Д. Ф. Чижевский (1912), Б. Л. Яворский (1915) и др. Всего около 30 корреспондентов.

В фонде Полякова хранятся авторские рукописи, присланные в «Скорпион»: сборник стихотворений А. Н. Агатова «Дух земли»⁴¹ (<1907>); сборники Ю. К. Балтрушайтиса «Земные ступени. Элегии. Песни. Поэмы» (М., «Скорпион», 1911) и «Горная тропа» (М., «Скорпион», 1912), отрывок из его перевода драмы Ибсена «Кесарь и Галлелеец» (1902); писарский список исследования Бальмонта «Поэзия как волшебство» (б. д.), цикл его стихотворений «Крадущееся завтра» (1903), вошедший в сборник «Только любовь» (М., «Гриф», 1903), сборник «Звенья» (1913), материалы к выходящему несколькими изданиями в бальмонтском переводе полному собранию сочинений Э. По (1911, б. д.), перевод книги У. Уитмена «Побеги травы» (1908); неизданный

---

⁴⁰ Роман «Петр и Алексии» (3-я часть трилогии «Христос и Антихрист») в 1904 г. печатался в журнале «Новый путь» (отд. изд.: СПб, изд. М. В. Ппрожкова, 1905). Издания «Полного собрания сочинений» Д. С. Мережковского позднее были предприняты издательствами М. О. Вольфа (т. I—XVII, СПб.—М., 1911—1913) и И. Д. Сытина (т. I—XXIV, М., 1914).

⁴¹ Сборник не был издан «Скорпионом». См: Агатов А. На фоне ночи. Ночное солнце. Мимолетное. Дух земли. Песня безумий. Смоленск, 1908, 7С с.

сборник стихов В. Линденбаума «В обитель голубую» (1905—1909); неопубликованная драматическая трилогия Н. Шварца «Сумерки тишины» (б. д.).

В архиве хранятся также документы по организации фонда «Венок Скрябину» (1915) (членами комитета среди прочих являлись С. А. Поляков, Ю. К. Балтрушайтис и Вяч. И. Иванов) (оп. 3, № 32).

4

Большая часть материалов из фонда Полякова связана с изданием «Весов». В околосимволистских кругах задолго до возникновения журнала циркулировали слухи о намерении «Скорпиона» основать свой печатный орган. Подтверждением служит письмо от 3 ноября 1904 г. Д. В. Философова, в то время руководителя литературного отдела петербургского модернистского журнала «Мир искусства»: «Многоуважаемый Сергей Александрович, на днях я прочел в какой-то газете, что книгоиздательство „Скорпион“ намерено издавать литературный журнал „Муравей“.

Не откажите сообщить мне, верны ли эти слухи? Вы поймете, конечно, что мною руководит не пустое любопытство. „Миру искусства“ очень важно знать, появится ли ему со товарищ или нет. Признаться, стихи и „беллетристика“ — наше больное место. Имея среди сотрудников столько поэтов и беллетристов, мы не можем не интересоваться всякой попыткой издавать чисто литературный журнал. Буде у Вас есть, действительно, намерение предпринять издание журнала — я надеюсь, что Вы сообщите тотчас же и кой-какие подробности о программе его. Искренне уважающий Вас Д. Философов» (оп. 4, № 96).

Официальное разрешение на издание журнала было выдано Полякову Главным управлением по делам печати 4 ноября 1903 г.⁴² В 1904—1905 гг. «Весы» издавались как «критико-библиографический ежемесячник», литературного отдела у журнала не было. 21 июня 1905 г. издатель обратился с прошением, а 7 октября того же года получил разрешение на введение в журнал беллетристического отдела. Приведем этот документ: «Издателю-редактору выходящего в гор. Москве журнала „Весы“, окончившему факультет физико-математических наук императорского Московского университета Сергею Александровичу Полякову разрешено дополнить программу названного издания отделом „беллетристика“ (стихи, рассказы, повести, романы и драматические произведения, как оригинальные, так и переводные). Об этом Канцелярия Главного управления по делам печати по приказу-

⁴² История издания журнала посвящено обстоятельное исследование: Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы». — Литературное наследство, т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976, с. 257—324.

нию г <на> начальника этого Управления уведомляет г. Полякова на поданное прошение. Гербовый сбор уплачен» (оп. 1, № 102).

В 1906—1909 гг. «Весы» выходили по новой программе. Последний номер журнала (1909, № 12), составившего целую эпоху в истории русского символизма, поступил подписчикам в марте 1910 г. В последнем редакционном обращении «К читателям» говорилось: «...причины, побуждающие нас приостановить „Весы“, — не поражение, а, напротив, достижение некогда поставленной ими себе цели <...> Вместе с победой идеей символизма в той форме их, в какой они исповедовались и должны были исповедаться „Весами“, пенужным становится и сам журнал. Цель достигнута и его ipso ⁴³ средство бесцельно!». ⁴⁴ Справедливо суждение К. М. Азадовского и Д. Е. Максимова о том, что прекращение «Весов» было в конечном счете обусловлено общим кризисом, потрясшим символизм на рубеже 1910-х годов: «... „победа“, о которой с гордостью заявляли „Весы“ в своем последнем номере, была призрачной. Было бы вернее сказать, что журнал проделал путь, отражающий развитие русского символизма, и остановился в тот момент, когда „новое искусство“, которое „Весы“ исповедовали в течение шести лет, было в своем первоначальном виде исчерпано и стремилось перестроиться на новых основах». ⁴⁵ Расставшись с ведущими сотрудниками, Поляков намеревался в 1910 г. начать издание нового журнала под тем же названием, придав ему естественнонаучную ориентацию и изменив его периодичность. 8 мая 1910 г. цензурное отделение Канцелярии московского градоначальника информировало Главное управление по делам печати: «Канцелярия уведомляет, что издающийся в Москве журнал „Весы“ будет выходить от 2 до 6 раз в год по цене 2 р <рубля> в год». ⁴⁶ Однако замысел Полякова не был реализован.

Остановимся на материалах, документирующих техническую сторону издания журнала. Гонорары сотрудникам «Весов» выплачивались не слишком аккуратно и по достаточно низким расценкам. Так, Вяч. Иванов за статью «Эстетика и исповедание» («Весы», 1908, № 11) получил 31 января 1909 г. 15 рублей (оп. 3, № 39); С. М. Соловьев за опубликованные в 1906 г. стихи и статьи получил 12 апреля 1907 г. 50 рублей (там же). ⁴⁷ К. М. Аза-

⁴³ Следовательно, тем самым (лат.).

⁴⁴ Весы, 1909, № 12, с. 186, 190.

⁴⁵ Литературное наследство, т. 85, с. 314.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, № 1753, л. 28.

⁴⁷ Для сравнения приведем аналогичные данные по другим журналам. «Русское богатство» платило своим сотрудникам минимум по 100 рублей за печатный лист; так, за анонимную рецензию в 3—4 рукописные страницы авторы получали по 20—25 рублей (см. гонорарные ведомости на 1910 г.: ИРЛИ, ф. 266, оп. 5, № 77). В «Журнале для всех» В. С. Миролюбова полустыльный гонорар в среднем составлял 60 рублей; в 1902—1906 гг. здесь были установлены гонорарные расценки за строку: стихи — от

довский и Д. Е. Максимов приводят сведения о количественном соотношении «столичных» (московских и петербургских) и «провинциальных» подписчиков «Весов» на 1906 г.: «... из общего числа 845 годовых подписчиков, считая 93 заграничных <...>, на провинцию приходилось 319, а на обе столицы 433».⁴⁸ Материалы поляковского архива позволяют произвести аналогичные подсчеты на 1908 г.: на столицы приходилось 897 подписчиков, на заграицу — 138, на провинцию — 733. Всего 1768 подписчиков. Розничная продажа составляла менее 100 экземпляров (оп. 3, № 115). Таким образом, за два года число подписчиков удвоилось, но к концу 1909 г. понизилось до 1190 человек (тираж издания остановился на 1300 экземплярах) (оп. 2, № 219). В расчетах использован список подписчиков «Весов» на 1908 г., составленный Поляковым по территориально-административному принципу.

Издатель и редакция «Весов» вели со своими читателями и авторами интенсивную переписку. Львиная доля писем, полученных редакцией, адресовалась на имя издателя-редактора. В них содержатся предложения опубликовать на страницах журнала те или иные произведения. В числе «весовских» корреспондентов Полякова (как правило, это начинающие авторы) Г. М. Алексеев (б. д.), С. Альфредов (1908), А. Ф. Бавастро (псевд. — Исидор Леонтьев) (1907), Н. М. Бахтин (б. д.), А. Г. Бельский (псевд. — Рукки) (1909), Н. Д. Бернштейн (б. д.), Л. П. Богоявленский (псевд. — Л. П.—ий) (1908), Н. Н. Бурлаков (1909), В. Г. Вороновский (1914),⁴⁹ Д. И. Имгарт (1906), С. П. Костарев (1907), П. Лукашевич (1906), Л. Мейстр (1905), В. Н. Николч (псевд. — Середа) (1908), А. А. Найдышев (б. д.), Б. А. Пестовский (псевд. — Б. Калугин) (б. д.), М. А. Пожарова (1908), А. В. Позняков-Гетман (б. д.), М. Поротов (б. д.), М. Прохоров (1908), А. Радин (1906), К. И. Рудольф (1906), Ф. И. Ружичка (1904), М. Сасин-Оренбургский (1908), К. А. Сасс-Тисовский (1908), Г. Сегалович (1908), В. И. Сеппер (1906), П. Сланский (1907), С. С. Соколов (1906), Ф. А. Степун (1908), Л. Н. Столица (1909), А. Я. Терк (1908), А. С. Туфанов (б. д.), Д. И. Углицкий (1909), А. Филиппов (1905), Л. Филиппович (1907), О. А. Флоренская (1909), П. А. Флоренский (1905), П. И. Фомин (1906), В. Шахов (б. д.), М. М. Швеков (псевд. — Михаил Анфалов) (1904), К. Г. Шевченко (1907), С. П. Щуров (1909), В. Я. Яковлев-Богучарский (б. д.) и др. Всего около 50 корреспондентов.

В архиве хранятся и некоторые рукописи видных сотрудников «Весов». В их числе: стихотворение «Ноктюрн»⁵⁰

30 коп. до 1 рубля, рассказы — от 6 до 30 коп., статьи — от 5 до 10 коп. (см. гонимые ведомости за разные годы: ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 1338).

⁴⁸ Литературное наследство, т. 85, с. 299.

⁴⁹ Поэт-неофит не знал, что издание «Весов» прекратилось в 1909 г.

⁵⁰ Весы, 1907, № 11, с. 9—10.

Ю. К. Балтрушайтиса (1907); статьи «Поэзия стихий»,⁵¹ «Тайна одиночества и смерти»,⁵² цикл стихотворений «Майя»,⁵³ стихи из цикла «Над вечным морем»⁵⁴ К. Д. Бальмонта (1904—1908); статьи «Бедный город», «Без мира», «Братская могила», «Мы и они», «Засобирались», «Трихшна», «Проза поэта», «О „Шиповнике“»,⁵⁵ неопубликованное «открытое письмо» «Весам» (о «манифесте» А. Белого «Художник оскорбителям»⁵⁶) З. Н. Гиппиус, постоянной сотрудницы журнала (1907—1908); статьи «Памяти кн. С. Н. Трубецкого»⁵⁷ и др. В. В. Розанова (1905, б. д.); стихотворения «Фразы», «Идиллия», «Муза», «Минута»⁵⁸ Ю. А. Сидорова (1908); «Повесть о несчастном графе Ригеле»,⁵⁹ стихотворения «Плач Орфея», «Песни Дафниса», «Ифигения в Тавриде»⁶⁰ С. М. Соловьева (1909); черновые наброски «Литературного манифеста»⁶¹ Эллиса (наст. фам. Л. Л. Кобылинский) (1907), и др.

В архиве Полякова хранятся также черновые рукописи В. С. Соловьева, которого символисты (в особенности «младшие») считали своим предшественником и учителем: это отрывки из статей, выписки из богословских, философских и оккультных сочинений, тезисы публичных лекций и т. д. Соловьевские рукописи Поляков, безусловно, получил от поэта С. М. Соловьева — племянника философа и хранителя его архива. Особый интерес представляют неопубликованные стихотворные наброски Соловьева:

Тоска давила грудь мою
Под тучей черных дум
Как бы с толпой врагов в бою
Изнемогал мой ум

И я печально уходила
Когда не помня клятв былых
Ты зажигал свое кадило
У алтаря богов чужих

Но под напором злейшей выюги
Виденья лучше забыв

⁵¹ Там же, 1905, № 1, с. 1—22.

⁵² Там же, № 2, с. 1—12.

⁵³ Там же, 1908, № 5, с. 7—16.

⁵⁴ Там же, 1905, № 12, с. 1—18.

⁵⁵ Статьи эти напечатаны в «Весам» в 1907—1908 гг. в разгар полемики с «мистическими анархистами» — петербургскими «обновителями» символизма и с писателями-«знайцевцами».

⁵⁶ Весы, 1907, № 1, с. 53—56.

⁵⁷ Статья Розанова была отклонена; журнал опубликовал некрологи А. Белого и С. Соловьева (Весы, 1905, № 9—10, с. 76—80).

⁵⁸ Весы, 1909, № 4, с. 16—20.

⁵⁹ Там же, № 10—11, с. 82—112.

⁶⁰ Там же, № 4, с. 7—15.

⁶¹ Об этой неосуществленной статье Эллиса см.: Литературное наследство, т. 85, с. 294.

Не слышал ты своей подруги
Молящий горестный призыв

И голос тот в шном краю
Сулит иные дни
И тихо шепчет мне: люблю,
Люблю, не измени

Храмы новые новым богам!
Не из праха земли, не руками людей
Этот новый воздвигнется храм

И над этим великим крестом
Над тревогою мысли и дел
Мы воздвигнем еще в нашем храме святом
Богу повому третий придел.

(Оп. 2, № 159, л. 26—27)

Архив «Весов» включает большое количество рукописей преимущественно провинциальных авторов, посланных в надежде на публикацию в журнале и отвергнутых редакцией. Как правило, они отличаются крайне низким художественным уровнем и зачастую представляют собой набор расхожих «декадентских» клише. Основная тема их — индивидуализм и эротика. Начинающие поэты рабски подражали Брюсову и Бальмонту, прозаики — Ф. Сологубу. Характерно, что в этих произведениях полностью отсутствуют религиозно-философские мотивы, культивировавшиеся в творчестве «младших» символистов. В целом обилие неприятых рукописей ярко свидетельствует о появлении значительного числа эпитонов, столь досаждавших символистам.

В «Весы» присылали свои стихи: А. Н. Агатов, М. Багин, С. А. Барсуков (псевд. — Сергей Юлий), П. Бахтин, А. Г. Бельский (псевд. — Рукки), А. А. Богословский, Л. П. Богоявленский (псевд. — Л. П—ий), Э. Боровский, Н. Н. Бурлаков, В. Н. Василевский (псевд. — Аркадий), В. Г. Вороновский, Я. В. Годин,⁶² И. Голиков, С. Головачевский, Г. Грайн, В. Григорьев, И. Григорьев, А. И. Гурьев (псевд. — Аркадий), В. Гусев, П. И. Девин, Н. Г. Деревщиков (псевд. — Г. Глнеев), А. Ф. Десперов, В. В. Добронравов (псевд. — Д. Нравов), И. Иванов, М. А. Иванович (псевд. — М. Базаров), В. Корзухина, С. П. Костарев, Б. А. Леман (псевд. — Б. Дикс), А. Марнюшкин, Н. Н. Михайлов, В. Нечитайлов, В. Н. Николитч (псевд. — Середа), Н. Г. Огурцов (псевд. — Арион), Б. А. Пестовский (псевд. — Б. Калугин), А. В. Позняков-Гетман, М. Т. Попель (псевд. — Томашевич), К. А. Сасс-Тисовский, А. Свенцкий, И. Спмановский, М. С. Славутинский, П. Славский, А. А. Смирнов (псевд. — Арсений Альвинг), С. С. Соколов, Р. Н. Соловьев, Ф. А. Степуц,

---

⁶² См. его воспоминания о встречах с Брюсовым и Блоком: Литературная Удмуртия, вып. 1. Ижевск, 1958, с. 119—120.

С. Тарасов, А. Я. Терк, А. В. Туфанов,⁶³ Л. Фефферберг (псевд. — Волий Мирон), К. П. Филатов, Л. Филипович, О. А. Флоренская, В. Шахов, М. М. Швеков (псевд. — Михаил Анфалов), К. Г. Шевченко и др.

Многочисленны в архиве «Весов» также прозаические опыты (в том числе критические и драматургические) начинающих литераторов. Здесь представлены следующие авторы: А. Н. Агагов, Г. М. Алексеев, С. А. Барсуков (псевд. — Сергей Юлин), Л. Ф. Бегун, Е. Биски-Нумана, В. Н. Бурлин, С. Л. Быховский, Н. Н. Вадбольский (псевд. — Юрий Северцов), А. Васютович, А. Воротников, Н. Г. Деревщиков (псевд. — Г. Гинеев), А. К. Закржевский, А. В. Захаров, В. В. Ивановский, Д. Имгарт, А. Д. Кеннан, П. Ф. Кожсвников, А. М. Колабухов, М. Кузькин, Б. А. Леман (псевд. — Б. Дикс), А. Мирская, М. Митяшев, Л. Млавич, Д. С. Навашин, В. Низарбен (псевд. — Маска), В. Никитенко (псевд. — Н—ко), М. Поротов, М. Л. Премиров, А. Я. Рыков, М. Сасин-Оренбургский, Е. П. Силич (псевд. — Элич), Г. Р. Ростишевский (псевд. — Г. Смертный), В. Сухо-Дольский, Д. И. Углицкий, П. И. Фомин (псевд. — П. Лёкин), Н. Шварц, Б. Шлецер и др.

В «Весы» обращались молодые поэты-переводчики. В их числе В. Корзухина (переводы из Верлена) (б. д.), Л. Миранян (псевд. — Лео М.) («„Из песен любви“ Наапета Кучака») (1909), С. Тарасов («С японского», «Из Верхарна») (б. д.).

Из всей этой массы литературной продукции приведем стихотворение В. Григорьева «Поэт (В. Я. Брюсову)» (1906) — одно из многочисленных обращений к «мэтру», где тот воспевается как «вселенский» маг-жрец.

Твои глаза — тоска агата...
Твои мечты — безумный мир...
В часы безмолвные заката
Горит в руках твоих потир.
И каплют строки золотые,
И расцветают, и цветут,
И ожерелия святые
Твои жрецы из них плетут.
Горят уста — гвоздики алооть...
И облеченный в омофор,
Ты перельешь в стихи усталость,
Ты перельешь в них каждый взор.
Как пред Омфалой, нежной, чистой,
Поник сраженный Геркулес, —
Так пред тобой, Поэт лучистый,
Лежит безгранный мир чудес.

(Оп. 2, № 72)

---

⁶³ Туфанов Александр Васильевич (псевд. — А. Беломорский) (1877—1942) — в дальнейшем поэт-заумник, создатель оригинальной фонетической теории, в 1917—1927 гг. выпустил три поэтические книги.

А. В. Лавров

РУКОПИСНЫЙ АРХИВ АНДРЕЯ БЕЛОГО В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Огромный архив Андрея Белого еще при жизни писателя рассеялся по различным хранилищам. Наиболее значительные и объемные его части сосредоточились в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ф. 53; основу этого фонда составили материалы, приобретенные у Белого Государственным Литературным музеем в 1932 г.) и в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 25). Менее объемны личные фонды Андрея Белого в отделах рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 60) и Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (ф. 11). Однако и в этих четырех хранилищах творческое наследие Белого суммировано далеко не полностью, так как, по свидетельству близко знавших его людей, «рукописи он часто оставлял у друзей, у редакторов и издателей, на старых квартирах или же уничтожал и раздаривал».¹ Самой богатой из подобных коллекций рукописей обладал Р. В. Иванов-Разумник, ближайший друг и литературный соратник Белого в послеоктябрьские годы, один из первых исследователей его творчества. В архиве Иванова-Разумника, хранящемся в Пушкинском Доме, материалы, относящиеся к Белому, выделены в отдельную опись и составляют как бы архив в архиве (ф. 79, оп. 3, 83 единицы хранения).²

Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова, 1878—1946) — видный критик и публицист неонародниче-

---

¹ Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д]. Литературное наследство Андрея Белого. — В кн.: Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 627. Далее ссылки на этот обзор даются в тексте сокращенно: ЛН, страница.

² Далее при ссылках на материалы этой описи в тексте указывается только номер единицы хранения.

ского направления, историк русской литературы и общественной мысли. Начав печататься с 1904 г., он обратил на себя внимание двухтомным исследованием «История русской общественной мысли», вышедшим в конце 1906 г. и вызвавшим острую критику. В основу его труда была положена концепция интеллигенции как «внеклассовой, внесловной, преемственной группы», «антимещанской» в этическом отношении, характеризующейся «творчеством новых форм и идеалов» и стремящейся к всестороннему освобождению личности.³ Марксистская критика выступила против идеалистических трактовок Ивановым-Разумником понятий «интеллигенция» и «мещанство».⁴ Не принял его книгу и М. Горький.

С именами крупнейших писателей-реалистов Иванов-Разумник связывал важнейшие завоевания русской общественной мысли. В то же время эволюция литературно-эстетической позиции Иванова-Разумника неуклонно вела его ко все более последовательному признанию творческих исканий писателей, связанных с символизмом. Уже в ранней литературно-философской книге «О смысле жизни» (1908) объектом его анализа становится творчество Ф. Сологуба. В критических статьях первой половины 1910-х годов Иванов-Разумник дает высокую оценку произведениям символистов и «новых реалистов» — А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина, С. Сергеева-Ценского. Постепенно в системе литературных ценностей Иванова-Разумника на первый план выдвигаются Александр Блок и Андрей Белый, творчество которых он в конечном итоге будет расценивать как высшее достижение русской литературы начала XX в.⁵

Энергичный и инициативный литературный деятель, Иванов-Разумник в 1910-е годы был связан с целым рядом крупных издательских начинаний. Под его редакцией, с его статьями и примечаниями в 1911 г. вышло в свет трехтомное собрание сочинений В. Г. Белинского; он входил в редколлегию журнала «Заветы» (1912—1914); в конце 1912 г. Иванов-Разумник участвовал в основании издательства «Сирия» и вошел в его организационное ядро. К этому времени и относится его знакомство и сближение с Андреем Белым.

---

³ См.: Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в., т. 1. СПб., 1907, с. 10.

⁴ Литературно-эстетические взгляды Иванова-Разумника характеризуются в статье М. Г. Петровой «Эстетика позднего народничества» (в кн.: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в. М., 1975, с. 156—170). См. также статьи Г. В. Плеханова «Идеология мещанина нашего времени» (Современный мир, 1908, № 6, отд. II, с. 112—138; № 7, отд. II, с. 72—130) и А. В. Луначарского «Мещанство и индивидуализм» (в кн.: Очерки философии коллективизма. СПб., 1909, с. 219—350).

⁵ См.: Иванов-Разумник. Русская литература XX века (1890—1915 гг.). Пг., «Колос», 1920, с. 30—31.

«Первая мимолетная моя встреча с Б<орисом> Н<иколаевичем>, — вспоминает Иванов-Разумник в письме к К. Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г., — произошла на „башне“ Вяч. Иванова — *кажется*, в 1910 году был я на башне этой <...> всего единожды в жизни, — и больше там не появлялся, до того отвратно там мне показалось. Встречу эту с Б<орисом> Н<иколаевичем> не считаю: мы не обменялись ни единым словом и косились друг на друга. Годами двумя ранее я напечатал в „Русских ведомостях“ что-то весьма неодобрительное о философских статьях Б. Н.⁶ <...> Так что первая встреча в этом году — была не встреча, а случайное прохождение через одну и ту же комнату».⁷

Подлинная их встреча и знакомство состоялось в Петербурге в мае 1913 г., когда Белый заключал с «Сирином» договор об издании романа «Петербург». «Незадолго до этого, — пишет Иванов-Разумник в том же письме, — Блоку и мне (тогда — редактору издательства «Сирин») с великими трудами удалось протащить „Петербург“ сквозь Клавдинские теснины семьи Терещенок (издателей) и старания близкого к ним Ремизова не допустить этот роман в сборники „Сирин“. Блок и я — одолели; Б. Н. приехал заключать договор и был у меня в „Сирине“ в первый же день приезда; разговор продолжался три-четыре часа». Вслед за этой встречей между Ивановым-Разумником, следившим за ходом печатания романа в альманахах «Сирин», и Белым, уехавшим за границу, установилась деятельная переписка. Поначалу в ней разрешались сугубо деловые вопросы —

---

⁶ В статье Иванова-Разумника «Русская литература в 1908 г.» (Русские ведомости, 1909, № 1, 1 января) идет речь о книгах Белого «Пепел» и «Кубок метелей». «Этого поэта и публициста, — писал в ней Иванов-Разумник о Белом, — губит присущее ему гримасничанье: он словечка в простоте не скажет, все с ужимкой, и когда высказывает самую простую мысль, то старается сказать так, чтобы как можно умнее вышло. Отсюда свойственные ему гримасы и широковецательность, отсюда все эти шксы, нули, формулы, которыми он перегружает свои статьи <...> претензии его всегда шире исполнения, что особенно ясно сказалось в „Кубке метелей“ — претенциозной и слабой книге». В обзоре «Русская литература в 1912 году» (1912) Иванов-Разумник также скептически отозвался о статьях Белого (имея в виду статьи, помещенные в журнале «Труды и дни»), назвав их «философствованием на мало знакомые ему темы» (Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912—1913 гг. Пб., «Эпоха», 1922, с. 26).

⁷ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 200. Описанная встреча относится, по всей вероятности, к февралю-марту 1910 г., когда Белый жил в Петербурге на «башне» у Иванова. Белый в свою очередь вспоминал, что работы Иванова-Разумника он стал читать под влиянием своего дяди, Георгия Васильевича Бугаева, высоко расценивавшего книгу «О смысле жизни»: «... дядя открыл только начавшего печататься Иванова-Разумника; и мне доказывал: все философии — нуль после постановки вопроса о жизни у Иванова-Разумника; через него я и начал читать произведения человека, с которым позднее всей жизнью связался» (Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М.—Л., 1930, с. 134).

о чтении и правке корректур, подготовке в «Сирине» отдельного издания «Петербурга» и собрания стихотворений Белого (не осуществленного из-за прекращения деятельности «Сирин» в 1915 г.), но постепенно стали подниматься и более важные темы, связанные с интерпретацией романа. «О романе Вашем напишу Вам как-нибудь подробно; несмотря на многие „но“ (особенно — незнание революционеров), он очень радует меня, и я собираюсь о нем подробно писать», — сообщил Иванов-Разумник Белому 25 ноября (8 декабря) 1913 г.⁸ Белый в ответных письмах подробно излагал те творческие идеи, которые он стремился воплотить в своем романе. Интерес к «Петербургу» влечет Иванова-Разумника к более полному и подробному изучению творчества Белого в целом. В 1915 г. он пишет обобщающую статью, в которой прослеживается эволюция писательского пути Белого и анализируются характер и направление его творческих исканий.⁹

В 1916 г. Иванов-Разумник опубликовал свою первую статью о «Петербурге» — «Восток или Запад? («Петербург», роман Андрея Белого)».¹⁰ Прочитав статью, Белый писал ему в недатированном письме (весна 1916 г.): «... я почти до слез был взволнован ей: ведь это (за 15 лет моей литературной деятельности) первая статья обо мне, которая меня взволновала и относительно которой я могу сказать, что критика не только прощает мои намерения, как автора, но и... учит меня, прочищает мне самому путь, облегчает мне думать о будущих моих произведениях; и вовсе не потому, что в статье Вашей я встречаю столь лестную для меня оценку „романа“, а потому, что столь выявлено в статье основное намеренье автора, идея».¹¹

После того как Белый в августе 1916 г. возвращается в Россию, его отношения с Ивановым-Разумником перерастают в прочную, многолетнюю дружбу. Писателя и критика объединяют антивоенная позиция, осознание глубокого и неразрешимого кризиса всего жизненного уклада и неизбежности революционного переворота. Сразу связывает их и общее литературное начинание — организованный Ивановым-Разумником альманах «Скифы», для которого Белый предложил только что законченный им роман «Котик Летаев». Это произведение вызывает у Иванова-Разумника восторженный отклик, несмотря на то что он без всякого сочувствия относился к антропософской доктрине, оставившей на романе Белого зримый отпечаток. «Рад и счастлив, что после „Петербурга“, который я так высоко ценю, Вы пошли дальше и выше, достигли новых вершин <...>, — писал

⁸ ГБЛ, ф. 25, карт. 16, № 6а.

⁹ См.: Иванов-Разумник, Андрей Белый. — В кн.: Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова. Т. III. М., 1916, с. 13—64.

¹⁰ Русские ведомости, 1916, № 102, 14 марта.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 7.

Иванов-Разумник Белому 1 января 1917 г. — Но то, что в книгах Штейнера (подчеркиваю: в книгах, ибо личное изложение, быть может, меняет дело) <...> безжизненно, схематично и мертво — для „читателя“, не для „переживателя“, — то самое художник, Вы, — заставляете переживать, как художник только и может заставить».¹²

Февральская революция застала Белого в Царском Селе, где он гостил у Иванова-Разумника. Настроения у обоих писателей после нее оказались во многом сходными: оба были не удовлетворены достигнутыми результатами. Новое понимание России, взятая в аспекте свершившейся революции и всеобщего мирового кризиса, духовный максимализм и устремленность к грядущему, стремление за реальностью социального переворота различить контуры надвигающейся «революции духа», пафос противостояния «всесветному Мещанину» и настроения неустойчивости, непримиренности, мятежа — все это характеризует «скифское» мироощущение, которое роднило Иванова-Разумника, Белого и Блока. Впоследствии Белый признавался, что темы «Россия», «революция», «народ», «скифство» определились в его сознании и творчестве под влиянием встречи с Ивановым-Разумником.¹³

После Октября Белый и Иванов-Разумник (один в Москве, другой в Петрограде) оказались активными участниками культурного строительства, понимаемого ими в духе их теорий. Полем их совместной деятельности стала Вольная философская ассоциация («Вольфила»), основанная в Петрограде в ноябре 1919 г. «с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества».¹⁴ Белый был избран председателем совета ассоциации, Иванов-Разумник стал товарищем председателя, членом совета и основным ее организатором.

В 1923 г. вышла в свет книга Иванова-Разумника «Вершины», в которой были собраны его статьи о Блоке и Белом.¹⁵ Утверждая их «„вершинность“ в горной цепи литературы XX столетия, тесно связанной с вершинами предыдущего века», Иванов-Разумник подчеркивал, что и Блока и Белого роднят с классиками минувших эпох русской литературы неустойчивость, неустанный поиск ответа на «проклятые вопросы» своего вре-

---

¹² ГБЛ, ф. 25, карт. 16, № 6а. В статье «О прошлом и грядущем» (июль 1917 г.) Иванов-Разумник назвал «Петербург» Белого «высшей точкой всего литературного движения последних десятилетий» (Иванов-Разумник. Год революции. Статьи 1917 года. СПб., 1918, с. 126).

¹³ См. письмо к Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г.: Cahiers du Monde russe et soviétique, Paris, 1974, vol. XV, № 1—2, p. 78.

¹⁴ Устав Вольной философской ассоциации. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 12, л. 3.

¹⁵ Впервые в менее полном объеме эти статьи были объединены в кн.: Иванов-Разумник. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., «Алконост», 1919.

мени.¹⁶ В книгу вошли статьи «Андрей Белый» (1915) и «Весть весны» (1918) — о поэме Белого «Христос воскрес», а также две работы о романе Белого — «К истории текста „Петербург“» (1923) и «Петербург» (1923). Последние две статьи (впервые опубликованные в «Вершинах») заслуживают особенного внимания.

Пользуясь неизданными редакциями романа, Иванов-Разумник наглядно продемонстрировал развитие авторского замысла и, многоаспектно сопоставив пространную «сирипскую» редакцию (1913) с сокращенной «берлинской» (1922), показал связь между эволюцией «идеологии» «Петербурга» и изменениями ритмики и публичательных средств романа. Белый оценил работу Иванова-Разумника предельно высоко: «Я бесконечно растроган, почти потрясен Вашей изумительной по выводам, столь полной любви ко мне, столь тщательной и кропотливой работой, посвященной редакциям „Петербурга“; читал, изумлялся, почти потрясался».¹⁷ В другом письме к Иванову-Разумнику он подчеркивал: «...изумлялся: и тем большим выводам, которые явствуют из этой статьи, и той изумительной, филигранной и трудной работе, которую произвели Вы и которая является совершенно единственной и исключительной во всей русской критике; здесь изумительное сочетание интуиции, проникновения с деталями формального метода, преодоление его изнутри; и мне радостно, что эта огромная, замечательная работа посвящена „Петербургу“».¹⁸

В 1920-е годы Иванов-Разумник был самым близким другом и постоянным корреспондентом Белого. В многостраничных письмах к нему Белый подробно рассказывал о событиях своей жизни, о своих творческих замыслах, делился размышлениями о самых разнообразных предметах. Среди них исключительный интерес представляет огромное письмо от 1—3 марта 1927 г., в котором Белый детально охарактеризовал этапы своего жизненного пути. Письмо это — по существу опыт духовной автобиографии.¹⁹ Письма Белого к Иванову-Разумнику за 1913—

¹⁶ Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., «Колос», 1923, с. 10.

¹⁷ Письмо к Иванову-Разумнику от 18 ноября 1923 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 14.

¹⁸ Письмо к Иванову-Разумнику от 3 ноября 1923 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 14. Во второй половине 1920-х годов Иванов-Разумник собрался написать большое исследование и о романе Белого «Москва». 27 декабря 1926 г. он писал Белому: «Ведь над „Петербургом“ я сидел годами (читал и перечитывал его 10 лет!); дайте срок — поработаю над „Москвой“ хоть годик-другой, тогда, быть может, выйдет что-нибудь дельное» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, № 66). Замысел этот остался неосуществленным; в архиве Иванова-Разумника сохранились подготовительные материалы к работе о «Москве» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 78, 79).

¹⁹ Письмо опубликовано (с отдельными пометками) Жоржем Нива, см.: Cahiers du Monde russe et soviétique, 1974, vol. XV, № 1—2, p. 45—82. Написано оно было по просьбе Иванова-Разумника, сообщав-

1932 г.²⁰ — важнейший источник для исследования биографии и творчества писателя. После смерти Белого Иванов-Разумник приступил к комментированию этих писем и подготовке их к печати (работа эта не была доведена до конца). В предисловии к готовившейся публикации он писал: «Этот эпистолярный материал, обширный по объему (40 печ. листов), является в то же самое время в жизни Андрея Белого единственным, охватывающим период 1913—1933 годов <...> В письмах к Р. В. Иванову мы имеем летопись жизни и творчества Андрея Белого за двадцать последних лет его жизни, и притом летопись, начинающуюся как раз там, где обрываются тома его воспоминаний».²¹

Судьба рукописей Белого, сосредоточенных в архиве Иванова-Разумника, сложилась крайне неудачно. Когда началась Великая Отечественная война, Иванов-Разумник жил в г. Пушкине и оказался в зоне фашистской оккупации; весной 1942 г. он вместе с женой был отправлен в один из лагерей под Данцигом. Дом, в котором они жили и где находился весь архив, остался без присмотра. В августе 1944 г., после освобождения Пушкина архив был обнаружен Д. Е. Максимовым в самом плачевном состоянии: дом был разрушен, доски пола содраны и вместе с мебелью и материалами архива использовались для отопления, рукописи в поврежденном виде валялись на земле, в грязи.²² Сохранившиеся материалы архива были доставлены в Пушкинский Дом, многие из них были подвергнуты затем дезинфекции и реставрации. Значительная часть рукописей погибла безвозвратно, от большого количества материалов сохранились лишь обрывки, многие листы фактически не поддаются прочтению.

В 1937 г. в обзоре литературного наследия Белого были перечислены основные рукописи, хранящиеся у Иванова-Разумника, с указанием количества листов (ЛН, с. 628—633). Сравнение данных позволяет наглядно представить урон, который

шего Белому 20 февраля 1927 г.: «Написал издатель, который хочет немедленно же издать книжку „Библиография произведений А. Белого“, — благо, библиографию эту уже ряд лет составляет Д. М. Пшес и теперь уже заканчивает ее. Меня просят дать к этой книжке маленький вступительный очерк на тему „Об этапах творчества А. Белого“ <...> Вот и хочу я просить Вас — помочь мне, выручить меня: кому, как не автору, знать об этапах своего творчества?» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, № 66). Намеченное издание не было реализовано; библиография Белого, составленная Д. М. Пшесом, позднее предназначалась в качестве приложения к несуществующему изданию «Стихотворений» Белого в издательстве «Academia» в 1935 г. (ГПБ, ф. 60, № 40)

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 4—23. В архиве Иванова-Разумника хранится машинописная копия корпуса писем Белого к нему, дошедшая не полностью и в дефектном состоянии (№ 81).

²¹ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 110, л. 2—2 об.

²² См. воспоминания Д. Е. Максимова о спасении архива сотрудниками Пушкинского Дома (ИРЛИ, поступления 1980 г., № 7).

был нанесен архиву: наборная рукопись «Петербурга» («сирпнская» редакция) составляла по этому перечню 607 л., ныне насчитывается 317 л.; «На перевале. III. Кризис культуры» — по перечню 80 л. рукописи, 46 форм гранок с авторской правкой, ныне 69 л. рукописи и 14 форм гранок; «Воспоминания о Блоке» — по перечню 237 л. беловой машинописи, ныне 86 л., и т. д. От некоторых материалов, бывших в архиве, вообще не осталось никаких следов.²³

Среди творческих рукописей Белого в архиве имеются поэтические произведения. В их числе объединенные в цикл (под номерами I и II) стихотворения «Над долиной мглыстой, в выси синей...»²⁴ и «Асе» («Опять — золотеющей волос...») ²⁵ — беловая рукопись, подготовленная для набора (№ 7); оба стихотворения впервые были опубликованы в книге «Звезда». В неполном и поврежденном виде сохранилась беловая рукопись стихотворений (№ 1, 2), напечатанных под заглавием «Из дневника».²⁶ Этот цикл первоначально состоял из большего числа текстов: кроме опубликованных в его составе шести стихотворений, в рукописи в него были включены «В волне золотистого хлеба...»,²⁷ «Асе» («Опять — золотеющей волос...») и «Асе» («Пришла... И в незнаемый час...»).²⁸ Три этих стихотворения перечеркнуты Белым, нумерация произведений, составляющих цикл, исправлена (изъятые тексты располагались между вторым и третьим стихотворениями цикла).

Несколько стихотворений Белого, опубликованных впервые в 1917—1919 гг. в журналах и альманахах и вошедших в книгу «Звезда», сохранились в беловой машинописи. Среди них знаменитое стихотворение «Родине» («Рыдай, буревая стихия...») ²⁹ в первоначальной редакции (№ 5, л. 6). Первая строфа ее:

Кипи, огневая стихия!
Безумствуй, сжигая меня!
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня! —

²³ В частности, отсутствуют: верстка первых глав «Петербурга» (1912 г.; неосуществленное издание ранней редакции романа); экземпляр романа «Серебряный голубь» (1910), правленный автором в 1914 г. для несостоявшегося издания в «Сирине»; рукописи статей «Учитель сознания (Лев Толстой)» (1920) и «Песнь солнцесосца» (1918); черновики и часть верстки статьи «Жезл Аарона» (1917).

²⁴ Под заглавием «Утро» вошло в кн.: Белый Андрей. Звезда. Новые стихи. Пб., ГИЗ, 1922, с. 52—53.

²⁵ Опубликовано в кн.: Белый Андрей. Звезда, с. 55.

²⁶ Скифы, сб. 1. [Пг.], 1917, с. 1—8. Все стихотворения цикла вошли в книгу «Звезда».

²⁷ Под заглавием «Инспирация» опубликовано в альманахе «Новая жизнь» (сб. 1. М., 1922, с. 3); вошло в «Звезду» (с. 60—61). В рукописи стихотворения — традиционная строфика.

²⁸ Без посвящения опубликовано в альманахе «Скрижаль» (сб. 1. Пб., 1918, с. 57) как второе стихотворение в цикле «К антропософии»; в сборники не включалось.

²⁹ Скифы, сб. 2. [Пг.], 1918, с. 36; Белый Андрей. Звезда, с. 64—65.

в опубликованном тексте развернута в первую и последнюю строфы, образуя композиционное кольцо. Предпоследней строфе канонического текста в первоначальной редакции соответствует заключительная строфа:

Кипит фосфорически бурно
Земли огневое ядро, —
Но в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро.

Стихотворение «Шутка»³⁰ имеет в машинописи (№ 5, л. 9) отброшенные затем заключительные строки (отделенные от основного текста звездочкой):

Пламенно,
Пламенно,
Пламенно —
— обожаю я вас!
Каменной,
Каменной,
Каменной —
— сидите вы бабой.³¹

Черновая рукопись поэмы «Первое свидание» (1921) — наиболее значительный из стихотворных автографов Белого в архиве Иванова-Разумника (№ 4, л. 2—34; № 6, л. 3—10). Хотя сохранившиеся разрозненные листы не охватывают всего текста (полностью черновик занимал 103 листа, см.: ЛН, с. 628), они позволяют проследить характер работы Белого над поэмой — от самых предварительных набросков отдельных стихов, бегло записанных и почти не поддающихся прочтению, до связанных фрагментов, вошедших в окончательный текст в неизменном виде. Текст содержит большое количество вариантов по отношению к окончательной редакции поэмы (напечатанной отдельной книгой в издательстве «Алконост» в сентябре 1924 г.³²); многие строки, двустишия, четверостишия и более пространные фрагменты в черновике зафиксированы в иных сочетаниях, чем в каноническом тексте, без строго продуманной композиции.³³ Так, например,

---

³⁰ Под заглавием «Паяц» опубликовано в альманахе «Явь» (М., 1919, с. 22—23); под заглавием «Шутка» вошло в книгу стихотворений Белого «Звезда» (с. 24—26).

³¹ Автограф этого стихотворения (с заключительными строками), отправленный Иванову-Разумнику в августе 1917 г. для второго сборника «Скифы», сохранился среди писем Белого к нему (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 8).

³² До этого Белый выступил с чтением поэмы 24 июля 1921 г. на заседании Вольной философской ассоциации (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 1, л. 34).

³³ Редакция поэмы, ближе стоящая к черновой, чем окончательный вариант текста, была напечатана в берлинском журнале «Знамя» (1921, № 2, август, с. 2—12). Композиция поэмы здесь иная, ряд строк канонического текста отсутствует и имеются строки, впоследствии опущенные (см.: ЛН, с. 594—595).

о смерти Владимира Соловьева в черновике говорится:

Он — канул в Вечность без возврата:
В монастыре, среди крестов,
И скоро мы в волнах заката
Прочли: «Владимир Соловьев».
[Воспоминанием и светом
Работает на месте этом!]
Так всякий: поживет; и — помер,
И — принят под такой-то номер.

(№ 6, л. 6)

В окончательной редакции без изменения сохранилась строка 1, строкам 2—4 соответствует другой текст (более пространный — 13 стихов) — описание могилы Соловьева; завершается это описание стихами 7 и 8, которые одновременно заканчивают и вторую главку поэмы.³⁴ Зачеркнутые же стихи 5 и 6 вынесены в четвертую главку, где вновь возникает тема Соловьева.³⁵ Образ философа в черновиках по сравнению с соответствующим эпизодом окончательной редакции обрисован более юмористическими штрихами:

Звонок!.. И вот из бездны лет,
Стреляя взором, точно пульей,
Взойдет всклокоченный шкелет,
Как бы согнувшийся ходулей.
«Володя, здравствуй!»³⁶

(№ 4, л. 25)

Некоторые строфы, сохранившиеся в черновых набросках, не вошли в печатный текст. В частности, о своем юношеском интересе к культуре Индии Белый пишет:

[Как слон бежит на водопой,
Так протянусь, измаясь маем,
Я — Далай-лама молодой
К снегоголовым Гималаям,]
Где обитает рой Ананд,
Где увековечает тайным даром —
Великий делом Даинанд,
Великий духом Дармотарра.

(№ 4, л. 6 об.)

Зачеркнутые четыре строки отсутствуют в соответствующем месте первой главки поэмы, остальные четыре включены в ином варианте;³⁷ двустипшие же о «Далай-ламе» («Как Далай-лама молодой С белоголовых Гималаев») воскресает в заключительной

³⁴ Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 424.

³⁵ Там же, с. 441.

³⁶ Ср.: там же, с. 421—422. Во 2-й строке цитируемого отрывка в автографе Белого «стреляю».

³⁷ Белый Андрей. Стихотворения и поэмы, с. 407.

части этой же главки.³⁸ Сохранились и два варианта строк, которыми Белый открывает свою поэму:

[Я — стилистический прием!
Анализируют приемы:
Согласных хрусты рушит в томы:
Киркою — рудокопный гном]

(№ 4, л. 15)

[Исследователь рушит томы
Киркой, как рудокопный гном:
Согласных хрусты, идиомы
И стилистический прием]

(№ 4, л. 5)

Окончательный текст — контаминация этих двух вариантов.

В печатном тексте «Первого свидания» возникают евангельские образы Марии и Марфы.³⁹ Среди черновиков поэмы сохранилось стихотворение «Гимн», написанное на таком же печатном бланке, что и большинство листов черновой рукописи; это позволяет датировать стихотворение тем же временем; к тому же оно варьирует указанные образы поэмы. Однако написано оно другим размером и в иной стилистической тональности:

Проливайте,	Неразлучные,
О братия,	Звучные, —
Слезы	Стройтесь
Ясные!	Хорами!
Простирайте	Златокудры,
Объятия	Мудрые, —
В розы	Пойте
Красные!	Взорами!
Знаменуйте,	Над Мариями,
Мудрейшие, —	Марфами
Белым	Пойте,
Каменем!	Отроки!
Заликуйте,	Над Мариями,
Ювейшие, —	Марфами, —
Белым	Сойте
Пламенем! . .	С арфами!

(№ 4, л. 1)

В архиве сохранились также рукописи, относящиеся к переработке первой книги стихов Белого «Золото в лазури» (1904) (№ 3, 18 л.). Иванов-Разумник надписал на обложке: «Все включенные сюда листки — 1921 года, когда А. Белый начал снова перерабатывать свои стихи для издания 1921 года „Собрания стихотворений“». ⁴⁰ На первоначальный текст нанесена правка — мпо-

³⁸ Там же, с. 411.

³⁹ Там же, с. 432.

⁴⁰ Белый занимался переработкой «Золота в лазури» и ранее, в 1914 и 1916 гг., готовя двухтомное собрание стихотворений, в первом случае для «Сприна», во втором — для издательства В. В. Пашуканиса (оба издания не были осуществлены). В 1920—1921 гг. Белый подготавливал стихотворения для своего собрания сочинений в издательстве З. И. Гржебина

гочисленные черновые, малоразборчивые наброски.

В неполном виде сохранился экземпляр первого тома собрания стихотворений Белого, подготовленного им к печати в 1931 г. (№ 8, 98 л.). Это беловая рукопись рукой К. Н. Бугаевой (Васильевой), второй жены писателя (1886—1970). Произведения из ранних книг переработаны здесь во многих случаях до неузнаваемости.⁴¹ Часть переработанных стихотворений и большинство стихотворений, написанных после выхода в свет последнего сборника стихов Белого «После разлуки» (1922), опубликованы.⁴² Приведем два стихотворения из сборника 1931 г., в печати не появлявшиеся.

Старый бард

Как хрусталами
Мне застрекотав,
В луче качаясь,
Стрекоза трепещет;
И суетясь
Из заржавевших трав, —
Перевертная
Ящерица блещет.

Вода, — как пламень;
Небо, — как колпак...
Какой столбняк
В застеклянных взорах!
И тот же я
Потерянный дурак
В Твоих, о Боже,
Суетных просторах.

Вы — радуги, вы —
Мраморы аркад!
Ты — водопад
Пустых великолеший!..
Не радует
Благоуханный сад,
Когда и в нем, —
Как в раскаленном склепе...

Над немотой
Запеленных лет
Заговорив
Сожженными глазами, —
Я выкинусь
В непереносный свет
И изойду,
Как молньями, — слезами.

(не реализованного); 3-й том этого издания должен был включать «Золото в лазури» (ЛН, с. 576). Часть стихотворений из «Золота в лазури» в новой редакции вошла в книгу Белого «Стихотворения» (Берлин—Пб.—М., изд-во З. И. Гржебина, 1923).

⁴¹ О мотивах, которыми руководствовался Белый при переработке текстов, и о композиции циклов этого неизданного тома стихов см. в авторских предисловиях к нему (Белый Андрей. Стихотворения и поэмы, с. 560—569).

⁴² Белый Андрей. Стихотворения и поэмы, с. 474—540.

Я — чуть живой,
Стрелой пронзенный бард —
Опламенен
Тоской незаживною,
Как злой, золотоголавый
Леопард,
Оскаленный
Из золотого зноя.

Кучино. 1931.

(№ 8, л. 38—38 об.)

В стране золотого руна

Плески
И писки.

И блески,
Как диски...
Золотые
Языки
Солнца;

Пески...

Бытие —
Все —
— Омолнено.

Груды
Утесов —
В огне...

Все —
— Будь
Мне —
— Преисполнено —

Тоски, —
— Как —
— Лёт
Альбатросов...

И —
— Рыбий
Мир...

Бросили золотые зыби,
Качаясь,
Как чайка, —
— Крылатые челны...

Эфир —
Горит; —
— И —
Солнечный щит
Летит —
— В волны.

Свет
Дня —

Свет
Мира.

Нет, —
— И —
— Затмились сирю
Стремительные
Шири. . .

Взвей
Мне
Сон
Прежних дней, —

Душесутильное
Цихис-Дзири! . .

И, —
— Как дуновение —

— Язон,
Медея,
Змей! . .

И —
— Пение
Орфея.

Цихис-Дзири. 1927.

(№ 8, л. 49—49 об.)

Второе стихотворение написано во время путешествия по Кавказу (в Цихис-Дзири Белый жил в апреле—мае и в июне 1927 г.⁴³). Непосредственные впечатления Белого окрашивались осознанием того, что он находится в древней Колхиде, куда странствовали некогда аргонавты, символизировавшие его юношеские мифотворческие построения.⁴⁴ В четвертый отдел («Белые стихи») своего собрания стихотворений (1931) Белый включил переработку раннего прозаического этюда «Аргонавты» (1904). Действие в новом варианте этого произведения перенесено в Цихис-Дзири, а прежние образы «перелицованы» в пародийно-юмористическом ключе.⁴⁵

Большое место в архиве занимают прозаические произведения Белого — черновики, беловые рукописи, машинопись, гранки и верстка с авторской правкой. Среди них «сирийская» редакция «Петербурга» и отдельные листы, относящиеся к ранней стадии

⁴³ См.: Белый Андрей. Передвижения (1921—1933 гг.). — ГБЛ, ф. 25 (архив А. Белого, новое поступление). См. также книгу Белого «Ветер с Кавказа. Впечатления» (М., «Федерация», 1928).

⁴⁴ См. об этом в нашей статье «Мифотворчество „аргонавтов“» в кн.: Миф — фольклор — литература. Л., 1978, с. 137—170.

⁴⁵ Кроме «Аргонавтов» в отдел «Белые стихи» (№ 8, л. 85—94) входят «Волосатик» и «Ревун» (переработка соответствующих лирических отрывков) из «Золота в лазури», а также «Сказание об Али-бабс» (Кучино, 1929).

работы над романом (№ 23, 24, 30, 72),⁴⁶ а также неизданная пьеса «Петербург» («Историческая драма А. Белого. 5 актов. 10 картин. Рукописный текст»). Это инсценировка романа (1924), сохранившаяся почти полностью (лишь отдельные листы дошли в дефектном виде) (№ 25). Сохранились 13 форм гранок «Путевых заметок» Белого (№ 66), датированные мартом—апрелем 1912 г. Они представляют раннюю редакцию этого произведения, готовившуюся к печати в издательстве «Мусагет», но так и не вышедшую в свет. Впоследствии Белый издал книгу в переработанном виде. Гранки охватывают окончание текста, описывающего пребывание в Палермо, главы «Перед Тунисом», «Арабские кварталы» и первые строки главы «Арабские кафе».

Разнообразные материалы отражают работу Белого над романами «Котик Летаев» и «Крещеный китаец», но все они воспроизводят текст далеко не полностью. «Котик Летаев» представлен первыми и заключительными страницами белой рукописи (№ 13, 8 л.), листами наборной машинописи с авторской правкой (№ 14, 54 л.) и отдельными листами гранок и верстки (№ 15, 5 л.). Материалы по «Крещеному китайцу» дошли в большом объеме: первоначальные редакции текста (автограф — № 18, 26 л.; № 19, 41 л.), отрывки белой рукописи (№ 20, 21 л.), разрозненные листы машинописи с незначительной авторской правкой (№ 21, 20 л.). Сохранились также самые предварительные черновые наброски (№ 12, 22 л.; № 16, 8 л.; № 17, 41 л.).

Отдельные разрозненные листы относятся к «Запискам чудака» — одна форма гранок (№ 27) и дефектный отрывок белой машинописи без правки (№ 10, 8 л.). Специального внимания заслуживает черновая редакция этого произведения — «Воспоминания странного человека» (1917—1918?), существенно отличающаяся от опубликованного текста:⁴⁷ в частности, в ней гораздо сильнее выражено мемуарное начало и подробнее рисуются картины молодости Белого, его переживания и встречи на рубеже веков (№ 11, 92 л.; № 31, 7 л.).

Наборная рукопись и гранки книги «На перевале. III. Кризис культуры» (Пб., «Алконост», 1918) содержат существенную авторскую правку и ряд отрывков, не вошедших в окончательный текст (№ 56, 57). Сохранилась также (без последнего листа) белая исправленная рукопись статьи «Весенние мысли» (№ 55, 13 л.), напечатанной под рубрикой «На перевале» в журнале

⁴⁶ Результаты изучения рукописи «Петербурга» приводятся Л. К. Долгополовым в готовящемся издании романа в серии «Литературные памятники».

⁴⁷ Наиболее полное издание см.: Белый Андрей. Записки чудака, т. I, II. Берлин, «Геликон», 1922. Предварительные публикации см.: Белый Андрей. 1) «Я». Эпопея, т. I. Записки чудака, ч. 1. Возвращение на родину. — В кн.: Записки мечтателей, № 1. Пб., «Алконост», 1919, с. 9—71; № 2. Пб., 1921, с. 5—95; 2) Возвращение на родину. (Отрывки из повести). [М.], Книгоизд-во писателей в Москве, 1922, 88 с. Отрывки публиковались также в журналах и альманахах.

«Наш путь» вместе со статьей Белого «Революция и сознание современности»⁴⁸ (рукопись ее также ранее хранилась у Иванова-Разумника — ЛН, с. 632). «Воспоминания о Блоке» представлены отрывком белой машинописи (№ 32, 86 л.) и двумя листами верстки с правкой (№ 33).⁴⁹

Философский этюд «Так говорит правда» представлен ранней редакцией (белая рукопись — № 74, 12 л.). Ход рассуждений в ней тот же, что и в опубликованном варианте,⁵⁰ но форма изложения более традиционная. В окончательном виде текст разбит на отдельные максимы и рассуждения афористического характера, в духе соответствующих опытов Ницше; все «афоризмы» распределены по тематическим рубрикам. В первоначальной редакции текст не сжат до афоризма, он более пространен и лишен внутреннего членения.

Сохранился сильно поврежденный автограф статьи о поэзии Блока — подробный анализ эвфонической структуры стихотворения «Есть в напевах твоих сокровенных...» (№ 63, 12 л.). Иванов-Разумник пометил на первом листе, что эту работу Белый написал в Царском Селе в январе—феврале 1917 г. «как введение в писавшуюся тогда же статью „Глоссолоалия“». Однако «поэма о звуке» «Глоссолоалия» вышла в свет в 1922 г. без этого «введения». Генетически работа была связана со статьей «Поэзия Блока», написанной Белым в 1916 г.⁵¹ К более позднему времени относятся материалы для изучения образной системы Блока — выписки цитат (в хронологической последовательности) из его стихотворений по рубрикам: «Месяц. Солнце. Небо. Воздух. Земля. Огонь. Вода. Ветер», «Дождь. Туча. Облако. Пространство», «Ночь. День. Утро. Вечер» и т. д. (№ 50, 22 л.).⁵² Результаты этих изысканий отражены в главах «Воспоминаний о Блоке», посвященных разбору поэтики Блока и эволюции его образности.⁵³

Среди черновых материалов к прозе Белого особый интерес представляют предварительные наброски к роману «Москва»; из

⁴⁸ Наш путь, 1918, № 2, с. 119—133.

⁴⁹ Планировалось также печатание «Воспоминаний о Блоке» в издательстве «Эпоха» (№ 34). Однако отдельное издание мемуаров не было осуществлено.

⁵⁰ Записки мечтателей, № 5. Пб., «Алконост», 1922, с. 108—126.

⁵¹ Опубликована в «сборнике Клуба московских писателей» «Ветвь» (М., «Северные дни», 1917, с. 267—283); под названием «А. Блок» вошла в кн.: Белый Андрей. Поэзия слова. Пб., «Эпоха», 1922, с. 106—134.

⁵² Изучение поэтов с точки зрения отображения в их творчестве природных стихий проводилось Белым и ранее, см. его статью 1916 г. «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (Белый Андрей. Поэзия слова, с. 7—19).

⁵³ См.: Эпопея, № 1—4. М.—Берлин, «Геликон», 1922—1923. Фрагменты из этих этюдов Белого о поэзии Блока были скомпонованы и перепечатаны Ивановым-Разумником под названием «„Снежная Маска“ А. Блока» в кн.: Современная литература. Сб. статей. Л., «Мысль», 1925, с. 15—22. См. об этом: ЛН, с. 618.

35 листов, имевшихся у Иванова-Разумника (ЛН, с. 633), сохранилось только 8. Рукопись относится к самой ранней стадии работы над этим романом, т. е. к 1924 г. Среди уцелевших листов — отрывочный, конспективный набросок под названием «Коробкин», к которому Белый впоследствии сделал приписку карандашом: «Первый листок, из которого вышла „Москва“, т. е. план, задание и все прочее; мыслилась повесть „Жизнь И. И. Коробкина“. Автор» (№ 22, л. 2).⁵⁴ Сохранился и первоначальный план произведения (оно должно было, по предварительным подсчетам Белого, занимать 12 печатных листов):

«Слом

- Глава 1. Благополучная жизнь (застал с горничной).
2. Преступление сына (продавал книги, подлог).
3. Подлость попечителя Округа. Война.
4. Ревматизм. Измена жены. Сын на войне: пассивист.
5. Революция февральская.
6. Революция октябрьская: сын белогвардеец.
7. Трудные годы.
8. Жизнь за границей. (Встреча с сыном: кельнер: Сви-немюнде⁵⁵).
9. Возвращение: картина России. Смерть» (№ 22, л. 6).

Как видим по предварительному плану глав, основной конфликт романа должен был касаться отношений отца и сына и развиваться в русле семейной истории на фоне крупных исторических событий. Отчетливо прослеживается в этом замысле связь с коллизиями «Петербурга» и «Крещеного китайца». В плане еще нет основного сюжетного стержня «Москвы» — темы международного заговора вокруг профессора Коробкина с целью завладеть его научным открытием; еще никак не фигурирует один из основных персонажей романа — авантюрист Мандро. Первые две

---

⁵⁴ «В конце года начинаю писать роман „Москва“, — вспомнил позднее Белый о своей работе в 1924 г. (Белый Андрей. Материалы к биографии. 1919—1927 г. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 98). Сохранился также лист с надписью Иванова-Разумника: «Осиновый листик. „Москва“» (№ 59). Сам засушенный осиновый листик, прикрепленный к бумаге, не уцелел. Иванов-Разумник записал в этой связи: «Тема „Москвы“. Осиновый листик — желто-черно-красный, — давший А. Белому основную тему романа „Москва“ <...> Подарен мне К. Н. Васильевой в январе 1927 года» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 78, л. 3).

⁵⁵ В Свиномюнде (морском курорте в Померании на о. Узедом, близ Штеттина) Белый жил летом 1922 г. В архиве Иванова-Разумника сохранилась групповая фотография: Андрей Белый, С. Б. Урицкий (советский журналист, издательский работник, впоследствии ответственный секретарь журнала «Наши достижения») и Е. Я. Беллицкий (член управления Петроградского Совета, знакомый Белого и Блока), сделанная в Свиномюнде летом 1922 г. (ИРЛИ, ф. 79, оп. 6, № 27).

из намеченных по плану глав в модифицированном виде были реализованы в первой части «Москвы» — «Московском чудеке».

Сохранилась копия дарительной надписи Белого Иванову-Разумнику на этой книге (М., «Круг», 1926):

«Дорогой Разумник Васильевич, —

— с радостью и страхом

Вам: —

— ведь для Вас да для
двух-трех друзей и
писано. С лю-
бовью А. Белый.

Москва, 31-го августа 26 года» (№ 82).

Большое количество материалов отражает работу Белого в Вольной философской ассоциации. Вопросы, связанные с ее основанием, Белый и Иванов-Разумник обсуждали еще в феврале 1919 г. К организационному ядру ассоциации примкнули также А. А. Блок, Конст. Эрберг, А. А. Мейер, А. З. Штейнберг, К. С. Петров-Водкин и др.⁵⁶ Программа деятельности «Вольфилы» включала проведение открытых воскресных заседаний, на которых обычно читался какой-либо доклад, а затем проходило его обсуждение. Руководители ассоциации вели, кроме того, кружки по отдельным отраслям философского, эстетического и научного знания. В отчете о работе «Вольфилы» за 1919—1920 гг., составленном, по всей вероятности, при непосредственном участии Белого (стоявшего во главе совета), подчеркивалась непосредственная связь ее деятельности с революционным моментом: «От обычного типа философских обществ, какие существуют за границей и существовали до недавнего времени и у нас, Вольная философская ассоциация отличается прежде всего тем, что философию она не отделяет от живой, конкретной общечеловеческой общности и общественность эту мыслит не иначе, как в свете всепроникающего творческого начала беспредельной волею <...> В новой культуре, которая должна народиться после великих потрясений современности, не должно быть места ни для поверхностной жизни, ни для кабинетной философии <...> новая Ассоциация ставит себе задачи неизмеримой важности и столь же неизмеримой широты — реформирование жизни через реформу понимания общественных прав и человеческих обязанностей философии и реформирование философии путем включения в систему ее насущнейших проблем задачи непосредственного воздействия на живую историческую жизнь. Другими словами, философия должна быть тенденциозна, т. е. напряженно стремительна и жизненно действительна».⁵⁷ В программе деятельности «Воль-

⁵⁶ См.: Белый Андрей. Вольная философская ассоциация. — Новая русская книга. 1922, № 1, с 32—33

⁵⁷ ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 9, л. 1—2. В архиве Иванова-Разумника сохранилось большое количество материалов, относящихся к деятельности «Вольфилы» (ф. 79, оп. 1, № 150—159; оп. 5, № 1—18); в их числе печат-

фильмы», таким образом, сочетались старые символистские представления о «жизнетворческой» синтетической философии с попыткой их актуализации, приспособления к насущным задачам духовного самоопределения в изменившемся мире.

Белый постоянно участвовал в работе «Вольфильмы» во время своего пребывания в Петрограде в феврале—августе 1920 г. и в апреле—сентябре 1921 г. Он прочитал курсы лекций — «Культура мысли» (9 лекций, с 9 по 30 марта 1920 г.) и «Антропософия как путь познания» (9 лекций, с 15 мая по 20 июня 1920 г.),⁵⁸ постоянно председательствовал на заседаниях и участвовал в прениях, выступал с собственными докладами. В силу новизны деятельности созданной ассоциации, отсутствия образцов и опыта, а также значительного диссонанса между основными тенденциями ее философских устремлений, в целом достаточно умерительных и конкретными задачами революционного изменения жизни, возникали дискуссии о направлении общей работы. Они были вынесены даже на публичный диспут «Что такое Вольфильма», состоявшийся 16 мая 1920 г.⁵⁹ По всей вероятности, к этому заседанию восходит стенограмма речи Белого, обильно им исправленная (№ 61).⁶⁰ Говоря о необходимости уделять больше внимания внутренней организационной работе, деятельности кружков, Белый коснулся своего излюбленного тезиса о соединении философии и жизни: «... идея, подобная этой, является идеалом моих устремлений; я, в меру ограниченных сил, ищу почвы конкретного осуществления этой идеи. И первое, на что натываюсь: для осуществления во мне мне нужна связь с другими исканиями, с другими путями, сопараллельными мне <...> Цели наши двояки: быть органами соединения душ, привлеченных вопросам жизни, здесь выставленными; и постоянно прислушиваться к собственным звукам души, чтобы звуки души соединились с вопросом, поставленным здесь, в гармоническом созвучии; руководство — только в стремлении к созвучию» (№ 61, л. 5—6).

Среди заседаний, организованных «Вольфильмой», одним из самых предважнейших было собрание 21 марта 1920 г., проведенное в Зимнем дворце, — «Беседа о пролетарской культуре».⁶¹

ные афиши докладов и заседаний (оп. 5, № 1), рукописные и машинописные объявления (оп. 5, № 8), протоколы заседаний совета «Вольфильмы» (оп. 5, № 13) стенограммы выступлений, планы работ, схемы и т. д.

⁵⁸ Белый Андрей. Себе на память. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 96, л. 11 об.—12.

⁵⁹ Стенограмма выступлений сохранилась не полностью и в дефектном виде (ИРЛИ, ф. 79, оп. 3, № 18).

⁶⁰ Стенографическая запись не имеет начала; нумерация сохранившихся листов, исправленных Белым, — 45—53.

⁶¹ В планах изданий «Вольфильмы» значился сборник «О пролетарской культуре», в основу которого предполагалось положить стенографическую запись этой беседы и речи Андрея Белого, П. П. Гайдебурова, Иванова-

Тема обсуждения была чрезвычайно острой, злободневной и дискуссионной, и заседание «Вольфиллы» тем самым закономерно вписывалось в общую картину литературно-эстетических споров того времени. Белый председательствовал на нем и открывал его речью, в которой свои рассуждения базировал на словах Энгельса о будущем социальном строе как переходе от царства необходимости к царству свободы. В пролетарской культуре, существующей пока только в устремлении, Белый увидел импульс к «свободному излучению человеческого творчества» в будущем царстве культуры.⁶² Со стороны футуристов в беседе участвовал В. Б. Шкловский, утверждавший, что «пролетарское искусство из пролетарской революции не выйдет», так как пролетарские поэты бегут из Пролеткульта учиться у старых писателей.⁶³ Белый возразил Шкловскому, подчеркнув, что пролетарские писатели лишь стремятся «развивать свои взгляды на искусство, которые не совпадают с футуризмом», и что многие из них «интересно и совершенно конкретно <...> относятся к вопросу о пролетарском искусстве и <...> далеки от тех широковещательных лозунгов, которые тов. футуристы вкладывают от имени пролетариата в пролетариат».⁶⁴ В подтверждение своих слов Белый намекал на собственный опыт общения с пролетарскими писателями: в 1918—1919 гг. он с увлечением работал в литературной студии Московского Пролеткульта — вел семинары с начи-

---

Разумника. А. С. Лурье, А. А. Мейера, К. С. Петрова-Водкина, Н. Н. Пунина, А. З. Штейнберга и Конст. Эрберга (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 8, л. 68). Книга в свет не вышла.

⁶² «Беседа о пролетарской культуре» в Вольной философской ассоциации. Стенограмма речей. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 2, л. 1—9 (речь Белого). Текст выступления Белого лег в основу его статьи «Прыжок в царство свободы», напечатанной в журнале «Знамя» (1920, № 5 (7), стб. 42—48). Там же (стб. 37—42) была помещена статья Иванова-Разумника «Пролетарская культура и пролетарская цивилизация», основанная в свою очередь на его выступлении. В устной выступлении Белый более решительно, чем в опубликованном тексте, возразил против нигилистического отношения некоторых пролеткультовских теоретиков к культурному наследию: «...если всю культуру, организованную буржуазией, необходимо сдать в архив, то мы должны сдать в архив и все наши собственные представления о пролетарской культуре вместе с произведениями искусства; должны ликвидировать и Бетховена, и Шекспира; и — прийти к парадоксальному утверждению: дважды два четыре есть аксиома математики; математика является порождением науки буржуазной; в будущей культуре дважды два будет не четыре, а может быть пять. Вот к какому абсурду мы приходим <...> Задача пролетариата не в том, чтобы быть культурно милитантной, ликвидирующей нашу культуру; пролетариат должен остановиться перед этой культурой и высвободить ее из буржуазных оков» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 2, л. 6—7). Против «сбрасывания за борт культурных ценностей» выступал и А. А. Гизетти, подчеркнувший, что «культура будущего творится из живой связи с минувшими эпохами» (там же, л. 26—31).

⁶³ ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 2, л. 24.

⁶⁴ Там же, л. 31—32.

нающими поэтами, читал курсы лекций по ритмике стиха и по теории художественной прозы, участвовал в пролеткультовском журнале «Горн».

2 мая 1920 г., также в Зимнем дворце, под председательством Белого состоялась «беседа об Интернационале» — по поводу 300-летия «Города Солнца» Кампанеллы. В это время в устремле-

ВОЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АССОЦИАЦИЯ.

В Воскресенье, 2-го Мая 1920 г.,

СОСТОИТСЯ XXIV ОТКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

СОЛНЕЧНЫЙ ГРАД

(Беседа об Интернационале).

П Р И У Ч А С Т И И

Андрея Белого,
С. А. Венгерова,
Льва Дейча,
Иванова-Разумника,
В. Л. Нибальчича,
А. А. Мейера,

М. В. Орехова,
Н. С. Петрова-Водкина,
Н. Н. Пунина,
П. А. Соронина,
А. З. Штейнберга,
Конст. Эрберга

И ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ.

Начало в 2 часа дня.

ВХОД СВОБОДНЫЙ.

НИКОЛАЕВСКИЙ ЗАЛ ДВОРЦА ИСКУССТВ (В. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ)

Отъезд с Невы с Иорданского подъезда

Афиша заседания Вольной философской ассоциации. 1920 г.

ниях Белого к будущему гармоническому мироустройству, подкрепляемых реальностью осуществленного революционного переворота, утопические проекты стали играть особенно значимую роль. «Осуществится „фантазия“ <...>, — писал Белый, — и в миг стгорания вскрикнет мечтатель: вот Солнечный град Кампанеллы спустился, вот мы — в Граде Солнца! По слову мечтателя вступим мы в Солнечный град».⁶⁵ В фантазиях Белого на новый лад модифицировались изначально характерные для него эсхатологические и «космические» мотивы, обрастая актуальным для того времени содержанием; в этом отношении рассуждения о структуре Города Солнца, о том, что следует понимать под Интерна-

⁶⁵ Alter Ego [Белый Андрей]. Утопия. — В кн.: Записки мечтателей, № 2—3. Пб., «Алконост», 1921, с. 144.

ционалом, и о перспективах построения «братского» органического строя жизни закономерно вливаются в одно русло. Интерес к теократической утопии Кампанеллы, безусловно, подкреплялся антропософским опытом писателя. Храм Солнца с его «астрономической» организацией и пантеистической символикой неизбежно должен был вызывать в сознании Белого аналогии с Гетеанумом — антропософским «храмом», задуманным по довольно похожему проекту, в строительстве которого под руководством Р. Штейнера он участвовал в 1914—1916 гг. Иерархическая структура государства Кампанеллы и лежащий в ее основе принцип моральной регуляции общественной жизни вполне согласовывались с теми представлениями о «коммуше» едипомышленников, занятых общим делом, которые оформились у Белого за время этой работы и сказывались в «вольфильские» годы. Стенограмма речи Белого, открывавшей беседу, сохранилась полностью; приводим ее в извлечениях (№ 71, 8 л.):

«Солнечный Град! Почему мы так именно озаглавили нашу беседу? Не все присутствующие знают, что в этом году исполняется 300 лет со дня появления в печати сочинения монаха Фомы Кампанеллы, которое вышло в свет в 1620 году. В это время имя Кампанеллы гремело в Европе; его утопия вызывала толки; сам он находился в темнице, где он провел около 27 лет. В его сочинении, как и в утопии Томаса Мора (как и у Платона), встречаются впервые нас коммунистические идеи. Приурочивая беседу к празднованию Интернационала, следует пожелать, чтобы мученик-революционер Кампанелла был достойно почтен современниками. Мы видим памятники деятелям социализма; но забываются первые имена социалистов. Утопия Кампанеллы не может служить руководством в наших представлениях о социализме; однако как устремление к будущему она интересна; было бы желательно видеть в России памятник Кампанелле, который так мужественно поставил проблемы теперешних дней и который всю жизнь испытал на себе в ряде пыток власть деспотов; он выступал от теократического интернационала; он был монах-доминиканец. В теократии видел он подлинный Интернационал; по вся постановка вопросов, связанных с Интернационалом, у него новая<...>

Мы живем в мировой революции; Интернационал поднимает свой голос; острее и острее мы ставим вопрос, что он есть? И — как понимать его? <...> Обратные стороны интернациональности знаем мы: где установлены всеобщие нивелирующие формы, там стираются красоты народной культуры; например, в Тупиши имеется прекрасная архитектура; появляются иностранцы; и вносят свои интернациональные формы, пригодные для Европы, но непригодные для африканского климата и национального быта, который стирается в них, уступая место нивелирующим машинам цивилизации; в заданиях Интернационала есть огромные преимущества, но и опасности <...> Растущая специализация труда

в эпоху власти капитала создает техническое разделение людей, отражающееся на их мирозерцании, в самом взгляде на вещи и на природу вещей. Тема Интернационала нам ставит вопрос о специализации, формах труда и отражении его на человеческой психике, стирающем индивидуальные особенности человека и размножающем стереотипы (тип текстильщика, отпечатанный в многих тысячах экземпляров, тип металлиста) <...> Вопросы организации могут выявить перед нами представление об Интернационале, не имеющем отношения к механическим представлениям о механически сложном Интернационале; может возникнуть иной идеал Интернационала, где люди соединяются по глубочайшим своим устремлениям, философским, культурным и эстетическим; в этих „второго порядка“ коммунах близкое слово „товарищ“ заменяется еще более близкими: „брат“ и „сестра“; может быть, сможем тогда говорить о заданиях Интернационала как о свободном объединении, где все человечество, взявшись за руки „братски“, организует всемирное братство любви; в Интернационале, который есть не только нечто междулежащее, но и нечто соединяющее, окончательно организующее, будет осуществляться интернационал искусств, интернационал наук, интернационал языков и других проявлений культуры <...>

Но все то уже намечается в утопии Кампанеллы; не будем брать его с точки зрения научной значимости; научная значимость его невелика; просто дороги первые образы, строящие социалистический идеал коммунизма и интернационализма; приблизим те образы: мы увидим — на всей конструкции Кампанеллова Града лежит печать глубокого органицизма. Солнечный Град тщательно нарисован монахом-философом; явлено расположение улиц и самая форма огромного храма, который стоит посередине: тот храм состоит из семи кругов; каждый круг освещается отдельной планетой; подробно описано внутреннее расположение храма. Религия Града глубоко космична; человек здесь сливается с космосом; сообразно с слиянием этим весь быт, законченный, внятно подслушан у самой природы; государственное устройство слиянно с природою нашей).

Далее Белый пересказывает систему, по которой строится Город Солнца Кампанеллы,⁶⁶ и заканчивает свои рассуждения словами: «В Солнечном Граде заложены идеалы органического коллективизма; человечество и вселенная связаны в нем; этот Град вырастает цветком из недр мира; он светит; и оттого оп — Град Солнца. В своей ранней утопии Кампанелла еще не коснулся эко-

---

⁶⁶ Сохранился также автограф Белого — сведения о биографии Кампанеллы, чертежи, изображающие структуру Города Солнца, и общие сведения о внутренней организации этой теократической республики (ГБЛ, ф. 25, карт. 3, № 8). О структуре «Храма Солнца» Белый вспоминает также в письме к Иванову-Разумнику от 30 августа 1929 г., говоря о модели армянского храма Звартноц (Андрей Белый об Армении. Публикация К. Григорьяна. — Литературная Армения, 1967, № 1, с. 81).

номической жизни; важно, что в чаяниях своих он узрел органический коммунизм, чуждый всякой механике. Выдвигая проблему о понимании будущего Интернационала, мы видим два образа: образ машинного строя, стирающего индивидуальности психики, языка и культуры, и образ, слагающий языки, души, стили в венец человеческих душ; и язык языков, вырастающий из братского соплетенья наречий, мы видим в грядущем. И на вопрос — интернационал или сонационал — отвечает монах Кампанелла: „Сонационал!“.

Работу Белого в Вольной философской ассоциации отражают также черновые конспективные наброски к лекции «Что такое максимализм» (№ 45, 4 л.), прочитанной в апреле 1921 г.,⁶⁷ автограф «Программы деятельности кружка сознания (духовной культуры)» (№ 64, 2 л.), записи на заседаниях (№ 39, 40), наброски, схемы, цветные чертежи к лекциям, характеризующие историю религиозной и философской мысли (№ 77, 58 л.), расписание работ кружков (№ 44), библиографические заметки (№ 29, 15 л.) и некоторые другие разрозненные материалы.

Кроме Вольной философской ассоциации, Белый выступал в Петрограде в 1920—1921 гг. с докладами также в Доме искусств. Сохранились карандашные наброски его выступления на тему «О художественном языке» (№ 60, 5 л.),⁶⁸ дающие дополнительный материал к теме поэтического слова в трактовке Белого. Начало изысканиям в этой сфере было положено еще статьями «Магия слова» (1909)⁶⁹ и «Мысль и язык. (Философия языка А. А. Потебни)».⁷⁰ С особенной энергией занимается Белый вопросами творчества языка, значения слова и звука в 1916—1917 гг.; тогда им написаны статьи, составившие книгу «Поэзия слова» (1922), статья «Жезл Аарона. (О слове в поэзии)»,⁷¹ «поэма о звуке» «Глоссолалия». Среди неосуществленных замыслов писателя конца 1910-х годов — книга из цикла «На перевале» под названием «Кризис слова»,⁷² в которой судьба современного слова должна была подвергнуться анализу в связи с наблюдаемым Белым кризисом цивилизации и всех первичных условий бытия. Конспект выступления «О художественном языке», возможно, отражает предполагаемую проблематику этого неосуществленного произведения (тему «кризиса слова» Белый разраба-

⁶⁷ Белый Андрей. Себе на память, л. 14.

⁶⁸ Белый выступал с этим докладом, вероятно, на своем вечере в Доме искусств 1 марта 1920 г.; вторым отделением программы было чтение «Записок чудака» (Белый Андрей. Себе на память, л. 12 об.).

⁶⁹ Напечатана в кн.: Белый Андрей. Символизм. М., «Мусaget», 1910.

⁷⁰ Логос, кн. 2. М., «Мусaget», 1910, с. 240—258.

⁷¹ Скифы, сб. 1, с. 155—212.

⁷² Она анонсировалась как готовящаяся к изданию четвертая книга этого цикла в каталогах издательства «Алконост», прилагавшихся к книгам Белого «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб., 1918) и «На перевале. III. Кризис культуры» (Пб., 1918).

тывает также в статье «Жезл Аарона»). Воспроизводим его, опуская неразвернутые суждения тезисного характера.

«О худ<ожественном> языке
(конспект лекции в «Доме Искусств» в Петр<ограде>)

Глубокие тайны лежат в языке. В громе говором — смыслы Огромного Слова, по отношению к которому все богатство развития многообразья наречий лишь части, слагаемые невероятного Слова, возможного в будущем. Весь язык человека, дар речи, развивший нам пышные кроны словесного леса, лишь малая поросль грядущего; и как ни странно сказать: наш язык, прокатившийся в тысячелетиях времени, — лишь ребенок; [и мы], произнося, заклиная словами невнятицу жизни вокруг, — лишь младенцы, агукаем мы по отношению к тому слову, которое разовьется в грядущем, которое вырастим мы из ветшающих смыслов теперешней речи.

Приближая проблему словесности и вникая деятельнее, мы вступаем в круг явного противоречия: 1) с одной стороны, видим мы, как отдельные языки оскудевают в значениях; слово становится стертым; стирается образ: понятие заменяет его; всюду видим мы красочность, образность, сочность народного крепкого слова, — и видим, как образность эта в разгонах столетий тускнеет и блекнет; сперва потухает звук слова, и *рдр* — *рудый*, *рдяный* становятся знаком абстрактным для выражения образа „красный“; и далее образ-метафора „как у голубя“ гаснет — становится прилагательным *голубой* для выражения такого-то спектрального цвета; за образом гаснет значение слова, как чего-то конкретного, и выявляется *термин*, *абстракция*; термины далее в целях удобства сближаются со словами угаснувших языков (латыни и греческого); терминологический *смысл*, преодолевая народность, становится международным; мы можем сказать, что при чтении, например, физической, химической и философской книги нам не важно, на каком языке мы читаем (по-латыни, порусски, <по>-немецки, по-итальянски); мы можем понять мысли ученого и философа, не изучая язык его, и наконец в математике вовсе нам речь не нужна: язык знаков господствует здесь, а язык *звучных слов* упразднен без остатка. Так, видя, как медленно умирает, ссыхаясь, пародное, сочное слово, мы можем сказать: многолиственное словесное древо засохло; оно — облетело; и перед нами — абстрактный и голый ствол слова: безлиственны и безобразны прутья теперешней терминологической речи; вся красочность древней речи угасла; но смысл, отвлекаясь от образа, преодолев национальность, международен воистину. И поскольку не слово, а *знак* треугольника, Δ , $\frac{mv^2}{2}$, $P + K = const$ — становятся наиболее совершенным понятием треугольника, живой силы и принципа сохранения энергии, постольку международный,

может быть в будущем междупланетный, язык *бессловесен*; и слово — угасло.

Так видим с одной стороны; а с другой стороны: анализируя строгими методами все богатство словесности, мы встречаемся с *океаном* красот, не осознанных до недавнего времени в произведениях словесного творчества: миры образов: метонимий, метафор, синекдох и прочих троп речи — превышают в тончайшем узоре все то, что об этих фигурах сказали нам поэтики и риторики прошлого, Аристотель, Квинтилиан и позднейшие философы языка вроде Гумбольдта и Потебни; *мир звуков* в науках о звуке эвфонии, ритмике, метрике встает в небывалой еще красоте; когда мы этот мир изучаем новейшими, научными способами и проводим мирный, в последствие оставшийся материал через призму новейших подходов к художественной словесности, то сквозь стекло микроскопа мы видим, что тайны поэзии не только *народной словесности*, но и новейшей (у Пушкина, Тютчева, Гоголя, Блока, Есенина, у молодых пролетарских поэтов Василия Казина, Александровского⁷³ и других) достигаются необычайным сложением звуков, образов, ритмов и смыслов в необычайную целостность; видим мы: целостность эта достигнута не одним лишь сознательным украшением речи, а бессознательным процессом творения; стало быть: если язык обходный, народный в одном отношении, как язык смысловой, угасает, в другом отношении он, как язык поэтический, продолжает цвести.

Анализируя поэтический материал, мы встречаемся с одним разительным признаком: поэзия одного творца слова достигается аккомпанементом *значения, образом* (воображение, имажинация развивает здесь пышную крону метафор: и целое направление — *имажинизм* выдвигает на знамени слепку из образов, метаморфозу их как главнейшую цель поэтической речи — Есенин и примыкающие пролетарские авторы Казин, Герасимов); у других доминируют ритмы, аккомпанируя смыслом; у третьих — словесная инструментовка: звук слова является аккомпанементом к значению; даже пытаются переместить смысл поэзии к звуку (у футуристов); и даже: в разнообразных стихотворениях разными средствами достигается соединение логических смыслов и *слов*: в стихотворении Блока мы видим то линию ритмов, то линию гласных (в стихотворении «Россия»), то звуки согласных (в стихотворении, где встречаются «звук цыганского напева долетел из дальних зал»⁷⁴); и всегда соединение так называемого

⁷³ См.: Белый Андрей. О стихах Александровского. — Горн, 1918, № 1, с 79—81. Набросок ритмического разбора стихотворения В. Казина «Бреду я вечером на Пресню...» сохранился среди рукописей Белого в архиве Иванова-Разумника (№ 69).

⁷⁴ Неточная цитата из стихотворения Блока «Из хрустального тумана...» (1909); у Блока: «Визг цыганского напева Налетел из дальних зал» (Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 3. М.—Л., 1960, с. 11).

смыслового содержания» с формой, рождая их цельность, которую называем мы *символом*, тешит нас то звуком сладким, то музыкой ритма, то образом — невыразимо волнует; и мы говорим: „Он художник словесности“. Вместе с тем перед нами встает — и невольно! — вопрос, что было бы, если бы все красоты возможные соединились бы в цельности; если бы линии гласных, согласных соединились бы с ритмами, если бы перебой жизни ритмов соединился бы с переборами образов, а эти последние сопровождали бы органически мысли поэта? Такие идеальные произведения хоть не встречаются нас, но вопрос о них можем поднять мы, как ведь поднимается теоретически вопрос о *пра-языке* у лингвистов, хотя языка такого в истории *нет*, он — абстракция кабинетных умов (и подчас — субъективная); если возможен вопрос об *не данном нам языке* пра-арийском, который подглядывают лингвисты в сходствах корней и законах сложения грамматик и проецируют как действительный вглубь истории (Шрадер, Бругманн, Макс Мюллер⁷⁵ и прочие), то возможны вопросы о будущем поэтическом языке, соединяющем целью все средства словесности, ныне раздробленные в индивидуальных и национальных особенностях эстетики речи.

Теоретически мы должны допустить идеал языка, пересекающий все красоты его в одну цельность; но если бы отблеск такого прославленного языка пал на то или другое произведение теперешнего поэта, присутствовали бы мы при преобразении речи; лучи невыразимой, нигде не достигнутой красоты пресуществовали бы нам речь; в этом смысле язык, умирая и рассыкаясь в международные термины, в смысле абстрактных понятий, существовал бы как язык поэтический.

Но что такое язык поэтический: язык образов, звуков и ритмов: ведь смысл языка в терминологии знаний — не в звуках, не в ритмах, не в образах; образность, ритм, звук — все это мешает; вчера на философском докладе я получил комплимент, как художник, но комплимент этот значил: вы не философ: и стало быть: с вами считаться нельзя; но ведь этот вот „комплимент“ обращен не ко мне, а ко всей художественной речи: с ней считаться нельзя; она — смутный бред, интересный лишь как материал для психологических, лингвистических и иных пысканий ученого-аналитика; а мы, если мы суть художники слова, мы — кролики, разводимые лишь для опытов физиолога, разрезающих наше слово на части и тем убивающих нас. Потому-то,

⁷⁵ Упоминаются крупные европейские лингвисты: Отто Шрадер (1855—1919) — представитель культурно-исторической школы в языкознании, Фридрих-Карл Бругманн (1849—1919) — один из основателей «младограмматического» направления, Фридрих-Макс Мюллер (1823—1900) — индолог. Книгу Мюллера «Шесть систем индийской философии» Белый читал в июне 1917 г., его же «книгу о языке» — в августе 1917 г.; тогда же он ознакомился с трудом Бругманна «Kurze vergleichende Grammatik» («проглядываю Бругмана») (Белый и Андрей. Работа и чтение. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 6).

когда говорят мне: *о да, вы художник*, я чувствую в этом признании, в „комплименте“ смысл страшный. Мне чудится скальпель анатома, который, разрезав на части меня, в лучшем случае в книге своей отведет мне главу об особенностях моей речи, — ценою *убийства меня*; умереть не хочу я; и потому-то вопрос о всеобщем значении художественной словесности и смысле словесности занимает меня, если я есмь художник; „поэты“ не осознают очень часто, что их содружество с аналитиками речи есть содружество кроликов, до времени кормимых физиологом *до момента физиологического эксперимента*, и кролик, быть может, благословляет кормящую руку; но если б кролик-поэт знал, что рука аналитика слова вонзит нож в его сердце, — быть может, он предпочел бы открытую вражду с аналитиком или, быть может, старался б не утверждать свою речь, *par excellence*, как речь поэта *par excellence*, а постарался бы выявить — возможна ли поэтическая речь как речь *смысловая* и *общезначимая*; разделение языка на поэтический и терминологический есть опасная вещь не только для поэта, но и для терминолога <...>

Действительно: очень глубок и остр вопрос: имеет ли язык поэтический человеческий, общезначимый смысл; и эстет, и лингвист, и гносеолог каждый по-разному *язык поэтический* отделяют от *языка современности*. I) Поэт говорит: современный язык сгнил: жив древний, народный язык; но лингвист и логик возражают: народный художественный язык есть язык для познания; мифология — стадия познания; вера в *метафору* в наши дни невозможна; метафора — божество для примитивного языка; а для нас она что — аллегорическая гирлянда, обособляющая языки друг от друга и затемняющая братство смыслов; она отделяет народы от взаимного понимания. II) Но и: гносеолог говорит: смысл чистый, антиобразный, антипсихологический: терминология; мысль изреченная — ложь,⁷⁶ универсален не язык, а математический знак.

И поэт, и гносеолог, вычлняя из языка и логику и эстетику слова, проваливают себя <...>

Искомое конкретное мировоззрение еще загадочно, о нем мы можем петь мифы; слагаем поэмы о нем о грядущем: Человек соединит звук, смысл и образ в конкретное единство: и будет международный язык — не язык *терминов*, а язык жестов слов: теперь существуют лишь намеки на это будущее понимание прославленного языка <...>

Язык есть орудие художественного творчества и язык есть орудие *познания*; но познание и творчество, противопоставляясь, уничтожают друг друга. Стало быть, акт познания и акт создания слова должны совпадать: когда-то так было; теперь не так:

---

⁷⁶ Слова восходят к стихотворению Ф. И. Тютчева «Silentium!»: «Мысль изреченная есть ложь».

но так должно быть; и познание — творчество познаваемой действительности.

Только в такой постановке выпрямляются проблемы и логики, и грамматики».

Высказываемые Белым теоретические воззрения на судьбу слова связаны с многочисленными в ту пору и разнонаправленными исканиями новых средств художественной выразительности, продиктованными в значительной степени, как и у Белого, протестом против нивелированного, стандартизованного языка, утратившего свою образную силу. Цель, к которой ведет Белый всем ходом своих рассуждений, опять же утопическая, едва ли достижимая в перспективе языкового развития, — полная и равноправная гармония «линии гласных и согласных» с ритмом речи, образным началом и смыслом, новое синкретическое единство языка. Проблема «творчества языка» была частным решением важнейшей для него проблемы «творчества жизни». Все это подкреплялось эсхатологическими основами сознания Белого, определялось его представлениями о конечных судьбах мира и человека: «Да будет же братство народов: язык языков разорвет языки; и — свершится второе пришествие Слова».⁷⁷ Белый пытается распознать семантическую окраску мельчайших языковых единиц — звуков; образуя в совокупности мир звучащей речи, они предстают для него универсальным символом: «Ушел к себе в рот подсмотреть мироздание речи; я буду рассказывать сказку, в которую верю, как в быль; сказка звуков пройдет: пусть для вас она сказка; а для меня она — истина; *дикую истину* звука я буду рассказывать».⁷⁸

Выделяя в языковой проблеме прежде всего динамическое начало непрерывного становления, творчества новых форм, Белый тем самым косвенно обосновывает и собственную позицию как художника. Теоретические опыты служили ему опорой для экспериментов в поэзии и прозе, которые оказывались не только адекватным индивидуальным способом самовыражения, но и поиском выхода из остро ощущаемой ситуации «кризиса слова». Литературные искания Белого были всецело направлены к тому, чтобы подчеркнуть смысловое содержание разнообразных и щедро используемых «приемов», выявить творческую стихию, властвующую над мельчайшими составляющими художественного текста. Глубокое постижение образного начала в языке, семантической значимости всех компонентов его структуры служило почвой и для многочисленных работ Белого по поэтике и стиховедению, в которых научный анализ и поиск новых способов изучения художественного языка сочетались со свободными философскими рассуждениями и чисто поэтическими фантазиями.

⁷⁷ Белый Андрей. Глоссолалия. Поэма о звуке. Берлин, «Эпоха», 1922, с. 131.

⁷⁸ Там же, с. 37.

Дневниковые записи Белого «К материалам о Блоке» (№ 41, 42), дошедшие не полностью, относятся к августу—сентябрю 1921 г.—первым неделям после смерти поэта.⁷⁹ В августе 1921 г. Белый написал также письмо в редакцию журнала «Печать и революция» (№ 38) — протест в связи с опубликованием в нем рецензии С. Боброва на книгу стихов Блока «Седое утро», содержавшей беспрецедентные нападки на поэзию Блока и уничтожающие выводы: «Зачем Блок напечатал эту книгу: верно, не мог не напечатать, а этим он подписал собственный приговор: отныне его больше нет».⁸⁰ Автор рецензии на «Седое утро», поэт, прозаик и стиховед Сергей Павлович Бобров (1889—1971), начал свой литературный путь при поддержке Белого, активно работал под его руководством в ритмическом кружке при издательстве «Мусагет», обращался к нему как к первому, «приметившему» его музу.⁸¹ Тем резче звучат строки «письма в редакцию» Белого по поводу рецензии Боброва. «„Подписал собственный приговор“, — кто же? — восклицает Белый. — Полный поэтической жизни, любимейший, наш, национальный поэт, угасший в дни выхода этого *позорища*». Факт появления рецензии одновременно с кончиной Блока безмерно умножил степень возмущения Белого (вполне оправданного и безотносительно к этому совпадению, так как Бобров развенчивал подлинные шедевры блоковской лирики): «Тон рецензии глуп, безграмотен, сплошь неверен <...> ой, более того, — подл, принимая во внимание, что тяжкая болезнь А. А. Блока и ожидаемый печальный конец не могли быть тайной для Сергея Боброва; А. А. Блок до смерти читал: рецензия Боброва могла ему попасться; она, конечно бы, повлияла на ход

---

⁷⁹ В автографе Белого «Мои встречи с Блоком» (№ 52) — сканное изложение истории общения с поэтом (сохранился один дефектный лист).

⁸⁰ Печать и революция, 1921, кн. 1, май—июль, с. 147. На выступлении Блока в Москве в Доме печати (7 мая 1921 г.) Бобров выкрикнул с места, что «Блок как поэт уже умер», «эти стихи — мертвечина, и написал их мертвец»; произошел скандальный инцидент (см.: Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924, с. 22; Алянский С. Встречи с Александром Блоком. М., 1969, с. 135—136; Белов С. В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Аляпского. Л., 1979, с. 104—105).

⁸¹ См. письмо С. П. Боброва к Белому от 11 ноября 1912 г.: ГБЛ, ф. 25, карт. 10, № 2. В позднейшие годы Бобров напечатал прозаический этюд о Белом «И новый Берингов пролив засинеет» (День поэзии. 1968. М., 1968, с. 218—219). Показательно, однако, что с критикой в адрес Блока Бобров выступал еще в ранней молодости; это была своего рода борьба с «блоковским» началом в собственных творческих опытах. Так, 18 июня 1909 г. он писал Белому: «Ваша „Урна“ дала мне много — мои стихи стали как-то угрожей, серьезней. У Блока — Вы, вероятно, замечали — иногда прорывается беспочвенность, иногда проглядывает — что отчаянно печально — ерунда <...> И безвкусица <...> А он оказал на меня большое влияние во всех своих проявлениях. У Вас же нет ни безвкусицы этой, ни пустяков, за что я преклоняюсь перед Вами. — и „Урна“ много вылечила от такого бесшабашного, развихляйного письма» (ГБЛ, ф. 25, карт. 10, № 2).

его болезни <...> Рецензия кончается словами: „Отныне его (т. е. Блока) больше нет“. Мы прочли эти слова в дни, когда его с нами не стало действительно, хотя он — бессмертен.⁸²

Следует отметить, что редакция «Печати и революции» попыталась косвенным образом сгладить факт появления рецензии Боброва: следующий номер журнала открывался статьей П. С. Когана, посвященной памяти Блока.⁸³

Вероятно, к концу августа—началу сентября 1921 г. относится также неоконченное и неотправленное письмо Белого к С. Н. Кампиони, матери его первой жены Аси Тургеневой.⁸⁴ Из него рельефно вырисовывается характер жизни Белого в Петрограде незадолго до его отъезда за границу, где оставалась Ася, работавшая в Антропософском обществе под руководством Штейнера.

«Глубокоуважаемая, милая, близкая, родная мне

София Николаевна,—

Не вините меня, что „недосказанный сказ“: мои слова к Вам, мое движение души к Вам навстречу оборвалось внешне: Вас же нет в Москве.

А я — я?..

Я провожу время трояко:

1) Всегда порю горячку за Асю, от которой получаю пока регулярные письма.

2) Кручусь в вихре людей, встреч и кружков, читаю лекции, возражаю: словом — старая, московская „*chaîne chinoise*“⁸⁵...

3) Убегаю работать спешно к Сереже и Тане,⁸⁶ моему единственному прибежищу. Я никогда без Аси не ощущал близость

⁸² На первом листе рукописи — карандашная помета Белого: «Заметка, написанная по поводу гнусной рецензии Боброва, обсуждалась в Комитете имени Блока, печатать или нет. Решили с Разумником Васильевичем: не печатать. Б. Б. 1 сентября 1921 г.». Собрание кружка имени Блока состоялось в этот же день (присутствовали Л. Д. Блок, А. А. Кублицкая-Пиоттух, Белый, Иванов-Разумник, С. М. Алянский и секретарь Д. М. Пинес). По поводу отповеди Белого Иванов-Разумник «высказывает предположение, что в очередном № этого журнала появится, в связи со смертью А. А., совсем другая статья о нем, которая и будет лучшей отповедью на статью Боброва» (Протокол собрания кружка имени Блока 1 сентября 1921 г., составленный Д. М. Пинесом. — ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, № 34). Мать Блока, А. А. Кублицкая-Пиоттух, писала 5 сентября 1921 г. Н. А. Нолле-Коган: «Прочтя какого-то Сергея Боброва, Андрей Белый хотел отвечать, возражать, волновался ужасно, но мы уговорили его оставить так: слишком много пришлось бы опровергать» (ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 259).

⁸³ Коган П. С. Александр Блок и революция. Памяти поэта. — Печать и революция, 1921, ян. 2, август—сентябрь, с. 3—7.

⁸⁴ Другие письма Белого к С. Н. Кампиони опубликованы Жоржем Нива, см.: *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1977, vol. XVIII, № 1—2, p. 141—149.

⁸⁵ Китайская цепь (*франц.*) — название фигуры в тапцах; употреблено в значении «испрерывной суеты».

⁸⁶ Ближайший друг Белого с юношеских лет поэт Сергей Михайлович Солянов (1885—1942) и его жена Татьяна Алексеевна Тургенева (1896—1966), сестра А. Тургеневой, жившие в Сергеевом Посаде.

родственности: а теперь, разлученный с Асей, греюсь отражением Аси в доме Сережи и Тани. И с Сережей, и с Таней дружим; кабы не они, было бы мне плохо.

Саши нет: Вы уже знаете это.⁸⁷

Сижу в Петрограде у Разумника Иванова: застрял и бог весть, когда выберусь. Очень часто вспоминаю Вас и Владимира Константиновича;⁸⁸ к обоим тянет, с обоими хочется долго, долго быть вместе: с жадностью слушал рассказы Сережи о Вашем житье. Моя мечта, чтобы хоть одно лето повторились Боголюбь; ⁸⁹ и мы все — Вы, Владимир > Копст <аптинович>, Сережа, Таця, Наташа, Ася и я — прожили вместе» (№ 83).

Период своей жизни, обозначенный 1919—1922 гг., Белый характеризовал как время отхода от антропософии, разуверения в тех религиозно-философских ценностях, которые он с 1913 г. считал пезыблемыми. Здесь невозможно показать всю сложность духовного развития Белого этого времени; укажем только, что, внутренне отходя от заветов этого учения, он оставался активным пропагандистом антропософии: в 1919—1921 гг. он постоянно работал в московском Антропософском обществе, выступал с лекциями, вел кружки, общался с приверженцами этой доктрины. Такая двойственность могла только усугублять духовный кризис. Разочарование в антропософии с особенной силой охватило Белого в Берлине в конце 1921—начале 1922 г., когда он вновь встретился со Штейнером и когда Ася, окончательно вступив на антропософский путь, отказалась от восстановления отношений с Белым. 15 января 1922 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Сердце сжимается болью: у меня трагедия: Ася ушла от меня; Штейнер — разочаровывает <...> От боли стискиваю зубы; и — пью... Провалилась Ася, Штейнер, движение, — все: нелегко мне вынести эту утрату <...> когда я слушал Штейнера, то... мне казалось: Штейнер — разжиженная „Вольфилла“. Берегите „Вольфиллу“». ⁹⁰

Характерно, что отразившаяся в «Вольфилле» атмосфера духовной жизни с ее пестротой исканий, противоречиями, бурными спорами кажется Белому полным контрастом тому, с чем он столкнулся в кругу Штейнера после пятилетнего отсутствия; хорошо знакомая ему среда поразила его на сей раз замкнутостью и абстрактностью задач, удаленностью от насущных жизненных проблем. Берлинские впечатления заставляют Белого возвра-

⁸⁷ Белый говорит о смерти Блока (7 августа 1921 г.).

⁸⁸ Муж Софии Николаевны и отчим ее дочерей Анны (Асп), Натальи (в замужестве Поццо) и Татьяны Владимир Константинович Кампиони, лесничий Торчинской области.

⁸⁹ В Боголюбях под Луцком (имение Кампиони) Белый жил летом 1910 и 1911 гг. и весной и летом 1913 г. «Не забуду уютные вечера в небольшом белом домике», — писал он в мемуарах «Начало века» («берлинская» редакции 1922—1923 гг.) (ГПБ, ф. 60, № 14, л. 30).

⁹⁰ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 13.

щаться к современной России, в которой он видит прежде всего «зелень юной культуры» и «яркое, индивидуальное творчество», преобладающие над всеми сложными и тяжелыми жизненными обстоятельствами: «Ощущение рождения еще не отстоявшихся в форме идей, импульсов, чувств, эстетических и моральных переживаний сопутствует всюду; оно дает силу нести изо дня в день непереносимые бремена».⁹¹ Удаленность от родины, личная драма и кризис антропософских воззрений в совокупности обусловили то болезненное состояние духа и ощущение внутреннего надлома, которое овладело Белым во время его пребывания в Берлине.

В архиве Иванова-Разумника хранится документ исключительной важности — интимная исповедь Белого о тех безрадостных итогах, к которым привело его следование антропософской стезе. Белый подвергает себя подробному и мучительному анализу и делает вывод об исчерпанности обретенного им некогда пути и о его трагических последствиях, приведших к утрате внутренней цельности и поспраию естественных человеческих устремлений. К учению Штейнера Белый подходит уже сквозь призму новой России, восстание его против «духовной науки» подкрепляется опытом, порожденным послереволюционной действительностью и заставившим совершенно заново переоценивать самые критерии, которыми определялось ранее его внутреннее «я». Текст сохранился полностью (беловой автограф), написан он, вероятно, в 1921—1922 гг. (№ 76, 4 л.).

«Три года твержу я: „Дух, дух, дух!“ И от усталости — подлинно: дух испускаю я. И бездуховно коснею один, между тем как, на счет выдыхания духа мной, люди, которым Дух нужен, переживают духовные состоянья сознания. Я же недобудно коснею в сплошной бездуховной апатии. „Дух“ не приходит на помощь ко мне. Неужели же „Дух“, о котором порою красноречиво пою свои песни, — мой собственный дух. Но в себе я не знаю духовности собственно. Знаю лишь: „Я это Я“.

Обращаю вниманье „духовного мира“ на ход размышлений моих: не опасен ли ход этих мыслей для престижа всякой духовности? Не пора ли вмешаться: паитием, откровением или чем еще, чтобы смирить мою искренность. Я бездуховен ведь, отдавая свой „дух“ для других и оставаясь с собственной, материальной природой своею. Неужто же для глашатая форм духовности остается одно: своеобразное присягнувенье материи; не чрез радостное изживание красот чувственности, а чрез хилое всхлипыванье: „Дух бодр: плоть же немощна“... Но эта формула действует в своем противоположном; следует ее читать так: „Плоть бодр, неусыпна; она-то и бодрствует; а дух — немощен: выдохнешь его людям; и — нет его при тебе“...

---

⁹¹ Белый Андрей. Культура в современной России. — Новая русская книга, 1922, № 1, с. 2.

Что вытекает отсюда? Или я под „Духом“ разумею нечто, не имеющее отношения к „Духу“, или я клевету на „Дух“; второе отпадает: вся моя жизнь последнего десятилетия — послужить делу „Духа“ среди людей; стало быть — второе: я — неудачный слуга „Духа“. Обращаю внимание „Духа“ на это: пора рассчитать своего неумелого, глупого слугу. Но слуга уже давно просит расчета не потому, что он бунтует против „Духа“, а потому, что „Дух“ не нуждается в его услугах. Мое „*reservé*“ по отношению „духовной науки“ за последнее время есть лишь форма, облегчающая „Духу“ расчет со мной.

Я не заблуждаюсь в своих „окаянствах“: я спрашиваю только. Кто вырастил во мне мои „окаянства“ из обычно присущих человеку потребностей. Если бы меня всю жизнь держали впроголодь, то естественно: я думал бы о пище более, чем тот, кто ни разу в жизни не голодал. Так же и я: у меня вовсе не было каких-либо особых хищных похотей; обычные потребности всякого человека, имеющего несчастье иметь плоть и пять органов чувств. Но необыкновенно ухищренная судьба заставила меня быть вечно голодным; потом явился „Дух“ и с подлинно несутскими ужимками чрез посредство своих адептов вырвал у меня „остатки“ того, что судьба кинула мне как человеку; этим „Дух“ отрезал меня от нормального положения по отношению к себе, всадив в грудь осиновый кол неразрешимейших нравственных антиномий.

Так был я „Духом“ разорван пополам: одна половинка превратилась в бесплодное воодушевление всем „духовным“; она стала „испускать дух“, до которого оказались надки другие, выпугивая меня подчас через силу взвизгивать себя формами „духовной деятельности“; другая половинка — голодная, холодная — стала бегать жульником по рынкам и таскать загнившие продукты „дешевого рынка“ для удовлетворения своего вечного голода. „Духовное начало“ во мне, обирая и унывая „человеческое, чисто человеческое начало“, его оскоктило. Да: мои окаянства укоренились „благодаря моим духовным исканиям“, а не вопреки им: это я должен честно сказать сам себе; и хотел бы сказать шутя, да — не могу, не умею, не вижу возможности лгать перед самим собой.

Так „Дух“ вогнал меня в материю. Но не смешиваю ли я „душу“ и „Дух“, не является ли „Дух“ самою основой материи; ну, разумеется: на лекциях я пахожу много примеров конкретности Духа; не я ли сам указываю, что „душа“ и „материя“ в Духе, что противоположение между материей и Духом не есть противоположение; материя — вне „души“, но в „Духе“ и т. д. Все эти умные и подчас утопченные схемы прекрасно указывают на теоретическое заблуждение, лежащее в основе здесь написанных строк. Господи, я ли не знаю, что определять Дух как „минус“-материя⁹² — нельзя. И однако: то, что я пишу здесь, осно-

⁹² В оригинале стоит математический знак — минус.

вано на фактах моей жизни; на истории семилетнего моего мытарства, а умные рассуждения о лежании материи в Духе и о конкретности Духа суть красивые умствования, где я незаметно теряю фактическую, биографическую почву. В конкретности Духа ведь я мог удостовериться только биографически; и вот: спрашивая свою биографию, я вижу, что в ней Дух открылся, не спрашиваясь с законами архитектурной схем, открылся не только вопреки логическим, но и вопреки концепционно-эстетическим схемам именно, как соблазнитель сверхчувственным, как гонитель и искоренитель в моей биографии всего, что меня благообразило как человека и только человека; он как бы говорил мне: „Что значит человеческое благообразие перед образом, который я ставлю перед Тобою; этот образ есть *«Твое Духовное» Я*“; и я возжаждал своего „Духовного Я“, поправ „я“ обычное и не сообразуясь с возможностью осуществить в чувственных условиях сверхчувственное; при этом на краткое время „Дух“ дал мне силу действительно обойтись без человеческих, обычно человеческих потребностей для того, чтобы коварным обманом заставить себя отойти от обычного малого „я“ в себе; очень скоро уже я сообразил, что духовная жизнь моя в Духе не есть „моя“, а „чего-то-то“ опустившегося в меня и внушившего мне, что это *чужая жизнь*, мне чуждая по своим законам, есть именно жизнь моего подлинного „Я“. Очень скоро обман разоблачился; но тут „Дух“, увидя, что я и не думаю попирать свое человеческое достоинство, начал действовать уже не как соблазнитель, а как разбойник: он ограбил меня ловко подставленной судьбою; и даже самую судьбу это он сумел вложить в меня, истолковывая ее мне как оплотнение моего же собственного решения: решение преодолеть человека в Себе принадлежало в действительности не мне, а опять-таки Духу, сошедшему в мою душу и обернувшемуся там мною; все это честность моя и чисто человеческое стремление к правде разоблачили: тогда Дух начал уже опорачивать и оклеветывать во мне мое стремление к правде, всеми силами унижая и искривляя это стремление тем, что разорвал мое прежде цельное „я“ на две части: на якобы духовную часть, приобретающую склонность говорить людям о Духе на языке этого Духа и приобретающую склонность внушать стремление к Духу этим душам, внимающим мне; круг этих душ, культивирующих во мне несчастную склонность защищать Духа в его лживом поступке со мною, — часть этих душ совершенно лишили голоса правдивейшую сторону моей натуры, которая требовала себе не духовности, а простой человечности; но, лишенная всех прав и изгнанная в подполье, эта здоровая сторона меня самого опустилась, выращая естественные человеческие чувства в ужасные окаянства. Она с пемым ожесточением порой глядела из глаз „духовного“ деятеля, прося человеческого подаяния; но принимаемая поклонниками антропософа Андрея Белого за жулика, она покорно свернулась в своем паршивом углу; так завелись две жизни в одной жизни, две биографии

в одной, причем обе биографии развернули передо мной свой одинаково мне не симпатичный свиток; в одной был ряд достижений: прекрасных образов и прекрасных чувств, не имеющих никакого отношения к воплощенной действительности; в другой были жалкие корчи и вскрики чисто животного голода; все-таки „пса“ в себе я склонен теперь скорей оправдать, ибо этот пес стал „псом“ благодаря низости выскочки, попавшему в привилегированное положение к „Духу“. Так „Дух“, разложив мое чисто человеческое „я“ в два нечеловеческих „я“ (ангельское и скотское), оба эти „я“ обобрал.

Заметьте: что я не утверждаю отсутствие конкретного Духа; мне ли не знать, что этот „Дух“ есть, воистину есть, и мир этого „Духа“ есть тоже; но я не подчиняюсь ни „Духу“, ни миру Его; у меня достаточно правды, чтобы сказать „Духу“ в лицо: Ты мне не нравишься; и мир Твой мне не нравится тоже. Ты должен бы был быть таким-то и таким-то; а Ты нечто совсем иное: Ты — Дух Лжи, Дух Мстительный, Неистинный Дух. Пока люди о Тебе отвлеченно мечтают, не зная ужасной действительности Твоих озарений и „духовных“ Твоих красот, они рисуют Тебя не таким, каким Ты явился воочию мне. Меня Ты уж не одурачишь.

Стало быть: во мне есть какое-то смутное представление, чем должен бы быть Дух. Но это представление не соответствует духовной действительности, где Дух показал себя так ужасно по отношению ко мне. Это смутное представление о *должном Духе*, к которому я простираюсь сквозь ужасы существующего, нас обставшего духовного мира, — не есть ли верное знание, ибо оно остается во мне: Духу тут не удалось ограбить меня; я называю это в себе стремлением <к> Правде, обязывающим меня реалистически отнестись к мне открывшейся духовной действительности и рассмотреть ее Ложь; стало быть: тот Дух, которого я строю как Духа Истины, пока не обладает духовной действительностью; в духовной действительности обитает не тот Дух. Вот, кажется мне, подлинное узнание мое.

Дух мне открылся биографически; его мир врался в мою душу, заставляя эту душу содрогаться перед картинами, о существовании которых она не подозревала; „духовное начало“ во мне себя открыло не нормальным рождением в душе, как рост самой душевности, а катастрофическим падением с высот родимых в *душевные ясли*; вот образ: „ясли“; если прежде душа находила себя прекрасной, как цветок, то теперь она предстала себе разорванной и униженной; она стала предметом, „яслями“;

и предметом не особенно желанным: как известно, „ясли“ есть вещь не особенно-то прекрасная (я разумею тут обыденные ясли, а не „вифлеемские“ и не аллегорические); душа стала скотскою принадлежностью; самое восстание „духа во мне“ так унизило душу.

Отсюда следует: Дух не родился во мне, но он явился во мне; и это явление имело лишь вид рождения; Дух был тем, чем ему подобало быть: нерождаемым, нерожденным; но первое его движение во мне была ложь, которую он вшепнул мне: будто он во мне родился и будто я, тридцатитрехлетний, лысеющий господин, есмь „Богородица“; ⁹³ обратите внимание: первое движение Духа во мне обогало во мне пол; оно заставило мужчину пережить себя женщиной; пусть доказывают мне „духовные исследователи“, что я был женщиной в символическом смысле лишь, как человек душевный (все душевные люди — „женщины“); я считаю, что в таком обращении с полом духовная символика уязвляет себя указанием на недуховность своего происхождения.

Как бы то ни было: „Дух“ в том смысле, в каком я его реально ощущаю с 1913 года, впервые проговорил во мне в то именно время; 33 года я проходил различные стадии духовных узваний: был православным, буддистом, соловьевцем, символизмом, кантианцем и т. д. и был „не духовным“ в том смысле, в каком теперь стоит передо мной конкретно слово „духовность“; с 1915 до 21 года я — „духовен“; и в этом все мое несчастье.

Но неужели же у меня не было представлений и ощущений, чем должен быть *Дух Истинный*? Были. Изменились ли мои предощущения Истинного Духа? Нет. Они таковы, каковыми были и каковы они в Евангелии от Иоанна.

Стало быть „Дух“, о котором идет речь и который открылся мне конкретно значительно позже, не Дух Евангелия от Иоанна? Пять лет я думал, что этот Дух есть Дух Истинный; но теперь наконец я решаюсь сказать: нет. „Дух“, открывшийся во мне

---

⁹³ Этими словами Белый характеризует состояние мистического озарения, которое он ощутил в себе в Бергене во время курса лекций Штейнера в октябре 1913 г.; тогда он решил окончательно связать судьбу с Антропософским обществом: «С этого момента до весны я переживаю невероятный взлет; события ежедневные приобретают для меня какой-то преобразовательный смысл» (Белый Андрей. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, № 3, л. 66 об.). Ср. признания Белого в том же автобиографическом документе (1923) о своем антропософском «ученичестве» как об особом этапе внутренней жизни, резко ограниченном от предшествующего и последующего этапов: «... период от 1912 года до 1917-го *очень странен*; стоит предо мною он, как *жизнь в жизни*; и эта *жизнь в жизни* имела свое рождение, рост и смерть; теперь, озираясь, себя я могу вопрошать: принадлежала ли эта *жизнь* моей жизни? Или кто-то, во мне поселившись, изжил себя и меня безвозвратно покинул?» (там же, л. 111 об.).

с 1915 года, делал все усилия быть „Духом“ Евангелия от Иоанна, но дела его оказались делами злыми для меня. И теперь я утверждаю: „Дух“, которого я совершенно конкретно постиг в Бергене в 1913 году и который стал во мне конкретен хотя бы тем, что вырвал у меня обещание еще в этой жизни переплавить основы моей человечности в „духовные основы“, есть Дух Лжи.

Так попал я в царство Конкретного Духа, но это царство оказалось царством Лжи; и стало быть восхищение мое туда было похищением насильственным моего „я“ из сферы влияния Духа Истинного. Теперь, отрезанный от „духовного мира Истины“, я таю его в моем „я“; а меня обстаёт единственно мне доступный духовный мир; но этот мир есть моя *духовная тюрьма*.

Дух Лжи полонил меня.

Как мог я быть пленённым?

Нормально не могли бы прозанти в моем душевном мире события, превратившие „человека“ в принадлежность скотского обихода, в „ясли“; я должен был развить особые душевные силы, давшие мне силу разорвать с простой человечностью; и да: силы эти были: силы медитаций, данных мне Штейнером. Стало быть здесь: в медитационной жизни моей — произошла катастрофа, притянувшая в мою душу *Духа Зла*.

Кто виноват в моем разложении? „Я“? Да, поскольку я доверился пути „духовного знания“; пусть этот путь и ведет к Духу Истины (я не оспариваю); но раз он же открывает не оговоренные учителем возможности так извратить свое сознание, как извратил я — я должен принципиально возразить против допущения „духовной наукою“ таких путей. И, во-вторых: должны <быть> ученику пути при вступлении на путь конкретнейше нарисованы все искусы пути, дабы вовремя удержать его от неосторожного шага; конкретности *удержа* нет; о соблазнах пути „Духовное Знание“ говорит смутно и глухо, подчас даже вскользь, а именно соблазны-то и подстерегают все первые шаги поднятия в духовность. Так семилетия моя страда в тисках „Духа“ есть пыле осознанная форма одержания Люцифером, введенным в душу методом Рудольфа Штейнера.

Для выпрямления в себе Духа Истинного я вынужден сделать этот вывод».

Следует отметить, впрочем, что решения, которые Белый формулирует в этом отрывке, не были для него окончательными. Вернувшись на родину в 1923 г. и сблизившись опять с кругом московских антропософов, Белый по-повому начинает воспринимать штейнеровские идейные положения — уже не в аспекте

духовного «ученичества», а в гораздо большей степени сквозь призму собственной личности и через тему России. К 1926 г. относится работа Белого над грандиозным исследованием «История становления самосознающей души», в котором с наибольшей полнотой отразилось то мироощущение, к которому он пришел после выхода из внутреннего кризиса. Труд Белого базируется на подробном анализе философской и религиозной мысли начиная с древнейших времен, проводимом в историко-культурном аспекте и сквозь призму собственного духовного опыта.⁹⁴ С большим пиететом Белый рисует образ основоположника антропософии и в своих «Воспоминаниях о Штейнере».

К позднейшим по времени документам, хранящимся в архиве, относятся черновые наброски Белого по поводу постановки В. Э. Мейерхольдом гоголевского «Ревизора» (премьера 9 декабря 1926 г.) — одной из самых знаменитых работ режиссера.⁹⁵ Кардинальные изменения в тексте комедии («„Ревизор“ в новом виде, совершенно переделанный, с переменами, прибавлениями, новыми сценами», — говорилось в анонсе о спектакле) и режиссерская трактовка, порывавшая с существовавшей театральной традицией, вызвали массу протестов: Мейерхольда обвиняли в бесцеремонном обращении с текстом, в том, что он убил гоголевский смех, в излишней сложности спектакля и т. д. Белый принадлежал к числу самых горячих сторонников спектакля, увидев в нем глубоко талантливое и верное прочтение комедии в тесной связи с современностью и всем контекстом творчества Гоголя. «Действительно: это — событие; — писал Белый Мейерхольду 25 декабря 1926 г., — действительно, „Ревизор“ увиден в первый раз; и стоило бы потревожить могилу покойника Гоголя, чтобы покойник встал из могилы и своим присутствием на спектакле поддержал Вас, потому что он поддержал бы Вас против той меледы, которая целую неделю выполаскивалась из ртов на газетные столбцы».⁹⁶ О спектакле Белый написал специальную статью «Гоголь и Мейерхольд»,⁹⁷ в которой в острополюемическом

⁹⁴ В архиве Иванова-Разумника имеются черновые слемы и наброски Белого к этой работе (№ 54), а также сделанные им выписки из словарей и монографий библиографического и хронологического содержания — указания исторических событий и фактов (№ 48, 49). Наибольшее количество материалов к «Истории становления самосознающей души» хранится в архиве Андрея Белого в ГБЛ.

⁹⁵ Описание спектакля см. в кн.: «Ревизор» в Театре имени Мейерхольда. Сб. статей. Л., 1927. См. также: Тальников Д. Новая ревизия «Ревизора». М., 1927; Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы, ч. 2. М., 1968, с. 108—147, 538—542.

⁹⁶ Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896—1939. М., 1976, с. 257.

⁹⁷ Статья напечатана в кн.: Гоголь и Мейерхольд. Сб. литературно-исследовательской ассоциации Центрального Дома работников просвещения. М., «Никитинские субботники», 1927, с. 9—38. Ср.: Романова Г. А. «Ревизор» Н. В. Гоголя в спектакле Вс. Мейерхольда и в критическом освещении А. Белого. — XXX Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л., 1977, с. 44—48.

манере охарактеризовал обусловленность режиссуры Мейерхольда самой природой гоголевского творчества и видения мира. Впоследствии этой же теме Белый посвятил главу в исследовании «Мастерство Гоголя». Карандашные наброски, сохраненные Ивановым-Разумником, — вероятно, самая первая попытка Белого концептивно изложить свои впечатления и доводы в защиту мейерхольдовского эксперимента (№ 68):

«„Ревизор“ на фоне всего „Гоголя“. Где у Гоголя *легкий веселый смех: слезы и смех*, горьким смехом моим посмеюся? *Не легкий смех Гоголя: проедающий все. Но при Николае приbedнивался.*

Традиция постановок „Ревизора“ — традиция обламывания *острых углов творчества*. Гоголя — ненавидели (Толстой-Американец), Гоголя не понимали даже друзья; он открыт — в наше время; он растворяется на протяжении — столетия; я еще помню, как говорили о неряшливости языка Гоголя: *первый стилист в <России?>*⁹⁸ (проза). „Мертвые души“ — вгоняли в грусть Пушкина, измучили Гоголя; „Ревизор“ — отколотый кусочек „Мертвых душ“; его и надо брать на фоне целого. Сам Гоголь силился ширить „Ревизор“ — то ломая *рампы* обращением: „Над кем смеетесь, над собой“. И это относится не только к *николаевской> России*, но и к *ругине и формализму* всех бытов; и — к нам.

Наконец: „Разъезд“⁹⁹ — все это попытка расширить рамки „Ревизора“. „Ревизор“ для Гоголя — рамки, *застенок*. И в духе Гоголя прочесть „Ревизора“, в целом *гоголевской темы*; тема Гоголя больше даже „Ревизора“.

Отсюда „Ревизор“ и Мейерхольд.

До сих пор ни один театр не ставил „Ревизора“ в связи *темы* самого Гоголя, а подхватывал *ругинку*, в лучшем случае ее *реформируя*: до последней постановки *Художественного > театра*, где велик *Чехов*, но плох театр; и что же — гениаль<ные> усилия *Чехова* не могли вывести ругины *целого*.¹⁰⁰

У Мейерхольда я вижу прокол: *Гоголин*;¹⁰¹ все его подставки, изменения текстов — хороши ли, плохи ли, — попытка хоро...»¹⁰²

⁹⁸ Текст оборван.

⁹⁹ «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1842) Гоголя.

¹⁰⁰ В постановке «Ревизора» в Московском Художественном театре (1921, режиссер К. С. Станиславский) роль Хлестакова исполнял М. А. Чехов. Это — одна из самых прославленных ролей актера (см.: Громов В. Михаил Чехов. М., 1970, с. 87—99; Строева М. Н. Режиссерские искания Станиславского. 1917—1938. М., 1977, с. 50—69).

¹⁰¹ Ср.: «Мейерхольд выявил самой конструкцией сцены конструкцию гоголевских творений в их целом: „Гоголин“ комедии „Ревизор“» (Белый Андрей. Гоголь и Мейерхольд, с. 26).

¹⁰² На этом текст обрывается.

В архиве Иванова-Разумника хранятся также подготовительные черновые материалы Белого к книге «Мастерство Гоголя» — выписки из Гоголя, систематизированные по темам исследования (№ 46, 66 л.), и отрывок рукописи, лишь отдельные страницы которой поддаются прочтению (№ 47, 45 л.).¹⁰³

Из других материалов Белого упомянем: библиографические заметки по западноевропейской литературе конца XIX—начала XX в. — преимущественно списки авторов и произведений и хронология событий французской литературной жизни;¹⁰⁴ неполную машинописную копию статьи Белого «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» (1928) (№ 62, 74 л.);¹⁰⁵ заметки Белого при чтении сборника «Новые идеи в математике» (№ 58, 2 л.); черновой набросок незавершенной статьи Белого «Россия» (№ 70, 2 л.) и материалы к ней (№ 51, 2 л.); заметки Белого — наблюдения над языковым составом и стилем романа «Петербург» (№ 53, 23 л.); записи Белого дневникового характера в копии Иванова-Разумника (№ 36, 3 л.), а также разрозненные заметки и черновые наброски самого разного рода (№ 26, 33 л.; № 37, 22 л.).

---

¹⁰³ Сохранились также два заключительных листа машинописной копии статьи Белого «Гоголь» (№ 35), напечатанной в «Киевской мысли» (1909, № 78, 19 марта).

¹⁰⁴ Вероятно, это подготовительные материалы к статье о французских символистах, над которой Белый работал в 1918 г. (ЛН, с. 630). Сохранился беловой отрывок начала этой статьи (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 46, 9 л.).

¹⁰⁵ Рукопись статьи хранится в ЦГАЛИ (ф. 53, оп. 1, № 74).

А. А. Александров

МАТЕРИАЛЫ Д. И. ХАРМСА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Даниил Иванович Хармс (настоящая фамилия Ювачев) принадлежал к поколению детских писателей, вступивших в литературу во второй половине 20-х годов (Б. Житков, А. Пантелеев, В. Бианки, Е. Шварц, А. Введенский, Н. Олейников, Т. Габбе и др.). Деятельность этих писателей была связана с работой ленинградского детского отдела ГИЗа, руководимого С. Маршаком, и с ленинградскими детскими журналами «Еж» (1928—1935) и «Чиж» (1930—1941). Ряд произведений Хармса, опубликованных в «Еже» и «Чиже» («Иван Иваныч Самовар», «Игра», «Миллион», «Иван Топорышкин», «Веселые чижы» (в соавторстве с Маршаком), «Ушел из дома человек», «Что это было?» и др.), вошли в классический фонд детской литературы.

«Этот талантливый поэт <...> обладал редкостным даром понимать ребенка и быть участником его веселой игры, — писали о наследии Хармса мастера советской детской литературы. — Умению писать для самых маленьких у Хармса могут поучиться многие авторы книг для детей. Радостное восприятие мира, причудливое воображение, способность играть словом — все эти свойства, присущие нашей поэзии для детей, в частности поэзии Д. Хармса, — так же необходимы для нормального роста ребенка, как витамины в пище».¹

¹ Маршак С., Михалков С., Чуковский К. В редакцию журнала «Крокодил». — В кн.: Маршак С. Собр. соч., т. 8. М., 1972, с. 531. О творчестве Даниила Хармса см.: Трещин В. О «смешной» поэзии. — Детская литература, 1939, № 9, с. 20—25; Чуковский К. От двух до пяти. — В кн.: Чуковский К. Собр. соч., т. 1. М., 1963, с. 718—719; Пантелеев Л. Из ленинградских записей. — Новый мир, 1965, № 5, с. 149; Халатов Н. Его звали — Даниил Хармс. — В кн.: Хармс Д. Что это было! М., 1967 (послесловие); Петровский М. Возвращение Даниила Хармса. — Новый мир, 1968, № 8, с. 258—260; Рахтанов И. «Еж» и «Чиж». — В кн.: Рахтанов И. Рассказы по

Одновременно с работой над детской книгой, а часто и в прямой связи с ней Хармс писал стихи, рассказы, диалоги для взрослого читателя.² В литературном наследии Хармса подобных произведений больше, чем написанных для детей, хотя не всегда можно провести отчетливую линию между «детским» и «взрослым»; художественные средства здесь часто сближены. Непосредственность и эксцентризм, с одной стороны, и своеобразная нравучительность, с другой, свойственные творчеству Хармса, содействовали свободному переходу от «детского» к «взрослому».

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся материалы, относящиеся к началу литературной деятельности Хармса — середины 20-х годов. Они входят в состав архива Ленинградского отделения Союза поэтов и бывшего рукописного собрания Государственного института истории искусств (ГИИИ); рукописи Хармса находятся и в числе отдельных поступлений.³

Даниил Иванович Хармс родился 17 (30) декабря 1905 г. в Петербурге.⁴ Сведения о его матери крайне скудны. Известно, что Надежда Ивановна Ювачева (урожд. Колюбакина) принадлежала к дворянской семье, проживавшей в Саратове. В Петербурге она служила в Убежище для женщин, отбывших тюремное наказание. Отец, Иван Павлович Ювачев (1860—1940), был человеком необычной судьбы. Сын дворцового полотера, он стал

памяти. Изд. 3-е, дополн. М., 1971, с. 109—144; Каверин В. Он любил удивлять. — В кн.: Каверин В. Собеседник. Воспоминания и портреты. М., 1973, с. 71—75; Семенов Б. Вы непременно полюбите его. — Костер, 1976, № 3, с. 56—58; Гор Г. Замедление времени. — В кн.: Гор Г. Волшебная дорога. Л., 1978, с. 163—202; Юдина М. В. Создание сборника песен Шуберта. — В кн.: Юдина М. В. Статьи, воспоминания, материалы. М., 1978, с. 269—271.

² Произведения этого рода при жизни писателя опубликованы в сборниках Ленинградского отделения Союза поэтов (по одному стихотворению) — «Собрание стихотворений» (Л., 1926) и «Костер» (Л., 1927). Дальнейшие публикации появились в изданиях: День поэзии. Л., 1965, с. 290—294; Литературная газета, 1967, № 47, 22 ноября; 1968, № 46, 13 ноября; 1970, № 27, 1 июля; 1973, № 31, 1 августа; 1974, № 49, 11 декабря; Русская литература, 1970, № 3, с. 156—157; Вопросы литературы, 1973, № 11, с. 296—304; Аврора, 1973, № 3, с. 77; 1974, № 7, с. 78; В мире книг, 1974, № 4, с. 95; Поэзия. Альманах, вып. 14. М., 1975, с. 285—286; Московский комсомолец, 1978, № 150, 30 июня; Литературная учеба, 1979, № 6, с. 229—232.

³ Рукописи, относящиеся к 30-м годам и предназначенные для детских журналов, переданы в дар Яковом Семеновичем Друскиным, на протяжении многих лет сохранявшим дружеские отношения с Д. И. Хармсом. Я. С. Друскин — преподаватель математики, переводчик, музыковед.

⁴ В «Краткой литературной энциклопедии» (т. 8. М., 1975, с. 226) дата рождения Хармса указана неверно: 12 января 1906 г., т. е. 30 декабря принято за дату старого стиля. В записной книжке И. П. Ювачева (хранится в частном собрании) читаем: «17/30 декабря <...> В 8 ч. пошел домой. Маша-служанка объявила, что родился сын в 6³/₄ утра <...> Пришел батюшка и стали решать вопрос, как назвать сына. Сообща решили назвать Даниилом. Во-1) сегодня память Даниила, 2) 12 дней тому назад в 6-м часу видел во сне его, 3) по имени его „Суд божий“ можно назвать и свои личные страдания...».

моряком, вступил в военную организацию «Народной воли». В 1883 г. Ювачев был арестован. Он проходил по знаменитому процессу Веры Фигнер («процесс 14-ти») и был приговорен к 15 годам каторги. Около четырех лет Ювачев провел в одиночном заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. В 1887 г. его отправили на остров-тюрьму Сахалин. В 1895 г. Ювачев получил свободу. Возвратясь в Петербург в 1899 г., Ювачев, в прошлом моряк, автор ряда статей по метеорологии и геодезии, занялся литературной и общественно-религиозной деятельностью.⁵

Даниил Ювачев учился до 1922 г. в Главном немецком училище св. Петра (Петершуле), преподавание в котором велось на иностранных языках. В 1922—1924 гг. он жил в Детском Селе, где и закончил 2-ю детскосельскую школу (бывш. Маринская гимназия).⁶ В 1924 г. Ювачев поступил в Ленинградский электротехникум, но через год ушел из него. В 1926 г. он занимался на киноотделении государственных курсов при ГИИИ, но также не закончил их.⁷

С 1925 г. (а возможно, и раньше) Ювачев начал выступать в клубах, библиотеках, учебных заведениях как чтец. Он читал (нередко с музыкальным сопровождением) стихи современных поэтов (Блок, Маяковский, Хлебников, Северянин). В 1925 г. он уже называл себя — Даниил Хармс.⁸

---

⁵ Из книг И. П. Ювачева известность получили: Восемь лет на Сахалине [издана под псевдонимом — И. П. Миролюбов]. СПб., 1901; Паломничество в Палестину к гробу господню. СПб., 1904; Шлиссельбургская крепость. М., 1907; Война и вера. Очерки всемирной войны (1914—1916). Пг., 1917. Об И. П. Ювачеве см.: Сахарова Е. М. Судьба революционера и ее отражение в творчестве Льва Толстого и Чехова. — В кн.: В творческой лаборатории Чехова. М., 1974, с. 162—180.

⁶ Об этом периоде жизни Хармса см.: Балашова С. Воспоминания о Данииле Хармсе. — Вперед, г. Пушкин, 1973, № 134, 13 ноября.

⁷ Ленинградский государственный архив литературы и искусства, ф. 3026, оп. 1, № 1446.

⁸ Даниил Хармс — псевдоним, чаще всего употреблявшийся Д. И. Ювачевым. Всего их было свыше десяти (Даниил Хармс, Даниэль Хаармсь, Ххармс, Даниил Дандан, Чармс, Гармониус, Иван Топорышкин. Хармс-Шардам, писатель Колпаков, Карл Иванович Шустерлинг). Многие из современников видели в основном псевдониме Ювачева — Даниил Хармс — своего рода визитную карточку «заумника»: псевдоним воспринимался ими как бессмысленное сочетание звуков. Иногда в англоязырованном псевдониме усматривали связь с именем Шерлока Холмса, знаменитого героя рассказов А. Конан-Дойля (см., например: Бахтерев И. Когда мы были молодыми. (Невыдуманный рассказ). — В кн.: Воспоминания о Заболоцком. М., 1977, с. 61). Со своей стороны выскажем предположение, что «Хармс-Шардам» образовано от английского *charm* или немецкого *scharm* (Ювачев владел этими языками). Оба слова означают «обаяние», «чары». Глагол от них — «очаровывать, околдовывать». Образ повелителя, властелина, колдуна часто встречается в произведениях Хармса 20-х годов. В его ранних записных книжках мелькают названия книг по магии, есть и выписки из них. Мы полагаем, что в своем псевдониме молодой поэт «закодировал» представление о чарошее, колдуне.

В 1926 г. Хармс был принят в члены Ленинградского отделения Союза поэтов. Он выступал с чтением стихов на вечерах Союза, печатался в его сборниках. В конце 1927 г. Д. Хармс вместе с И. В. Бахтеревым, А. И. Введенским, Н. А. Заболоцким и др. создал литературно-театральную группу Обэриу (Объединение реального искусства, «у» в этой аббревиатуре присоединено исключительно ради «заумности»). В коллективной декларации обэриутов заявлялось: «Только левый путь искусства выведет нас на дорогу новой пролетарской художественной культуры».⁹ В качестве ориентиров «левого пути» назывались живопись левых художников и недавно созданный театр И. Г. Терентьева. В декларации Обэриу о творчестве Хармса говорилось, что главное в нем — динамика, «столкновение ряда предметов», что действие в его стихах как бы «перелицовано на новый лад».¹⁰

В январе 1928 г. в Ленинградском Доме печати состоялся вечер Обэриу «Три левых часа» с постановкой одноактной пьесы Хармса «Елизавета Бам».¹¹ К обэриутам приходит известность в литературно-художественной среде Ленинграда. С. Я. Маршак, в то время фактически руководивший работой Ленинградского детского отдела ГИЗа, вовлекает их в работу над детской книгой. «Самое большее, чего я мог ждать от них, — вспоминал позднее Маршак, — это участие в создании тех перевертышей, скороговорок, припевов, которые так нужны в детской поэзии, но все они оказались способными на гораздо большее».¹² Стихи и рассказы Введенского, Заболоцкого, Хармса стали появляться на страницах только что возникшего журнала «Еж».

Литературно-концертные выступления обэриутов в театральных и клубных залах Ленинграда прекратились в 1930 г., после того как в молодежной газете «Смена» появилась выдержанная в ортодоксально рапповском духе статья против молодых поэтов.¹³

В 30-е годы имя Хармса встречается исключительно в детских изданиях, однако его работа для взрослых не прерывалась. В частности, в предвоенные годы им были созданы такие значительные вещи, как неизданная повесть «Старуха» (1939) и частично

В экстравагантном и загадочном спектакле для себя и окружающих, в театрализации своей жизни Хармс отводил большое место необыкновенному, чудесному, таинственно-всесильному.

⁹ См. декларацию «Обэриу» в журнале «Афиши Дома печати» (Л., 1928, № 2, с. 11). О выступлениях обэриутов см.: Бахтерев И. Когда мы были молодыми. (Невыдуманный рассказ), с. 55—85; Александров А. Обэриу. — *Ceskoslovenská rusistika*, 1968, № 5, s. 296—303.

¹⁰ Обэриу. — Афиши Дома печати, 1928, № 2, с. 12.

¹¹ О вечере см.: Лесная Л. Ытуеребо. — Красная газета (веч. вып.), 1928, № 24, 25 января.

¹² Письмо Маршака к А. В. Македонову от 20 декабря 1963 г., см.: Маршак С. Собр. соч., т. 8. М., 1972, с. 509.

¹³ См.: Смена, 1930, № 81, 9 апреля.

опубликованный цикл коротких рассказов и пьес «Случаи» (1933—1939).

Даниил Хармс умер в 1942 г. С начала 60-х годов его личность и творчество снова стали привлекать к себе общественное внимание.¹⁴

Из рукописей Хармса, находящихся в Пушкинском Доме, самые ранние датированы 1925 г.¹⁵ К этому времени относится и анкета Ленинградского отделения Союза поэтов, заполненная Хармсом 9 октября 1925 г.; к ней прилагались стихи.

Ленинградское отделение Всероссийского Союза поэтов было организовано в 1920 г., его первым председателем стал А. Блок. В истории этого необычного по своей специализации Союза были бурные дни, было и полное затишье, но правила вступления в Союз как во времена расцвета, так и упадка оставались теми же. О них говорил Блок в одном из своих выступлений: «Редакционная коллегия рассматривает книжку стихов не менее чем в 5 печатных листов; такая книжка считается явным профессиональным признаком, благодаря которому коллегия может быть более снисходительной к оценке. Если же книжки нет, то в редакционную коллегия представляется не менее 10 стихотворений, в рукописи или в печатном виде».¹⁶

Хармс заполнил анкету Союза поэтов и приложил к ней две тетради стихов. Анкета Хармса весьма любопытна, несмотря на немногословные и негативные ответы: «нет», «нет таких» «не знаю». Ее можно рассматривать не только как биографический документ, но и как художественный текст. Хармс, находившийся в постоянной готовности к литературной импровизации и театральной игре, из своих ответов и анкетных вопросов образовал забавный диалог.

Две тетради, представленные Хармсом в приемную комиссию Союза, имеют обычный школьный формат, по 12 листов в линейку. На фиолетовой обложке первой тетради написано рукой Хармса: «Даниил Ив. Хармс 1925 направление Взырь Зауми». На обложке второй: «Даниил Хармс 1925 направление Взырь Зауми» (ф. 491, дело 5).

---

¹⁴ Изданы сборники произведений Хармса для детей: Игра. М., 1962; Что это было? М., 1967 (составитель и автор послесловия Н. Халатов); Двенадцать поваров. М., 1972. Вышли также отдельные произведения Хармса: Веселые чижки. М., 1965 (повторено в 1966 г.); Иван Иванович Самовар. Л., 1973; Что это было? М., 1976. См. также: Слонимский С. Веселые песни для сопрано, флейты-пикколо, трубы и ударных. Партитура. Стихи Д. Хармса. Л., 1974; Гернет Н. В., Хармс Д. И. Принтирам. М., 1977.

¹⁵ За исключением шуточного стихотворения 1922 г. нам не пришлось встречать в государственных и частных собраниях более ранних произведений Д. Хармса.

¹⁶ Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 6. М.—Л., 1962, с. 435.

Как видим, указанию своего «направления» молодой поэт придавал большое значение. В те годы Ленинградский Союз поэтов походил на шумный и разноязыкий уличный перекресток большого города. П. Тихонов, вспоминая порядки Союза, называл его «литературной Сечью».¹⁷ На открытых вечерах Союза, проходивших по пятницам, выступали «заумники и акмеисты, имажинисты и символисты, футуристы и пролетарцы, эмоционалисты и множество еще всяких „истов“».¹⁸ Творческое самоутверждение у молодых поэтов началось с выбора «направления», а то и с создания своей собственной «группы» или «школы». Хармс причислил себя к самому крайнему левому флангу Союза — к поэтам-«заумникам». Но тут же указал и на свою относительную самостоятельность, назвав себя в анкете «председателем Взорь Зауми».

Из ленинградских «заумников» наиболее известным был А. В. Туфанов.¹⁹ Своими ближайшими предшественниками он считал Елену Гуро, Велимира Хлебникова и Алексея Крученых. Туфанов утверждал, что заумная поэзия рождается «от жизненного порыва».²⁰ Годы войны, по его мнению, пробудили в человеке «идеал бродячей жизни и стремление уйти к недумующей природе»,²¹ — заумная поэзия является ответом на эти стремления. Она, как природа, есть движение и бесконечное развитие.

Хармс знал стихотворные опыты Туфанова и его «Основы заумного мироощущения».²² Более того, в 1925—1926 гг. он выступал вместе с Туфановым на литературных вечерах²³ и, без сомнения, немало перенял от своего старшего и эрудированного собрата по перу.²⁴

В двух тетрадах Хармса набело переписаны тексты следующих произведений: «От бабушки до Esther»,²⁵ «Наброски к поэме „Михаилы“», «Говор», «Землю, говорят, пзобрели конюхи», «Кюка и Кюка», «Тише целуются. . .», «Сек».

Из всех видов поэтического творчества первой половины XX в. поэзия «заумников», возможно, более других требовала чтения

¹⁷ Тихонов Н. Двойная радуга. М., 1964, с. 516.

¹⁸ Шварц А. На лекциях и собраниях. — Ленинград, 1925, № 25, с. 16.

¹⁹ А. В. Туфанов называл себя то «экспрессионистом», то «заумником». См.: Туфанов А. Слово об искусстве. — ИРЛИ, ф. 172, № 348. Первая часть этого манифеста повторяет отдельные положения вступительной статьи Н. Радлова к русскому переводу книги Г. Марцинского «Метод экспрессионизма в живописи» (Пб., 1923). Архив А. Туфанова хранится в ИРЛИ.

²⁰ Туфанов А. Заумие. — В кн.: Туфанов А. К Зауми. Пб., 1924, с. 7.

²¹ Там же, с. 8.

²² См.: Туфанов А. Ушкунники. Л., 1927, с. 5.

²³ См.: Штейман Э. Стихи и встречи. — Звезда, 1959, № 7, с. 185.

²⁴ Туфанов был старше Хармса на двадцать с лишним лет. В своих декларациях «Председатель Земного шара Зауми» (как иногда величал себя Туфанов) соединял теории Эйнштейна и Марра.

²⁵ Имя первой жены Хармса Эстер Русаковой, родившейся во Франции, в семье политэмигранта.

вслух. И, конечно, ее лучшими чтецами были сами авторы. В их исполнении прояснялись и ритм, и эмоциональный подтекст, и связь «заумных» элементов стиха. Тексты Хармса, записанные в тетради, также рассчитаны на произнесение вслух: во многих стихотворных строках автором расставлены акценты, отдельные слова разделены на слоги, введены интонационные тире. Пунктуационные знаки, однако, за редким исключением отсутствуют. Есть даже авторские указания относительно чтения вслух данных текстов. Так, к «Наброскам к поэме „Михаилы“» Хармс сделал следующее примечание: «Поэма 1 Михаил читается скандовочно — нараспев. Второй Михаил выкрикивается. Третий Михаил сильно распадается на слоги, но напева меньше, чем в первом».

На полях стихотворения «Сек», «заумно» рассказывающем о наказании озорника Мишеньки:

дрпб жриб бббу
джинь джень баба
хлесь — хлясь — здброво —
раздай мама!
Вот тебе шишелю! —

помещена ремарка: «качать укоризненно головой». Театральный жест в этом случае дополняет «заумное» слово. Чтение переходит в сценическую игру.

«Взирь Заумь» Хармса — это мозаика говоров. Слышатся в ней детская речь с утрированным, по словам ее исследователя, «фонетическим монизмом»,²⁶ жаргон учеников Петершуле, уличное просторечье (особый тип «взрослой» инфантильности — грубый, насмешливый). В результате «Взирь Заумь» представляет смешение наивного и скабрёзного, детского лепета и грубоватого выкрика.

«Заумное» содержание произведений, представленных Хармсом в Союз поэтов, довольно-таки разнообразно. В стихотворениях «От бабушки до Esther» и «Землю, говорят, изобрели конюхи» описывается не то полет, не то странствие по городу, а возможно, и по земному шару. Реальное смешано со сказочным, история с легендой. Перечисление на одном уровне увиденного и ассоциативного, мелькание признаков предметов, обрывков мыслей при прогулке, поездке, путешествии чрезвычайно характерно для «взирь» Хармса.²⁷

В таких текстах ощущается и футуристический динамизм, и влияние Туфанова с его любовью к фрагментам, стихотворным осколкам как антиподам целому, связанному, логичному.

«Говор», «Кика и Кюка», «Сек» совершенно явно ориентированы на детскую речь. Иногда в этих текстах звучит «фоническая музыка» Туфанова («финть фанть фунть» в «Секе», «ау

²⁶ Об этой особенности детской речи см.: Якубинский Л. Откуда берутся стихи. — Книжный угол, 1919, № 7, с. 23.

²⁷ См. его ранние стихи, опубликованные в сборниках Союза поэтов.

деау деррабара» в «Кйке и Кёке»), но в целом «фонической зауми» в этих текстах немного. Передать содержание этих произведений не представляется возможным: здесь и сценки из детского быта, и фантастические существа из детских игр, окрик и лепет.

«Наброски к поэме „Михаилы“» состоят из трех частей — трех монологов. Автор монологов обращается к просторечью. Особенно интересен ухарский и ернический монолог второго Михаила. Он строится под ритмы «плясули» и рассказывает об ухабистом пути «мужика» — «от иконы в хоровод». Приводим его полностью:

И М и х а и л

ста́нем б́иться
по гуля́не
пред ико́ною ами́нь
рукави́цей на ко́лени
заболéли мужики.
вытирали боро́дою
блю́дца
было боя́зно порою
огляну́ться
над ерёмой становился
каме́нь
я́фер
он кобы́лку сюртука́ми
забо́яферт —
— и куда твою деревню
пока́тило по гурта́м
за ело́вые дере́вья
задевая тут и там!
я держу тебя и холю
не зарежешь так прикинь
чтобы правила косою
возле моста и реки
а когда мостами речка
заколóдила тупы́ш
иесусовый предт́еча
окуна́ется туды ж.
ты мужик — тебе похаба
только плюнуть на него
и с ухаба на ухабы
от иконы в хоровод
под плясу́лю ты оборван
ты ерёма и святы́й
заломил в четыре горла
— дребездящую бутылку —
— разве мало!
разве водка!
то посе́я — то пошла!
а сегодня надо вóт как!
до последняго ковша.

В материалах Союза поэтов вместе с двумя тетрадями 1925 г. хранятся еще пять переписанных начисто произведений Хармса, датированных первыми месяцами 1926 г. На полях рукописи пер-

вого текста из этой серии неизвестной рукой написано «Хармс, вторично». Очевидно, комиссия Союза поэтов, прочтя две тетради Хармса, поданных им в октябре 1925 г., отложила вопрос о его принятии. Через несколько месяцев к имевшимся девяти текстам было добавлено еще пять, после чего Хармс был принят в Союз.²⁸

Новые тексты имеют следующие названия: «Полька Затылки (срыв)»²⁹ (датировано 1 января 1926 г.), «Половинки» (без даты), «Вьюшка смерть» (14 января 1926 г.), «Волчица шла дорогою...» (4 февраля 1926 г.), «Ваньки Встаньки» (11 февраля 1926 г.). Первый, четвертый и пятый тексты подписаны «Даниил Хармс», второй и третий — «Даниил Хармс. Школа чинарей Визирь Зауми». «Чипарем» называл себя и А. Введенский. Этот титул, видимо, был придуман Хармсом, который любил менять псевдонимы, составлять недолговременные общества и даже изобретать машины.³⁰ Слово «чинарь» отсылало к разговорной речи и означало, по-видимому, вольного и озорного юнца (жаргонный эквивалент *enfant terrible*). Этим наименованием Хармс подчеркивал свое отличие от «заумника» туфановского толка, хотя близость к поэтике Туфанова сохранялась в текстах Хармса долгие годы. «Чинарями» Хармс и Введенский называли себя до организации Обэру (осенью 1927 г.). Публичные выступления «чинарей» проходили бурно.³¹

В «чинарских» текстах 1926 г., так же как и во «взирь-заумных» текстах 1925 г., почти не встречаются знаки препинания. Точки появляются лишь в случае, если предложение заканчивается в середине стихотворной строки. После точки, за исключением имен собственных, употребляется строчная буква. Начало строки оформляется с маленькой буквы. Пунктуация отсутствует, но акценты встречаются довольно часто, немало интонационных тире, графически выделены строфы («фрагменты», по терминологии Туфанова). Иногда Хармс в интересах ритмической выразительности использует необычные в стихотворной речи обозначения, цифры (см. «Ваньки Встаньки»).³²

²⁸ На упоминавшейся союзной анкете Хармса имеется резолюция: «Принять по протоколу № 11 от 26 III 1926».

²⁹ В книге Туфанова «К Зауми» третий раздел назван «Срывы».

³⁰ О склонности Д. Хармса к изобретениям различного рода свидетельствует его сестра Е. И. Грицына. См. также: Л и ф ш и ц В. Машина. — Вопросы литературы, 1969, № 1, с. 242.

³¹ См.: Иоффе Н., Железнов Л. Дела литературные. (О «чинарях»). — Смена, 1927, № 76, 3 апреля. В этом газетном фельетоне сообщается о выступлении «чинарей» («они еще называют себя „левыми классиками“ и „левым флангом“», — указывали авторы фельетона) на собрании литературного кружка Высших курсов искусствоведения при ГИИИ 28 марта 1927 г. Л. Железнов, не удовлетворившись газетным фельетоном, организовал коллективное письмо в Союз поэтов, написанное столь же критически. Среди материалов Союза поэтов хранится объяснительная записка Хармса и Введенского по поводу письма Л. Железнова и его группы.

³² Числительные Хармс вводил и в детские стихи, например в «Миллион». Возможно, эта практика Хармса позволила сказать Маршаку:

В записной книжке Хармса 1925 г.³³ можно прочесть: «Если от незаумной вещи можно требовать национальность, то от зауми тем более». Это положение было в числе основополагающих в эстетической системе «чинаря» Хармса. В текстах 1926 г. можно установить связи с балагурным гротеском народных потешек и присказок, с эксцентрикой скороговорок. В стихотворении «Вьюшка смерть», посвященном памяти С. Есенина, введены песенные обороты.

В некоторых из этих текстов рельефно проступает и драматургическая основа. В «Ваньках Встаньках» появляются маски действующих лиц, между ними завязываются диалоги. Однако «текучесть»³⁴ (это слово Хармс вслед за Туфановым употреблял при объяснении своей поэтики) художественного строя этого произведения таково, что текст можно рассматривать как стихотворное произведение с появляющимися время от времени диалогами и как драматическую сценку с развернутыми стихотворными ремарками.

В декларации Обэриу бывшие «чинари» решительно заявляли: «Нет школы более враждебной нам, чем заумь. Люди реальные и конкретные до мозга костей, мы — первые враги тех, кто холостит слово и превращает его в бессильного и бессмысленного ублюдка. В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его».³⁵ Эта часть декларации была направлена против языковых экспериментов Туфанова и К. Олимпова (наст. фам. К. К. Фофанов). Из обэриутов ближе всех к ним был Хармс. В своем творчестве 1927—1928 гг. он действительно отошел от «заумничества», но эволюция не была столь бурной, как можно ее представить по декларации. Об этом свидетельствуют стихи Хармса, входящие в собрание ГИИИ (ф. 172, № 377, 990—993).

В этом собрании находятся следующие тексты Хармса (в печати из них опубликованы два): «Искушение» (датировано 18 февраля 1927 г.), «Пожар» (две редакции от 20 февраля 1927 г.), «Выходит Мария, отвесив поклон...» (12 октября

«Числительные замняют иной раз в стихах ту „заумь“, которая составляет существенный элемент детских стихов» (письмо Маршака к М. С. Петровскому от 28 декабря 1963 г., см.: Маршак С. Собр. соч., т. 8, с. 454).

³³ Хранится в частном собрании.

³⁴ В 1930 г. Хармс составил «Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса». Приводим из этой индивидуальной декларации последние утверждения: «IX утверждение. Новая человеческая мысль двинулась и потекла. Она стала текучей. Старая человеческая мысль говорит про новую, что она „тронулась“ <...> X утверждение. Один человек думает логически; много людей думает *текуче*. XI утверждение. Я хоть и один, а думаю *текуче*. Всё» (Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

³⁵ Обэриу. — Афиши Дома печати, 1928, № 2, с. 11.

1927 г.),³⁶ «Стих Петра Яшкина» (без даты),³⁷ «Фокусы» (2 мая 1928 г.). Балаганная театральность, эксцентричная образность, подчеркнутая инфантильность героев — вот общие черты этих текстов Хармса.

Склонность Хармса к театрализации особенно заметна при сличении двух редакций «Пожара». Закончив стихотворение «Пожар» (произведение написано на тему, распространенную в детской литературе, а его герои — папа, Валя, няня — также относятся к кругу частых персонажей детской книги), Хармс в тот же день написал на его основе гротескно-фантастическую сценку. Преобразовывая стихотворение в пьесу, Хармс мало что изменил в нем. Он лишь убрал малопонятные строки о суете няни во время пожара и графически выделил реплики действующих лиц. Затем Хармс ввел нового героя (брандмайора) и усилил гротескную абсурдность ситуации. Приведем из второй редакции строки, описывающие пожар и пожарных:

няня смотрит в колыбель
нет его. глядит в замочек
видит комната пуста
дым клубами в окна ходит
стены тощие как пух
над карнизом пламя вьется
тут же гром и дождик льется³⁸
люди в касках золотых
топорами воздух бьют
и брандмейстер на машине
воду плескает в кувшине
Нянька к ним: вы не видали
Петю мальчика, не дале
как вчера его кормила
Брандмайор: как это мило!
Нянька: Боже мой! но где ж порядок!
где хваленая дисциплина?...

Стихотворной сценкой является и «Искушение».

Сближая свое творчество с авангардистской живописью, «чинари» видели в ней эстетический аналог их установкам на парадокс, эксцентричный абсурд.³⁹ В образах и положениях «Искуше-

---

³⁶ День поэзии. Л., 1965, с. 291—292. Пользуемся случаем, чтобы исправить ошибку, допущенную в первой публикации стихотворения «Выходит Мария, отвесив поклон...». В «Дне поэзии» в 16-й и 29-й (последней) строчках напечатано «бурое небо», но в рукописи Хармса читается «бурное небо». На рукописи «Выходит Мария, отвесив поклон...» рисунок, иллюстрирующий содержание стихотворения. Рисунок подписан «ИБ» — это Игорь Бахтерев.

³⁷ Костер. Л., 1927, с. 101—102.

³⁸ В первой редакции за этой строкой следовала заключительная: «и в груди сжимает дух». После чего шла характерная для Хармса концовка в инфантильном духе: «Всё».

³⁹ Критика находила в поэзии «чинарей»-обэристов «орнаментальные пятна звукового супрематизма» (см.: Толмачев Д. Дадаисты в Ленинграде — Жизнь искусства, 1927, № 44, с. 14).

ния» видна связь с гротесками театральной сцены 20-х годов — в частности, с «Блохой» Е. Замятина (пьесой по мотивам лесковского «Левши»). Динамичные хоровые реплики ее персонажей — «четыре девиц» войдут позднее в измененном виде в пьесу «Елизавета Бам»⁴⁰ и в детские стихи поэта. Приведем отрывок из «Искушения»:

полковник перед зеркалом:

усы завейтесь шагом марш!
приникни сабля к моим бокам
ты гребень волос расчеши
а я российский кавалер
не двинусь. лень мне или что
не знаю сам. вертись хохол
спadaй в тарелку борода
уйду чтоб шпорой прозвенеть
и взять чужие города

одна из девиц

полковник вы расстроены?

полковник:

о нет. я плохо выспался.
а вы?

девица:

а я расстроена увы

полковник:

мне жалко вас
но есть надежда
что это все пройдет
я вам советую развлечься.
хотите в лес? там сосны жутки...
плть может в оперу? тогда
я выпишу из Англии кареты
и даже кучера. куплю билеты
и мы поедem на дрезине
смотреть принцессу в апельсинс
я знаю: вы совсем ребенок
бойтесь близости со мной
но я люблю вас...

---

⁴⁰ Одноактная пьеса Хармса «Елизавета Бам» была поставлена обэриутами 24 января 1928 г. на сцене Дома печати. «Драматический сюжет пьесы распатан многими, как бы посторонними темами», — писалось о пьесе в декларации Обэриу (Афиши Дома печати, 1928, № 2, с. 13). Героиню, ни в чем не повинную девочку-подростка Елизавету Бам, преследуют две комичные и в то же время уголовные преступницы, — таков сюжет обэриутской пьесы. Он осложнен интермедиями, не относящимися к сюжету эпизодами. Если рассматривать «Елизавету Бам» именно со стороны «посторонних тем», то она предстанет своеобразным справочником по обэриутской поэтике. Хармс продемонстрировал в пьесе, написанной стихами и прозой, образцы «взирь-заумной» и «чинарской» поэзии. Машинписный текст пьесы с правкой и режиссерскими замечаниями Хармса находится у Н. И. Харджиева.

девица:
прочь нахал!

полковник ручкой помахал
и вышел зубом скрежеща
как дым выходит из прыща

девица:
подруги где вы?! где вы?!

— пришли четыре девы
сказали: ты звала?

девица (*в сторону*):

я зла!

четыре девицы на подоконнике:

ты не хочешь нас Елена
мы уйдем. прощай сестра
как смешно твое колено
ножка белая востра...

Творчество Хармса 30-х годов представлено в Рукописном отделе Пушкинского Дома автографами произведений для детей. Это стихи и проза: детские песенки, сказки, очерки, шуточные объявления в стихах о подписке на детские журналы «Еж» и «Чиж», рассказы о забавных приключениях постоянных героев журнала «Чиж» — профессора Трубочкина, Карла Ивановича Шустерлинга, Умной Маши; здесь же и начала произведений, так и оставшихся неоконченными.

Большая часть автографов детских произведений Хармса, хранящихся в ИРЛИ, опубликована при жизни писателя. Среди них такие широко известные произведения, как «Бегал Петька по дороге...» («Игра»), «Из дома вышел человек...», «Плих и Плюх», вольный перевод с немецкого стихотворной повести В. Буша.⁴¹ Легко уловить в них ритмы ранних стихотворений Хармса. Находятся здесь и рукописи небольших произведений Хармса, печатавшихся в детских журналах без авторской подписи. В каждом номере журнала «Чиж» появлялись неподписанные крохотные рассказы, двустихия, развернутые тексты к рисункам и другие малые жанры, без которых не обходятся обычно журналы для детей младшего возраста. Авторство подобных литературных мелочей (часто высокого профессионального уровня) установить почти невозможно, не располагая документальными доказательствами. В Рукописном отделе хранится несколько автографов, удостоверяющих авторство Хармса — мастера малой литературной

---

⁴¹ Впервые стихотворную повесть В. Буша «Плих и Плюх» на русский язык перевел К. Н. Льдов (Веселые рассказы про шутки и проказы В. Буша. Текст К. Н. Льдова. СПб., 1890). В вольном переводе Хармса отсутствует пятая глава, изменено содержание седьмой.

формы: «Жила-была собака...» (Чиж, 1935, № 10), «Что это значит?» (там же, № 12), «Как Володя быстро под гору летел...» (там же, 1936, № 12) и др.

Рукописная редакция Хармса, как правило, причудливее, необычнее опубликованной. Окончательный текст, судя по сохранившимся рукописям, образовывался в процессе обуздания писательского воображения, в процессе нахождения реальных мотивировок того, что в рукописи выглядит как необъяснимо странное или чудесное.

Интересны рукописные материалы, свидетельствующие о том, что известная «Сказка» Хармса, впервые появившаяся в «Чиже» (1935, № 7), родилась из неопубликованного рассказа. Здесь появляется будущая героиня «Сказки», проказливая выдумщица Леночка. Здесь найден и ритм повествования, в котором быстро нарастают неожиданные события. Приведем этот текст.

«— Вот, Леночка, — сказала тетя, — я уйду, а ты оставайся дома и будь умницей: не таскай кошку за хвост, не насыпай в столовые часы манной крупы, не качайся на лампе и не пей химических чернил. Хорошо?»

— Хорошо, — сказала Леночка, беря в руки большие ножницы.

— Ну вот, — сказала тетя, — я приду часа через два и принесу тебе мятных конфет. Хочешь мятных конфет?»

— Хочу, — сказала Леночка, держа в одной руке большие ножницы, а в другую руку беря со стола салфетку.

— Ну до свиданья, Леночка, — сказала тетя и ушла.

— До свиданья! До свиданья! — запела Леночка, рассматривая салфетку. Тетя уже ушла, а Леночка все продолжала петь.

— До свиданья! До свиданья! — пела Леночка. — До свиданья, тетя! А салфетка-то четырехугольная! До свиданья! До свиданья! До свиданья, четырехугольная салфетка!

С этими словами Леночка заработала ножницами.

— А теперь, а теперь, — запела Леночка, — салфетка-то стала круглой! А теперь — полукруглой! А теперь стала маленькой! Была одна салфетка, а теперь стало много маленьких салфеток!

Леночка посмотрела на скатерть.

— Вот и скатерть тоже одна! — запела Леночка. — А вот сейчас их будет две! Теперь стало две скатерти! А теперь три! Одна большая и две поменьше! А вот стол всего один!

Леночка сбегала на кухню и принесла топор.

— Сейчас из одного стола мы сделаем два! — запела Леночка и ударила топором по столу. Но сколько Леночка ни трудилась, ей удалось только отколоть от стола несколько щепок».

В 1933 г. в «Чиже» (№ 7, 8, 11, 12) печатались рассказы о профессоре Трубочкине. То была своеобразная игра редакции журнала со своими читателями. Всезнающий профессор Трубоч-

кин выдавался редакцией за реальное лицо. В 7-м номере была даже опубликована «фотография» профессора. Любознательным читателям предлагалось задавать Трубочкину свои бесчисленные детские «почему?» через почтовый ящик журнала. О профессоре Трубочкине вел репортаж писатель Колпаков (один из псевдонимов Хармса). Объем имеющихся в Рукописном отделе текстов Хармса о профессоре Трубочкине (38 л.) намного больше опубликованного. Хармсом были сочинены стихи «Профессор Трубочкин и ребята», так и оставшиеся в рукописи, возможно потому, что Трубочкин выглядел здесь слишком невероятным чудачком и фантазером. В печать не попали также эпизоды, посвященные поискам Трубочкина писателем Колпаковым. В рукописной редакции первого рассказа о Трубочкине (как и в стихотворении) профессор наделен чертами чудачковатого волшебника. В печатной редакции такой образ профессора оказывается маской, разыгрываемой со стороны озорника Феди Кочкина. Настоящий профессор Трубочкин, который появляется в 12-м номере «Чижа», энергичен и деловит, но этот образ отсутствует в сохранившихся рукописях Хармса.

К «полуопубликованным» материалам можно отнести также рукопись биографического очерка о детских годах А. С. Пушкина, который Хармс писал в декабре 1936 г. Очерк — отклик на столетие со дня смерти поэта, торжественно отмечавшееся в нашей стране в 1937 г. Второй номер «Чижа» за 1937 г. наполовину состоял из пушкинских материалов. Среди них помещен и редакционный (неподписанный) очерк о детских и лицейских годах Пушкина, обращенный к маленькому читателю. Теперь, ссылаясь на сохранившиеся рукописи Хармса, можно сказать, что он был одним из авторов журнального очерка о Пушкине.

Обращение Хармса к Пушкину не являлось случайным. Даже во времена «Взирь Зауми» и «чинарства» поэт не занимался ниспровержением литературы прошлого. Пушкина он любил всегда. Маршак, хорошо знавший Хармса, говорил о нем как о поэте «с абсолютным вкусом и слухом и с какой-то — может быть, подсознательной — классической основой».⁴²

Помимо «классической основы», побудившей Хармса принять редакционное задание, было, возможно, и обстоятельство личного характера. В Пушкине Хармс видел великого человека, властелина слова, а значит, и своего рода чародея, мага. Люди необычайной духовной силы, чудодеев всегда были любимыми героями Хармса.

Работа над популярным очерком о Пушкине шла нелегко. Хармс хотел не только рассказать маленьким читателям о детстве великого поэта, но и дать им представление о писательском труде. Очерк имел несколько редакций. Одна из них написана в виде

---

⁴² Маршак С. Собр. соч., т. 8. М., 1972, с. 509.

беседы с племянником, другая походит на торжественную речь о поэте. Третья приближена к биографическому рассказу.⁴³

Из неопубликованных произведений для детей только пемпне закончены. Это довольно большая для Хармса сказка «Заяц и Еж», стихи «Мы забрались в траву и оттуда кричим...», «Лыжная прогулка в лес» и др. В этих произведениях особенно заметно, как «детское» в творчестве Хармса встречается со «взрослым». Сюжет и даже отдельные строчки стихотворения «Мы забрались в траву и оттуда кричим...» очень близки стихотворению «Выходит Мария, отвесив поклон...». В стихотворении «Лыжная прогулка в лес», датированном 4 декабря 1931 г. и подписанном псевдонимом — Даниэль Хаармсь, употребляются, как и в произведениях «для взрослых» того же времени (конец 1931 г.), забытые «яти» и «еры».

Неоконченные произведения Хармса различны как по объему (от нескольких строчек до двух-трех листов), так и по тематике. Первые главки рассказа «Было лето. Светило солнце...» напоминают парадоксальную фантастику Л. Керролла, творчество которого Хармс знал и любил. Отрывок «Купил я как-то карандаш...» принадлежит к «страшным» историям. Причудливое и яркое воображение Хармса проявляется везде, даже в отрывках и только пачатых вещах.

---

⁴³ Возможно, что «Анекдоты из жизни Пушкина» (Литературная газета, 1967, № 47, 22 ноября) были написаны Хармсом в то же время, что и очерк для «Чижа». Только очерк писался всерьез и на исторической основе, а в «Анекдотах» пародировалась серия нелепых обывательских рассказов о Пушкине.

II. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Л. П. Архипова

ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX—XX вв., ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР ЗА 1976—1977 гг.

Рукописный отдел Института русской литературы выносит глубокую благодарность писателям В. И. Белову, В. Ф. Бокову, М. А. Дудину, В. А. Мануйлову, Ю. М. Нагибину, В. А. Солоухину, В. Ф. Тендрякову и другим, открывшим свои личные фонды в Рукописном отделе и пополняющим их новыми материалами. Рукописный отдел сердечно благодарит также за принесение ему в дар архивных материалов А. И. Бестужеву-Панаеву (Франция), Н. К. Величко, Н. В. Венгерову, П. В. Забелина, В. А. Каверина, Е. Е. Климова (Канада), Е. Н. Князеву, В. М. Колегова, В. П. Ляцкую (Чехословакия), Т. И. Лященко-Сухомлину, А. П. Мещерского (Болгария), И. А. Михроняц, О. В. Покровского, В. А. Прокофьева, А. Х. Репмана, А. С. Розанова, М. М. Тушинскую, А. В. Тюстина, В. С. Фраерман, Э. К. Чергинцеву (Чехословакия), П. Д. Шестакова, В. А. Шопина.

НОВЫЕ ФОНДЫ

Буренин Николай Евгеньевич (1874—1962), участник революционного движения в России, друг М. Горького, член Союза писателей СССР. Фонд 771.

Рукописи его (черновые автографы и машинопись): «Из воспоминаний об А. М. Горьком» (1953), «Незабываемое» (опубликовано под заглавием «Памятные годы. Воспоминания» (Л., 1967)), «Поездка в Трольхауген» (посещение виллы Э. Грига) (б. д.)

Письма Н. Е. Буренина: к Н. Ф. Афанасьевой 5 (1938—1946), А. А. Брянцеву (<1961>), Н. Ф. Верещагину (1961), С. С. Зиминной (б. д.), В. Е. Ивановой (урожд. Буренина) 309

(1886—1939), Е. Г. Игельстром (1945), И. И. Народному (псевд. Гарднея) (1938), С. В. Паниной 5 (1907—1913), Ф. О. Рассказову 842 (1917—1961), В. М. Смирнову (1951), Е. Д. Стасовой 3 (1954—1961), Ф. И. Шаляпину 2 (1915).

Письма к Н. Е. Буренину: А. Н. Агте (1960), А. С. Андреева (1960), Ю. К. Арнольда 2 (1898), И. М. Афоничева (1959), С. Т. Белякова (1962), А. Э. Березиной 7 (1959—1961), А. А. Блока (<1918>), И. А. Бровки (1910), Г. Бузони с припиской Ф. Б. Бузони, на немецком и шведском языках (1923), М. В. Васильева (1959), Н. П. Вельяшевой (1928), Н. Ф. Верещагина 10 (1959—1962), М. С. Виноградовой (1960), И. И. Витоля (1905), В. А. Войтенко 91 (1903—1950), В. В. Гордеевой 2 (1957, 1959), Л. Ф. Грамматчиковой (урожд. Коши) (б. д.), Е. Джиральдони, на французском языке (1923), Н. Л. Дилакторской (1959), Ф. И. Драбкиной 4 (1954—1955), Е. А. Желябужской 2 (1958), В. Е. Ивановой (урожд. Буренина) 88 (1883—1924), М. А. Игнатьева (1960), М. Д. Каменской (1923), Э. Я. Карлсона (1916), И. С. Книжника-Ветрова 2 (1961, 1962), Р. А. Ковнатор (1957), Л. В. Курского 8 (1957—1962), В. А. Лебедева 9 (1960—1962), А. И. Лютера 20 (1957—1962), К. И. Миллер (1960), А. Н. Михайловой 2 (1960), К. Д. Муратовой (1959), И. И. Народного (псевд. Гарднея) (1938), С. В. Паниной 7 (1907—1915), Л. Р. Пинчук 4 (1957—1961), С. Ф. Полесьева 6 (1959—1960), А. В. Порфирьевой 2 (1913, 1916), Г. М. Римского-Корсакова (1959), Н. И. Рихтера (1928), В. С. Серовой (урожд. Бергман) 3 (1914—1915), В. М. Смирнова 3 (1949—1950), П. С. Соловьевой (псевд. — Allegro) (б. д.), Д. В. Стасова 3 (1903—1904), Е. Д. Стасовой (1951), П. С. Стасовой 4 (1904—1915), Г. П. Томашевского (1958), К. И. Чуковского (1961).

Портреты (фото) Н. Е. Буренина, одиночные и групповые, около 80 (1906, 1957—1960).

Фотография с портрета В. М. Ходасевич «А. М. Горький» с дарительной надписью ее Н. Е. Буренину (1927).

Письма разных лиц: А. К. Глазунов — неустановленному лицу на визитной карточке (<1922>), Д. В. Стасов — Е. Э. Линевой (урожд. Паприц) (1913), Е. Д. Стасова — Н. Г. Туманову (1920).

Гитович Александр Ильич (1909—1966), поэт, переводчик. Фонд 756.

Произведения его (черновые и беловые автографы, машинопись): стихотворения в записных книжках и на отдельных листах, статьи, рецензии (1922—1966).

Письма А. И. Гитовича (автографы и машинопись): к жене С. С. Левиной 205 (1928—<1965>), М. М. Марьенкову 44 (1927—1944), Б. Ф. Семенову 50 (1942—1966).

Письма к А. И. Гитовичу (автографы и машинопись): И. К. Авраменко (1965), А. А. Александрова (1962), А. А. Ахматовой (б. д.), Н. В. Банникова 9 (1963—1965), М. П. Берновича 5 (1955—1962), Л. И. Борисова (1963), Н. Л. Брауна 3 (1963—1964), Б. С. Бурштына (псевд. — Иринин) 14 (1928—1963), Е. А. Вечтомовой (1965), М. Н. Виташевской 12 (<1950>—1957), П. Н. Воронько (1952), А. Галенца, рукой Л. М. Мкртчяна 3 (1965), М. Голодного (псевд. М. С. Эпштейна) (1935), Ц. Дамдинсурэна (1956), А. Ф. Достоевского 2 (1965, 1966), В. П. Дружина 3 (1927), М. А. Дудина 3 (1940—1965), А. Л. Дымшица 18 (<1953>—1966), Н. А. Заболоцкого 5 (1955—1957), В. Г. Зуккау (псевд. — В. Невский) (1934), М. В. Исаковского с приписками Б. С. Бурштына 4 (1927—1928), С. Кары (псевд. С. С. Кара-Дэмура) 12 (1964—<1965>), В. К. Кетлинской (б. д.), А. Д. Клещенко 9 (1948—1958), В. С. Колоколова 18 (<1956>—1966), И. Г. Колтунова 5 (1929—1939), Н. И. Конрада 31 (1955—1966), А. А. Лебедева 13 (1938—<1939>), жены С. С. Левиной 129 (1927—1946), В. А. Лифшица 45 (1930—1966), Б. М. Лихарева 5 (1928—1930), М. Л. Лозинского (1946), А. В. Македонова 36 (1961—1966), В. Н. Марковой 4 (<1960>—1965), М. М. Марьенкова 50 (1927—1964), Л. М. Мкртчяна 28 (1965—1966), Г. О. Монзелера 2 (1955, 1957), Н. А. Никитич (наст. фам. Н. А. Никитюк) 2 (1957, 1960), С. А. Обрадовича (1929), Л. А. Озерова (1966), П. Н. Ойфы (1966), Г. В. Пагирева 12 (1959—1966), Б. И. Панкратова 17 (1957—1963), В. Ф. Пановой 6 (1960—1965), Л. С. Первомайского (псевд. И. Ш. Гуревича) (1957), В. В. Петрова 13 (<1951>—1965), А. А. Прокофьева 5 (1951—1964), Л. Н. Рахманова 5 (1930—1965), Е. И. Рывиной (1942), М. А. Светлова 3 (1949—1957), Б. Ф. Семенова 336 (1962—1966), В. В. Смиренского 2 (1966), В. А. Сосюры (1965), А. К. Тарасенкова 3 (1936—1952), А. Т. Твардовского 5 (1929—1965), Н. Т. Федоренко 2 (1961, 1962), А. В. Федорова (1966), И. Н. Федорова 6 (1938—1941), О. Л. Фишман 14 (1955—1966), А. А. Холодовича 3 (1953—1965), Д. Т. Хренкова 2 (1965), А. Б. Чаковского (1955), А. Т. Чивилихина 5 (1938—1944), К. И. Чуковского (1965), Н. К. Чуковского 6 (1956—1965), А. Д. Чуркина (<1927>), В. С. Шефнера 18 (1938—1965), О. Шираза, рукой неустановленного лица, подпись-автограф (1965), П. Н. Шубина 3 (1939—1940), Г. Эмина (псевд. К. Г. Мурадяна) (1965), И. Г. Эренбурга 3 (1943—1963).

Личные и служебные документы: пропуска, справки, удостоверения личности, членские билеты (1927—1957), юбилейные адреса и поздравительные телеграммы в связи с 50-летием со дня рождения (1959).

Портреты (фото), одиночные и групповые, около 200 (1920—1960-е гг.).

Портреты (фото) разных лиц с дарительными надписями А. И. Гитовичу и С. С. Левиной: А. А. Ахматовой 3 (1946—1965), Б. А. Кежуна (1934), А. А. Прокофьева 3 (1932—1952), И. С. Соколова-Микитова (1967).

Материалы к библиографии произведений А. И. Гитовича, собранные С. С. Левиной (б. д.).

Материалы Сильвии Соломоновны Левиной (1913—1974), жены А. И. Гитовича. Воспоминания ее (черновые автографы и машинопись с правкой) об А. А. Ахматовой, Н. А. Заболоцком, М. М. Зощенко, М. А. Светлове (<1960—1970-е гг.>).

Письма к С. С. Левиной (автографы и машинопись): Ф. А. Абрамова (1968), П. Г. Антокольского 4 (1967—1968), А. А. Ахматовой 2 (б. д.), А. Л. Дымшица 9 (1967—1973), В. К. Кетлинской 5 (1972), П. С. Кобзаревского (1969), А. А. Лебедева (1939), В. В. Левица 2 (1968), В. А. Лифшица 36 (1942—1969), Б. М. Лихарева 2 (1935), М. М. Марьянкова 37 (1928—1967), Л. М. Мкртчяна 35 (1966—1973), Л. А. Озерова 2 (1968), В. Ф. Пановой (1960), В. В. Петрова 2 (1960, <1968>), М. С. Петровых (1973), Л. Н. Рахманова (1935), Е. И. Рывиной 15 (1942—1972), Н. И. Рыленкова (1969), Л. С. Самборской 4 (1945—1952), Б. Ф. Семенова 10 (1942—1943), Е. А. Серебрякова 4 (1968—1972), И. С. Соколова-Микитова 2 (1967), Н. Т. Федоренко (1968), Г. Фучиковой (1973), А. А. Холодовича (1968), Д. Т. Хренкова 12 (1967—1973), А. Т. Чивилихина 4 (1939—1944), М. Н. Чуковской 84 (1966—1974), Е. Л. и Е. И. Шварц (<1939>), В. С. Шефнера 14 (1938—1974), Г. Эмина 2 (1967, 1968).

Дрентельн Николай Сергеевич (1855—1919), преподаватель физики и химии в разных учебных заведениях С.-Петербурга (в 1892—1914 гг. был преподавателем Земской учительской школы Петербургского губернского земства), автор ряда учебников по этим предметам. Фонд 786.

Рукописи его (черновые и беловые автографы): воспоминания «Картины золотого детства», главы I и II, начало III главы, оглавление III—X глав (1917); «Два месяца в сумасшедшем доме» (1877), стихотворения 9 (1894, 1896).

Письма Н. С. Дрентельна (черновые): к К. Н. Ермолинскому (<1881>), сестре Е. С. Дрентельн 4 (1889—1890), В. В. Лермантову (1906).

Письма к Н. С. Дрентельну: А. М. Бутлерова (1886), В. М. Гаршина 15 (1876—1883), Е. С. Гаршиной (урожд. Акимова) 3 (1877—1881), М. Ю. Гольдштейна 3 (1881—1899), Л. А. Добыша (1909), К. Н. Ермолинского 2 (1883), А. И. Ефимова (1902), Л. Н. Зверинцева 3 (1880—1884), В. В. Лермантова 3 (1906), З. А. Макшеева 2 (1909, 1914), П. Л. Мальчевского (1913), Н. А. Умова 4 (1905—1914), Г. И. Успенского 3 (1882),

В. Ф. Эвальда, только подпись-автограф 2 (1886), А. Н. Энгельгардта 2 (1878).

Личные и служебные документы: свидетельства о рождении 7 мая 1855 г. и о браке 6 мая 1883 г.; свидетельства об обучении в различных учебных заведениях 9 (1874—1894), послужной и формулярный списки (1903, 1913), пенсионные документы 6 (1918).

Портреты (фото) 2 (б. д.).

Некролог Н. С. Дрентельна, написанный А. Ф. Чистовым, наборная рукопись (1919).

Письмо Н. Г. Тимофеева к Ек. С. Дрентельн (урожд. Бирюкова) по поводу смерти Н. С. Дрентельна (1919).

Материалы С. Р. Дрентельна, отца Н. С. Дрентельна: формулярный список, копия (1856); письма С. Р. Дрентельна брату А. Р. Дрентельну 2 (1865).

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), историк литературы, библиограф. Фонд 377.

Письма С. А. Венгерова к жене Р. А. Венгеровой (урожд. Ландау) 165 (1875—1917).

Письма к С. А. Венгерову: В. П. Авенариуса (1920), С. А. Адрианова (1919), Н. Ф. Анненского (1912), Г. Д'Аннунцио, на итальянском языке (1910), К. В. Аркадакского (1919), Н. А. Афиногенова (псевд. — Степной Н.) (<1918>), М. О. Ашкинази (псевд. — Delines M.), на французском языке (1889), Ф. Д. Батюшкова 4 (1917—1918), Андрея Белого (псевд. Б. Н. Бугаева) 4 (1917—1918), А. Л. Бема 3 (1918), С. П. Боброва, машинопись, подпись-автограф 3 (1918), Б. С. Боднарского (1918), В. Д. Бонч-Бруевича (1915), А. И. Браудо 15 (1900—1919), В. В. Брусянина (б. д.), В. Я. Брюсова 7 (1918), С. Н. Булгакова 2 (1918), И. А. Бунина (1918), Л. Э. Бухгейма (1919), Н. Н. Вакуловского 2 (1918), П. И. Вейнберга 7 (1906—1908), З. А. Венгеровой 228 (1881—1915), И. А. Венгеровой 66 (1902—1915), Р. А. Венгеровой 157 (1874—1916), Ю. Н. Верховского (1918), В. В. Водовозова 2 (1920), А. В. Ганзен 2 (1918, 1920), М. О. Гершензона 2 (1918, 1920), З. Н. Гиппиус (1903), П. П. Гнедича (1916), Э. Ф. Голлербаха (1918), Ю. В. Готье (б. д.), Л. Я. Гуревич (1917), А. С. Долинина 3 (1920), П. А. Ефремова (1898), Ф. Ф. Зелинского (1919), Р. В. Иванова (псевд. — Иванов-Разумник) 3 (1919—1920), П. Н. Исакова 2 (1898, 1899), А. П. Карпинского (1920), А. Ф. Кони 8 (1919—1920), А. А. Коринфского 4 (1918), В. Г. Короленко (1898), Н. А. Котляревского (б. д.), В. П. Крапивофельда (1915), П. А. Кропоткина (1918), В. А. Крылова (1905), И. А. Кубасова 2 (1918), А. И. Куприна (<1918>), П. Л. Лаврова 2 (1919, 1920), Н. О. Лернера (1920), В. И. Лихачева (1902), А. Мазона, на русском и

французском языке 2 (1918, 1919), В. Е. Максимова 2 (1916), И. Ф. Масанова 3 (1918), П. Н. Милюкова (б. д.), П. О. Морозова 2 (б. д.), В. В. Муйжеля (1918), В. Д. Набокова 2 (1914, 1918), Вас. И. Немировича-Данчепко 2 (1917), Вл. И. Немировича-Данченко (1918), С. С. Окрейца 2 (<1919>, 1921), В. В. Португалова (1882), Б. А. Садовского (1918), В. И. Сайтова (1916), Р. И. Сементковского 4 (1902—1919), Д. П. Сильчевского 4 (1891—1919), А. М. Скабичевского (1889), Вл. С. Соловьева (б. д.), Вс. И. Срезневского (б. д.), М. Н. Стоюниной (урожд. Тихменева) (1919), А. И. Сумбатова-Южина (1918), С. Н. Сыромятникова (1919), А. Я. Таирова, машинопись, подпись-автограф 2 (1919), Д. В. Философова 2 (1908, 1917), А. Г. Фомина 5 (1918—1919), В. М. Фриче (1916), Вс. Е. Чешихина 4 (1902—1917), Г. И. Чулкова (1917), П. Б. Шаскольского (1917), А. А. Шахматова 9 (1909—1919), Н. Н. Шульговского 3 (1918—1919), Л. В. Щербы (1917), Б. М. Эйхенбаума 3 (1918—1920), Б. М. Энгельгардта 7 (1918—1920), Н. В. Яковлева 3 (1918—1920), И. И. Янжула, машинопись, подпись-автограф (1898).

Письма разных лиц к Э. А. Венгеровой: П. Адана (P. Adam), на французском языке (1910), Я. Вассермана (J. Wassermann), на немецком языке (б. д.), А. Шницлера (A. Schnitzler), на немецком языке (1910).

Письма разных лиц к разным лицам: М. С. Громека — Н. И. Карееву 39 (1875—1881), В. Дорели (V. Dorély) — Н. И. Карееву, на французском языке 20 (1878—1884), К. Сен-Санс (C. Saint-Saens) — В. С. Бескину, на французском языке 2 (1911).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Гребенщиков Георгий Дмитриевич, писатель. Письма его к Н. К. и Е. И. Рерихам 2 (1925).

Грот Яков Карлович, историк литературы, академик, вице-президент Академии наук. Письмо его к М. А. Поленовой (урожд. Воейкова) (1880).

Деменков Пармен Семенович, московский вице-губернатор. Статьи его (беловые автографы и рукой неустановленного лица с пометами автора): «Друзья мира», «О влиянии, какое могут иметь железные дороги на торговлю и земледелие в России», «О влиянии первоначального воспитания на дух общественный», «Через тридцать лет» (о строительстве Московско-Петербургской железной дороги) (1848—1851).

Есенин Сергей Александрович. Стихотворение «Из всякого сердца вынется...» (Клавдии Александровне Любимовой), белой автограф (<1924>).

Каверин Вениамин Александрович, писатель. Роман «Перед зеркалом», неполная черновая рукопись второй редакции, часть первая, глава первая (<1965—1970>).

Карамзин Николай Михайлович. «Записка о древней и новой России», список с пометами П. С. Деменкова (б. д.). Письмо его к М. Н. Муравьеву (1804).

Квашнина-Самарина В. С. «А. И. Штукенберг. (Записки внучки)», беловой автограф (1975).

Круглов Александр Васильевич, писатель. Письма его к Н. Е. Андреевской 51 (1904—1915).

Крылов Иван Андреевич. Басни его (беловые автографы): «Река и пруд», «Лиса строитель», «Мартышка и зеркало».

Лопухин Иван Владимирович. «Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим. Ч. 1, 2», наборная рукопись журнала «Русский архив» с пометами П. И. Бартепева и П. С. Деменкова (б. д.).

Любимов Александр Михайлович, художник, профессор Академии художеств СССР. Портреты (фото) его 2 (1930).

Миклашевская Августа Леонидовна, актриса. Воспоминания ее «Мои встречи с С. Есениным и мои думы о нем», машинопись, подпись-автограф (1970).

Михайловский Николай Константинович, критик, публицист. Письма его к Н. С. Русанову 2 (1896, 1904).

Недоброво Николай Владимирович, писатель. Письмо его к В. М. Жирмунскому (1917).

Олейников Николай Макарович, писатель. Шуточные стихотворения его (автографы и машинопись) (1927—1933).

Покровский Олег Викторович, искусствовед. «Тревогой и пламенем», биография П. Н. Филонова, машинопись с фотографиями в тексте (1968—1977).

Римский-Корсаков Николай Андреевич. Письмо его к М. М. Ипполитову-Иванову (1907).

Тушинский Михаил Дмитриевич, медик, профессор. Письма к нему М. А. Кузмина (1934), М. Л. Лозинского 3 (1948).

Тюстин Александр Васильевич, пензенский краевед. Письма к нему Д. Д. Бурлюка (1964), А. Венцлова 3 (1964—1965) с приложением стихотворения «Неман и ты» на литовском и русском языках, Н. Д. Волкова (1963) с приложением портрета (фото) с дарительной надписью (1962), В. Ворошильского 2 (1965), С. К. Евграфова 4 (1965), В. П. Катаева (1967), П. Е. Корнилова 4 (1967), К. Корсакаса 2 (1964) с приложе-

нием стихотворения на литовском языке, Н. В. Кузьмина (1967), М. К. Куприной-Иорданской, машинопись, подпись-автограф 3 (1963), В. Г. Лидина 3 (1963—1965), В. А. Милашевского 4 (1967—1968), Е. Ф. Никитиной (1964), Л. В. Никулина (1963), Н. И. Сац (1965), А. И. Хачатуряна, машинопись, подпись-автограф (1965), М. С. Шагилян (1963), И. Ф. Шаляпиной (1960), И. Г. Эренбурга (1965).

Федоров Михаил Федорович. «Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год», оттиск из «Кавказского сборника» (1879. т. 3), с предисловием рукой М. Ф. Федорова и его дарительной надписью А. М. Герцых (урожд. Ольшевская) (1879).

Хармс Даниил Иванович (наст. фам. Ювачев), писатель. Произведения его (черновые автографы и машинопись): рассказы «Заяц и еж», «Лыжная прогулка в лес», стихотворения «Из дома вышел человек» и др. (1929—<1937>).

Чуковский Корней Иванович. Письмо его к К. А. Любимовой со сведениями о художнике А. М. Любимове (1967).

Шаляпин Федор Иванович. Письмо его к «русским харбинцам» (1938).

Шестаков Дмитрий Петрович, поэт, переводчик. «Переводы в стихах», машинописный сборник, составленный П. Д. Шестаковым (1976).

III. ПУБЛИКАЦИИ

В. П. БОТКИН

ПИСЬМА к М. А. БАКУНИНУ

Публикация Б. Ф. Егорова

В предшествующей публикации¹ было напечатано 10 писем В. П. Боткина к М. А. Бакунину, охватывающих первый год их переписки, от 15—16 июля 1837 до 17 июля 1838 г. Ниже вниманию исследователей предлагаются наиболее существенные из последующих писем В. П. Боткина (всего их за весь период переписки 1837—1840 гг. известно 46). Отдельные отрывки из некоторых писем были напечатаны в трудах историков и литературоведов.² В этих же работах достаточно подробно освещены взаимоотношения Боткина, Бакунина и Белинского.

Три темы господствуют в предлагаемых письмах Боткина к Бакунину, иногда следуя друг за другом, иногда напряженно сплетаясь: выяснение весьма непростых личных отношений (Боткин и подчинялся властному характеру Бакунина, и постоянно стремился освободиться от крайностей давления); любовь Боткина к сестре Бакунина Александре Александровне,³ вызывавшая у Бакунина сложный комплекс переживаний, среди которых преобладали ревность и неуверенность в глубине чувств влюбленных; наконец, сообщения Боткина о своих занятиях, особенно об изучении получаемых из Германии материалов, отражающих философскую и социально-политическую полемику младогегельянцев и реакционеров. Все эти темы представляют первостепенный интерес для понимания идейно-нравственной атмосферы круга Бакунина и Белинского на грани тридцатых и сороковых годов.

---

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976, с. 90—103.

² См.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1915 (далее: Корнилов); Березина В. Г. Белинский и Бакунин в 1830-е годы. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1952, № 158. Серия филол. наук, вып. 17, с. 34—86 (далее: Березина); Егоров Б. Ф. В. П. Боткин — литератор и критик. Статья 1. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1963, вып. 139, с. 20—81 (далее: Егоров).

³ Подробное изложение истории этой любви (с некоторыми неточностями) см.: Корнилов, с. 526—557.

Особенно тесно сплетены в письмах первые две темы, ибо взаимоотношения Боткина и Бакунина в основном определялись историей развития боткинской любви. Эта история началась в июне 1838 г., когда мать Михаила Бакунина, Варвара Александровна, приехала с дочерьми Татьяной и Александрой в Москву и Боткин почти ежедневно встречался с ними. Боткин влюбился в Александру, увидел с ее стороны намеки на ответное чувство, поэтому письма его к Михаилу (см. письма от 20 и 21 июня 1838 г.)⁴ полны ликования и счастья. Вслед за этим Боткин посетил Прямухино, тверское имение Бакуниных, где неделикатный друг учинил ему оскорбительный допрос (см. письмо от 17 июля 1838 г.); Боткин, мягкий и нерешительный по характеру, оглушенный нападками товарища, сам стал колебаться и сомневаться (см. письмо 1 настоящей публикации), но затем (возможно, под влиянием упорно спорившего с Бакуниным Белинского) начал в свою очередь тоже «на равных» спорить с нападающим (см. письма 3, 5). А когда Бакунин, жаждавший уехать за границу и полный сомнений в своих материальных возможностях, обратился к Боткину с просьбой не оставлять его в трудную минуту, то возгордившийся Боткин ответил самодовольным письмом (письмо 10), в котором можно усмотреть сомнения в искренности чувств просителя: Боткин как бы мстил Бакунину. Последний — наверное, в припадке ярости — ответил очень резко, и снова Боткин, опасаясь разрыва с дорогой ему семьей, сник и стыдливо попросил прощения (письмо 11).

К лету 1839 г. отношения становятся более ровными. Боткин опять едет в Прямухино, где его личное общение с Александрой и Михаилом создает иллюзию гармонии и радужной надежды на будущее. По возвращении Боткина в Москву между ним и Александрой Александровной завязывается романтическая переписка, из которой в архиве Бакуниных сохранились лишь письма Боткина (Александра Александровна впоследствии потребовала от него возврата всех ее писем и, очевидно, затем их уничтожила). Письма Боткина к ней — удивительная смесь восторженных чувств, сентиментальности, сомнений в себе и в ней.

Неожиданно одно из писем Александры к Михаилу, где она говорила о своих чувствах к Боткину, попало в руки ее родителей, убоявшись возможности ужасного мезальянса: брака дворянской дочери с купеческим сыном. Разразился семейный скандал (см. письмо 20), который заставил авторов переписки перейти к реальным действиям. Боткин и Александра Александровна в конце концов в ноябре 1839 г. вынудили ее родителей дать согласие на будущий брак; согласие, однако, было уклончивое и обставленное оговорками: окончательное решение откладывалось на год, молодым людям запрещались свидания и переписка (очевидно, родители надеялись, что через год они сами не сохранят своих чувств). Правда, тайная переписка опять возобновилась, но в ней с еще большей силой возобладали сомнения, на этот раз взаимные. А. А. Корнилов считает, что именно на этом основании «с Мишелем отношения у Боткина все более портятся» (Корнилов, с. 552). Это неточно. Как видно из пи-

⁴ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год, с. 97—100 (письма 7, 8).

сем Боткина к Бакунину от зимы 1839/40 г., отношения были, наоборот, относительно спокойные и дружественные, хотя Бакунин, наверное, и настраивал Боткина на более решительные действия (в кругу друзей даже предполагался тайный увоз девушки из дому). Интересно письмо Бакунина к Н. А. Беер⁵ от 21 марта 1840 г., где ярко обрисована разница характеров Бакунина и Боткина: «Прошедшую субботу встретились мы с Боткиным» у Огарева и стали играть в шашки. Он мне сказал: „Нет, Мишель, уж, пожалуйста, не вводи меня в конфликт“, а я ему в ответ: „Эх, друг, ты все прячешься по уголкам, выходи-ка на чистую воду“. Видите ли, Наталья, для умных людей всякая глупость, даже шашки, могут служить поводом к тому, чтоб сказать несколько умных речей».⁶ Однако Бакунин в марте—апреле 1840 г. занялся уговорами родителей отпустить его в Берлин, поэтому дела сестры и Боткина стали его интересоваться несколько меньше, как видно из его письма к Н. А. Беер от начала апреля: «...оставим Боткина в покое <...> потому, что Alexandrine его действительно любит и это возвышает его в глазах моих и делает его для меня священным» (Бакунин, II, 417). И лишь к лету, к отъезду Бакунина за границу, наступает в самом деле разочарование. В прощальном письме к сестрам Беер от 29 июня 1840 г., перед отплытием из Петербурга, Бакунин резюмирует: «Alexandrine еще не в ясности с собою; кажется, что она не любит Боткина и что она не будет его женою. Если мое предположение сбудется, то я от всей души перекрещусь» (Бакунин, II, 436).

К концу пребывания в России у Бакунина были все основания разочароваться в Боткине: ведь вся тяжесть моральных переживаний и семейных ссор пала на Александру Александровну. Она стала очень плохо себя чувствовать, а Боткин как будто бы в интересах охраны ее здоровья еще, видимо, окончательно добил ее нравственно своим сообщением об отказе от женитьбы (см. письмо 26). Правда, одновременно он писал родителям девушки о своем желании приехать в Прямухино для объяснений и, конечно, получил отказ, что еще более ввергло его в растерянность. Тайная переписка молодых людей, впрочем, продолжалась еще несколько месяцев, но в конце 1840 г., уже после отъезда Бакунина за рубеж, она, постепенно затухая, прервалась окончательно. Последнее из пачки писем Боткина к Александре Александровне относится к 19 декабря 1840 г., и там есть очень горькие строки: «Вы позволяете мне писать к вам — но я не знаю, что писать мне и о чем писать. Вы так меня отделили от себя, так убили во мне всякую уверенность в вашем чувстве ко мне, что я даже не знаю — для чего я писать буду» (ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 20, л. 53).

Как и в большинстве романов участников философских кружков тридцатых годов, ярко выявился «головной», теоретический характер любви

⁵ Сестры Наталья Андреевна (1808—1887) и Александра Андреевна (1810—1847) Беер — дальние родственницы, а также друзья юности Михаила Бакунина и его сестер; летнее имение Бееров Попово находилось в трех верстах от Прямухина.

⁶ Бакунин М. А. Собр. соч. и писем, т. II. М., Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934, с. 390 (далее: Бакунин, том, страница).

Боткина к Бакуниной (впрочем, с романтически-экзальтированным оттенком); столкновение с действительностью быстро разрушало такие романы.

Не менее напряженными, чем отношения с Бакуниными, были связи Боткина с Белинским; они лишь частично отразились в письмах Боткина к Бакунину. Конфликты начались еще в мае 1838 г., отражая споры Белинского с Бакуниным (Боткин был в основном на стороне Бакунина), затем наступило некоторое улучшение отношений, которое в конце года сменилось враждебностью (главным образом из-за материальной зависимости Белинского от Боткина: Белинский был в то время совершенно без средств существования). В феврале 1839 г. состоялось перемирие, но весной произошла новая ссора, чуть не приведшая к окончательному разрыву. Поводом послужила история неудачной любви Белинского к А. М. Щепкиной; поведение Белинского в этой истории было осуждено друзьями. Однако немалую роль, наверное, сыграли и идейные разногласия: именно весной 1839 г. Боткин под влиянием передовых философских и политических идей стал менять свои литературные взгляды, а Белинский еще не освободился от «примирительных» гегельянских принципов и весьма скептически относился к романтическим крайностям Боткина. И лишь летом 1839 г. совершилось примирение; с середины сентября Белинский даже переехал к Боткину и жил у него свыше месяца, вплоть до своего окончательного отъезда в Петербург. Впрочем, споры Боткина с Белинским продолжались и в сороковых годах (см.: Его-ров, с. 33 и след.). Такова идейная и бытовая атмосфера, окружающая Боткина в период, к которому относятся публикуемые письма.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 16, оп. 9, № 23). Даты указаны по старому стилю.

1

«Москва. Конец июля 1838».

Милый друг Миша, посылаю песни Офелии из «Гамлета»,¹ о которых говорил я Татьяне Александровне.² Эта сцена, эти песни и эта музыка глубоко действуют на меня. Несмотря что столько раз видел я «Гамлета», эта сцена всегда с новою, живою силою размучивает мне душу. *Der Schmerz umfaßt ja auch eine unendliche Welt,*^a — писала Татьяна Александровна к Лангеру,³ говоря об *adagio* одного квартета Бетховена,⁴ — истинная, глубокая мысль, — я хотел было эти слова сделать эпиграфом к песням Офелии. Тяжелая, заунывная грусть лежит в них, — я их страстно люблю. Эта простая музыка, эти молитвенные звуки, этот голос любящего, юного, нежного безумия, — я не умею передать тебе, что я чувствую. — *Der Menschheit ganzer Jammer faßt mich an,*^b — в этой сцене Офелии растворяется все существо мое в бесконечном океане грусти.

^a Скорбь охватывает также и бесконечный мир (нем.).

^b Вся боль человечества охватывает меня (нем.).

Попроси, пожалуйста, какого-нибудь из братьев списать мне Vater, ich rufe Dich,³ со всеми словами, и пришли мне.

Как я чувствую здесь одиночество свое в музыке. Странное дело! Все наши друзья прекрасные, умные люди, — а ни для кого из них музыка не существует как искусство, — даже почти и совсем не существует. Только мы с тобой двое чувствуем и можем говорить о музыке и ни с кем кроме. Ты не поверишь, как это отделяет меня от всех в самом внутреннем движении души моей. С кем поделиться моим самым блаженным, самым близким ко мне наслаждением? Ты поймешь, отчего в мои прекрасные минуты — весь этот прекрасный народ мне в тягость. Впрочем, я самый болезненный из всех их, человек болезненный и слабый, совершенно духовно малолетний, не способный принять какую бы то ни было действительность; призрак и в моей общественной и духовной жизни. Я в эти дни много думал о действительности и нормальности, о том, почему Станкевич завидует всякому нормальному человеку,⁵ — в этой зависти лежит глубокое и истинное основание. Я совершенно понимаю его и если не завидую нормальности ограниченных людей, зато от всей души презираю свое Икарово стремление и совершенно чувствую, как верно и справедливо решение судьбы в последнем, известном тебе случае. Нет, для таких созданий нужна не прекрасная душа, не человек с элементами, а полнота и сила.⁶ Друг мой, друг мой! Как ошибся ты во мне. Твоя любовь ко мне многое от тебя скрывала.

И однако ж, я чувствую, что жизнь для меня есть блаженство, что душа моя доступна ко всему мировому и абсолютному, что я свободно погружаюсь в волны бытия и с упоением плаваю в них. Но это только минутами. Да не в минутах ли состоит вся жизнь человека! Усвоить, бесконечно продлить эти минуты, сделать целую жизнь одною такою минутою, — вот чего хочу я, вот где моя действительность. А бывают минуты, когда я чувствую в себе силу и возможность достигнуть ее. Но это одни порывы. Прощай!

Чрез несколько дней еду в Нижний. Если будешь писать ко мне, адресуй письма в Москву, мне отсюда перешлют в Нижний. Пришли с Лангером мою книжку стихотворений Гете.

Несколько времени я сомневался, посылать ли песни Офелии. Они будут слишком растрогивать, особенно А<лександр> А<лександровну>.

Перья, которые посылал я с книгами, следуют Павлу Александровичу.⁷ Вчера был у меня Мочалов.⁸ Что это за чудный человек. Я в тысячу раз больше полюбил его.

Твой Василий.

---

³ Отец, я зову тебя (нем.).

Письмо датируется по явным признакам, что оно написано из Москвы, по намекам на недавнее пребывание в Прямухине у Бакуниных, по общению о скором отъезде в Нижний Новгород. Боткин мог быть в Москве между поездками в Прямухину и Нижний Новгород дважды: в 1838 и 1839 гг., но письма 1839 г. по возвращении из Прямухины имеют совсем другую интонацию, в них заметна относительная уверенность в браке с А. А. Бакуниной. Так как в 1838 г. Боткин прибыл в Нижний Новгород до 2 августа (см.: Егоров, с. 22), то письмо датируется концом июля.

¹ 22 января 1837 г. в Москве состоялась премьера «Гамлета» в переводе Н. А. Полевого и с П. С. Мочаловым в главной роли; с громадным успехом спектакль шел в течение нескольких лет (см. знаменитую статью Белинского 1838 г. «„Гамлет“, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета»). Постановка драмы носила ярко выраженный романтический характер: «...умная и даровитая Орлова из тихой, скромной Офелии делала какую-то бурную мелодраматическую героиню <...> Варламов написал такую несообразную с характером Офелии музыку к ее песням» (Родиславский В. И. Московские театры доброго старого времени. — Ежегодник имп. театров, сезон 1900/01 г. Приложение 2, с. 15; см. также: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 268—281, 290—293). Загадочной является немецкая фраза применительно к сцене Офелии: ведь П. И. Орлова пела песни по-русски! Или Боткин приравнивался к какому-то немецкому переводу «Гамлета», бывшему в руках Бакуниных, или же он достал в Москве ноты с немецким переводом.

² Татьяна Александровна (1815—1871) — сестра М. А. Бакунина.

³ Лангер Леопольд Федорович (1802—1885) — композитор, член кружка Бакунина—Белинского. Лангер как музыкант оказал большое влияние на Боткина.

⁴ Ср. в письме Белинского от 21 сентября 1837 г.: «Василий (Боткин, — Б. Е.) походил в этот вечер на Пифию на треножнике и был на небе от одного адажио, лучшего, как говорит он, какое только написал Бетховен» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т., т. XI. М., 1956, с. 182).

⁵ В известных письмах Н. В. Станкевича из-за границы подобная мысль не обнаружена; скорее всего Боткин неточен. Станкевич не столько «завидовал» нормальности, естественности, сколько сам стремился построить свою жизнь на естественных, свободных началах.

⁶ Возможно, Боткин намекает на какое-то разочарование Бакунина и его сестер в авторе письма из-за отсутствия у него философской глубины, по его словам — «полноты и силы».

⁷ Павел Александрович (1820—1900) — младший брат М. А. Бакунина.

⁸ Мочалов Павел Степанович (1800—1848) — знаменитый трагик.

2

⟨Москва⟩. 21 сентяб⟨ря⟩ 1838.

От сей страны гром,
От той страны гром!
Смутно в воздухе,
Ужасно в ухе!¹

В самом деле, смутно в воздухе нашем, Миша, это брожение, из которого должно выработаться что-нибудь лучшее и действительнейшее. Ты получил мое письмо, — и оно, верно, произвело на тебя неприятное впечатление. Так должно быть, я его писал к тебе с встревоженным сердцем.

А я потерял одного своего короткого приятеля — Жукова,² он умер. Жаль. Это был человек с душою глубокою, энергическою, характером сильным. С огромными требованиями на счастье, любовь, он не знал ни того ни другого, и умер, измученный непрерывными стремлениями и порываниями. Презируя наконец все свои стремления, он хотел их утолить в разумном браке, женился на гадкой девушке 30 лет, будучи сам 24, — женился, как он говорил, для спокойствия и «авось либо пройдет томительная хандра моя»; спокойствие далеко отлетело, жена наконец опротивела, хандра усилилась; зимою целый месяц провел я с ним в Харькове. Страшно было заглянуть в душу этого человека, так там все было разорвано. Я читал ему Евангелие Иоанна. На него оно сильно подействовало. Его остервенение на жизнь, его сарказмы на религию, историческое развитие и проч. смягчились; так я расстался с ним. Самые эти сарказмы показывали, как глубоко были в нем интересы эти.³ Через неделю сделался он болен, открылась чахотка, и его уже нет. Нет благородного, аристократической натуры человека! Я с ним прежде часто и много переписывался, — письма его целы, они замечательны по глубокой оригинальности и саркастическому колориту. Он умер 27 лет.

Иван Петрович⁴ расцветает день ото дня. Уверенность в своем призвании со дня на день проникает его. Он написал несколько превосходных стихотворений. Виссарпон теперь сидит весь в переписке с тобой, в которой. . . но

Лишь безумец зажигает
Там свечу, где Феб спяет,⁵ —

ты до всего сам своим умом дойдешь.

Последняя фраза письма опублкована, см.: Березина, с. 69—70.

¹ Неточная цитата из стихотворения В. К. Треднаковского «Описание грозы, бывшая в Гаге» (1726).

² Жуков — в Москве известно несколько купеческих семей Жуковых, но кого Боткин имеет в виду конкретно, обнаружить не удалось.

³ Боткин, очевидно, намекает на глубокий интерес Жукова к современным социально-политическим («историческое развитие») и религиозным вопросам.

⁴ Имеется в виду Иван Петрович Ключников (1811—1895) — поэт, член кружка Станкевича, друг Белинского.

⁵ Источник цитаты не обнаружен.

3

Москва. 15 октября 1838.

Несколько недель назад я получил от тебя письмо, любезный Миша, проникнутое беспокойным состоянием твоего духа. Твое уверение меня в достоинстве мысли и какое-то сомнение в моей

любви к тебе были для меня достаточными доказательствами этого тревожного состояния твоего духа, произведенного, как я полагал, письмом Белинского.¹ Долгий промежуток был после этого письма — и я, сказать тебе правду, совсем отчаялся получать от тебя письма надолго. Наконец вчера дождался. «Миша, Миша! он все тот же, каков был в нашу великую переписку!» — сказал я, прочитав письмо твое. Да, Миша, тот же мелкий взгляд на близких к нему людей (право, смешно бы нам теперь называть себя друзьями!), та же ребяческая опрометчивость в сношениях с ними.

Не сердись, Мишель, и не гляди презрительно сию минуту на пишущего тебе эти строки; да, я признаю в тебе мелкий взгляд на близких к тебе людей и ребяческую опрометчивость в сношениях с ними. Эти дурные стороны, от которых всего больше терпели отношения с большею частью твоих знакомых, ты много раз давал видеть в своих поступках. Я не думаю этим сказать, чтоб ты не признавал в то же время в приятелях своих хороших качеств, — напротив, признавая в них прекрасную субстанцию и глубину души, ты в то же время презрительно трактовал их, почти вовсе не дорожил, или весьма мало, дружескими с ними сношениями. Фактов я приводить не хочу, потому что уверен, что говорю правду, которая и без фактов ясна. Не знаю, происходило ли это от недостатка истинной дружбы между нами или просто от твоего несформировавшегося характера, — не знаю; впрочем, полагаю, тут виноват последний. И вот причина, почему у тебя ни с кем нисколько не могли утвердиться дружеские отношения. Вот, например, ты мне предлагаешь вопрос: люблю ли я тебя или ненавижу?! и хочешь, чтоб я решительно и немедленно отвечал тебе. Какой ребяческий вопрос!! Люблю ли я тебя или ненавижу? Ведь это наконец смешно и достолюбезно! Я прошу тебя: пойми всю смешную форму этого вопроса. «Полно нам наконец прятаться в кустах», — пишешь ты далее в своем последнем письме. Да, Миша, полно, давно полно, и чем бы дорогу указывать другим, тебе бы надобно выдти из кустов первому. Что я тебя не ненавижу — это видит бог. Я скажу тебе одно: ни с кем из близких ко мне не желал я так дружбы, как с тобою, и *никого* из близких ко мне так не любил я, как тебя. Этому поверь, Миша, и я говорю это тебе, положи руку на сердце. Но ты меня от себя оттолкнул, и моя душа оскорблена тобою. Даже теперь, когда я с взволнованным сердцем пишу к тебе, в сию минуту я чувствую, что ты мне дорог и близок к сердцу, я чувствую, что могу с страстною нежностью обнять, целовать тебя, как любовница, и в то же самое время всего изъязвить тебя, убить. И я знаю, что причина такой странной неровности, раздвоенности моего чувства лежит не во мне, а в тебе, — нет, теперь я не припишу это моему болезненному характеру.

Впрочем, мне давно хочется высказать мои отношения к тебе. Не знаю, как ты понимаешь свои отношения ко мне. Моя связь

с тобой основана на духе, на том таинственном, святом основании, которое я могу только предощущать в мои светлые минуты. Узы, которыми я привязан к тебе, не могут разорваться никогда, несмотря на то даже, если б я совершенно расстался с тобой и если б нас совсем разделили наши болезненные индивидуальности. Я, Миша, понял и осознал в себе то, что составляет святую сущность твоей жизни, вне всех твоих наростов и дурных субъективностей. И я люблю тебя в этой таинственной сущности твоего бытия, и с нею, с этою святою сущностью, составляющей твое истинное Я, навсегда я чувствую себя соединенным, и этого соединения не может расторгнуть ничто, ничто в свете.

Не говорю уже о том, что с тобою слито мое перерождение, что через тебя *первого* узнал я те идеи, от которых спала повязка с моих глаз и я вошел в свободную сферу бытия, где в первый раз свободно и легко вздохнул мой дух, утомленный скитаниями по темным излучинам рассудка и всяческим сомнениями. Вот чем ты вошел в мою жизнь. Не упоминаю о тех минутах, в которые мы вполне принимали в себя друг друга, когда моему погружению в тебя не было ни конца, ни предела, и чем глубже погружался я в тебя, тем величественнее и роскошнее открывалась мне организация твоего духа. То были, Миша, прекрасные минуты.

Вот сущность моих отношений к тебе. В них нет ни лжи, ни двуличия, ни призрачности. Но далеко, далеко отбросили нас друг от друга наши субъективности, наши обоюдные паросты, наше мелочное самолюбие и самоослабление.² Я знаю, чувство этого отдаления заставило тебя сомневаться в моей любви к тебе и это же самое чувство заставляет теперь меня сказать о моих к тебе отношениях. Да, Миша, мы далеко отброшены один от другого, и только *разумный опыт* жизни может соединить нас конкретно. Но, повторю опять, в этом главную роль играют твое невыносимое самолюбие, мелкий взгляд на близких к тебе людей и ребяческая опрометчивость. Ты до сих пор не любил *примирять*, а только мастер был разрывать.

Впрочем, пища это, я боюсь, что ты все это перетолкуешь в другую сторону (что с тобою и случалось) и дашь мыслям моим значение, какого я вовсе не думал давать им, и потому, пища это письмо с совершенно открытым сердцем, избегая всяких фраз и желая высказать яснее мои к тебе отношения, я прошу тебя понимать слова мои в их прямом и честном смысле, не предполагая никакой задней мысли, скрытности или трансцендентальности. Люблю ли я тебя? Но ведь это такой вопрос, на который ты можешь за меня отвечать себе, потому что хоть это, надеюсь, ты видел во мне. Впрочем, судя по твоим ребяческим со мною поступкам, я имею основательные причины думать, что ты меня вовсе не знаешь; но это в сторону. Я надеюсь, ты знаешь хоть то, что я глубоко оскорблен тобою. Это оскорбление явно показало твое ко мне чувство и степень уважения. Забыть этого оскорбле-

ния не могу, потому что оно пало на самую сокровенную и святую глубину моего чувства. Да и не хочу больше говорить об этом.

Напрасно ты боялся, что я начну с тобою полемическую переписку. Я вообще не люблю такого рода переписок, тем менее таких, о предмете которых я не имею никакого права писать. Это правда, что я во многом был согласен с Вкиссароном, но я согласился не вследствие его писем, — нет, мысли об этом бродили у меня уже в Прямухине и наконец более развились перед отъездом моим в Нижний.³ Относительно писем Белинского я поставил себя в стороне и не хотел мешаться, я только получал их от него для отсылки к тебе и тут уже прочитывал их. Во многом бывал с ним несогласен, но говорил ему уже отославши письмо; на многое, впрочем, и сам наводил его невольно, разговаривая об этом предмете. Ты согласишься сам, что Татьяна Александровна и Александра Александровна, и особенно последняя, были во время моего пребывания в Прямухине в таком болезненно-фантастическом состоянии, что была причина бояться за них, и наконец я начал высказывать свои опасения Вкиссарону. Не скрою от тебя, что я *первый* начал говорить об опасениях, и Вкиссарона это сначала поразило. Прав ли я или нет, решит время, мои же мнения об этом оставляю при себе.

Многому в этой переписке повредила субъективность Виссарона. Но, Миша, *такая* субъективность прощительна, она обрызгана кровью собственного сердца и многое уже заранее искупила страданием. Вспомни, какую ты роль играл перед ним так долго относительно его страсти,⁴ и пойми то остервененное ожесточение, какое вольно и невольно вырывалось в письмах его. Но один раз навсегда, Миша, как бы мы ни называли наши отношения, как бы ни характеризовали их, — наш союз свят, и что мы любим друг друга — это для меня верно, как то, что я живу. Что вследствие наших обоюдных *прекрасных* качеств, и особенно тех, о которых я говорю тебе в начале письма этого, мы можем ссориться, быть разделены во многом, даже наконец просто не желать видиться или видеться как можно реже, — но любить друг друга не перестанем, и если у нас не будет любви на языке, она таинственно и тихо будет гореть в душах наших. Что связано на небеси, то не может быть развязано на земле.

Прощай, брат.

В. Боткин.

В самом деле прощай, уже три часа ночи. Я же нынче был в театре.

Отрывки из письма с ошибками были напечатаны: Корнилов, с. 515—517; Березина, с. 70—71.

¹ Имеется в виду письмо Белинского к Бакунину от 10 сентября 1838 г.

² «Самоослабление» — термин из жаргона кружка Бакунина, означающий «прекраснодушие». См. примечание М. А. Бакунина в «Предисловии переводчика» к «Гимназическим речам Гегеля» (опубликовано: Московский наблюдатель, 1838, ч. XVI): «Результатом системы Якоби было то, что Гегель называет *прекраснодушием* (Schönseeligkeit) и что бы можно также назвать *самоослаблением*. Это прекрасная, но бедная, бессильная душа, погруженная в созерцание своих прекрасных и вместе бесплодных качеств и говорящая фразы не потому, чтоб она хотела говорить фразы, а потому, что живое слово есть выражение живой действительности, и выражение пустоты необходимо должно быть также пусто и мертво» (Бакунин, II, 171).

³ В Прямухине Боткин находился в первой половине июля, в Нижнем Новгороде — в первой половине августа, по крайней мере до 17-го числа (см.: Егоров, с. 22).

⁴ Имеется в виду безответная любовь Белинского к А. А. Бакуниной.

4

...ваю целые года. Но эти минуты изнуряют меня и усиливают боль в груди, которая с некоторого времени меня беспокоит. В Sing-Academie¹ пели превосходный Requiem Херубини.² До груди ли тут! Словом, я теперь живу весь в музыкальной сфере.

Письма на имя m-me Langer³ я тотчас же по получении отдал ей.

Adagio и Final сонаты Лангера почти готовы, он говорит, нужно только расставить знаки и пересмотреть. Он скоро их пришлет. Лангер занимается музыкой гораздо больше прежнего.

«Философию религии»⁴ нынче посылаю тебе с тяжелой почтой.

С сожалением извещаю тебя, что статья о Папах, которую я перевел, не пропущена цензурой.⁵

И с радостью, что «Крейслериана» Гофмана печатается в 10<-м> №;⁶ надеюсь, что переводом будешь ты доволен, тем более что я хотел его посвятить Прямухину, — и теперь от всей души кладу его у подножия Прямухина в воспоминание всех блаженных минут и дней, проведенных мной под его прекрасною сению.

Давно хотел я послать тебе эти стихи Ивана Петровича.⁷ Эти одни стихи показывают, что за глубокая художественная душа у этого человека и какой поэтический талант! Будь здоров, весел и не забывай твоего Василия.

1 ноября 1838.

Жду ответа от тебя.

Начало письма не сохранилось. Одна фраза из письма опубликована, см.: Березина, с. 71; одна, с ошибкой: Егоров, с. 78.

¹ Sing-Academie — частное филармоническое общество в Москве, основанное в 1835 г.; Боткин рецензировал в «Московском наблюдателе» один из концертов этого общества (1838, ч. XVI, март, кн. 2). В папке писем Боткина к Бакунину сохранилась недатированная записка: «Посылаю два билета для „Дон Жуана“. Он дается там, где дает свои вечера

Sing-Academie, т. е. на Большой Дмитровке. Начало в 8 часов» (ф. 16, оп. 9, № 23, л. 56). Очевидно, концерты были в Благородном собрании (ныне Дом Союзов).

² Херубини (или Керубини) Луиджи (1760—1842) — итальянский композитор.

³ Вероятно, жена Л. Ф. Лангера.

⁴ Имеются в виду «Лекции по философии религии» Гегеля (1821—1831), впервые опубликованные в 1832 г. в посмертном «Собрании сочинений» философа (т. 11, 12); до 1838 г. это было единственное печатное издание. Недавно этот труд впервые опубликован на русском языке: Гегель Г. В. Ф. Философия религии в 2-х т. М., 1975—1977.

⁵ Статью о папах обнаружить не удалось. Возможно, Боткин перевел, в связи со своим интересом к лютеранству (см. письмо 5), статью Э. Лерминье «Папство после Лютера», совсем незадолго до этого опубликованную в парижском журнале, см.: Lermnier E. La Papauté depuis de Luther. — Revue des deux Mondes, 1838, 1 avril.

⁶ Боткинский перевод «Крейслерианы» Гофмана опубликован в журнале «Московский наблюдатель» (1838, ч. XVIII, июль, кн. 2, с. 144—189). Этот номер вышел в свет лишь во второй половине ноября. Боткин, очевидно, вел нумерацию от момента перехода журнала в руки кружка Белинского—Бакунина (с 1-й мартовской книги): журнал выходил два раза в месяц, так что 2-я книга за июль как раз и была десятой по счету.

⁷ При письме стихотворения И. П. Ключникова отсутствуют.

5

Москва. 9 декабря 1838.

Хотел было писать к тебе большое письмо, но чувствую, что твои ответы на письма мои решительно отбили у меня охоту писать к тебе. Что же делать, Мишель, ты знаешь, что дружеский зов хочет дружного отзыва, а я на мой зов получал от тебя всегда самый резкий и сухой диссонанс, который язвил мне душу. Хочу тебе сказать только несколько слов. Кажется, что Виссарион хочет с тобой расстаться, и причиною этого ты и твои страннные поступки. Надобно покориться действительности и оставить все времени.

Что касается до меня, то сколько я ни вникал в мои с тобой отношения и, несмотря на многого, чувствую, что меня соединяет с тобой какое-то глубокое внутреннее понимание, я не умею этого определить, но чувствую это живо, и вместе чувствую живую потребность видеть тебя, говорить с тобой. О большей части интересов,^а которыми существую я, я мог и могу говорить только с тобой! И потому, Мишель, приезжай в Москву, остановись у меня, не для объяснений и критического разбора поступков, бог с ними, с этими старыми грехами, а так поговорим, вместе погрустим, порадуемся. Прощай, и пожалуйста, считая меня дилетантом, считай вместе и человеком, и не изрекай презрения на

---

^а В оригинале «интересах».

меня. Во-первых, это грех, а во-вторых, это презрение в настоящей твоей действительности к тебе совсем нейдет. Ведь я не хочу быть ни ученым, ни литератором, — если можешь меня любить таким, каков я есть, так люби, не можешь — так и быть. Брось гадкое цензорство, что касается до меня, я его никогда не терпел. Уведомь меня, когда ты будешь в Москву. Я был болен, теперь лучше. Очень у меня слаба грудь и болит.

Василий».

Пришли мне непременно Memoires de Luther.⁶ Мне нужно.¹

Несколько фраз из письма опубликованы с неточностями: Березина, с. 71.

¹ Книга под этим названием, вышедшая на французском языке (Париж, 1835), представляет собой своеобразную хрестоматию автобиографических высказываний Лютера, взятых из его трудов и из материалов его современников. Книга составлена известным историком и публицистом Жюлем Мишле.

6

Москва. 29 декабря 1838.

Что это ты вдруг замолк, любезный Мишель? Я получил твое письмо, за которое очень, очень благодарю тебя. Право, я в самом деле вижу, что ты стал о многом думать вернее и основательнее, и теперь мне ясно как день, что главною помехою в дружбе нашей были твои отвлеченные понятия о многом. Я жду свидания с тобой как праздника, — право, хочется отвести душу.

С одним только Ив<аном> Петр<овичем>¹ могу я говорить свободно или, лучше сказать, свободнее, нежели со всеми другими; но ты ведь знаешь его бесконечную оригинальность и субъективность. Можно сказать, что Ив<ан> Петр<ович> к душе моей ближе всех. Странно то, что мы не выговаривали друг другу любви нашей, а сходились понемножку, и как будто удивились, увидев, что мы друг друга глубоко понимаем. Ты теперь едва ли узнаешь его: так он переменялся. Нет уже прежних скептических неисчерпаемых фантазий, этой часто горькой эпитаграм<мы> на бога и человечество, все это разрешилось в глубокое, просветленное религиозное чувство, от него веет мне благоуханием вечной жизни, чем-то таинственно-святым. Он поэт примирения. И вот почему Вис<сарион> как-то неясно понимает его стихи. Ты не можешь себе представить, как меня трогает любовь ко мне Ив<ана> Петр<овича>! Я не могу тебе передать, сколько нежности, сколько девической стыдливости в ней! Право, Мишель, любовь таких людей поневоле заставляет меня подозревать, что

⁶ Мемуары Лютера (франц.).

я и в самом деле порядочный человек. В последнее время Ив<ан> П<етрович> написал несколько превосходных стихотворений, некоторые думал было к тебе послать, да тебя это, кажется, вовсе не интересует.

Каково-то поживаешь ты? Я знаю, Мишель, в последнее время тебе было не очень весело, по причине странного тона переписки нашей и писем Вис<сариона>. Ты, мне кажется, весьма ошибаешься, думая, что ты в Вис<сарионе> много потерял. Конечно, тут есть потеря, но потеря небольшая, потому что ты с Вис<сарионом> никогда не был и не мог быть другом. Того, что составляет сущность, таинственную, невыговариваемую сущность твоего духа, — он никогда не понимал. В моих с ним отношениях действительность и истина берут свое, и взаимные отношения наши принимают постепенно определение истины. Можно любить и уважать человека, но быть другом — это другое дело.

Ах, я тебя еще не извещал, что кельнское событие, о котором мы уже много говорили, имело важные следствия.² Великая польза его была та, что оно показало учение Гегеля во всей его мировой законности и лучезарном свете, оно дало повод ввести его в полемику и, следственно, популярно изложить его идеи о религии, государстве и взаимных отношениях их. Но всего важнее то, что эта полемика обнаружила людей, которые выдавали себя за гегелистов — и несколько ими не были. Ожесточение довело этих людей до глупости. И кто бы поверил, что между ними играет главную роль ученый, глубокомысленный Лео!³ Оказалось, что Лео — мистик! Впрочем, это видно из его истории. Да, он не постыдился написать брошюрку, в которой обвиняет последователей Гегеля — в чем бы ты думал? — в революционизме, безбожии, отвержении Христа и бессмертия души! Да! — более — ругается самыми скверными словами, просто донос. Между прочими отвечал ему Марбах.⁴ Какой ответ! Я читал его — и эти минуты счастливейшие в жизни моей. У меня он есть, ты прочтешь его — и только тут узнаешь, что такое Марбах.

Прощай, любезный Мишель, — верь моим чувствам к тебе и верь еще тому, что тебя ждет сердце человека, который, несмотря на множество своих дурных сторон, умеет понимать все твоё прекрасное и любить тебя. Право, ты не можешь себе представить, как мне хочется видеть тебя, говорить с тобой. Здоровье мое довольно плохо. Если все будет так, то я в Харьков не поеду, и ты пораньше приезжай тогда. Я тебе напишу.

Твой Василий.

Шаллер⁵ написал против штраусовой книги⁶ брошюрку «Der historische Christus».^a Превосходная вещь. А наши юные профессора насчет Гегеля подгуляли!⁷

^a «Исторический Христос» (нем.).

Два отрывка из письма неточно опубликованы, см.: Корнилов, с. 517—518; два других отрывка, о полемике в Германии, опубликованы: Егоров, с. 30.

¹ Речь идет о поэте Ключникове (см. письмо 2, примеч. 4).

² Речь идет о следующем: протестантское прусское правительство сильно притесняло своего противника, кельнского католического архиепископа Клементия-Августа (барона фон Дросте цу Фишеринг), вплоть до заключения его в 1837 г. в крепость. В защиту католицизма выступил мюнхенский профессор Й. Гёррес (Görres J. Athanasius. Regensburg, 1837), в свою очередь подвергшийся нападкам реакционного протестантского деятеля, историка и публициста Генриха Лео (Leo H. Sendschreiben an Görres. Halle, 1838) («Послание к Гёрресу»). Тогда прозвучал голос представителя левых гегельянцев: Арнольд Руге в организованной им еженедельной газете «Галлеские летописи» обрушился и на Гёрреса, и на Лео как на мракобесов и врагов рационализма (Ruge A. Sendschreiben an J. Görres von Heinrich Leo. — Hallische Jahrbücher, 1838, № 147—151, 20—25 June, Sp. 1169—1204). В ответ Лео написал брошюру «Hegelingen» (Halle, 1838), настоящий донос на «младогегельянскую банду», якобы призывающую к революции и атеизму. А. Руге в статье, опубликованной в своей газете (Ruge A. Die Denunciation der Hallischen Jahrbücher. — Hallische Jahrbücher, 1838, № 179, 180, 27—28 Jule, S. 1425—1440) («Донос на „Галлеские летописи“»), и Г.-О. Марбах в брошюрах «Aufruf an das protestantischen Deutschland wider unprotestantische Umtriebe und Wahrung der Geistesfreiheit gegen Dr. Heinrich Leo's Verketzerungen» (Art. 1, 2. Leipzig, 1838, 1839) («Призыв к протестантской Германии против непротестантских интриг и утверждение духовной свободы против обвинений в еретичестве со стороны д-ра Генриха Лео») отвечали Лео с позиций либерально-демократического свободомыслия, используя относительно радикальные выводы из гегелевского учения.

³ Лео Генрих, фон (1799—1878) — консервативный немецкий историк и публицист; в кругу Бакунина была известна самая солидная историческая работа Лео «История итальянских государств» (1829—1834).

⁴ Марбах Освальд-Готгард (1810—1890) — немецкий писатель, гегельянец. Боткин, видимо, успел пока прочитать лишь первую брошюру Марбаха против Лео (см. примеч. 2). Ср. в письме Боткина к Н. В. Станкевичу от 13 декабря 1838 г.: «Из всего, вызванного клеветами Лео, я читал только брошюрку Марбаха „Aufruf an das protestantischen Deutschland etc.“. Превосходная вещь, хотя тут еще только вступление. Что за народ эти молодые гегелисты! — а Лео просто сошел с ума» (Егоров, с. 31, частично опубликовано: Литературное наследство, т. 56. М., 1950, с. 120) Следует отметить, что брошюра Марбаха является большой библиографической редкостью, ее, по-видимому, не знает автор фундаментальной книги — О. Корню (Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. Изд. 2-е, дополн. Т. I. 1818—1844. М., 1976, с. 232—234), где обстоятельно излагается полемика вокруг книги Лео.

⁵ Шаллер Юлиан (1810—1868) — немецкий писатель и публицист, умеренный гегельянец. Полное название его брошюры — «Der historische Christus und die Philosophie. Kritik der Grundidee des Werkes „Das Leben Jesu“ von Dr. D. F. Strauss» (Leipzig, 1838) («Исторический Христос и философия. Критика основной идеи труда д-ра Д. Ф. Штраусса „Жизнь Иисуса“»).

⁶ Боткин, видимо, внимательно изучал книги Штраусса. В данном случае речь идет о знаменитой его книге «Жизнь Иисуса» (первое издание — Тюбинген, 1835); впоследствии Боткин изучил еще один труд Штраусса — «Ueber Vergängliches und Bleibendes im Christenthum» (Altona, 1839) («О преходящем и остающемся в христианстве»).

⁷ Смысл фразы неясен. Могут подразумеваться или москвичи, обучающиеся за рубежом, — Станкевич и Грановский (но, судя по письмам

последних, они не давали повода к такой прощ), или относительно юные профессора, находившиеся в Москве, — М. П. Погодин и С. П. Шевырев, но по тогдашним меркам их возраст, за тридцать лет, уже был далек от юности.

7

Москва. 3 января 1839.

Поздравляю тебя с новым годом, любезный Мишель. Никогда еще я повый год не встречал с таким тихим, религиозным чувством, как теперь. Прошедший год был для меня важнее всех годов моей жизни по многим отношениям, тем более я должен был обратить внимание на него, я собрал в себе все мимолетные и важные явления его, думал о них, думал о себе, результатом всего этого была благодарность богу за все, что он дал мне, доверенность к будущему и убеждение, что я стою выше всякого несчастья. Я думал тоже о тебе и снова повторяю тебе, что у меня с тобой, вне всех дразг, существуют святые отношения и что в душе моей я ближе к тебе был и есмь — нежели к кому бы то ни было. Прошу тебя, поздравь от меня Александра Михайловича¹ с новым годом.

Сегодня я еду в Харьков² несмотря на свое плохое здоровье. Папинька отговаривал меня, но у меня в основании лежит одно непреодолимое желание — быть одному, во что бы то ни стало быть одному. Ты не можешь себе представить, как надоели мне все эти сплетни, толки, все эти самолюбия; хоть один месяц успокоиться и собраться в себе; а я, право, потерял себя в этом бестолковом хаосе слов без содержания и мыслей без смысла. Ich sehne mich dich zu sehen.^a

Приезжай, тебя с уважением и любовью встретят Ив<ан> Петр<ович> и Катков.³ Здесь дела приняли другой вид. Я выговорил Вис<сариону> мое мнение о его мнимом журнальном призвании и доказал ему, что он журналистом быть не может решительно,⁴ и многое, многое я выговорил ему, опираясь на факты, на его же метод. Ну да об этом писать долго, лучше переговорим. Он на меня сердится. Я ему проповедую смирение и советую, чем судить и осуждать других, обратить поболее внимания на самого себя и проч.

Будут ли тебе нужны деньги для приезда в Москву? Напиши мне об этом в Харьков, адрес: В. П. Б<откину> в доме купчихи Горяиновой.⁵ Я возвращусь в Москву 3 февраля. Смотри же, останись у меня. Прощай.

Твой Василий Б<откин>.

Напиши мне, Мишель, в Харьков.

---

^a Я жажду тебя увидеть (нем.).

Отрывок из письма воспроизведен с ошибками: Корнилов, с. 518; одна фраза опубликована: Березина, с. 72.

¹ Александр Михайлович Бакунин (1768—1854) — отец М. А. Бакунина.

² В Харьков, как и в Нижний Новгород, Боткин ездил по делам чаотарговой фирмы своего отца.

³ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — литературный критик, член кружка Станкевича; сотрудник Белинского по «Московскому наблюдателю» в 1838—1839 гг.; в 1860—1880-х годах — известный реакционный деятель.

⁴ Боткин имел в виду чрезвычайную непрактичность Белинского, что привело к краху издание журнала «Московский наблюдатель»; впоследствии Боткин сам будет повторять неоднократно мысль о том, что Белинский как бы рожден для деятельности журналиста.

⁵ Эта фраза дает возможность датировать письмо М. А. Бакунина к сестрам и брату Беер январем 1839 г.; оно было приурочено Ю. М. Стекловым к середине октября 1838 г. В том письме Бакунин сообщал, обращаясь к Константину Бееру: «Боткин в Харькове, и потому распечатай мое письмо к нему, запечатай его в другой пакет и, написав на нем следующий адрес: „М. г. Вас. Петр. Боткину, в Харькове, в доме купчихи Горяиновой“, пошли его по адресу» (Бакунин, II, 215—216). Горяинова Софья Петровна — не только «купчиха», но и весьма образованная женщина, переводчица с итальянского. Драматическая история ее жизни описана в кн.: Карпов В. П. Харьковская старина. Из воспоминаний старожила (1830—1860 гг.). Харьков, 1900, с. 42—50 (переиздание: М.—Л., «Academia», 1933). С. П. Горяинова владела большой усадьбой в центре Харькова, давшей название Горяиновскому переулку, проходившему через ее участок (нынешнее название переулка — ул. Г. Ф. Квитки-Основьяненко — указано М. Г. Зельдовичем).

8

Спасибо за письма твои, любезный мой Миша. Но прости, если теперешний ответ мой далеко не будет соответствовать содержанию их. Я получил их вчера, и вчера же я по делам моим здесь получил такие неприятности, такие неожиданные тяжелые неприятности, что я еще не могу выбиться из-под томительной тягости их. На меня эти деловые неприятности, чисто рассудочные, имеют самое невыносимое влияние. Не знаешь, куда деться в их безвыходной сухой сфере, перед тобой непременно две крайности, — сжато, мертво, одолевает невыразимая досада, — убийственно, тяжело! Во всякой печали, если в ней отражается луч духа: пусть это будет потеря жены, сына, сестры, отца, матери, — есть какое-то таинственное услаждение, есть другой мир, куда переносит эта печаль, где спадает с нее вся тяжесть земного и она просветляется. Деловые, рассудочно-житейские, торговые отрицания, напротив, еще больше втягивают в самую земную юдоль земной жизни, и потому ли или по какой другой причине моего организма они невыносимы для меня. Насилу я сосредоточил эту неприятность в мысли, тогда мне стало легче.

Ты поймешь, что в таком состоянии я не могу тебе писать.

Относительно 1500 р., которые нужны Александру Михайловичу, я теперь не могу сказать решительно. Ты, конечно, пове-ришь, какая мне радость будет, если я буду хоть сколько-нибудь полезен этому прекрасному, от всей моей души уважаемому старцу. На этот раз я могу тебе сказать только, что у меня более надежды на исполнение, нежели безнадежности, — вероятность исполнения как 7 к 10. Наверно я могу сказать тебе по приезде моем в Москву, куда я не могу быть ближе 5 или 6 февраля.

Посылаю тебе при сем а<с>сигнациями> 75 рублей.

В.Боткин.

Харьков, 25 января 1839.

Одна фраза из письма опубликована, см.: Березина, с. 83.

9

Москва. 6 апреля 1839.

Книжка о Потемкине¹ так понравилась мне, это такое живое изложение, что мне показалось, что она может принести удовольствие Александру Михайловичу, и вследствие сего я рассудил в премудрости глубокой послать ее к тебе, что при сем и исполняю.

Больше и больше я дружусь с Гото.² Какая книга и какой человек! Книга Гото необходима для каждого из нас. Ни одна книга (разумеется, кроме «Эстетики»³) не даст такого глубокого, святого понятия об искусстве, и, что главное, книга Гото учит смотреть на искусство. Нельзя ничего вообразить лучше его изложения истории живописи и взгляда на Нидерланд<скую> школу. Это краткость и глубина мысли, напитанные религиозным и философским содержанием.

Наконец и дождался я «Дон Жуана».⁴ Никогда еще с таким трепетом, с таким внутренним стремлением не готовился я к принятию в себя художественного создания. С Гото изучил я оперу, беспрестанно переходя от Гото к опере, от оперы к Гото. Впрочем, я не совсем доволен разбором Гото, хотя кроме самого Д<он> Ж<уана> у него опера изложена превосходно. Ах, это было мученье! Италианцы ревели и фальшивили ужасно, но финал 2-го акта заставил меня забыть все, и то, что так названный оркестр состоял из двойного квартета и фортопьян. Трепет объял меня при приближении Командора, дрожь пробежала по мне, когда раздались протяжные, торжественные звуки могильного пришельца. Ни гнева, ни скорби, никакой страсти земной нет в этом небесном призыве, это кроткая важность почивших вечным сном, отрешившихся от всего земного. Я так еще полон этим

созданием, что ничего не могу выговорить, кроме восклицаний. Вебер⁵ не возносился до такого созерцания небесного и земного — и «Фрейшиц» и «Д<он> Жуан» нейдут в сравнение. Только это могу я сказать тебе.

Прощай. Твой Василий».

Что Бет<т>ина,⁶ что Бет<т>ина, что Бет<т>ина???????????

¹ В Европе и в России к 1839 г. вышло немало книг о знаменитом екатерининском вельможе Г. А. Потемкине; какую именно имел в виду Боткин, трудно сказать.

² Гото Генрих-Густав (1802—1873) — немецкий историк и теоретик искусства, гегельянец, издатель гегелевской «Эстетики». Ср. в письме Станкевича к Боткину из Берлина от 6 февраля (25 января) 1839 г.: «Эстетика особенно хороша — и хорошо издана. Гото с полным самоотвержением посвятил много времени на ее обработку, не имея в виду ни денег (никто из издателей Гегеля ничего не берет себе), ни славы — и сделал из нее художественное произведение. Его книгу „Vorstudien für Leben und Kunst“ «Введение в изучение жизни и искусства» я, пожалуй, пришлю тебе» (Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840. М., 1914, с. 492—493). Эту книгу, вышедшую в 1835 г., и имеет в виду Боткин в комментируемом письме. Значительная часть книги Гото посвящена анализу оперы Моцарта «Дон-Жуан».

³ Речь идет об «Эстетике» Гегеля (ср. письмо 19, примеч. 5).

⁴ Вероятно, петербургская итальянская труппа приезжала в Москву для концертного исполнения «Дон-Жуана» в зале Благородного собрания.

⁵ Вебер Карл-Мария, фон (1786—1826) — немецкий композитор, автор оперы «Волшебный стрелок» («Фрейшиц», 1821).

⁶ Беттина — Елизавета фон Арним (1785—1859), немецкая писательница, знаменитая своей публикацией «Переписка Гете с ребенком» (1835). Эту книгу М. А. Бакунин давно уже собирался перевести на русский язык. Несмотря на многократные напоминания друзей, Бакунин так и не осуществил этот замысел. Между тем Н. В. Станкевич, видимо, сообщил писательнице о переводе как якобы уже осуществленном; см. в его письме к Бакунину из Берлина от 5 апреля (24 марта) 1838 г.: «M-me Arnim (Беттина) интересовалась очень, кто ее перевел, и твое имя ей известно. Если тебе удастся быть в Берлине, она тебе будет покровительствовать; муж ее министр» (Переписка Н. В. Станкевича, с. 665).

10

Москва. 10 апреля 1839.

Сегодня я получил твое письмо, и спешу отвечать на него. Петру Петровичу¹ отвез твое к нему письмо. Он болен простудой и никуда не выходит. Завтра хочет писать к тебе.

Меня очень удивляют настоящее состояние твоего духа и какие-то твои странные обстоятельства, о которых ты намекаешь.² Думаю, думаю, — ничего не могу понять. Ты пишешь, что только лично можешь пересказать их, но ведь до личного свидания может пройти очень много времени (тем более что тебе нельзя весной приехать в Москву), а меня эта загадочная неизвестность беспокоит. Ты то же пишешь и к Ефремову,³ я говорил об

этом с ним, он только задумывается, а ничего не выдумывает. Но пусть будет так, как быть надобно.

Напрасно *просишь* ты меня не оставлять тебя в твоих затруднительных обстоятельствах (хотя я и не знаю их, но если они есть, и этого уже довольно). Просьба эта показывает, как еще мало ты знаешь меня. Как мне противны все мнимые, воображаемые несчастья, дела и необходимости, так все существо мое превращается в *Thatkraft*,^a если я только вижу и сознаю действительную нужду, действительную затруднительность близкого мне человека. Тогда снова возвращается ко мне мысль, которая родилась во мне, как только я могу себя помнить, мысль, бывшая мне утешением во всех страданиях моей души, на которой я, бывало, сладко отдыхал: это то, что если я не могу ничего совершить достойного человека и гражданина, то я могу по крайней мере пожертвовать собой для блага отечества, для счастья и жизни отца, друга моего, девушки, которую любить буду. Долго эта мысль постоянно занимала меня. Впоследствии, когда диалектика жизни много истребила доброго из моего сердца, когда другие интересы вывели меня из созерцания моего Я, эта мысль исчезла. Но и теперь, когда я вижу действительное несчастье, действительную нужду человека, мне истинно близкого, во мне опять оживает моя старая мысль со всею яркостью и силою юношеского пыла. Итак, один раз навсегда, — если тебе нужна будет рука, за которую ухватиться, когда ты будешь в опасности упасть с какой-нибудь высокой скалы в жизни, — смело протяни мне руку; если твое сердце захочет участия, захочет отдохнуть на груди другого от тяжкой борьбы в жизни, — ты у меня найдешь эту грудь и в ней кровное участие; захочешь ли облегчить себя доверенностью, я пойму всегда твою доверенность и благородно оправдаю ее. Я могу любить очень, очень немного людей, но мне кажется, что этих немногих я могу хорошо любить. Впрочем, у сердца моего очень тонкое чутье, оно тотчас узнает близость к себе другого сердца. Но зато ничто так не может отвратить меня, как притворная ласка, притворное и притворное участие, малейшая недобросовестность, и пуще всего отсутствие благородства в чувствах и поступках; но, святители, — я вижу, что письмо мое принимает какой-то грозный тон, — ах, Миша, не деликатности и притворной вежливости с собой прошу я, а прямоты и чистоты в поступках. Будь всегда со мной хоть до грубости прям и чист, я еще в тысячу раз больше буду любить тебя. Чисто и благородно сошлись мы с тобой, — надобно, чтоб связь наша была чиста, пряма и благородна. Пожалуйста, привыкай видеть во мне просто человека с таким-то и таким-то сердцем, а не человека с какими-то и какими-то сведениями. Но полно, я слишком заболтался о себе, — да ведь это все оттого, что мне хочется, чтоб ты меня знал, каков я есть со всею моею дрянью.

---

^a активная деятельность (нем.).

Ты спрашиваешь о наших квартетах, — они уже перешли в квинтет — и Гайдн сменил Моцарт. Ив<ан> Билибин⁴ наводит тоску гаммами — о ужас, с квинтетов перейти на гаммы. Я упробил Иоганн<и>са⁵ учить его на скрипке. Право, чувствуя в себе невозможность быть порядочным человеком и порядочным музыкантом, я отдыхаю на том, что хорошо быть хоть приятелем порядочных людей и хоть хлопотами приносить пользу людям, которых люблю. *Suum quique*.⁶

Что за бесценная книга Гого! Я упиваюсь ей. Прочитавши там очерк Англии и Шекспира, я не мог утерпеть, мне захотелось иметь понятие об исторических драмах Шекспира — и я прочел «Ричарда II». Какая драматическая жизнь, какая глубина и полнота каждого характера, и что за эфирная, поражающая поэзия! Странно, однако ж, то, что мне пришли в голову шиллеровы трагедии, — и чем более я погружался в Шекспира и в бесконечную организацию его индивидуальных характеров, в его божественное созерцание человека и гражданской действительности, тем величественнее возносилась передо мною идеальная действительность Шиллера. Чтоб истинно понимать Шекспира, надо пройти чрез Шиллера. Один заставляет видеть бесконечное в червяке и мельчайшем листике, другой развертывает картину человечества и заставляет жить в нем и сочувствовать его вечным интересам; один заставляет думать человека о судьбе земного его странствия, другой говорит: *Kurz ist der Schmerz und ewig ist die Freude*^{в, 6} — облагораживает его и очищает от мелкой ежедневности. Шекспир, словно нарочно, окружает человека всю самую обыкновенную ежедневностью для того, чтоб просветить ее незаходимым светом своей всемогущей и неистощимой поэзии, — Шиллер указывает на человека как на духа, вознесенного над всем земным, индивидуального не как характер, а как бессмертная личность, как самостоятельное, свободное Я. Отсюда вытекает у Шиллера частая вражда против существующего порядка, против общества. Ах, как досадно мне, что не читал я «Вильгельма Телля» и «Валленштейна»! Как бы они послужили мне к уяснению гения Шиллера. Сравнить Шекспира и Шиллера глупо. И тот, кто начнет входить в гений Шекспира, тому яснее откроется гений Шиллера. По крайней мере я так думаю, а впрочем, прощай.

Твой В. Боткин.

Я так эти дни полон созерцания Шекспира и Шиллера, только жаль, что не с кем поговорить.⁷ И столько теперь в голове теснится о них, да писать лень. До свидания оставим. Вот как расписался. Хотел было написать несколько строк — а вышло целое письмо. Не спешу высылать мне Марбаха и Гейне, они не нужны.

⁶ Каждому свое (*лат.*).

^в Кратка скорбь и вечна радость (*нем.*).

<На полях:> Но Шиллер не драматик. То, что всякий человек, даже стоящий на последней степени сознания, есть мисте-рия, — это ни у кого так мистически ясно не представляется, как у Шекспира. Поэтому-то Шекс<пир> и божественнее.

Часть третьего абзаца письма с грубыми ошибками опубликована: Корнилов, с. 524; раздел о Шекспире и Шиллере см.: Егоров, с. 33—34, 39—40. Историко-литературный комментарий к ценным суждениям Боткина о Шекспире и Шиллере см.: Левин Ю. Д. На путях к реалистическому истолкованию Шекспира. — В кн.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 347—349; Егоров, с. 33—34.

¹ Петр Петрович Ключников (1812—ок. 1861 г.) — врач, брат И. П. Ключникова.

² Об этих намеках можно судить по сохранившимся письмам Бакунина к А. А. Беер от 30 марта (Бакунин, II, 233—235) и к Н. В. Станкевичу от 13 мая 1839 г. (Бакунин, II, 246): Бакунин задумал ехать за границу.

³ Ефремов Александр Павлович (1814—1876) — друг Станкевича, Бакунина и Белинского.

⁴ Билибин Иван Иванович — московский музыкант, вероятно родственник Боткина. Упоминается в письмах Боткина и Белинского.

⁵ Иоганнис А. — московский музыкант. Упоминается в письмах А. И. Герцена.

⁶ Заключительная строка в драматической поэме Шиллера «Орлеанская дева» (1801).

⁷ Боткин здесь намеренно не упоминает о беседах с Белинским, что объясняется напряженными отношениями с критиком в апреле—мае 1839 г. А год спустя, в письме к Боткину от 16 мая 1840 г., Белинский так вспоминал минувшее время: «И это ты, с которым с одним изо всех мне так отрадно было говорить о Шекспире, и — помнишь — кажется, мы понимали друг друга. По крайней мере я причисляю эти разговоры к блаженнейшим минутам моей жизни» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т., т. XI, с. 524).

11

Москва. 19 апреля 1839.

Как меня взволновал тон твоей записки! Любезный Мишель, если тебе в самом деле показалось что-нибудь оскорбительно в моем письме, — поверь, все это вышло из напряженного и ужасно взволнованного состояния моего духа, в каком я писал его. Но все-таки прости меня даже и в невольном оскорблении. Знаешь ли, мне говорило предчувствие, что письмо мое — есть дурное письмо, потому что, написавши его, я не только не успокоился, напротив пришел в еще худшее состояние; лег спать — и не мог спать, и до сих пор, сам не знаю почему, мне тяжело вспомнить об этом письме. Значит, Мишель, оно вовсе не выражало состояния моего духа, ни моего чувства к тебе. Мне, может быть, хотелось писать о другом, и невозможность писать о другом, стесняя меня, произвела это болезненно-напряженное состояние души, которая искала хоть чем-нибудь излить муку свою. Но оскорбить тебя, в каком бы то ни было отношении, клянусь

моею честью, у меня не было и в мысли. Поверь мне, я говорю тебе откровенно и не скрываю ничего. Никогда в жизни не попрошу я от тебя такого снисхождения, какого прошу теперь. — Снисхождения, снисхождения, Мишель.

Петр Петрович письма твои отдал.¹ Он все еще не поправился. О высылке мне книг не заботься, пожалуйста ста. Мишель, если тебя стесняют сколько-нибудь ответы мне, не пиши их — не стесняй себя.

Между письмами 11 и 12 имеются еще два письма — от 9 и 13 мая 1839 г. Они почти полностью, хотя и с грубыми ошибками, опубликованы, см.: Корнилов, с. 519—520, 522. Боткин сообщает в них о резких столкновениях с Белинским на идейной и бытовой почве. Письмо от 13 мая, обращенное к Бакунину и А. П. Ефремову, уехавшему гостить в Прямухино, заканчивается так (этот раздел Корниловым не опубликован): «Завидую вам от всей души. Я думаю, теперь Прямухино уже сделалось раем. Уведомь, Мишель, когда ты поедешь в Питер и когда надеешься воротиться. Мне вместе с Ефремовым ехать в Прямухино не позволили дела, а если можно будет и ты сам будешь в Прямухине», то в первых числах июня. Иначе я не могу. Мне так душно в Москве, что нынче еду на два дня к Щепкину на дачу за 14 верст. Отец, сын и дочь Щепкины еще не приезжали в Москву.

Конфеты, Ефремов, я послал вчера. Катков спешил проститься с тобой и приехал в среду. Вообрази его досаду! Посылаю тебе письмо его, которое по великой аккуратности почтамта подано на другой день после его приезда — а он писал его накануне своего отъезда. Прощайте, господа. Ваш Боткин. 13 мая 1839. Москва. У Северина книг еще не получено».

Щепкины — знаменитый актер Михаил Семенович и его дети Дмитрий и Александра. В день отправления письма, 13 мая, Бакунин выехал из Прямухина, только не в Петербург, а в Москву (Бакунин, II, 143). В апрельских письмах в Москву он приводил списки книг, которые необходимо заказать у Северина (там же, 235—236, 238).

¹ Ключников П. П. жил в г. Веневе Тульской губернии, близ имения Бееров, так что письма Бакунина, очевидно, были адресованы Беерам.

12

«Москва». 8 июня 1839.

Письмо твое, но, главное, не письмо, а 800 руб. — я с величайшим наслаждением получил и распорядился ими, как ты пишешь. <И. П.> Ключникову вчера отвез сам; Северину¹ отдам нынче, хоть книги твои и не получены, — но ничего, это будет больше чести. Себе с благоговением взял 60. Эти деньги постараюсь сохранить на память как вещь необыкновенную, т. е. выходящую из твоего обыкновения!!!

Ездил вчера к Г. Безобразову,² который живет там, где ты пишешь, его не застал дома, сказал его супруге, которая, мимоходом сказать, тебя не очень жалует. Я с нею немножко поспорил о тебе. Вот, кажется, и все твои поручения. Да, благодаря Александра Михайловича за присылку этих 500 р.³

Я не знаю, Ив. Ив. Бил(ибину) едва ли будет можно ехать, вид его находится в Калуге, а в дилижансе без вида ехать нельзя. В телеге же я ни за что не согласен, — это бы ужасно разбило мне грудь.

Я хочу, чтоб ты непременно прочел «Ли́ра». Для этого я взял перевод Якимова,⁴ сверил его с подлинником, исправил, кой-где выправил язык и везу к тебе. Ты поймешь, что такое для меня эта драма, когда я решился на такой труд выправления. Прощай.

Твой Вас. Боткин.

Ты не можешь вообразить, с каким удовольствием я оставляю свои дела и przygotowляюсь недели на 2 проститься с ними! Господи! мне уже не надо будет ходить в амбар, — я могу сколько душе угодно лежать на траве, о, М(ишель), надо целый год прожить в городе, чтоб почувствовать, что такое деревня.

Addio mio caro!^a

Хотел было написать еще к Александру Михайловичу письмо, которое бы поразило его не краткостью, чувством, мыслию и красноречием, а просто изумило бы величию и глубиною; но так как предмет не велик и не глубок, всего только 500 руб., то и негде разгуляться.

¹ Северин Фридрих — владелец магазина немецкой книги на Кузнецком мосту, в доме кн. Голицына (ныне дом 26 — указано Г. А. Федоровым).

² Г. Безобразов — непонятно, что означает «Г»: «господин» или шрициал имени; из московских Безобразовых был наиболее известен Григорий Михайлович (ок. 1785—1854), видный чиновник (одно время московский гражданский губернатор); собственный дом его находился на углу Б. Лубянки и Б. Кисельного переулка (на месте современного дома 13 по ул. Дзержинского — указано Г. А. Федоровым). Не удалось установить генетических связей Г. М. Безобразова с московскими родственниками М. А. Бакунина — Филоной (Хионой) Николаевной и Марией Николаевной Безобразовыми (см.: Бакунин, I, 43, 91).

³ Очевидно, отец Михаила А. М. Бакунина расплачивался с долгом, своим или сына.

⁴ Якимов Василий Яковлевич (1800—1853) — профессор Харьковского университета, перевел трагедию Шекспира «Король Лир» (СПб., 1833).

13

Москва. 28 июня 1839. Ночь, и какая дивная ночь, — зачем не было таких ночей, когда я был в Прямухине...

Спешу тебе сказать, Миша, о важном явлении, которое, наконец, мне самому удалось видеть. Сначала несколько подробностей. У дяди моего Посникова¹ (отца того Посникова, медика, который уехал с Языковым² за границу) жила в семействе его

^a До свиданья, мой дорогой! (итал.).

племянница 17 лет, хорошенькая девушка. Только год она живет у него постоянно. Но до того времени она испытала много тяжкого; разнородные сильнейшие внутренние потрясения до того расстроили ее совершенно нервный организм, что вследствие одного внезапного испуга с нею стали делаться судороги, все члены беспрестанно двигались, лицо кривлялось, и все это переходило иногда в совершенную каталепсию.³ Но мне долго рассказывать тебе историю ее болезни, об этом когда-нибудь после. Надобно еще тебе сказать, что у дяди не был я давно, девушку эту видел назад тому с год, когда она была совершенно здоровою, и почти никогда не говорил с нею ни слова. Сегодня утром, только что я выхожу из телеги, прибегает брат Ваня⁴ и говорит, что эта девушка в *ясновидении*.

Не могу дольше писать, — глаза смыкаются и весь разбит, и грудь болит. А в голове бог знает что такое. Я еще не могу прийти в себя после разговора с тобой. До завтра. Я хожу как помешанный.

Утро, 29 июня.

Долго тебе говорить о том, как в ней вдруг, назад тому с неделю, постепенно развилось ясновидение, совершенно само собою, без всякого пособия магнетизма. Невозможно высказать того удивительного, которое выразилось в ее лице, когда она увидела Спас«ского». ⁵ Он не магнетизирует ее теперь, а дает пить одну намагнетизированную воду. Но меня подробности завели бы далеко, а я спешу рассказать то, что я видел и знаю.

В 8 часов вечера я был там. Меня встречает Ваня Билибин (он живет у дяди) с восклицанием: ну, В. П., чудо! Вхожу. В креслах сидит она, — я бы не узнал ее. Лицо ее совершенно изменилось. Из обыкновенно хорошенького в самом простом значении личика, румяного и живого, я увидел лицо бледное, с самым нежным розовым отливом, прозрачное; самое святое спокойствие, тихая, невыразимая задумчивость разлита была во всех чертах, — и вместе я не умею тебе определить, что за кроткое одушевление светилось в них. «Ну вот вы пришли — я рада добрым», — проговорила она. Немного спустя она проснулась. Перед ней стояла в кружке намагнетизированная вода, не успела она, отхлебнувши, поставить ее, как уже опять впала в сон. Моя двоюродная сестра, бывшая при ней, отвела меня в сторону: «Она говорила, что вы будете к ней, и хотела что-то вам одним сказать». Я остался один с нею. Она долго молчала, — наконец, я спросил: — Вы хотели мне что-то сказать? — Да, хотите ли слушать о нашем прошедшем? — Хочу.

Я не пишу, что она мне говорила, но это были обстоятельства моей жизни, которых она никак не могла знать. Мимоходом, но темно упомянула она о моем настоящем. Я сделал ей вопрос, она не отвечала, продолжая говорить.

Не могу тебе высказать, как странно это подействовало на меня. Пошли в сад, вечер был чудный. Немного пройдя, она опять впала в сон, и в каком положении она остановится, так и стоит; тут остановилась она на одной ноге, подняв другую для сделания шагу. Ее всегда водит очень любимая ею одна из дочерей дяди. «Вы скажите ему, чтобы он не тревожился того, что я говорила ему — никто не узнает». Я в самом деле был очень встревожен. Она беспрестанно просыпается и засыпает. Ей сорвали два белых розана. Когда после этого она заснула, сказала: «Боткин, возьмите эти две розы, они к вам идут». Немного помолчав, продолжала: «Оправдайте меня, меня считают обманщицей, думают, что я притворяюсь, а это меня так мучит, так мучит, словно укус льют на раны. Трудно жить человеку между людьми». — «А разве я вас понимаю?» — «Да, вы меня понимаете, мне с вами легко». — «А с Спас<с>ким вам легко?» — «Ах, Спас<с>кий, какой добрый Спасский, он меня знает».

Немного спустя спросил я: «Хорошо ли там, куда я ездил?» — «Река, как лента, извилась, сад роскошный, много, много цветов — и церковь». — «Привез ли я с собой оттуда цветы?» — «Да, они измяты». Билибин спросил: «А где лежат мои цветы?» — «Они лежат вместе там». Ваня в самом деле забыл у меня свои цветы. «Я бы вам сыграла ваше любимое место из квартета Бетховена, да не могу, металлические струны на меня так действуют».

Когда она иногда вечером подходит к фортепьянам и играет одни аккорды, искры так и прыгают с пальцев.

Покуда будет с тебя; множество подробностей я пропустил. Вообще мыслящая способность моя ужасно расстроена. Нельзя ли тебе приехать хоть на два дня, — явление в высочайшей степени важно, и не видать его было бы тебе непрослительно. Она еще не магнетизируется. Заметь, все это развилось само собою, что же будет, если ее станут магнетизировать! С нетерпением жду приезда ваших, о, если бы поскорей, поскорей они приехали! Хочется показать им эту девушку.

Вчера заезжал к Полторацким,⁶ но так как у крыльца стояло много карет, то я не пошел в комнаты, а спросил у человека, который сказал, что на следующей неделе они едут. На днях я узнаю достовернее и извещу.

Поклонись, пожалуйста, Александру Михайловичу и Варваре Александровне,⁷ а Татьяне Александровне и Александре скажи, что я не столько рад за себя, сколько за них, что они увидят наконец ясновидящую.

Твой Василий.

¹ Боткин неточен, говоря о «дяде»: из семейства Посниковых (иногда писалось: Постниковы) происходила мачеха Василия Петровича, Анна Ивановна (1805—1841). Речь идет о ее брате, московском купце Петре Ивановиче Посникове, и о сыне его Иване Петровиче (род. ок. 1814),

окончившем медицинское отделение Московского университета в 1835 г. (указано Г. А. Федоровым).

² Неясно, о каком Языкове идет речь. Известный участник кружка Белинского—Бакунина Михаил Александрович (1811—1855), кажется, в те годы не выезжал из России.

³ Катаlepsия — столбняк.

⁴ Ваня — брат Боткина Иван Петрович (1813—1869).

⁵ Спасский Михаил Федорович (1809—1859) — московский физик.

⁶ Полторацкие — вероятно, родственники Бакунина, супружеская пара Татьяна Михайловна (тетка Михаила) и Александр Маркович (1766—1839), писатель, брат отчима матери Михаила. Если речь идет об этих Полторацких, то уезжать им не пришлось: 7 июля Александр Маркович скончался.

⁷ Варвара Александровна (1792—1864) — мать М. А. Бакунина.

14

Любезный Мишель! Услышав, что семейство твое в Москве остановится в квартире Ржевского,¹ я не могу не сказать тебе моих опасений относительно этой квартиры. Я почти уверен, что Александр Михайлович не вынесет двух дней: небольшие комнаты окнами на многолюднейшую улицу в Москве, которых при этом отворить решительно нельзя, иначе пыли много станет ложиться в комнату, шум и стук от 5 часов утра до 5 утра, а днем такой, что с трудом можно говорить, воздух сжатый и душный, — все это побуждает меня сказать мое мнение, которое решительно не в пользу этой квартиры. Рублей за 200 в месяц можно отыскать в 1000 раз удобнее и — главное — покойнее. Итак, сказав тебе опасения мои, имею честь быть твоим покорнейшим слугою

В. Боткин.

7 июля 1839.

Жду от тебя письма.

Сегодня посылаю тебе несколько книг, полученных от Северина:

Hegels Philosophie d(er) Geschichte.

Schleiermacher Glaube.²

Carus. Physiologie.^{a, 3}

Прилагаю записку Северина, на которую ты дай ответ.

Во всяком случае я с удовольствием приму на себя поручение отыскать дом.

¹ Очевидно, речь идет о родственнике Бакунина и Бееров Владимире Константиновиче Ржевском (1811—1885), у которого был собственный дом на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевском), близ Сивцева вражка.

^a Гегель. Философия истории. Шлейермахер. Вера. Карус, Физиология (нем.).

Дом не сохранился, он стоял на месте дома 21 по бульвару (указано Г. А. Федоровым).

² Шлейермахер Фридрих (1768—1834) — немецкий философ, теолог, христианский проповедник; полное название книги — «Христианская вера» (Берлин, 1821).

³ Карус Карл-Густав (1789—1869) — немецкий врач. В Дрездене только что вышла его книга «Система физиологии» (1839).

15

⟨Москва⟩. 8 июля 1839.

Напрасно тревожит тебя сознание, будто твое письмо могло оскорбить меня. Нет, Миша, прошло, невозвратно прошло то время, когда ты мог меня оскорблять. Теперь, если ты и захочешь даже, — ты меня не можешь оскорбить. Давно уже умерло во мне жесткое чувство против тебя. Ты угадал — моя нынешняя поездка в Прямухино была полным примирением. Ты был со мною так прост, так нежен. Я с тобой почти не говорил о моем к тебе чувстве, да и не нужно было говорить. Мы, наконец, стали в такое положение друг к другу, что наши взаимные чувства перешли уже возраст слов, еще шаткий, колеблющийся, хотя и полный экстаза, — они вступили в возраст деяния, — возраст, в котором почти не говорится о взаимных чувствах, но где они проявляются в действиях. Таковы мои отношения к тебе.

Мне бы хотелось назвать тебя другим именем¹ — при этом имени сердце вдруг часто, сильно забьется — и делается страшно. Непосвященный стою я у врат храма с дерзким желанием вступить в него, стать причастником жизни вечной. Нет, не с дерзким желанием, а полный страха божия, священного трепета, я зываю: верую, господи, помоги моему неверию!

Уведомь меня, когда они² будут.

¹ Боткин намекает на свое желание стать мужем Александры Александровны Бакуниной — тогда он смог бы назвать Михаила братом.

² «Они» — родители и сестры М. А. Бакунина (см. письмо 14).

16

Любезный Миша! Посылаю тебе стихи, которые очень поразили меня и заставили много думать. В них есть истина, и истина глубокая. Я не мог их не списать и не послать к тебе. Скажи мне об них свое мнение. Они из книги «Gedanken über den Tod und Unsterblichkeit, aus den Papieren eines Denkers»,¹ von Ludwig Feuerbach.² Я выписал их из характеристики Фейербаха, на-

¹ «Мысли о смерти и бессмертии, из бумаг одного философа» Людвиг Фейербаха (нем.).

печатанной в книге² «Lehrbuch der Literatur».⁶ Замечательно, что Фейербах сам принадлежал к пиетистам, но, проживши несколько лет в Берлине, изучая философию Гегеля, сделался жарким последователем его. В «Галлеских Jahrbücher»^в Гинрихс³ защищает Гёшеля⁴ от Михеле⁵ (в его «Истории философии»), но слабо; я тебе на днях пришлю «Hallische Jahrbücher». Там для тебя множество интересного.⁶

Некогда писать больше, — дел у меня куча.

⟨Москва⟩. 13 июля 1839.

Раздел о Фейербахе с грубыми ошибками и с неверной датировкой письма (19 июля) опубликован, см.: Корнилов, с. 525.

¹ «Мысли о смерти...» — вторая после диссертации книга Л. Фейербаха, вышедшая в Нюрнберге в 1830 г. (анонимно) и тотчас же запрещенная цензурой. Книга была направлена против официальной догмы христианства о бессмертии души и вообще против официальной церкви. Особенно резки были стихотворные эпиграммы, приложенные в конце книги, например:

Christlicher Staat

Was ist das Christentum jetzt? nur der Pass ins Land der Philister,
Um polizeigemäss sicher zu essen sein Brot.

(Христианское государство)

Что такое христианство в настоящее время? Только паспорт
в страну филистеров,
Чтобы, оглядываясь на полицию, безопасно есть свой хлеб).

² Из какой книги Боткин списывает стихотворения Фейербаха, выяснить не удалось.

³ Гинрихс Герман-Фридрих-Вильгельм (1794—1861) — немецкий писатель и публицист, правый гегельянец. Речь идет о его статье: H. r. i. c. h. Die Fragen der Gegenwart und Prof. Michelet's Geschichte der letzten Systeme... — Hallische Jahrbücher, 1839, № 58—60, 8—11 März, Sp. 457—476). Это уже вторая рецензия Гинрихса на книгу Михеле (см. примеч. 5), первая была опубликована в той же газете несколько месяцев назад (в № 299—302 от 14—18 декабря 1838 г.).

⁴ Гёшель Карл-Фридрих (1781—1861) — немецкий философ, умеренный гегельянец.

⁵ Михеле(т) Карл-Людвиг (1801—1893) — немецкий философ, гегельянец, профессор Берлинского университета. Речь идет о его книге «Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel» (Th. 1, 2. Berlin, 1837, 1838) («История новейших систем философии в Германии от Канта до Гегеля»).

⁶ О радикальной газете левогегельянцев «Галлеские летописи» см.: Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. Изд. 2-е, дополн. Т. I. 1818—1844. М., 1976, с. 229—242.

⁶ «Учебник литературы» (нем.).

^в «Галлеских летописях» (нем.).

Москва. 15 сентября 1839.

Что с тобою, Мишель? Что значит твое молчание? Я решительно не в силах оставаться долее в неизвестности и хочу, непременно хочу знать о тебе. Я нынче видел Надеждина,¹ — и не могу и не хочу скрыть от тебя, что я от него слышал. Он свободно рассказывает, что С. Муравьев² ему говорил о тебе *нехорошо*: что он насилу мог выжить тебя от себя. Вот содержание рассказа Надеждина, которое он передает в свойственной ему, Надеждину, форме. Эти вести поразили меня, они разорвали мне сердце. Неужели вся дурная сторона твоего характера должна была сопровождать тебя в Петербург, — как же это ты забыл взять с собою то, что составляет в тебе истинного человека? Или и здесь в тебе ложный человек часто овладевает истинным человеком?

Жестоко, больно, горько поразил меня рассказ Надеждина, потому что, несмотря на мое мнение о нем, я внутренне не мог не согласиться, что ты разделен на двух человек и что отвлеченность твоя и опрометчивость могли наделать тебе много дурного. Ты нарушишь самые святые права участия, если тотчас же не ответишь мне, слышишь, без малейшего отлагательства и рефлексии. Со мною тебе и грех, и стыдно, и нечего рефлексировать. Но главное, что меня еще беспокоит (более, нежели беспокоит): с такими внешними отношениями, или, лучше сказать, с такою необыкновенною способностью портить свои отношения и смотреть на них только с внешней стороны, — что ты мог сделать для своего дела?³ Предчувствие не предвещает мне доброго. Отвечай, хоть двумя словами, но отвечай мне.

Обо мне поговорим лично.

Твой В. Боткин.

Долго ли надеешься пробыть в Петербурге?????????

На обороте листа: «Михаилу Александровичу Бакунину».

¹ Надеждин Николай Иванович (1804—1856) — известный журналист и литератор.

² Муравьев Сергей Николаевич (род. 1809) — двоюродный дядя М. А. Бакунина, у которого последний остановился, приехав в Петербург, и на средства которого, весьма стесненные, начал бесцеремонно жить.

³ Бакунин задумал добиваться развода для своей сестры Варвары, бывшей замужем за Н. Н. Дьяковым, помещиком, уланским офицером, ограниченным человеком; из хлопот Бакунина (не очень, впрочем, интенсивных и длительных) ничего не вышло.

Ради бога, скажи мне, скоро ли ты будешь? Я изнемогаю под тысячью различных противуречий, Мишель, поспеши, если можно. Войди глубже, глубже в сердце ее, — там какая-то тайна.¹ Друг Миша, напиши мне хоть слово — скоро ли будешь? И что так длит твое пребывание в Петербурге? Я потому не писал и не пишу тебе, что надо писать целую книгу, а не письмо. Жду — ради бога, хоть словцо, иначе я не знаю, что мне думать о тебе.

Твой В. Боткин,

9 октя<бря> 1839.

Письмо с грубыми ошибками и без даты опубликовано, см.: Корнилов, с. 540.

¹ Боткин имеет в виду Александру Александровну Бакунину; он постоянно был неуверен в ее ответном чувстве.

Друг Миша! Тысячу раз спасибо за письмо твое, которое я сейчас получил, и хочу написать тебе несколько строк. Ты меня совершенно успокоил. Верь мне, только в сильные, потрясающие минуты я узнаю, как ты мне дорог и как глубоко вросли в душу мои нити, меня с тобой связывающие. Твое молчание, этот мерзавец Надеждин, беспокойная забота сделали то, что я не мог подумать о тебе без болезненного волнения. Слава богу, что все хорошо. Я сам душевно за тебя, что ты столько времени живешь один, и совершенно понимаю твою неохоту писать. Молчи, когда писать не хочется, или просто пиши бюллетени о своем здоровье.

О себе надобно мне говорить так много, так много, — что лучше не начинать — сам все узнаешь, когда будешь в Прямухине. Туман, темная сила лежит между нами.¹ Но у меня в душе есть какая-то уверенность, что она, наконец, должна будет исчезнуть. Но этот туман так давит меня, в такое сухое, отверделое состояние меня приводит, что я о том только молю бога, чтоб он не лишил меня священной способности страдать. Ах! Миша, я боюсь утратить эту святую способность. В глубине моей души чувствую затверделость и часто думаю: хоть бы несчастье какое разбило эту грубую кору. Нет, друг, я не уклонюсь от несчастья, я хочу, чтоб их было на меня больше, больше, мне кажется, я тогда лучше найду себя, найду в себе бога. Все это время (недели две) я в сухом расположении, — многое к тому способствовало, — много мучительных дней, раздирающей сердце боли, но, повторяю, внутренняя уверенность исцеляет раны, которые беспре-

стапно наносит и рефлексия, и многое, многое — что ты все узнаешь в Прямухине».

Белинский теперь живет у меня, — обстоятельства его были так плохи,² что из рук вон, — вражда моя пожрала саму себя. Мы с ним в самых простых отношениях. Вижу его дурные стороны, но они уж не затемняют более его хороших сторон. Через неделю он едет в СПб. с Панаевым.³ Катков здоров и прекрасен. Вообще наш маленький кружок (теперь из 3-х) ясен. Я начал слушать курс среднеи истории у Грановского.⁴ Понемногу читаю «Эстетику».⁵

Прощай, мой друг Миша, крепко жму твою руку. Много мне надо говорить с тобой, только с одним тобой, с тобой могу говорить я, и только в разлуке с тобой чувствую, как ты дорог мне.

Много получил книг твоих от Северина.

Твой Василий.

14 октябрю 1839.

Москва.

На обороте листа: «Его Высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому, в С. Петербурге, на Невском проспекте у Полицейского моста, в доме Голландской церкви, в конторе Отечественных записок Pour remettre à Mr M. Vasouline».

Почтовый штампель: «Получено 1839 окт. 17 полдень».

Отрывок о Белинском с одной ошибкой опубликован: Литературное наследство, т. 56. М., 1950, с. 129.

¹ Боткин имеет в виду себя и Александру Александровну.

² Перед отъездом в Петербург Белинский находился в тяжелом материальном положении.

³ Действительно, Белинский выехал в Петербург с И. И. Панаевым около 22 октября.

⁴ Т. Н. Грановский только что вернулся из-за границы и осенью 1839 г. начал читать в Московском университете свой первый курс лекций по истории средневековья.

⁵ Известный гегельянец Г.-Г. Гото в 1838 г. издал в Германии полный курс гегелевской «Эстетики» (см. письмо 9, примеч. 2 и 3).

Москва. 25 октября 1839.

Друг Миша! Наконец пришло время действовать тебе. Вчера получил я письмо от Александры Александровны. Вот что случилось: она писала к тебе письмо, где говорила обо мне. Письмо это бог знает каким образом (верно, самым низким образом) попало в руки Александру Павловичу Полторацкому¹ и было им распечатано и прочтено. Вот слова ее: «„Er schricht laut von dem, daß ich entschieden bin Votkin zu heira-

ten — er beweint das Unglück meiner Ältern — versichert, daß mein Vater gesagt hat, daß er niemals dazu einwilligen wird — meine Ältern wustен noch nichts — er will ihnen alles sagen“,^a — все это сказал он Федору Константиновичу Ржевскому,² советуя ему увести свою сестру, потому что наше общество испортит ее. Сам Ржевский говорил нам: „In wenigen Tagen werden meine Ältern alles wissen“». ^b

Вот видишь ли, какие есть на свете благороднейшие люди и как заботятся они о сохранении чести и достоинства фамилии. Но это письмо не могло случайно попасться к нему в руки — тут виден условленный план, глава которого Вкарвара Александровна». Ты поймешь, друг, как тяжко и больно мне, что папилька все узнает таким образом, а следовательно, вся тяжесть упадет на А. А. Это будет ужасная история, совещания, все передастся злым языкам — пусть будет, что богу угодно. Что я тут могу? Конечно, сидеть сложа руки, смотреть — ты в силе и праве действовать. Получа это письмо, ты напиши тотчас же мне, как ты можешь выехать из Петербурга и есть ли у тебя деньги, а если нет, то сколько нужно, я тотчас же вышлю тебе. Ты должен ехать в Прямухино и зажать рот мерзавцу. Папилька волен соглашаться или нет, но он не должен отдавать на поругание дочь свою. И я уверен, ты сделаешь так. Я все ждал твоего приезда и хотел просить тебя, чтоб ты сказал Александру Михайловичу». Но судьба устроила все по-своему. Вот, друг, я приношу несчастье и раздор в ваше семейство — измучил бедную девушку, отдал ее в жертву мерзких языков — и сам, что могу я тут сам? Презренное бессилие. Вкарвара Александровна еще и прежде намекала ей о переписке.³

Мишель, прочь все другие дела — они не уйдут — долг, святой долг зовет тебя, — но что я говорю, ты все уж понял — ты напишешь ко мне, ты поедешь в Прямухино. Если б можно было у кого-нибудь занять тебе, не дожидаясь присылки от «меня».^b Постой, напишу к Панаеву.

Жду ответа.

Твой Василий Боткин».

Кроме того, в Прямухино ходят о тебе самые мрачные слухи — разуверь их хоть письмом.

Пишу к Панаеву,⁴ — если есть хоть какая возможность, чтобы выдать тебе денег, я ему тотчас же вышлю, тотчас же.

---

^a Он очень боится, что я решилась выйти замуж за Боткина — он оплакивает несчастье моих родителей — уверяет, что мой отец сказал, что он никогда не даст согласия — мои родители еще ничего не знают — он хочет им все сказать (нем.).

^b В ближайшие дни мои родители все узнают (нем.).

^v В оригинале «тебя».

На обороте листа: «Михаилу Александровичу Бакунину, как можно скорее доставить».

¹ Полторацкий Александр Павлович (ум. 1863) — родственник М. А. Бакунина, брат Алексея Полторацкого, приятеля Пушкина, и кузен А. П. Керн.

² Ржевский Федор Константинович — младший брат Владимира Ржевского (см. письмо 14, примеч. 1). Далее речь идет об одной из сестер Ржевских — Анне или Софье Константиновне.

³ Речь идет, видимо, о намеках матери о том, что она знает о существовании тайной переписки между А. А. Бакуниной и Боткиным.

⁴ Панаев Иван Иванович (1812—1862) — писатель, близкий кругу Белинского.

21

Милый друг мой! Спасибо за письмо, которое сейчас получил от тебя. Я писал тебе через Панаева, надеюсь, ты получил. Это письмо было важное, оно касалось А<лександры> А<лександровны>. Сегодня я получил письмо от нее, бог внушил ей святую мысль все самой рассказать им, прежде, нежели они узнают от Алек<сандра> Пав<ловича> Полторацкого. Все эти бури так приближают меня к ней, — и странно! я рад им и почти благословляю их. Видишь ли, какая безобразная у меня натура. Она сказала им, они не ответили ничего решительного, одни только <слова>: daß ihnen die Kinder zum Unglück gegeben waren.^a Жду всего с верою и любовью и ничего не боюсь. Удивительно, как переделывается мое существо. Я глубоко сознательно и бессознательно чувствую, что я не один теперь, и сознание этого наполняет меня таким кротким, тихим счастьем. Благослови меня, друг мой, на новую жизнь, ты был пророком и ангелом, возвестившим мне о Духе и Истине, — будь же теперь подпорою и солнцем, которое разгонит и просветит туманы, наполняющие жизнь нашу. Смело и бодро смотри вперед, потому что чувствую, что она послана мне богом, а не я нашел ее. Вспомни, как все сделалось, и ты увидишь, что тут не моя воля, ни мое желание, а высшего сродства. Не знаю, рассудишь ли ты теперь же выехать или еще остаться. Так как теперь они все знают, то ты отъездом особенно спешить не должен, кажется; впрочем, как ты сам рассудишь. Все зависит от них. Денег я пришло тебе.

Прощай, друг, и верь, верь в самое искреннее чувство к тебе твоего Васи<лия>.

Не на внешность мою смотри, а внутрь меня, там ты всегда найдешь себя. Денег вышлю по твоему уведомлению, потому что не знаю теперь, взял ли ты у Панаева, которому я об этом пи-

---

^a что им дети даны на несчастье (нем.).

сал, или будешь дожидаться от меня. С получения сего письма напиши мне, и сколько именно прислать тебе.

Твой Вас<илий>.

Спешу на почту. Белинс<кого>, наверно, видел, пожми ему руку крепко, крепко.¹

28 октября 1839. Москва.

На обороте листа: «Его высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому. В Санкт-Петербурге. На Невском проспекте, близ Полидейского моста, в доме Голландской церкви, в конторе „Отечественных записок“. Pour remettre à M. Vasouline».

Почтовый штемпель: «Получено окт. 31. Вечер».

¹ В письме к Боткину от 22 ноября Белинский подробно описывает свои встречи с Бакуниным, с которым впервые увиделся около 26 октября (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 413—418).

22

«Москва». 30 октября <1839>.

У Боткина. — Здравствуй, Миша. Как ты там поживаешь, — а мы хорошо, да и есть от чего — ты говорил и хвастался петербургскими пирожками, а я уж тебе скажу, что Боткин, если не видом и вкусом, то по крайней мере здравым рассудком, возьмет преимущество над всеми пирожками. Мы тут славно живем — работаем, ну ты как там? Мы тебя сильно по всем причинам ждем — приезжай!¹

Нет, Мишель, решительно не могу придумать тебе эпитета поживописнее, все ходил по комнате и придумывал, да нет, ты просто отец всех нелепостей. Получил я, дражайший, твое беспутное письмо и содержание его заметил, — во-первых, скажу тебе, сын мой, что Болле² — даром что из Берлина, а все-таки глуп. Он мне напомнил Радивилова,³ который находил ошибки и неправильности в Бетховене, находил, основываясь на правилах генерал-баса.⁴ Чудные правила! Говорят: «Нельзя». — Спроси: «Почему?» — Отвечают: «Так должно». — «Почему должно?» — «По правилам», — а дальше толку не добьешься. Болле должен отрицать у Шуберта всякое знание, потому что у Шуберта очень часто голосу в унисон вторит бас. А то, что Болле говорит, будто надо бы употребить терцу, то это доказывает решительно, что он или вовсе не понял «Утрен<него> звона»,⁵ или с самым диким и безжизненным вкусом.

В музыке главный вопрос: не противно ли слуху, или идет ли, прилично ли употреблено то или другое? Ежели слуху не противно и к месту прилично, то генерал-бас должен подвести это под правила. И откуда создались правила, на чем они основаны? Музыка есть, конечно, искусство, — но какое? Существующее у бога на особых правах. Она отрицает решительно мысль как

мысль, — более, музыкант, который начнет сочинять, желая ту или другую мысль представить в звуках, представит черт знает что, и один он будет только знать, что то значит, а я имею право утверждать, что то значит совсем другое. Право, я совсем потерялся с музыкой, — решительно не знаю, куда деться и как определить ее, — подумай-ка, а я чувствую, что мне не по силам. Взгляд на какое-либо музык(альное) произ(веденне) с точки генерал-баса есть самый пустой и ничтожный, есть чисто внешний, механический, математический, все равно, что рассуждать об искусстве — полезно ли оно для жизни? Радвильов знает превосходно музыку с ее внешней стороны, т. е. генер(ал)-бас, да я это знание ставлю наравне с знанием сапожного мастерства. Если с внешним знанием соединяют они и внутреннее, духовное. — ну тогда они великие блюстители искусства. Поговори с ним — ведь дух духу всегда откроется, особенно в таком истинно одухотворенном искусстве, как музыка. Болле не понимает, что такое значат запрещенные октавы; потому что только там они, где идут вместе с гармонией, а в песне Лангера не октавы, а просто унисон, и пусть г. Болле попросит, чтобы ему хорошенько растолковали, что такое запрещенные октавы, чтоб вперед не принять унисон за октавы. Лангер знает генерал-бас, ты ведь говаривал с ним и знаешь, как он понимает и знает ее <так!>; а Болле весьма срезался с своими замечаниями, и притом он, кажется, смотрел на музыку вне слов. Ну да бог с ним.

Хорошо ты живешь в Петербурге — пожми крепко руку Николаю Александровичу⁶ — только весьма жаль мне, что я стал известен ему по твоей рекомендации (вот тебе за твой каламбур). Когда же я увижу тебя? Жду от тебя известия, сколько тебе нужно для выезда из Петербурга, — ты в Прямухине авось останешься недолго, — и в Москву — п я увижу тебя. Сколько мне надо говорить с тобой — советоваться, словом — во мне недостает чего-то внутри, пока я тебя не увижу. Жду письма из Прямухина — решительного. Когда ты узнаешь порядок случившегося после отъезда твоего в Петербург, от многого надо мне будет краснеть и стыдно станет смотреть на тебя, — что же делать. Мишель, что я так слабодушен и бессилен. Да, это было страшное для меня время. Поговорим обо мне при свидании, — о! и! сколько мне надо говорить с тобой. Писать я не мог. Прощай, мой друг.

Твой Василий.

Прилагаю письмо к г. Занкину.⁷ Мне досадно, что Александр Федорович заезжал ко мне и не оставил своего адреса.⁸

¹ Первый абзац письма написан Николаем Христофоровичем Кетчером (1809—1886), переводчиком Шекспира, хорошим знакомым Бакунина, Белинского, Боткина.

² Болле — петербургский музыкант и композитор.

³ Радвильов — возможно, Владимир Ильич Радвильов (1810—1863), московский жандармский офицер.

⁴ Генерал-бас — свод классических правил для музыкальной композиции.

⁵ «Утренний звон» — романс Л. Ф. Лангера на слова И. П. Ключникова (1839).

⁶ Николай Александрович Бакунин (1818—1900) — брат М. А. Бакунина.

⁷ Заикин Павел Федорович — университетский товарищ Белинского, многократно упоминаемый в его письмах.

⁸ Возможно, Александр Федорович Заикин, брат предыдущего, тоже университетский товарищ Белинского.

23

Любезный друг, пишу к тебе в Торжок, надеясь, что письмо мое застанет тебя здесь. Получил вчера твое письмо, но хорошенько еще не прочел его. Вчера был великий для меня день — неожиданно получил письмо от Алек<сандра> Мих<айловича>.¹ Я не знаю, как думать о письме этом. Сколько мне кажется, он в сущности не против меня, т. е. уступает обстоятельствам, и в письме своем делает чисто материальные вопросы, касающиеся до моих отношений с моим семейством, словом, вопросы, которые необходимо должен сделать всякий отец, — и я вижу из этого, что он не совсем отказывает. Но с тем вместе пишет, чтобы я решительно никому не давал знать о письме его — *решительно* никому. И потому ты никаким образом не должен давать ни малейшего вида.

Деньги в СПб. к Панаеву пошлю завтра — нынче решительно некогда — и покуда 400, а достальные выпшлю скоро после — теперь касса моя весьма опустела. Ты не должен давать знать *твоим*, что знал что-нибудь о моих предложениях и намерениях — они будут сердиться на тебя. Участие твое начинается теперь, впрочем, я бы не советовал тебе действовать на папильку, тем более что письмо его доказывает, что он не против, а то его можно раздражить.

Твой Вас<илий>.

3 ноября 1839.

Часть письма с известием о получении послания Александра Михайловича опубликована с ошибками: Корнилов, с. 545.

¹ Это письмо вместе с ответом Боткина от 4 ноября опубликовано с ошибками: Корнилов, с. 542—545.

Харьков. 16 января <18>40.

Здравствуй! Як ее може?^а Видишь ли, Миша, напрасно Павел Александрович¹ так заботился об опасности в дороге — она решительно безопасна, напрасно тревожил он этими пустыми опасениями других, это с его стороны было нехорошо, больше, чем нехорошо. Бог знает, какой вы дурной и неразумный *мальчик* (в точном значении этого слова), Павел Александрович, а я еще вас всегда хвалил и гладил по *волосам* (вот так меня уж нельзя гладить по волосам — а именно по *головке*). Я уж 6-й день в Харькове, и мне здесь не только не тяжело, но совершенно против моего ожидания — мне здесь так светло на душе, так легко. Сейчас я неожиданно был потрясен известием, что Пав<ел> Алек<сандрович> дал волю своему воображению (недаром прозвал я его алярмистом²) насчет опасности дороги, — и сердце у меня замерло при мысли, сколько беспокойств могли возбудить эти пустые опасения. Это меня глубоко огорчило. Но этого уж не воротить и не стану больше говорить.

Я почти не заметил, как прошли эти 6 дней. С семейством Кронеберг³ встретился я как с родными и бываю у них почти всякий день. Здесь еще больше узнал я, что такое для меня женское общество, — оно на меня чудесно действует. Не знаю, оттого ли, что я не знал любви сестры, не знал, что такое дружба с сестрою, — но приязнь девушки, дружеские отношения с нею дают мне такое наслаждение, что я не могу тебе высказать. Меня глубоко тронуло участие Софьи — добрая, милая девушка; право, я не могу тебе высказать, как меня трогает это участие, ведь я до сих пор так мало знал его. Я сказал Софье о себе. Эта дружба с девушкою так для меня необыкновенна, так нова, что я чувствую, как будто пробудился во мне новый, до сих пор скрытый элемент в жизни. Нынешний год я нашел в ней большую перемену — я советовал ей прочесть Беттину — она прочла — и эта книга имела на нее чудное влияние. Белинский крепко ошибается, смотря на Беттину только с литературной точки;⁴ в некотором отношении эта книга есть книга жизни. Ее животворное влияние могут видеть только глаза, которые смотрят в самую внутреннюю, задушевную сферу человеческих отношений.

Что же еще сказать тебе? О себе я не стану говорить — да и **скучно тебе слушать** все одно и то же.

Отчего же я не могу писать, хотя сердце у меня и полно — горькое и вместе сладкое чувство — милые, добрые друзья, верьте, где бы я ни был и что бы со мною ни было, — никогда не перестану я любить вас. Я ничего не умею вам больше сказать,

^а Как она себя чувствует? (укр., *искаж.*; правильно: як вона може?).

Сей час приехал от Кудьчицкого.⁵ Всего лучше узнаешь людей в горькие минуты. Теперь я еще лучше узнал Кудьчицкого. Его пежный юмор, задушевность дают мне так много отрады, особенно испытал я это сегодня, проведя с ним почти целый день. Добрый, глубокий, прекрасный человек — мне тяжело будет расстаться с ним. Видишь ли, как я здесь живу — ведь хорошо? Не правда ли? Еще больше двух недель останусь я здесь, а потом в Москву. Зачем в Москву? Мне не хочется в Москву — ужасно надоела мне эта Москва. Я ждал было от тебя письма из Шашкина,⁶ но не было — дурень ты. Кудьчицкий написал несколько сцен — «Сид в Миргороде».⁷ Дело в том, что городничий Сквозник-Дмухановский с чинами своими (предполагается, что он городничим в Миргороде) вздумал в пользу богоугодных заведений и чтоб выставить себя пред новым ревизором (уже настоящим) сыграть публично трагедию Корнеля «Сид», переведенную в 70-х годах.⁸ Ужасно смешно. Здесь я по большей части лежу на кровати и думаю об испанских делах.⁹

Относительно Софьи Кронеберг скажу тебе еще, что жаль, что на ней остался какой-то колорит книжности, морализма, навязанный отцом. Воспитание, духовное воспитание девушки — с какою глубокою обдуманностию надо браться за него. Есть только одна сила, уничтожающая плевелы ложного девического воспитания, святая сила, в которой уничтожаются все диссонансы дурных внешних влияний, эта сила есть женственность, — и вот почему хотел бы я, чтоб Соф^я Крон^еберг хоть один месяц прожила в Прямухине, — ее женственность, еще не развитая, развилась бы там. Надежду Кронеберг не могу я понять — что-то страстно-фантастическое — Юлия и Дездемона вместе, Оливия и Виола (из «Что угодно», «As you like it»).

Прощай же. Хорошенько и пониже поклонись Грановскому и объяви мое благоволение всем, кому ведать о нем надлежит. Я все-таки жду от тебя вести, а если не получу — то уж дам тебе знать

Василия Боткина.

Между письмами 23 и 24 оказывается большой интервал — два с половиной месяца; он объясняется тем, что Бакунин в середине ноября 1839 г. уже выехал из Петербурга (последнее письмо Боткина в Петербург, относящееся тоже к середине ноября, опубликовано с грубыми ошибками: Корнилов, с. 548). После краткого пребывания в Прямухине Бакунин в конце ноября был уже в Москве: Грановский встретился с ним 28-го числа, как сообщил в письме к Н. В. Станкевичу (Т. Н. Грановский и его переписка, т. II. М., 1897, с. 374). Следовательно, Бакунин виделся в Москве с Боткиным с конца ноября 1839 по начало января 1840 г., до отъезда Боткина в Харьков.

Фраза о Белинском опубликована, см.: Литературное наследство, т. 56. М., 1950, с. 138.

¹ Павел Александрович Бакунин — брат М. А. Бакунина.

² Алярмист — паникер (от франц. *alarme* — тревога).

³ Семейство Кронеберг — имеются в виду дети недавно умершего Ивана Яковлевича Кронеберга (1788—1838), филолога-классика, ректора и профессора Харьковского университета: Софья Ивановна и Надежда Ивановна; их брат Андрей Иванович был тесно связан с кругом Белинского—Боткина как переводчик Шекспира и литературный критик, сотрудник «Отечественных записок».

⁴ Беллинский, враждебно относясь к романтическому культу Беттины — Елизаветы фон Арним в кругу младших Бакуниных, проницательно отзывается о ней (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 388, 395, 459).

⁵ Кульчицкий Александр Яковлевич (1815—1845) — талантливый писатель-юморист, близкий кругу Белинского и «Отечественных записок». Вероятно, именно Боткин ввел Кульчицкого в этот круг.

⁶ Шашкино — имение Бееров в Орловской губернии. Видимо, Бакунин собирался съездить туда из Москвы. Боткин не знал, что в момент отправления его письма Бакунин уже находился в Шашкине: он был там около 10 дней; 18 января он вернулся в Москву (см.: Бакунин, II, 282—283, 469).

⁷ Это произведение Кульчицкого не было опубликовано в печати.

⁸ «Сид» Корнеля в переводе Я. Б. Княжнина вышел в Петербурге в 1775 г.

⁹ В Испании была напряженная политическая обстановка, шла гражданская война. Боткин, побывав в 1845 г. в этой стране, подробно будет описывать эти события в своих «Письмах об Испании» (1847—1851).

25

Напрасно, любезный Мишель, сомневался ты в впечатлении, какое произведет на меня письмо твое.¹ У меня давно нет к тебе никакой враждебности; ежели же она есть у тебя ко мне, то в этом, мне кажется, главная причина — неопределенность твоего характера и твоего положения. Истинная враждебность непременно условливается взаимностью, а так как во мне ее нет, то твоя враждебность преходящая. Я в этом уверен, потому что внутри у меня к тебе самые чистые и прямые отношения. Что же касается до прямоты, то я не мог быть с тобою прям, потому что чувствовал и *знал* твою непрямоту со мною. Но это уж прошло, и за настоящие мои отношения к тебе я стою твердо и, какими бы они ни казались тебе, я чист в них и дорожу ими. Что касается до нерасположения ко мне твоих братьев, то я скажу на это одно, что при натуральной невозможности дружбы я глубоко уважаю Павла и душевно дорожу приятельскими отношениями с ним.

За письмо твое к А. А. я тебе больше нежели благодарен, — оно было необходимо и ты поступил и как брат и как друг. Боже мой! разве дружба состоит во взаимном хвалении, в восторгах друг от друга, — нет, знать все дурные стороны, все недостатки, все слабости человека — и любить его. Не правда ли? В тебе, Миша, мало этого снисхождения. Имей его побольше, потому что я первый в нем очень нуждаюсь.

Довольно тебе на первый раз, это во избежание замешательства при встрече. Я только что приехал, и первая новость — Исаев умер.² Завтра едва ли заеду — не успею. Голова горит и болит.

Твой В. Боткин.

4 февраля 1840.
12 часов почт.

¹ Очевидно, Бакунин отправил Боткину письмо в Харьков, и Боткин, только что вернувшись в Москву, где в это время находился Бакунин, спешит ответить.

² Исаев — в Москве известно несколько купеческих семей Исаевых, но кого именно имеет в виду Боткин, обнаружить не удалось.

26

23 апреля 1840.

Мишель — здоровье А<лександр> А<лександровны> очень потрясено и расстроено. Перед богом — я готов отказаться от всего, лишь бы вернуть ей прежнее спокойствие. Если ее тяготят настоящие отношения к папине и мамине — беспрестанно раздражают ее внутреннее расстройство — средство вернуть все к миру — отказаться мне от своего желания. Если это даст ей спокойствие — я готов — я решил. Скрытая неприязнь станет также мучить ее, как и явная. И для чего же я отправлю ее жизнь? Неужели для своего счастья? А разве тогда оно будет для меня? Отдаю тебе в полную и свободную волю все — и клянусь богом — я говорю все обдумавши. Целую неделю думал об этом — и решил. Ты выступи А. А., не говоря ей ничего об этом письме, — хорошо бы выкинуть в ее душу — стороною намекни о моем намерении — и словом, сделай так, как нужно, чтоб вернуть ей спокойствие. Обо мне же в этом всем не стоит думать. Для тебя должна быть одна цель — спокойствие и возможное счастье сестры. А что я говорю — то верно это не порыв, а спокойное решение, хоть и беспокойною рукой написанное.

Твой Вас. Бот<кин>.

• На обороте листа: «Его Благородию Михаилу Александровичу Бакунину, в Тверь, в квартире полковника Шпилевского».

С обилием грубых ошибок и с неверной датой (27 апреля) опубликовано: Корнилов, с. 552—553.

Данное письмо — последнее из пачки писем Боткина к Бакунину. Близится развязка романа Боткина с Александрой Александровной, близится отъезд Бакунина в Германию: он приехал в Тверь из Москвы, очевидно, хлопотать о средствах и документах для поездки за границу. Полковник Шпилевский — тверской знакомый Бакунина, имя его часто упоминается в письмах Бакунина к близким.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ

ПИСЬМА К Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Публикация Е. В. Свиясова

Григорий Петрович Данилевский (1829—1890) известен широкому кругу читателей как автор исторических произведений «Мирович» (1875), «Княжна Тараканова» (1883), «Сожженная Москва» (1886), а также романов с отчетливо наметившимся антикрепостническим направлением: «Беглые в Новороссии» (1862), «Беглые воротились» (1863), «Новые места» (1867). Ранний же Данилевский — поэт, переводчик Шекспира, автор многочисленных сказок, повестей и рассказов (в основном на малороссийские темы) — знаком лишь узкому кругу специалистов. Публикуемые письма освещают период вхождения юного писателя в литературную среду Петербурга.

Знакомство Данилевского с русской литературой началось в раннем детстве (мать познакомила пятилетнего мальчика с «Вечерами на хуторе близ Диканьки») и продолжилось в школьные годы. Уроки литературы в Московском дворянском институте, куда Данилевский был принят в январе 1841 г., оставили неизгладимый след в его душе. Позднее, вспоминая годы учения, он писал: «Жуковский, Грибоедов, Лермонтов... Каким восторгом бились наши сердца при упоминании только этих трех бывших воспитанников института, в котором хранились и повторялись предания о них!»¹ Именно в стенах этого института Данилевский услышал впервые имя Я. П. Полонского: «В 1844 году, когда мы были в четвертом классе, Перевлесский (преподаватель русского языка, — Е. С.) принес нам однажды красиво изданную книжку, на которой стояла надпись „Гаммы. Стихотворения Я. Полонского“. „С новым талантливым поэтом, господом!“, — сказал он <...> Он читал нам „В дороге“, „Месяц“ и

---

¹ Данилевский Г. П. Московский дворянский институт. (Из школьных воспоминаний). — В кн.: Данилевский Г. П. Соч., т. XIV. Изд. 9-е. СПб., 1902, с. 212. Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

другие пьесы из принесенной книги <...> Мы, замирая от восторга, радовались, что если безжалостный поединок унес Лермонтова, как недавно перед тем он унес Пушкина, то на место погибших любимцев наших нарождались новые поэты» (XIV, 213—214).

25 августа 1846 г. Данилевский стал студентом юридического факультета Петербургского университета. В том же году он впервые выступил в печати со стихотворением «Славянская весна».² Через год Данилевский получает серебряную медаль за сочинение о Пушкине и Крылове. В 1849 г. при переходе на четвертый курс Данилевский был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Власти заподозрили студента в близости к кружку петрашевцев, поскольку он был дружен с одним из участников кружка — В. П. Катеневым (1830—1856). После недолгого пребывания в заключении (с апреля по июнь) Данилевский был освобожден за недостаточностью улик.³

В 1849 г. «Библиотека для чтения» напечатала поэму Данилевского «Гвая-Ллир» (№ 10, 11), положившую начало его активному сотрудничеству в этом журнале. Но поэзия Данилевского была лишена какого-либо своеобразия и носила подражательный характер. Более удачными являлись его переводы Байрона, Мицкевича, Новалиса. В 1851 г. в «Библиотеке для чтения» (т. 105, № 1) был опубликован цикл «Крымских стихотворений» Данилевского. В них чувствовалось заметное влияние поэзии Лермонтова, о чем свидетельствовали журнальные рецензии.⁴

Начало литературной деятельности Данилевского совпало с трудным для русской литературы и журналистики периодом, отмеченным цензурным террором (1848—1855 гг.). Испуганная ростом революционного движения в Европе, российская реакция перешла в наступление, обрушившись первым делом на печатное слово. Созданный в 1848 г. негласный комитет по делам печати (так называемый «комитет 2-го апреля», или «бутурлинский комитет», по имени его создателя Д. П. Бутурлина) был облечен исключительными полномочиями и рассматривал литературу, по словам официального сборника документов «Исторические сведения о цензуре», как «скользкое поприще», обращая внимание главным образом на «междустрочный смысл сочинений».⁵ Публикуемые письма вводят нас в атмосферу «мрачного семилетия».

В неопубликованных воспоминаниях «Подцензурные годы (1848—1855)» Я. П. Полонский писал: «Не в добрый час приехал я в столицу! Дело Петрашевского еще было свежо в памяти и на всех мыслящих наводило какое-то тяжелое недоумевающее впечатление. Достоевский

² Иллюстрация, 1846, № 47, с. 753.

³ См. подробнее: Семеновский В. И. Петрашевцы. Студенты Толстов и Г. П. Данилевский, мецанин П. Г. Шапошников, литератор Катенев и Б. И. Утин. — Голос минувшего, 1916, № 11, с. 14—16; № 12, с. 97—109. См. также документы следствия по делу П. Г. Шапошникова, В. П. Катенева, А. Д. Толстова, Г. П. Данилевского, Б. И. Утина и В. В. Вострова: Дело петрашевцев, т. III. М.—Л., 1951, с. 333—336, 338, 341—345.

⁴ Отечественные записки, 1851, № 4, отд. VI, с. 73—76; Современник, 1851, № 4, отд. V, с. 64—68.

⁵ Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862, с. 55.

был на каторге, Шевченко в ссылке, Белинский в могиле. В университетах было ограничено число студентов <...> Цензура была <...> небывалая, в своем роде единственная. Журналы потеряли всякий интерес, новых книг почти что не появлялось и подпольная литература, стихи и проза, как бы назло цензуре рассеивалась и распространялась» (ИРЛИ, ф. 241, № 11675, л. 3 об.).

С начала 1850-х годов Данилевский стал принимать участие и в редакционной работе «Библиотеки для чтения». А. Н. Пыпин писал М. Л. Михайлову 20 июня 1851 г.: «... решительно падает „Библиотека для чтения“, в которой недавно, как, может быть, Вам известно, принял критику и библиографию в свое заведование автор „Гвая-Ллпр“» (ИРЛИ, ф. 547, № 18).

Сообщение Пыпина не вполне соответствовало действительности. Роль Данилевского в журнале была скромнее. Он, видимо, выполнял отдельные поручения А. В. Старчевского (редактировавшего журнал с 1849 г.), но сам был склонен преувеличивать свое значение в журнале. А. В. Старчевский так вспоминал о начале деятельности Данилевского в «Библиотеке для чтения»: «В конце октября один из цензоров „Библиотеки для чтения“ <...> именно Измаил Иванович Срезневский,⁶ пригласил меня на вечер, говоря, что у него есть для меня кое-что. Это кое-что оказалось студентом Петербургского университета Г. П. Данилевским. Это был еще очень молодой человек, живой, симпатичный, с хорошими манерами. Срезневский просил меня прослушать первый опыт молодого поэта и, если можно, напечатать его в „Библиотеке“. Этот опыт был — „Гвая-Ллпр. Этюд из быта Мексики“. Начало было написано прекрасно, цензор-покровитель пропустил его великодушно, а я раскрыл перед г. Данилевским врата храма, проникнуть в который многие добивались в то время с большой настойчивостью, но безуспешно, а ему повезло... „Гвая-Ллпр“ явился в двух книжках „Библиотеки для чтения“ <...> Не успел я в конце напечатать первый поэтический опыт Г. П. Данилевского, как в третьей книжке „Библиотеки для чтения“ 1850 г. мне пришлось печатать его перевод в стихах исторической драмы Шекспира „Король Ричард Третий“. Я был поражен такой плодотворностью студента. Драма едва вместилась в трех книжках. (около 12-ти печатных листов стихами). Такой дебют предвещал молодому автору хорошую будущность, что и оправдалось!»⁷

Вскоре после личного знакомства с Полонским в Одессе в 1850 г. (см. письмо 1) Данилевский писал восторженно А. В. Старчевскому: «Смею Вас уверить, что Полонский единственный человек, на котором в наше время можно остановиться любителю стиха» (ИРЛИ, ф. 583, № 397, л. 12). В том же 1850 г. Данилевский напечатал в журнале без разрешения Полонского его стихотворение «Качка в бурю».⁸ В следую-

---

⁶ Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — филолог-славист, академик, цензор Петербургского цензурного комитета (1847—1850).

⁷ Старчевский А. В. Воспоминания литератора. — Исторический вестник, 1891, № 8, с. 336; № 9, с. 560.

⁸ Библиотека для чтения, 1850, т. 104, № 11, отд. I, с. 9.

щем году он помещает здесь же⁹ свой отзыв (без подписи) на сборник Полонского «Несколько стихотворений» (Тифлис, 1851) и пытается, хотя и безуспешно, опубликовать его первое крупное произведение — драму «Дареджана, царица Имеретинская». В 1855 г. Данилевский играет большую роль в организации издания сборника Полонского «Стихотворения».

В начале 1850-х годов Данилевский становится постоянным посетителем ряда тогдашних кружков и салонов. Начинаящий писатель хочет установить тесные литературные связи и в то же время, пользуясь покровительством одних, в свою очередь оказать содействие другим литераторам. Е. А. Штакеншнейдер так говорила о роли Данилевского в салоне своей матери: ¹⁰ «Душой общества был Григорий Петрович Данилевский <...> Предвозвестить какую-нибудь замечательную личность, прочесть первому вслух еще неизданное стихотворение было для него величайшим наслаждением. Разукрасить, понасказать и былей и вместе с тем небылиц его было дело. И все это делал он как-то особенно радостно, как-то молода была его улыбка, молод шепотный голос».¹¹

Полонский оказался той «замечательной личностью», которую зимой 1854 г. «предвозвестил» Данилевский. Е. А. Штакеншнейдер вспоминает: «В эту же зиму появился в нашем обществе и Полонский, приехавший с Кавказа, как и Щербина. Но Данилевский напрасно суетился. Полонский не произвел на общество того впечатления, которое произвел Щербина, и толпы вокруг себя он не собрал».¹² «Суетливость» Данилевского и его тягу к «разукрашиванию» отмечали и другие. Современники нелестно говорили о молодом литераторе, указывая на его хвастливость, тщеславие, умение разглашать новости и «втереться» к нужному человеку. Полонский записал в дневнике 6 декабря 1855 г.: «Вот человек! Умел, ничего не сделавши, сделать имя свое известным (хоть и бранят его со всех сторон, а все-таки лицо в Питере известное)».¹³ Однако более прав был Н. Ф. Щербина,¹⁴ находившийся в приятельских отношениях с Данилевским. В 50-е годы он так отзывался о Данилевском в письме к Полонскому: «Странный образ поведения его я приписывал и приписываю еще мальчишеству, не сознающему пока идеи о прямой чести и умения держать себя в жизни. Страсть быть знаменитым бросает его необузданно во вся тяжкая: но это ребячество. Я скорее вижу в этом комическую, чем низкую сторону. Лета его исправят, как, может быть,

⁹ Там же, 1851, т. 108, № 6, отд. VI, с. 80—83.

¹⁰ Штакеншнейдер Мария Федоровна (урожд. Холчинская, 1811—1892) — жена архитектора Андрея Ивановича Штакеншнейдера (1802—1865). В подражание «воскресеньям» графини Н. И. Толстой устраивала у себя «субботы», на которых бывали Ф. Н. Глинка, Ф. М. Достоевский, Д. В. Григорович, А. Н. Майков, Л. А. Мей, М. Л. Михайлов и многие другие. Дочь Штакеншнейдеров Елена Андреевна (1836—1897) оставила ценные мемуары, см.: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934.

¹¹ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки, с. 42.

¹² Там же, с. 48.

¹³ Голос минувшего, 1919, № 1—4, с. 107.

¹⁴ Щербина Николай Федорович (1821—1869) — поэт, автор антологических стихотворений и многочисленных эпиграмм.

и исправили и нас... Будем снисходительны» (ИРЛИ, ф. 241, № 212). Сказалась здесь несомненно и известная неопытность: Данилевский плохо разбирался в литературной полемике тех лет и в расстановке литературных сил. Не был критичен он и в оценке позиции «Библиотеки для чтения». Данилевский явно ощущал отсутствие твердой почвы в своих воззрениях и стремился возместить это созданием себе репутации влиятельного, с широкими связями в литературном мире, многообещающего писателя.

Нельзя тем не менее признать оценки личности Данилевского современниками во всех случаях объективными. Односторонне и предвзято воспринималось и его творчество в целом. Вне поля зрения мемуаристов остались и положительные черты характера Данилевского. Ему было присуще, в частности, уже отмеченное нами постоянное желание помогать собратям по перу. За оказанные услуги его благодарил ряд литераторов — Полонский, А. Н. Майков и др. Он был лишен чувства зависти.

Данилевский и сам сознавал шаткость своего положения среди литераторов и чувствовал необходимость в глубоком изучении избранной темы — жизни украинской деревни. У него все более крепло желание покинуть со службой в Министерстве народного просвещения и отдаться всецело литературному труду. В 1857 г. Данилевский пишет матери, что мог бы достичь обеспеченного положения на служебном поприще, но «литератор выше всякого чиновника» (I, 62).

Данилевский бросает службу и двенадцать лет почти безвыездно живет в селе Петровском Харьковской губернии, собирая материалы к романам из жизни Новороссии. Он нашел в себе силы критически оценить свое литературное прошлое. В письме-исповеди, обращенном к А. В. Дружинину, от 22 ноября 1862 г., написанном от третьего лица, читаем: «... студент, поклонник Ваш, встретился с журнальным миром, и этот мир его погубил <...> Тут следует темная сторона: всякие литературные промахи, жалкие повестцы, писанные по памяти о крае, виденном в детстве, и с рутинными приемами, в силу вспоминаемого в душном кабинетике, на 4-м этаже петербургской квартиры; тут следуют гадкие шатания по гадким литературным кружкам, продажа свежести и молодости в фельетониках; словом, всякие грехи, опозорившие имя этого господина, на публичных ложах Краевского, Старчевского и иных. Да будет стократ проклято и забыто это время!.. <...> Тушомно и вяло стал тогда этот господин тыкаться на вечерах разных кружков. Служба его также не манила. Он решил наказать себя за все прошлое. Решился бросить службу, журналы и запереться в родном гнезде <...> Он очутился весной, в половодье, на Днепре, между Киевом и порогами, и тут впервые увидел, как далеки были его печатные писанья об Украине от действительности!»¹⁵

Решение Данилевского уйти в отставку и заняться исключительно литературным трудом прерывает в 1857 г. его непосредственное общение с Полонским, но переписка продолжается.

¹⁵ Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М., 1948, с. 115.

Данилевский продолжает интересоваться поэзией Полонского. Так, 20 февраля 1860 г. он пишет ему: «Пришлите мне какое-нибудь новенькое свое стихотворение. Я скучаю за Вашими звуками. Все твержу Вашу „Итальянскую ночь“». 1 августа 1872 г., посылая Полонскому рукопись первой части «Девятого вала», он замечал в письме, сопровождающем рукопись: «Теперь никакой труд мне не страшен, и уж, разумеется, я ни за какие коврижки теперь не отдам в печать ни одной моей строки, без того, чтобы я всецело был ею доволен. Не те времена!» (ИРЛИ, ф. 241, № 12050). Писатели делятся творческими замыслами; из писем Полонского Данилевский узнает петербургские новости.

В 1860-е годы отношения двух литераторов теряют свою сердечность. Это отчасти объяснялось отъездом Данилевского из Петербурга, а также упрочившимся положением Полонского в столичном литературном мире, чему не в малой степени способствовал в свое время Данилевский. На этот раз уже Данилевский, потерявший контакт с большинством редакторов петербургских журналов и газет, ищет поддержки со стороны Полонского, редактировавшего в 1859—1860 гг. «Русское слово». Так, в конце 1858 г. Данилевский обратился к Н. Ф. Щербине с просьбой содействия в напечатании какой-то своей статьи в журнале Полонского, на что Щербина отвечал 1 января 1859 г. следующим образом: «Вчера я видел Полонского в доме графа Ф. П. Толстого и говорил ему насчет напечатания статьи вашей. Он сказал, что решительно не знает, когда может напечатать ее, равно и никакой редактор не может знать времени и обстоятельств, когда именно придется напечатать какую-либо статью. У него сотни статей, присланных из провинции, как и во всякой другой редакции, — и много, много нужно времени и лиц редактивных, чтобы прочесть всю эту массу, и потому редакции печатают большею частью статьи петербургских и известных писателей, которых статьи читать не нужно, ибо за достоинство их отвечает не журнал, а имя самого автора» (XIV, 176). В свете этого нам становятся понятны слова Данилевского, обращенные к Полонскому 21 февраля 1859 г.: «... перечитывая Ваши письма в деревне, прочел записочку из Москвы, по случаю изданной мной хлопотами книги Ваших стихотворений, где стоят такие слова: „Я у Вас в долгу, и буду счастлив, если когда-нибудь отслужу Вам за Ваши хлопоты“» (ИРЛИ, ф. 274, оп. 3, № 180). Слова эти были деликатным напоминанием о той бескорыстной помощи, которую Данилевский оказал в прошлом поэту Полонскому, высокомерно отвергнувшего просьбы Данилевского, на этот раз оказавшегося в положении провинциала-литератора.

В 1870—1880-е годы Данилевский, возвратившись в Петербург и став редактором «Правительственного вестника», часто посещает дом Полонского (I, 80), но в их отношениях нет былой близости и воспоминания о ранних встречах отесняются на задний план.

В фонде Я. П. Полонского, находящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, хранятся 30 писем Г. П. Данилевского за 1850—1887 гг. (ф. 241, № 12050). Из них публикуются 8 писем (1850—1855 гг.), характеризующих период наибольшей близости корреспондентов. Два письма

Данилевского к Полонскому (1855, 1859 гг.). находятся в фонде М. П. Семеновского (ф. 274, оп. 3, № 180).

Ответные письма Полонского (35. 1850—1869 гг.) хранятся в фонде Г. П. Данилевского — в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, ф. 236, № 127).

Сохранился карандашный набросок портрета Г. П. Данилевского, сделанный Полонским в 1850 г. (ИРЛИ, музей, инв. № 6196/15).

1

Я прпехал в Петербург, любезный знакомец мой Яков Петрович, и никакая светская метель и «замять» о Вас во мне не уничтожает «память»!. . Вот рифма, которая с этих пор да последует той рифме, которая так эксцентрически устроила напе знакомство.¹ Я объехал весь Крым, даже случайно был в некоторых западных крепостях Кавказа, и, снова вернувшись в Азов, — через Мелитополь, Харьков, Тулу, Москву и Новгород, — возвратился в Петербург, где и буду постоянно жить, в *Большой Конюшенной, в доме Демидова*.

В Москве я был в восторге за Вас!

Ваш «Сазандар» холодно принят в Петербурге и в Одессе, но Москва ему до сих пор аплодирует.²

Я обедал с Бергом³ у Шевырева; и там долго мы трактовали о Вашем молодом даровании. . . Шевыреву нравится, что Вы не напоминаете ни Гейне, ни его сына: нашего Лермонтова.⁴ Был я также на вечерах у Вельтмана,⁵ и этот также очень и очень убежден в Вас. . . Ваш стих, по выражению молодой московской литературности, начинается там, где стих Пушкина поставил свою последнюю букву!⁶ Но, к несчастью, Москва, имеющая Островского,⁷ который заглаза велел Вам послать поклон, и Щербипцу,⁸ который после меня приехал туда с одним своим приятелем (и которого я не успел увидеть, потому что он уехал в одну подмосковную),⁹ — Москва не имеет журнала чисто художественного, в который бы можно было отдать свой труд, не опасаясь попасть в литературную котерию.¹⁰ Партия «Отечественных Записок» популярнее партии «Москвитянина»;¹¹ модный «Современник» тем только и хорош, что он «Современник». . . но со временем он уже будет, сомне de raison,^a не со-временник!¹² Отдавая свои труды в «Отечественные Записки», молодой литератор навлекает на себя стрелы не одного «Москвитянина», а целой Москвы, которая так сильна в голосе литературных мнений: это я уже знаю по опыту; отдавая в «Москвитянин», навлекаешь на себя едкие выходки и «Отечественных Записок» и «Современника», который печатает стихи только тех, которые не опасны для имени г. Некрасова.

^a как и следует ожидать (*франц.*).

Поняли ль Вы меня? Осквернительница русской, художественно-литературной журналистики, «Библиотека для чтения», у которой 4200 подписчиков и которую читают наверно 14 тысяч, потому что она преимущественно расходуется в наших провинциях и в губернских городах, где Вас еще мало знают, — «Библиотека», в лице своего редактора,¹³ через меня — предлагает Вам печатать Вашу драму в стихах в ее столбцах.¹⁴ По действиям или целиком, напечатавши ли 1-е действие и долго спустя всю разом, — как Вы пожелаете. . . Вам предлагается за лист первого отдела почти вдвое меньшей печати, чем печатъ «Отчественных» Записок, — по тридцати пяти рублей серебром. Оставляя на Ваш суд это предложение, я буду ждать Вашего ответа. В следующем № этого журнала Вы увидите пьесы, которые в нем будут печататься в будущем году. Новая драма в стихах Загоскина,¹⁵ либретто оперы «Амалат-Бек» Вельтмана,¹⁶ драма в стихах Островского, автора «Своих людей сочтемся», — именно драма: «Александр в Вавлоне»¹⁷. . . и др.

Редактор «Библиотеки» в восторге от моих рассказов о Вас, любезный Полонский. Он просто завоевал у меня Ваши стихи «Качка в бурю», написанные Вами в мой альбом.¹⁸ В январской книге я печатаю свои «Крымские стихотворения»,¹⁹ где одно — «Дуб, задушенный плющом»²⁰ — посвящено Вам, мой дорогой собрат. . . и, может быть, сотрудник!

Пишите! сдержите слово, как сдержал его

Ваш Гр. Данилевский.

Н. В. Что нового в Тифлисе? Что Вы написали из мелких пьес? Видели ли Бейдемана,²¹ Ровинского,²² Шатковского²³ и Видерта?²⁴ Перед Шатковским я очень виноват: я не исполнил в точности одного из его поручений и не знаю, куда ему писать? 1 ноября <1850>. С.П.бург.

¹ В воспоминаниях о Н. Ф. Щербине (опубликованы после смерти Данилевского, см.: Исторический вестник, 1891, № 1) Данилевский подробно останавливается на обстоятельствах своего знакомства с Я. П. Полонским и Н. Ф. Щербиной осенью 1850 г. в Одесском театре. В антракте во время его беседы с соседом по креслу партера, как позднее выяснилось — с Щербиной, зашел разговор о М. Н. Загоскине. Данилевский вспомнил, как Загоскин однажды сказал, что есть слова, на которые нельзя придумать рифмы, например «зеркало», «жалоба», «память». Собеседник Данилевского, предложив рифмы на первые два слова, при третьем замаялся. Тогда в разговор вступил «из первого ряда кресел <...> высокий, с темно-русскими волосами господин», предложивший рифму «замять». Это и был Я. П. Полонский (Данилевский, XIV, 156—159). Уехав на юг, Данилевский писал А. В. Никитенко 12 августа 1850 г. о последней встрече с Загоскиным: «... седовласый старец сидел за пятиактною комедию в стихах „Ловля московских женихов“. Он до того плавал в пучине рифм и поэтического вдохновения, что вместо напутствия дал мне на дорогу задачу — найти рифмы к словам: живописец, зеркало, корабль и память. . . Я должен ему их найти где-нибудь в Име-

ретши, на могиле старой грузинской царевны, где-нибудь на проселочном пути в Крыму <...> Не знаю, будет ли доволен моими рифмами Загоскин, я их уже начинаю ловить» (ИРЛИ, ф. 205, № 18508). Рифма, подсказанная Полонским, будет использована Данилевским в стихотворении «Иосафатова долина» (Библиотека для чтения, 1851, т. 105, № 1, с. 21—22): «И вот улетает Далеко тревожная память. Тоска поднимает На сердце и бурю, и зямьтá». По поводу этой рифмы проиризировал в анонимной рецензии «Современник» (1851, № 4, отд. V, с. 64—68). В письме от 26 февраля 1851 г. Полонский спрашивал: «Вы давно ко мне не писали, любезнейший Григорий Петрович, что с вами, какая *замьтá* истребила в вас *память* к Полонскому?» (ГПБ, ф. 236, № 127).

² Имеется в виду сборник «Сазандар. Стихи Я. П. Полонского» (Тифлис, 1849). Часть стихотворений, вошедших в сборник, была опубликована автором в «Закавказском вестнике», помощником редактора которого он являлся. Стихи подверглись критике на страницах «Москвитянина» (1850, № 8, кн. 2, апрель, отд. IV, с. 147): «Нет, лучше бы г. Полонский если бы поступил с этими стихотворениями, по крайней мере с некоторыми, как поступают настоящие Сазандары (т. е. народные певцы, — Е. С.), которые поют свои стихи, но никогда не печатают». «Современник» (1850, № 4, отд. V, с. 99—100) и «Библиотека для чтения» (1851, т. 105, № 1, Лит. летопись, с. 26—28) ограничились кратким сообщением о выходе этого сборника, приведя некоторые отрывки. Говоря о радужном приеме стихов Полонского в Москве, Данилевский, видимо, имеет в виду мнения известных ему литераторов.

³ Берг Николай Васильевич (1823—1884) — историк литературы, критик, поэт. В 1850 г. вместе с А. Н. Островским, А. А. Григорьевым, Л. А. Меем и др. вошел в «молодую редакцию» «Москвитянина». В архиве Г. П. Данилевского (ГПБ, ф. 236, № 30) хранится 11 писем (1851—1854) Берга к писателю, свидетельствующих об их дружеских взаимоотношениях и о внимании, с которым относился Берг к творчеству Данилевского. Письмо Берга от 2 июля 1851 г. дает возможность предположить, что Данилевский видел в нем посредника в попытке опубликовать свой перевод шекспировской драмы «Цимбелин» в журнале М. П. Погодина «Москвитянин». В альбоме Данилевского сохранилась запись Н. В. Бергом своих стихотворений «Когда распнут они тебя...» и «Бахчисарайский дворец» (ГПБ, ф. 276, № 174, л. 29, 32 об.; запись от 1 апреля 1865 г.).

⁴ Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — историк литературы, критик, поэт. Известно резко отрицательное отношение Шевырева к творчеству Лермонтова, что нашло свое отражение в его полемике с В. Г. Белинским вокруг «Русской хрестоматии» А. Д. Галахова (1843).

⁵ Вельтман Александр Фомич (1800—1870) — писатель, с 1852 г. директор Оружейной палаты. В Москве были известны литературные четверги, проводившиеся в доме Вельтмана; их посещали М. Н. Загоскин, А. Н. Островский, М. П. Погодин и др. (см.: Записки Н. В. Берга. — Русская старина, 1891, № 2, с. 249—252). Вельтман одобрительно отзывался о сказках Данилевского, опубликованных в 1854—1855 гг. (см. письмо Данилевского к А. В. Старчевскому (б. д.): ИРЛИ, ф. 583, № 397, л. 41).

⁶ Сомневаясь в искренности оценки его поэзии, данной московскими литераторами, Полонский писал Данилевскому 27 ноября: «Если вы действительно слышали от кого-нибудь в православной Москве довольно темную фразу, что „стих мой начинается там, где стих Пушкина поставил свою последнюю букву“, вы, я уверен, внутренне посмеялись ей — и мне стало досадно, что вы думаете или думали, быть может, что я поверил ей. Воскликаю вместе с покойным Лермонтовым — „Боже, избавь меня от такого невежества!“ <...> Одни меня бранят, другие хвалят. Из похвал и брани я вывожу для себя средний вывод, который хоть и не льстит моему самолюбию, по крайней мере держит его в границах. Я могу быть другом с человеком, который терпеть не может стихов

моих, и наоборот — часто я сходил с людьми за их резкий отзыв о моей особе» (ГПБ, ф. 236, № 127).

⁷ Данилевский сообщил 12 августа 1851 г. А. В. Никитенко: «В Москве же я познакомился с Островским и дня два был в его обществе, в его доме. Это замечательный деятель в нашей литературе <...> В Туле, Курске и Харькове я изучил книжную торговлю <...> Я там рекомендовал везде „Современник“ и „Свои люди — сочтемся“. В Харькове я был снова недавно и приятно обрадовался: книгопродавец Апарин, здешний Смирдин, выписал 5 экз. комедии Островского» (ИРЛИ, ф. 205, № 18508). В архиве Данилевского хранятся 2 письма (1851) Островского к Данилевскому (ГПБ, ф. 236, № 114). 4 письма Данилевского к Островскому опубликованы в кн.: Неизданные письма А. Н. Островскому. М.—Л., 1932, с. 92—96. В альбоме Данилевского сохранилась запись монолога Липочки из комедии «Свои люди — сочтемся», сделанная Островским 22 февраля 1856 г. (ГПБ, ф. 236, № 174, л. 44).

⁸ В Москве поэт Щербина занял должность помощника редактора «Московских губернских ведомостей».

⁹ Лицо неустановленное.

¹⁰ Котерия (*устар.*) — кружок, группа лиц, преследующих узкие, своекорыстные цели.

¹¹ Говоря о «партии», Данилевский имеет в виду четко определенную линию «Отечественных записок» 1840-х годов, противостоявшую позиции журнала «Москвитинин» М. П. Погодина, близкой к официальной народности.

¹² Несмотря на то что Данилевский «рекомендовал» «Современник» в провинции (см. примеч. 7), отношение его к журналу было отрицательным, что отчасти объяснялось неприязненным отношением Некрасова к Данилевскому, а также резкими нападками журнала на его творчество. См. рецензии (без подписи) на его перевод трагедии Шекспира «Ричард III» (1850, № 7, отд. VI, с. 130—136) и на «Крымские стихотворения» (1851, № 4, отд. V, с. 64—68).

¹³ Редактором «Библиотеки для чтения» в 1849—1856 гг. был А. В. Старчевский. О. И. Сенковский оставался номинальным редактором. О «Библиотеке для чтения» см.: Бернштейн Д. П. «Библиотека для чтения» (1834—1865). — Учен. зап. каф-ры рус. лит-ры Московского пед-ин-та, 1939, вып. 2, с. 167—191.

¹⁴ Речь идет о драме Я. П. Полонского «Дареджана, царица Имеретинская».

¹⁵ Имеется в виду комедия в стихах «Женатый жених», опубликованная в «Библиотеке для чтения» (1851, т. 105, № 2) и представляющая отчасти переделку двух сцен — «Выбор жениха» и «Живописец» из книги «Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М. Н. Загоскиным. Выход первый» (М., 1842; изд. 2-е. М., 1851). Сведения о работе Загоскина над этой комедией Данилевский мог почерпнуть из статьи «Новост русской литературы» в «Библиотеке для чтения» (1850, т. 104, № 12, Смесь, с. 186—187), где она названа «драмой-комедией».

¹⁶ Данилевский писал А. В. Никитенко 12 августа 1850 г.: «В Москве я был у Вельтмана. Он меня очень ласково принял. Он написал для оперы Алябьева „Амалат-Бек“ — либретто в стихах» (ИРЛИ, ф. 205, № 18508). Оно вышло отдельным изданием в Москве в 1870 г.

¹⁷ Имеется в виду неосуществленный замысел драмы в стихах «Александр Македонский», задуманной А. Н. Островским в июле—августе 1850 г. Краткое сообщение о ее содержании дано в «Библиотеке для чтения» (1850, т. 104, № 12, с. 188).

¹⁸ В воспоминаниях о Щербине Данилевский пишет: «Оставшись еще несколько дней в Одессе, я уехал на пароходе „Тамань“ в Крым, одновременно с Я. П. Полонским, который возвращался на Кавказ, где он в то время редактировал „Закавказский вестник“. На пути мы вынесли сильный шквал; половину путешественников укачало. В Ялте Я. П. Полонский, остановившись со мной в одной гостинице, прочел мне и выписал

карандашом в мою памятную книжку новое свое стихотворение „Качка в бурю“, очевидно написанное им под впечатлением перенесенного нами шквала, обозначив под ним: „Пароход «Тамань». Сентябрь 1850 г.“» (XIV, 159). По инициативе Данилевского оно было напечатано в «Библиотеке для чтения» (1850, т. 104, № 11), что вызвало неудовольствие Полонского. 5 января 1851 г. он писал Данилевскому: «Благодарю Вас от души за все лестное для меня в письме Вашем — и все-таки скажу Вам — жаль, что „Качка в бурю“ напечатана. Будь она хороша, не досталось бы мне за нее от Ханыкова и других моих тифлиских приятелей — просто бранят меня, что печатаю стихи до того не обделанные, не обработанные» (ГПБ, ф. 236, № 127).

¹⁹ «Крымские стихотворения» были опубликованы в «Библиотеке для чтения» в 1851 г. (т. 105, № 1) и вышли отдельным изданием в том же году.

²⁰ Данилевский изменил название посвященного Полонскому стихотворения на «Татарская басня». 26 февраля 1851 г. Полонский, благодаря Данилевского за это посвящение, писал: «Ваша „Татарская басня“ очень и очень недурна. Все стихи в этой басне и живописны и музыкальны, и, как мне кажется, единственный недостаток этого стихотворения заключается в том, что в нем слишком много хороших стихов, т. е. слишком много подробностей <...> и таких, однако же, без которых содержимое могло бы обойтись» (ГПБ, ф. 236, № 127).

²¹ Бейдеман Александр Егорович (1826—1869) — живописец, близкий друг художника П. А. Федотова, приятель петрашевца А. П. Баласогло. В «Стихотворениях и поэмах» Я. П. Полонского (Л., 1935) воспроизведены два карандашных портрета поэта из его тифлиского альбома, сделанные А. Е. Бейдеманом. В альбоме Данилевского имеется акварельный рисунок Бейдемана (1850-е гг.) «Украинка в народном костюме» (ГПБ, ф. 236, № 174, л. 105).

²² Ровинский Николай Александрович (1818—1855) — брат Д. А. Ровинского, собирателя народных картинок и гравированных портретов. По словам Полонского, «был близок к кружку Станкевича». От него Полонский впервые услышал имя В. Г. Беллинского (Полонский Я. П. Мои студенческие воспоминания. — Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива», 1898, № 12, с. 648).

²³ Лицо неустановленное.

²⁴ Видерт Август Федорович (Фридрихович) (1823—1888) — писатель, переводчик. В 1854 г. вышел его немецкий перевод «Записок охотника» И. С. Тургенева, а в 1857 г. «Ревизора» Н. В. Гоголя. Был в дружеских отношениях с Г. П. Данилевским. В архиве Данилевского хранятся 3 письма (1852) Видерта (ГПБ, ф. 236, № 46), в которых он сообщает о своих переводах и планах издания биографий русских писателей в Германии.

2

С. Петербург. 10 декабря 1850 г.

Не дожидусь я, видно, Вашего ответа! Что же делать, Яков Петрович, соскучился по Вас. Чуть ли не целый месяц идет почта из Петербурга к Вам в Тифлис? Теперь я сижу в Департаменте Министерства народного просвещения: я дежурный, отказаться невозможно.¹ Это тоже, что карантин, — уверяю Вас честью!

Вы же на волюшке, Вам тепло, зима у Вас только подразумевается... А у нас?

Нет, бог с ним, с этим Петербургом: приедете ко мне летом, узнаете сами, что он такое за город.

Я Вас жду — непременно. Вы приедете на смену Соллогуба, который переведен к Вам.² Я с ним лично не знаком, хотя встречал его во многих домах. Советую Вам сойтись с ним: он очень теплая и сильная природа. В последний раз я его видел у Никитенки.³

Кстати, о литераторах и литературе. Ради неба, не обращайтесь на критики. Вот Вам доказательство их добросовестности: в одном и том же № «Отечественных» Записок (11-й) я выставлен в числе людей, которые собою украшали журнал Краевского в 1850 году, и разруган за перевод «Ричарда III».⁴ Краевский на это мне писал, что лучше всего дать ему мою II-ю сказку о Малороссии⁵ в стихах и что, напечатав ее, он снимет с меня отлучение от своего журнала...⁶ Не обращайтесь на критики и идите своим путем!

Ваше стихотворение, напечатанное мною в «Библиотеке», произвело эффект.⁷ У Никитенки я читал отрывок из Вашей драмы и «Убеждение».⁸ Все слушающие отдали Вам заслуженные похвалы, особенно Струговщиков,⁹ Дружинин¹⁰ и др.

Плетневу¹¹ я также читал то, чем Вы меня подарили. Он подробно о Вас расспрашивал. Ивана Сергеевича Тургенева теперь нет здесь: он уехал в Москву к умирающей матери.¹²

Щербина кланяется Вам. С ним я постоянно в переписке.¹³

Но мы ждем и ждем Ваших стихотворений. Кроме платы за лист Вы еще получите сто оттисков, совершенно отдельно отпечатанных и с оберткой: драмы Вашей и стихотворений, — если только последние Вы захотите отпечатать у нас все разом, в одном из номеров «Библиотеки» за 1850 год.¹⁴

«Библиотека» начинает делать преобразования к лучшему. Отделы литературной летописи, смеси и русской словесности будут теперь полнее и интереснее. Мы все по субботам собираемся у Сенковского, где и зарождаются все планы по изданию. Здесь бывают оба Куторги,¹⁵ Дружинин, который отныне предается нам,¹⁶ Гаевский, который это лето писал письма иногородние в «Современнике»,¹⁷ Лейла (то есть очень хорошенькая особа — Ахматова),¹⁸ Мацкевич,¹⁹ автор статей о живописи во Франции, актер Григорьев,²⁰ Яковлев,²¹ Старчевский, Никитенко, с нового года наш постоянный критик, и др. В литературной летописи я принимаю сотрудничество и большая часть книг изящной литературы в январской книге будут разобраны мною,²² в том числе и «Сазандар»; в феврале будет напечатан мой этюд «Стихотворения Я. Полонского»; здесь я скажу о всех Ваших произведениях, то есть о 1) «Гаммах», 2) Стихах 1845 г. и 3) «Сазандаре». Если есть еще у Вас материалы печатные для этой статьи, то я надеюсь, что Вы их мне доставите: первые 3 у меня есть. С ближайшею же почтой Вы получите от меня оттиск исправленного перевода «Ричарда III» и от Старчевского

все XII книг «Библиотеки» за 1850 год: читайте их на досуге! В последней книге, в статье в смеси «Новости русской литературы», вы и свое имя встретите.²³

Любящий Вас Гр. Данилевский.

¹ С 7 ноября 1850 г. Данилевский был принят на службу в Министерство народного просвещения канцелярским чиновником.

² Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882) — писатель, драматург, автор популярной в те годы повести «Тарантас», служил в Министерстве внутренних дел, с 1850 г. был прикомандирован министерством к генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии кн. М. С. Воронцову. 27 ноября 1850 г. Полонский оповещал Данилевского о скором приезде Соллогуба: «В Тифлисе ждут Соллогуба и не могут дожидаться. Кто-то сказал при этом, что между Соллогубом и всяким другим путешественником та разница, что путешественник должен *купить* тарантас, чтобы ехать, а Соллогуб — *продать* „Тарантас“» (ГПБ, ф. 236, № 127).

³ Никитенко Александр Васильевич (1805—1877) — литературный критик, профессор русской словесности Петербургского университета, цензор. Данилевский познакомился с ним в 1849 г. В архиве Никитенко сохранилось 16 писем (1851—1874) Данилевского (ИРЛИ, ф. 205, № 18508), из которых 8 писем (1855—1874) опубликованы в «Русской старине» (1904, № 9). В альбоме Данилевского сохранилась запись Никитенко от 8 апреля 1873 г. (ГПБ, ф. 236, № 174, л. 88).

⁴ Говоря о переводе трагедии Шекспира «Ричард III», «Отечественные записки» обвиняли Данилевского в отсутствии «легкости», «пластичности», «мягкости стиха» (1850, № 11, отд. VI, с. 53—64). Это единственное упоминание имени Данилевского на страницах журнала в 1850 г. Перевод был напечатан в «Библиотеке для чтения» (1850, т. 100, № 4 и 6) и вышел отдельным изданием (СПб., 1850).

⁵ Имеется в виду «сказка» Данилевского «Казак в степи», опубликованная в «Отечественных записках» (1851, № 1, Смесь).

⁶ В начале 1850-х годов Данилевский настойчиво пытался сотрудничать в журнале А. А. Краевского «Отечественные записки». Чаще всего попытки эти не имели успеха. На страницах журнала творчество Данилевского подвергалось яростным нападкам. Так, 9 декабря 1851 г. он пишет Краевскому: «Дадите ли Вы мне надежду по горячим следам заставить <...> забыть те строгие и едкие слова, которые сказаны Вами в декабрьской» книжке обо всем, что я сделал до сих пор? <...> Я на все готов, печатайте хоть в „Смеси“, хоть под текстом, хоть на обертке; но не откажите мне в единственном средстве оправдаться перед читающими в том, что мною было до сих пор сделано» (ГПБ, ф. 391, № 320). В 1855 г. в «Отечественных записках» (т. 103, № 11, 12) был напечатан этапный для Данилевского труд «Основьяненко (Г. Ф. Квитка)». В 1860—1870-е годы Данилевский сотрудничал в газете «Голос», издаваемой А. А. Краевским. 9 писем Данилевского к А. А. Краевскому (1851—1877) хранятся в архиве Краевского в ГПБ (ф. 391, № 320) и одно в архиве П. Н. Тихонова (ГПБ, ф. 777, оп. 1, № 2243); там же, в архиве Данилевского, 25 писем (1851—1864) к нему Краевского (ГПБ, ф. 236, № 84). См. также письмо 7, примеч. 11.

⁷ См. письмо 1, примеч. 18.

⁸ Стихотворение под таким названием у Я. П. Полонского не обнаружено.

⁹ Струговщиков Александр Николаевич (1808—1878) — поэт и переводчик.

¹⁰ Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — литературный критик, журналист, писатель. В годы политической реакции (1848—1855) занял умеренно либеральную позицию. Печатался под псевдонимами «Чернокнижник» и «Буйновидов». Данилевский с вниманием

прислушивался к советам Дружинина, давал ему на отзыв свои сказки. 15 декабря 1853 г. в «Дневнике» Дружинин сделал запись: «... вечером явился Данилевский и поднес мне свою книгу „Слобожане“. Я перелистал ее часть и решительно утвердился в том мнении, что Данилевский не так подл и бездарен, как все о нем говорят, даже беседа его мне не противна, хотя и знаю хорошо его босвеллизм, его наклонность к сплетням и замечательную способность врать. Но Данилевский есть *характер*, хотя отчасти гнусный, оттого мне с ним веселее, чем, например, со многими моими собратиями по литературе» (Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М., 1948, с. 110). 4 письма Дружинина (1854—1862) к Данилевскому хранятся в ГПБ (ф. 236, № 66).

¹¹ Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — поэт, критик, ректор Петербургского университета (1840—1861). Данилевский познакомился с ним, будучи студентом Петербургского университета. В письме к Я. К. Грогу от 14 августа 1848 г. Плетнев так отзывался о юнине: «Данилевский для меня странный молодой человек. С виду он отлично порядочный малый. Хотя в университете слушает он лекции по II отделению философского факультета, но любит литературу, много читает и сам пишет. Между тем в его сочинениях подле хорошего встречаются такая путаница и мелкотомия, что не разгадаешь, как это выходит из одной и той же головы, организованной добропорядочно» (Переписка Я. К. Грога с П. А. Плетневым, т. 3. СПб., 1896, с. 299—300). 29 октября 1852 г. он же писал: «У него чесотка в пальцах: пишет без устали в прозе и стихах. Знакомство литературное ловит повсюду налету: от Петербурга до Одессы объездом всех литераторов и воображает, что все его приятели. Впрочем, он добрый малый и не без некоторого дарования, но надоел» (там же, с. 616). По рекомендации Плетнева Данилевский поступил на службу в Министерство народного просвещения (см. рекомендательное письмо его А. С. Норову от 5 мая 1851 г.: ГПБ, ф. 236, № 125, л. 1). В письмах к Плетневу Данилевский делился своими творческими планами. В 1854 г. Плетнев передал на время Данилевскому связку писем Г. Ф. Квитки-Основьяненко, находившуюся в его архиве, для подготовки Данилевским исследования об украинском писателе. 9 писем (1852—1869) Данилевского П. А. Плетневу хранятся в архиве Плетнева (ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 209); в архиве Данилевского (ГПБ, ф. 236, № 125) — 9 писем П. А. Плетнева (1851—1863).

¹² П. С. Тургенев приехал в Москву 21 ноября, получив в день смерти Варвары Петровны Тургеневой 16 (28) ноября 1850 г. известие о ее безнадежном состоянии.

¹³ Данилевский находился в дружеских отношениях с Н. Ф. Щербиной, переписывался с ним. Из 18 писем Щербины (1851—1869) к Данилевскому (ГПБ, ф. 236, № 170) 13 писем Данилевский включил в очерк «Из литературных воспоминаний. Н. Ф. Щербина» (XIV, 164—180). В «Соннике современной русской литературы» Щербина писал: «Данилевского Григория во сне видеть — предвещает слышать приятные новости о России, но — увы! — большую часть несбыточные» (в кн.: Щербина Н. Ф. Полн. собр. соч. СПб., 1873, с. 331).

¹⁴ Кроме «Качки в бурю» в 1850 г. в «Библиотеке для чтения» произведения Полонского не печатались.

¹⁵ Куторга Михаил Семенович (1809—1886) — профессор Петербургского университета, историк, специалист по истории Древней Греции; Куторга Степан Семенович (1805—1861) — профессор естествознания Петербургского университета. Оба брата сотрудничали в «Библиотеке для чтения».

¹⁶ А. В. Дружинин с 1847 г. стал постоянным сотрудником «Современника». Изредка печатался и в «Библиотеке для чтения». Данилевский имеет в виду опубликованную в «Библиотеке» повесть Дружинина «Петергофский фонтан» (1850, т. 104, № 12, с. 53—112).

¹⁷ Данилевский ошибочно приписывает «Письма пногороднего подпсчика», публиковавшиеся А. В. Дружининым в «Современнике», В. П. Гаевскому.

¹⁸ Ахматова Елизавета Николаевна (псевдоним — Лейла, 1820—1904) — писательница, переводчица. Наибольшую известность принес писательнице основанный ею журнал «Собрание пностранных романов» (1856—1885), в котором было помещено более трехсот переводных романов.

¹⁹ Мацкевич Давид Иванович (1819—1859) — цензор Петербургского цензурного комитета, литератор. Цикл его статей («Живопись во Франции в восемнадцатом столетии») публиковался в «Библиотеке для чтения» в 1849—1850 гг.

²⁰ Было два актера и драматурга-водевилиста: Григорьев Петр Григорьевич (Григорьев 2-й, 1807—1854) и Григорьев Петр Иванович (Григорьев 1-й, 1806—1871). Видимо, речь идет о П. И. Григорьеве, напечатавшем в 1849—1850 гг. в «Библиотеке для чтения» комедию «Житейская школа» (т. 98, № 11, 12; т. 99, № 1).

²¹ Яковлев Владимир Дмитриевич (1817—1884) — писатель, сотрудничал в «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Современнике» и др.

²² Из обещанного Данилевский поместил (без подписи) в «Библиотеке для чтения» (1851, т. 108, № 6, Лит. летопись, с. 80—83) рецензию на сборник Полонского «Несколько стихотворений» (Тифлис, 1851), в которой писал: «Поэтический талант г. Полонского значительно возмужал сравнительно с его прежними произведениями».

²³ В отделе «Новости русской литературы» (Библиотека для чтения, 1850, т. 104, № 12, с. 189) появилось сообщение, возможно самого Данилевского, о работе Полонского над драмой «Дареджана, царица Имеретинская». Там, в частности, говорилось: «По нашему убеждению, господину Полонскому предстоит блестящая участь в мочодой, художественно-ученой русской литературе. Его стих сильнее и глубже, если можно так сказать, многих из наших современных поэтов».

3

С. Петербург. 13 января <1851>.

Простите меня великодушно, мой несравненный Яков Петрович, если мое теперешнее письмо будет и коротко и рассеянно. Я в настоящую минуту нахожусь на седьмом небе: мой кабинет посетила муза в современном вкусе... Я насилу выпросил у нее, между прочими благами, привилегию на четверть часа свободы! Спешу не употребить ее без пользы.

Прежде всего поздравляю Вас с новым годом. Желаю Вам много счастья и стихов, много успехов и поменьше литературных врагов. Потом благодарю Вас за вести о моих крымских спутниках. Если они еще с Вами, обнимите их за меня и известите, куда писать Шатковскому, с которым я не кончил еще ни расчетом, ни задуманных нами дел. Бейдеману я пророчу позднее раскаяние, позднее и безнадежное отчаянье и мертвую апатию уже в 1860 году, если он не вернется в Академию. *Alma mater*^a — незаменима ни штукатуркой, ни декораторством. ни

^a Мать-кормилица (*mar.*), в переносном смысле — учебное заведение.

франтовскими проделками в модных кипсеках. Посоветуйте ему подумать о том, что имя Неваховича успело у нас умереть, прежде чем его сотрудник вернулся из Одессы в Петербург.¹

Теперь о Вашей «Дареджане»!.. Друг мой, несравненный Яков Петрович, простите меня за мои неуместные фразы и неловкие предложения. Я говорил от сердца и мое маленькое сердце желало Вам услужить! Если бы я был редактором «Библиотеки», я бы, клянусь Вам тенью автора «Годунова», предложил Вам по сто рублей сер<ебром> за лист... Это не фраза, мой милый и добрый Яков Петрович... Надеюсь ее осуществить, когда один журнал некогда будет преобразован мною в колоссальное литературное издание «Русь» ... Patientia!⁶ Свои люди — сочтемся!

Искал я Вам издателя между книгопродавцами. Но эти негодяи меня только оскорбили и привели в несвойственное мне с моего рождения негодование и гнев. Издателя для «Дареджаны» я не нашел... Теперь мой искренний совет: если Вы не желаете потерять своей выгоды, то есть не уступите «Библиотеке» Вашей драмы — за лист по 40 рублей сер<ебром>, — причем еще получите известное количество оттисков, — то лучше печатайте в Тифлисе. Цензура тамошняя Вас спасет, хотя настолько, что Вас можно будет узнать в «Дареджане»; наша же цензура отобьет у Вас охоту писать и охоту печатать. Здесь Ваша драма снова должна подвергнуться цензуре. Мои «Письма из степной деревни»² до того изуродовали, что я их в полном смысле не узнал и отскочил от них, как мать, увидевшая своего ребенка под развалинами разрушенного дома: их набрали, и приостановить издание не было возможности. В моих «Крымских стихотворениях» выбросили почти половину... Прощайте, Яков Петрович, жму Вашу добрую руку и не скрываю от Вас, как мне грустно писать это письмо. Не забывайте меня... Пишите о себе и на первый раз познакомьте меня с Вашей жизнью до нашей встречи при рифме «память». Я Вам, если пожелаете, оплачу тоже чем-нибудь в этом роде...

Весь Ваш — Гр. Данилевский.

Н. В. Тысяча Вам благодарностей за обещание прислать несколько стихотворений... Я не ошибся! «Качка в бурю» понравилась и моим знакомым и журналам. В «Современнике» она выписана почти целиком!³

Р. С. «Библиотеку» за 1850 год я для Вас получил от г<на> Старчевского; но все еще не соберусь со средствами переслать ее Вам.

¹ А. Е. Бейдеман весной 1850 г. вместе с карикатуристом, издателем «Ералаша», первого русского карикатурно-юмористического сборника (1846—1849), М. Л. Неваховичем (1817—1850) выехал из Петербурга на

⁶ Терпение! (лат.).

юг. После смерти Неваховича в Одессе Бейдеман продолжал путешествие и лишь 12 января 1851 г. возвратился в Петербург. См.: Жемчужникова Л. М. Александр Егорович Бейдеман. Биографический очерк. — Вестник Европы, 1906, № 2, с. 705—727.

² «Письма из степной деревни» печатались в «Библиотеке для чтения» (1850, т. 104, № 12, с. 199—266).

³ Несколько строф из стихотворения Полонского «Качка в бурю» были приведены А. В. Дружининым в «Письмах иногороднего подписчика о русской журналистике» (Современник, 1850, № 12, с. 216—217).

4

СПб. 4 февраля <1851>.

На Ваше письмо ответ мой короток, мой добрый и несравненный Яков Петрович: стихи «Ночь на <восточном> берегу» превосходны и я бы их поместил в «Библиотеке»,¹ но Вы уже мне дали нагоняй за «Качку». Виноват ли я, что у Вас в Тифлисе есть порицатели? «Качка» всем понравилась, «Современник» даже целиком выписал. . . Но, бог с Вами! Буду терпеть и ждать: Вы мне еще пришлете стихов и мы их разом напечатаем.² Драмму Вашу редактор берет и 300 оттисков Вам будут сделаны. Только вот моя беда: в то время как Вы сюда будете ехать, я, быть может, буду ехать в Тифлис. Слушайте!

Щербина здесь. Он приехал в отпуск из Москвы недели на три — и к первому прилетел ко мне. Я в тот же вечер повел его на вечер к Ахматовой (Лейле), где он познакомился с Сенковским, Старчевским, Дружининым и Гаевским. Гаевский в 12 часов нас увез к брату своему на вечер,³ где мы нашли до десяти человек отборной здешней, бывшей лицейской молодежи, превосходный ужин, до сотни анекдотов и молодого поэта нашего *Мея*.⁴ На другой день, то есть в воскресенье, я поехал к Краевскому за деньгами, которые он мне должен был за «Крымского Пленника» (изуродованного цензурою), и встретил там Щербину опять, который представлен был Краевскому Ковалевским.⁵ Потом мы были со Щербиной у Никитенко, где он познакомился с Майковым.⁶ Прошлое воскресенье я с ним ездил к Дружинину, и тут-то мы согласились в мае поехать на Кавказ и далее⁷ — Щербина, я, Дружинин и Боткин! . . .⁸

Щербина Вам кланяется, о Вас было везде много говорено. В последний раз мы все были у Гаевского,⁹ где было до 35 человек холостой компании: тут были и кв. Одоевский,¹⁰ и Мей, и Дружинин, и Сенковский, и Никитенко, и Козлов,¹¹ и Галанин,¹² и Некрасов, и Панаев,¹³ и Кавелин,¹⁴ и многое множество других. . .

Зима — превосходная вещь в Петербурге. Но ехать сюда летом — это просто непонятно! Не перемените ли Вы своего плапа? Летом всё из Петербурга разъедется по деревням, в вояжи и в Лондон — на выставку.¹⁵ Вы никого здесь не увидите! Притом ехать

на перекладной — я испытал, какая это скука! Санный путь — другое дело.

Итак, вот почему мне грустно подумать о предстоящем лете. К будущей же зиме все слетится в Петербург. Щербина прямо из Тифлиса приедет со мной.¹⁶ Мей, Майков, Вы, — какая семья!.. Отложите Ваше летнее предприятие, победите судьбу, отпроситесь на зиму, — напишите под небом тифлисского лета что-нибудь градиозное, — и тогда Петербург Вас просто очарует...¹⁷

Щербина приготовил к работе идею поэмы — «Психея».¹⁸ Он мне рассказал: это подражание Апулею¹⁹ и Лафонтену.²⁰ Она будет величиною не меньше Вашей драмы. В этот размер чуть ли не подойдет и мой современный роман в стихах, одна из 2-х частей которого уже готова!²¹ Вот будут ломиться книжки наших журналов. Надо устроить так, чтоб эти все три вещи были отпечатаны осенью, перед нашим приездом с юга, — и не все в «Библиотеке», куда и Щербину Старчевский заманил,²² — а в трех журналах разом: «Современнике», «Отечественных» записках» и «Библиотеке»! Мы заставим «страдать печать» — как сказал Байрон в своей сатире на английских критиков.²³

«Подземных ключей»²⁴ я не отыскал еще. Попытаюсь спросить в Публичной библиотеке.

Скажу Вам, что мне Старчевский передавал на днях пять стихотворений *Спиглазова*. брата папиросного фабриканта, для суда, можно ли напечатать. Я ему сказал вот что: у Спиглазова замечательное дарование, на него обращено уже внимание (см. первую статью «Современника» «Русские» второстепенные поэты. Два стихотворения)²⁵ и с переделкою можно напечатать. От этого я познакомился с Спиглазовым. Он мне очень понравился. На днях мы со Щербиной будем у него. Он будет нам читать отрывки из поэмы своей «Потерянная жизнь»²⁶ (во вкусе «Параши» Тургенева).

Прощайте, помните меня!

Весь Ваш — Гр. Данилевский.

¹ Впервые опубликовано в газете «Кавказ» (1851, № 1, с. 2) с подзаголовком «Сонет», с датой «Пароход Тамань. 1850».

² Полонский не прислал стихов в «Библиотеку для чтения». «Лестно мне ваше предложение, — писал он 2 марта 1851 г. Данилевскому, — но послушайте, вот причина, почему я в эту минуту не могу удовлетворить вашему предложению: во-первых, боюсь вашей цензуры, во-вторых, потому что редко бываю так доволен своими стихотворениями, чтобы решиться поместить их в журнал, и потому что обстоятельства вынуждают меня здесь открыть подписку — и напечатать книжку стихов под своим надзором (?). Здесь для меня есть возможность каждый стих вырывать из цензуры с боем, по-кавказски!» (ГПБ, ф. 236, № 127).

³ Гаевский Виктор Павлович (1826—1888) — юрист, литератор, один из основателей Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым — Литературного фонда. Сохранилось 10 писем (1851—1874) Данилевского к В. П. Гаевскому (ГПБ, ф. 171, № 102) и 3 записки делового

характера (1852—1856) Гаевского к Данилевскому (ГПБ, ф. 236, № 48). Брат В. П. Гаевского — Иван Павлович (ум. 1904), врач.

⁴ Мей Лев Александрович (1822—1862) — поэт и переводчик. В альбоме Данилевского Мей записал 14 февраля 1849 г. свое стихотворение «Хозяин» (ГПБ, ф. 236, № 174, л. 14—15).

⁵ Ковалевский Егор Петрович (1811—1868) — писатель, путешественник, общественный деятель. Печатался в ряде журналов, в том числе и «Библиотеке для чтения», под псевдонимами «Нпл Безымянный», «Е. Горев» и др.

⁶ С творчеством Аполлона Николаевича Майкова (1821—1897) Данилевский познакомился еще в школьные годы (см. его воспоминания «Московский дворянский институт»: XIV, 213). В письме к М. П. Погодину он сообщал: «Сегодня, то есть в среду 26 декабря 1851 г., вечером, ко мне зашли Майков и Полонский. Мы собираемся у А. С. Норова <...> мои гости просидели у меня несколько часов — и эти несколько часов мы посвятили нашей литературе <...> Я читал моим милым приятелям письмо графини Ростопчиной о „Выборе смерти“ Майкова. <...> Нам бы очень хотелось узнать, как вам понравился „Выбор смерти“... Весело думать — и почти не верится — что в наше время еще являются такие произведения, как „Свои люди — сочтемся“ и „Выбор смерти!“ (см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI. СПб., 1897, с. 414). В декабре 1854 г. в доме Штакеншнейдеров ставилась первая часть лирической драмы Майкова «Три смерти». Данилевский исполнил роль ученика. «Что же касается Данилевского, — вспоминала Е. А. Штакеншнейдер, — то роль его была так мала, а играл он ее с таким жаром и с такой любовью, что Майков остался доволен и им, несмотря даже на то, что Данилевский, примерив голубую тогу и белокурыи парик, до того восхитился собою, что ни за что не хотел изображать старого, седого ученика, как оно следовало по пьесе, переделал с согласия и с помощью Майкова несколько стихов и остался кудрявым юношей» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки, с. 44—45). Сам Данилевский писал об этом спектакле матери 22 января 1854 г.: «Я играл молоденького ученика и был в голубой тунике, шитой золотом, и в белокуром парике до плеч; монолог мой о смерти танцовщицы Лоры вызвал рукоплесканья» (I, 55—56). 16 и 29 декабря 1854 г. в альбоме Данилевского Майков записал два своих стихотворения — «Пред их бессмысленным говеньем» и «Кубок» (ГПБ, ф. 236, № 174, л. 5, 16). В архиве Майкова (ИРЛИ, ф. 168, № 16782) хранятся 2 письма (1872, 1889) Данилевского; 17 писем Майкова Данилевскому (1851—1869) находятся в архиве последнего (ГПБ, ф. 236, № 94).

⁷ Поездка не состоялась. Летом 20 сентября 1851 г. Данилевский стал чиновником особых поручений при товарище министра народного просвещения А. С. Норове.

⁸ Боткин Василий Петрович (1810—1869) — писатель, критик, переводчик.

⁹ Об этом вечере Данилевский писал матери, Е. Г. Данилевской, 12 февраля 1851 г.: «На днях был у молодого Гаевского, с которым я схожусь все более и более; был большой вечер; на нем были одни мужчины — и все литераторы, всех партий и оттенков, человек 40. Вот имена из тех, с которыми я там сошелся: Панаев, Некрасов, Сенковский, князь Одоевский, Никитенко, Дружинин, Щербина, Языков, Мей, Петров и другие. В начале вечера сидели в одном углу четверо: Никитенко, Одоевский, Кавелин и я. Я что-то возвратил Кавелину, — все весело рассмеялись. Никитенко с гордостью сказал: „это наш бывший студент, Данилевский“. Князь Одоевский обратился ко мне: „не поэт ли Данилевский?“, — спросил он. „Точно так, князь!“ И Одоевский торжественно протянул мне руку!» (I, 45).

¹⁰ Одоевский Владимир Федорович (1803—1869) — писатель, музыкальный критик.

¹¹ Лицо неустановленное.

¹² Галанин Иван Дмитриевич (ум. 1874) — сотрудник «Журнала Министерства народного просвещения», библиограф.

¹³ Данилевский неприяженно относился к Панаеву, о чем отчасти свидетельствует эпиграмма Данилевского, хранящаяся в архиве А. А. Краевского (ГПБ, ф. 391, № 23), — «К портрету красавца Ивкана» Ивкано-вича***» (б. д.). Неприязнь эта вызывалась резким отношением «Современника» к его творчеству (см. письмо 1, примеч. 12). Эпиграмма Данилевского ошибочно приписана Щербине, см.: Щербина Н. Ф. Избр. произв. Л., 1970, с. 574.

¹⁴ Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) — историк, правовед, публицист.

¹⁵ В Лондоне была организована Первая всемирная выставка.

¹⁶ В октябре Данилевский и Н. Ф. Щербина были на вечере у Е. П. Ростопчиной, на котором присутствовали также А. Н. Островский, Н. В. Берг и Б. Н. Алмазов.

¹⁷ В июне 1851 г. Полонский покинул Тифлис и, навестив больного отца, приехал 7 июля в Петербург, где и поселился.

¹⁸ Речь идет о неосуществленном замысле Щербины.

¹⁹ Апулей Люций (род. ок. 124 г. н. э.) — римский писатель, поэт. Автор известного сатирического романа «Превращения, или Золотой осел».

²⁰ Лафонтен Жан (1621—1695) — французский поэт, автор повести «Любовь Психеи и Купидона» (1669).

²¹ Имеется в виду поэма Данилевского «Адвокатство женщины», эпизод из которой был опубликован в «Пантеоне» (1853, № 4, отд. III, с. 1—18) за подписью «Евгения Сарафанова». О своем «романе в стихах» Данилевский сообщал 10 августа 1850 г. А. В. Старчевскому: «... я написал первую часть „Рассказов в стихах“ из современной жизни нашего меньшинства, то есть части общества, называющейся высшею публикой; поэма должна состоять из двух частей — и будет называться пословицей „Слюбится — сможет!“». В 1-й части с небольшим 1000 стихов, то есть листа полтора печатных или два; 2-ю часть я кончу к приезду, то есть вся поэма будет кончена к концу ноября <...>. Моя поэма основана, кроме психологической задачи, на блестящих современности, я нашел, однако, тип, который меня заинтересовал: я его вздумал облечь в форму стиха и увлекся его интересными положениями. Я убежден, что со времени 1825 года, то есть со времени первой куплетной песни „Евгения“ Онегина“, кроме 25 лет, прошло еще много перемен и в тоне легкой сатиры. Как ни рисуйте портрет верблюда, а не обойдетесь без желтой краски!.. <...> Следовательно, я не краснею за себя, если тон моего рассказа будет отголоском „Онегина“: характеры, сюжеты и, главное, декорации рассказа, то есть легкие придирки к современности, — все другое! что касается до места действия, то первая часть свершается в Петербурге, вторая имеет место действия Крым. Что касается до сюжета, о нем я умалчиваю» (ИРЛИ, ф. 583, № 397).

²² В «Библиотеке для чтения» (1850, т. 104, № 12, с. 12) опубликовано стихотворение Н. Ф. Щербины «Встреча» (1848).

²³ Речь идет о сатире Байрона (1788—1824) «Английские барды и шотландские обозреватели». См.: Байрон. [Полн. собр. соч.], т. 3. СПб., 1905, с. 507 («Библиотека великих писателей» под ред. С. А. Венгерова).

²⁴ 10 января 1851 г. Полонский просил Данилевского разыскать студенческий альманах «Подземные ключи», изданный в 1842 г. кн. Н. Мансыревым, переписать из него стихотворение Полонского «Старый рыцарь» и прислать ему. В альманахе были напечатаны 10 стихотворений Полонского и отрывок из драмы «Ханшаро».

²⁵ Имеется в виду статья Н. А. Некрасова «Второстепенные русские поэты» (Современник, 1850, т. 19, № 1, отд. VI, с. 42—74), в которой были приведены стихотворения Н. Спиглазова.

²⁶ Поэма до нас не дошла.

СПб. *Страстной четверг, 5 апреля* <1851>.

Добрый мой Яков Петрович! Поздравляю Вас с пасхой: цалую Вас по-православному — прямо в уста Ваши сладкие! Много радости принесли мне Ваши письма; но еще более случилось со мною в это время разных переворотов! Прежде всего — благодарю Вас от души за ваши отзывы о моих трудах и за посвящение мне «Татарской песни».¹ Жду — не только я, но и все Ваши почитатели — с нетерпением выхода в свет сборника Ваших стихов.² Потом — передаю Вам глубокую благодарность издателя «Библиотеки» для Чтения», Альберта Викентьевича Старчевского, за присылку «Дареджаны».³ Он прочитал два готовых действия в один вечер — и на утро они уже поступили в печать. Он снова просил меня напомнить Вам, что за лист печатный он перешлет Вам по 40 рублей серебром и сверх того 300 оттисков драмы, если она будет у нас вся напечатана.

Вы пишете, что опасаетесь цензуры нашей. Старчевский сегодня ездил к цензору Шидловскому⁴ и передал ему, по моему рассказу, содержание драмы, прибавив, что Вы, как мне Вы писали, можете выпросить от *кн. Воронцова письменное согласие на напечатание* «Дареджаны»; если Вы это достанете и перешлете сюда немедленно — с одобрением князя играть «Дареджану» на театре, то можете быть уверены, что это совершенно спасет Ваши чудные стихи от лап цензуры. Так советует Вам поступить для ограждения себя сам цензор нашего журнала. Будьте так добры, Яков Петрович, исполните Ваше обещание. Это еще необходимо и вот по какой причине. Вы прислали только два действия. По законам же цензуры цензор тогда только может пропустить начало пьесы, когда он знает ее конец и не видит в нем ничего противного цензуре. Значит, несмотря на то что Ваша пьеса набирается, ее не пропустили бы до присылки остальных актов! Если же Вы желаете для опыта, как Вы писали, напечатать сперва всего два акта, то стоит Вам только прислать одобрение князя — и Вы можете не высылать конца пьесы, по своему желанию. И наоборот: если Вы не пришлете одобрения за подписью князя, то, будьте так добры, пришлите конец пьесы: его против Вашего желания не станут пабирать, а только в рукописи покажут цензору. Г.<п> Старчевский и сам редактор «Библиотеки» д<ля> Чтения» Сенковский так ценят Ваше милое дарование, мой добрый Яков Петрович, что желают отстоять каждый стих «Дареджаны». Чем скорее Вы пришлете ответ, тем скорее и выйдет в свет начало Вашей драмы. До той поры мы все связаны по рукам. Дай бог, чтобы это письмо застало Вас в Тифлисе! . .

Теперь о себе! Я Вам писал, что в начале весны я, Дружинин, Щербина и Кожевников (наш знакомый)⁵ пустимся в Тифлис. Но — увы! мое дело расстроилось! Мои товарищи едут, а я остаюсь в Петербурге весь май и половину июня. Вот в чем дело!

В марте я отдал «Библиотеке» свой перевод шекспировского «Цимбелина»⁶ п, рассчитывая, что он будет напечатан в апреле, думал, что получу за него деньги и пушусь в путь, сложив их с другими своими деньгами. Но вышло иначе. Закон о 30 листах журнальных номеров⁷ так стеснил редакцию, что она печатает теперь «Цимбелина» в мае и в июне, в двух номерах, так как в нем около 12 листов, значит больше трети целой книжки! Плату за труд Сеиковский выдает по выходе в свет каждого листа, поэтому я соберусь с деньгами только по напечатании июньской книги «Библиотеки», то есть когда Дружинин и Щербина будут уже на Кавказе. Ехать в июле в Тифлис — уже невозможно, а ехать осенью — нет расчета, по близости русских морозов и петербургского «сезона»... Из этого выходит, что я этот год на Кавказ не попаду, а откладываю это до будущего лета. Май и июнь я буду в Петербурге; если Вы к этому времени приедете сюда, то я разделю мое время с Вами и поеду — куда Вы захотите; если же Вы не приедете — я отправлюсь через Москву в Нижний Новгород к ярмарке, увидеть Азию в гостях у Европы, останусь там недели две и проеду до Казани. Вернусь я сюда к октябрю, потому что в это время я намерен здесь печатать свою «Повесть в стихах» из современных русских нравов и тут мне придется бороться с цензурой.

Пишите мне отовсюду, куда бы Вы ни поехали; я буду делать то же самое. Драма Ваша, по моему расчету, начнет выходить еще при мне, то есть в июне, если Вы поторопитесь прислать то, что просит от Вас Старчевский; и я очень рад, что буду в состоянии прочесть лишнюю корректуру Вашей божественной «Дарджаны»... Именно — божественной! Чудо что за слог! Здесь на днях был мой друг, художник, Ив<ан> Ив<анович> Соколов,⁸ он с другим художником, Лагорио,⁹ едет в Тифлис и будет у Вас, обласкайте его — он с большою будущностью... На прощальном обеде у меня были: Видерт, Шатковский (они здесь всю зиму живут), Бейдеман и Бурдин — актер, знакомый Вам по Тифлису. Бурдин превосходно прочел нам комедию Островского,¹⁰ а я читал Ваши стихотворения, которые все у меня переплетены и стоят на почетном месте, рядом с Пушкиным, Лермонтовым, Майковым, Щербиной, Губером,¹¹ Ростопчиной¹² и Фетом.¹³ Все Ваши знакомые Вам много кланяются, также и Геннади¹⁴ и еще Полозов — болгарин одесский!¹⁵

Но больше всех я Вам кланяюсь, мой несравненный, добрейший Яков Петрович. Щербина загордился тем приемом, который ему у нас сделали, и стал присылать очень слабые стихи; бог ему судия! Пусть бранят меня, потому что меня нельзя не бранить за опое снисхождение ко всякой своей безделке, но вот беда — как начнут бранить Щербину нашего!.. В следующем и скором письме я приложу Вам два моих стихотворения на Ваш суд! «Весталка»¹⁶ привела нас в восторг. В этом роде это лучшее Ваше стихотворение! Майкову особенно нравится его умышленная рас-

тянутасть: она очень гармонирует с серьезным колоритом беспощадно-холодной Весты. . .

До нового письма!

Преданный Вам — Гр. Данилевский.

¹ Впервые стихотворение опубликовано в газете «Закавказский вестник» (1847, № 3, часть неофициальная, с. 17—18). В сборнике Полонского «Несколько стихотворений» (Тифлис, 1851) оно появилось с посвящением Данилевскому. Из Тифлиса поэт писал ему 19 мая 1851 г.: «Посылаю Вам 4 экземпляра моих стихотворений, в 1-й цензуре было 32 стихотворения, и я их уже начал печатать, но, слава богу, пришел новый шрифт из Петербурга — я велел бросить все, что было в типографии набрано, выбросил 16 стихотворений, уменьшил подписную цену — и издал только несколько стихотворений. Поверьте, если бы не обещал Вам посвятить „Татарскую песню“, стер бы и ее с лица земли. Если бы с некоторым подписчиков не получено было денег вперед — вовсе бы не печатал, так несовершенны мне кажутся стихи» (ГПБ, ф. 236, № 127).

² Речь идет об упомянутом выше сборнике «Несколько стихотворений».

³ «Дареджана, царица Имеретинская», драма, написанная Полонским в 1850 г., предназначалась им для постановки в недавно открывшемся казенном театре в Тифлисе. В ответ на предложение Данилевского опубликовать драму в «Библиотеке для чтения» Полонский писал 27 ноября 1850 г.: «Предложение Ваше и Редакции было мне очень лестно, но есть причины, почему мне хочется напечатать ее отдельно, т. е. отдельно книжкой: во-первых, печатавши ее таким образом, я даю возможность приобрести мою драму всякому, кто захочет читать ее в *во всякое время* <...> Судя по тому, как разошелся мой „Сазандар“, думаю, что легко могу рассчитывать в одном Тифлисе на 200 покупателей. Тем более что здешнее общество начиная с самого князя Воронцова уже заинтересовалось трудом моим. Во-вторых, напечатавши драму мою отдельно, я невольнейшим образом заставлю господ рецензентов что-нибудь да сказать об ней, и надеюсь, из брани и хвалы выйдет какой-нибудь результат, вдобавок меня льстит надеждой услышать и дельный отзыв — прочесть для себя строгий, но правдивый приговор» (ГПБ, ф. 236, № 127). Боясь цензуры, Полонский решил прибегнуть к посредничеству кн. М. С. Воронцова, благожелательно относившегося к нему (Полонский служил при канцелярии наместника Кавказа). Воронцов дал ему рекомендательное письмо к директору императорских театров А. М. Гедеенову с просьбой подействовать молодому автору в постановке пьесы на столичной сцене, указывая, что в дальнейшем она могла бы появиться и на сцене тифлисского театра. Учитывая политическое звучание пьесы, Гедеевов передал ее на рассмотрение в III отделение вместе с письмом Воронцова. Разрешение пьесы к постановке повлекло бы за собою и разрешение печатать пьесу в журнале. Но надежды Полонского и Данилевского не оправдались. Л. В. Дубельт писал 2 февраля 1852 г.: «Г<н> генерал-адъютант граф Орлов по представлении его сиятельству донесения о упомянутой пьесе изволил находить, что так как сюжет ее имеет интерес исключительно местный, то она не может иметь успеха на столичных театрах; что же касается до представления оной в Тифлисе, то, принимая в соображение политическое содержание этой драмы, его сиятельство полагает, по общим обстоятельствам настоящего времени, отложить еще до некоторой поры разрешение представления оной на тифлисском театре» (Красный архив, 1924, № 7, с. 256). Полонский попытался опубликовать «Дареджану» в «Москвитянинах». 25 июля А. А. Григорьев писал М. П. Погодину: «Приезжал в Москву Я. П. Полонский и читал нам с Островским драму „Дареджана“. Хоть она и запродана уже им почти

в „Библиотеку для чтения“, но, как мой старый друг, он готов продать ее нам. Вещь не без достоинства» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XI. СПб., 1897, с. 417). В «Москвитяине» (1852, кн. 1, № 7) драма появилась в изуродованном цензурой виде.

⁴ Шидловский Юрий Ефимович — цензор Петербургского цензурного комитета в 1840—1850-е годы.

⁵ Лицо неустановленное.

⁶ Перевод был опубликован в «Библиотеке для чтения» (1851, т. 108, № 8) с большими цензурными изменениями (см. письмо Данилевского А. В. Старчевскому (б. д.): ИРЛИ, ф. 583, № 397, л. 16).

⁷ Речь идет об ограничении листажу журнала, см.: Дело о запрещении журналам «Отечественные записки», «Современник», «Библиотека для чтения» увеличивать объем выпускаемых номеров сверх объема, бывшего у них в марте—апреле 1848 г. — ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, 1851 г., № 2549.

⁸ Соколов Иван Иванович (1823—1890) — живописец-жанрист и портретист.

⁹ Лагорио Лев Феликсович (1826—1905) — живописец-пейзажист.

¹⁰ Бурдин Федор Алексеевич (1827—1887) — артист Александринского театра в Петербурге. Данилевский познакомился с ним в начале 1849 г. (см.: Голос минувшего, 1916, № 12, с. 101). Бурдин, видимо, читал комедию А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» (1849), запрещенную цензурой. В архиве Данилевского сохранилось 5 писем (1853 и б. д.) Ф. А. Бурдина (ГПБ, ф. 236, № 40).

¹¹ Губер Эдуард Иванович (1814—1847) — поэт и переводчик.

¹² 24 октября Данилевский писал матери о посещении одного из вечеров, устроенного гр. Е. П. Ростопчиной: «Графиня встретила меня словами: „Мы с вами виделись мало, но, верно, часто жили друг подле друга по нашей поэзии“. В самом деле, летом здешнему поэту Бергу я прислал свою „Татарскую созерцательность“, а он переслал ее графине в ее славное село „Анну“; ответ ее он мне показывал теперь. Вот что она ему писала: „Стихотворение Данилевского прелестно; оно дышит и страстную природою Востока, и ленью поэтической души южного человека; я его читала с истинным упоением и выучила наизусть!“. Я поцеловал хорошенькую, круглую, с малевкими скульптурными пальчиками, ручку графини и с наслаждением вглядывался в жгучие глазки нашей черноокой Аспазии» (I, 48). В архиве Данилевского сохранилось 3 письма (1851—1855) Ростопчиной (ГПБ, ф. 236, № 137); в его альбоме имеется запись (26 ноября 1855 г.) стихотворения поэтессы «Возглас» (ГПБ, ф. 236, № 174, л. 18).

¹³ В альбоме Данилевского А. А. Фетом записано стихотворение «Диана, Эндимион и Сатир» (запись 2 января 1856 г. — ГПБ, ф. 236, № 174, л. 8).

¹⁴ Геннади Григорий Николаевич (1826—1880) — библиограф, сотрудничал во многих журналах, в том числе в «Библиотеке для чтения». Геннади записал в «Дневнике» (1855): «Литераторы, особенно партия „Современника“, не любят его (Данилевского, — Е. С.) как сплетника. В „Современнике“ его постоянно отделявали жестоко, писали пародии и наконец в 1856 г. совершенно несправедливо разобрали с тоном покровительства за первый его дельный труд: библиографию Основьянски (Квитки)» (ГПБ, ф. 178, № 9, л. 6—7). 2 письма Геннади к Данилевскому (б. д.) хранятся в архиве Данилевского (ГПБ, ф. 236, № 51); в его альбоме Геннади записал «Отрывок из рассуждения Григория Книжника о книгах и женщинах» (8 марта 1856 г.) (там же, № 174, л. 81—81 об.).

¹⁵ Палаузов (Полоузов) Спиридон Николаевич (1818—1872) — историк, публицист, цензор Петербургского цензурного комитета. В архиве Данилевского находятся 3 письма (1852) Палаузова, свидетельствующие об их дружеских отношениях (ГПБ, ф. 236, № 117). О нем см.: Ровникова Л. И. С. Н. Палаузов — деятель болгарского просвещения. — Русская литература, 1972, № 2, с. 167—176.

¹⁶ Речь идет о стихотворении «Весталка, или Последняя мольба язычницы», вошедшем в книгу Полонского «Несколько стихотворений» (Тифлис, 1851).

6

С.П.бург, 25 апреля <1851>.

Пишу к Вам, любезный Яков Петрович, в надежде, что мое письмо еще застанет Вас в Тифлисе.

Тысячу раз благодарю Вас за дружеские советы и за Вашу теплую душевную снисходительность ко мне. Никто так хорошо не знает моих собственных недостатков, как я сам. . . Вы прочтете странные критики на мои «Крымские стихотворения» в «Москвитяине», «Отечественных Записках» и, главное, в «Современнике» (Панаев)...¹ Но — что сделано, то сделано; я слишком большой фанатик для того, чтоб уверить себя в истине, что чему быть — того не миновать, и что напечатать XX стихотворений мне суждено было еще в 1201 году до Р. Х.!

Вы, верно, уже получили мое письмо о «Дареджане» и отвечали; Старчевский с нетерпением ждет Вашего отзыва. Я же раздумал печатать «Цимбелина» в «Библиотеке», взял его и отдаю в «Отечественные Записки». В майской книжке «Отечественных Записок» печатается один из лучших моих рассказов в «Казаках и Степях» — «Глинчанский лес».² Я бы желал знать Ваше мнение о нем и о сказке «Крымский пленник», напечатанной в «Смеси» «Отечественных Записок» за январь 1851 года, а наконец, и вообще о «Казаках и Степях», т. е. имеют ли достоинства сказки, написанные так именно, как у меня? Где-то застанет Вас письмо мое?!.

Благодарю Вас за сведения о графе Соллогубе.³ Я был уверен, что он произведет на Вас такое тяжелое впечатление; особенно у кружка петербургских литераторов, к которому принадлежит граф, дико понятия о поэзии: лирики для них не существует, потому что каждое слово, дышащее признанием или сердечною грустью, они готовы поймать за хвост, едва оно вылетит у них изо рта; им совестно раскрывать свою душу по очень простой причине: их душа не стоит и гроша! Споровка же в литературном деле и большой или малый талант в творчестве доставляют им деньги и известность: ну, так и быть, с лихого пса хоть шерсти клок! Оно, без сомнения, скучно смотреть и слушать одни вопли личности поэта: но вопль, одетый в одежды стиха, в одежды гармонического слова, приятен, как и вечно сладкие вопли бури, ветра и стоны леса, гор и морей. Жаль, что цензура много выкинула из моей рецензии (в 4 № «Библиотеки») на поэзию «Brises d'automne»^a — графа Ильинского: ⁴ там Вы много встретили бы подтверждения нашей, общей с Вами, мысли о задушевности поэзии, что вполне опровергает мысли гр. Соллогуба!

^a «Осенний ветерок» (франц.).

Вчера вечером я был на вечере, перед маскарадом, у одного моего приятеля: читал отрывки из моего романа в стихах... После чтения один из слушателей, более других горячий, подошел ко мне, пожал мне руку и сказал: «Это очень свежо, молодо и интересно; жаль только, что впечатление двойится: вы нападаете на журналистку и натуральную школу и сами увлекаетесь ее фельетонным и растрепанным направлением». Чтоб рассеять это двойственное впечатление, я прочел моему слушателю и другим «Подражание Восточным» Мея⁵ и Вашего «Сатарх», «Качку в бурю» и «Дубок»⁶ (наизусть, без сомнения!)... Мой слушатель пришел в восторг: он стал вслед за этим грустен, взял шляпу и ушел, сказавши, что после Ваших, т. е. Я. П. Полонского, стихов совестно братья за рифму... Я узнал после, что это был Верде-ревский,⁷ автор «Октав» и перевода «Паризины» Байрона: он здесь на 1½ дня, проездом из Перми в Варшаву.

А Ваше стихотворение «Дареджана»⁸ в «Кавказе»? Пришлите мне его, ради неба, отдельно: это прелесть как мило! Письмо мое пишу к Вам из Департамента, где с моим сослуживцем Гаевским⁹ прочел только что это стихотворение. Один чиновник сказал: «Жаль только, что от этих стихов мало *веет Империей*». Гаевский ответил: «Если бы от них веяло много Империей, Вам пришлось бы нос заткнуть!». Но простите моему сослуживцу и критику «Современника» эту остроту: он у меня взял все Ваши стихотворения и с наслаждением, по его словам, читает их!

Довольно о стихах! Теперь о Вас самих. Вы пишете, что едете в Астрахань, Москву и Питер. Если Вы будете в августе в Москве, то мы встретимся и прикатим вместе в Питер. Напишите, ради неба, если Вы оставите место свое, можно ли его искать кому-либо из нас, петербургцев, положим хоть человеку, в обстоятельствах одинаковых со мною, т. е. такого же ранга и звания? Как искать этого места, через кого, в чем состоит Ваша должность и какое вознаграждение она предлагает? Вы меня сильно обяжете, если напишете об этом подробно! В ответ на Ваши известия, если только Вы уважите мою серьезную и убедительную просьбу, я Вам напишу, для чего мне это нужно!..

Бейдеман, Шатковский, Видерт и Геннади жмут Вам руку. Бейдеман собирается писать к Вам и высылает какой-то билет!

Ваш Г. Данилевский.

Я на днях собрался было послать Вам мои брошюрки *все до одной*, всего, что вышло моего; но раздумал и вручу Вам сам!

Напишите, до какого времени еще можно писать письма к Вам в Тифлис.

¹ Рецензии на «Крымские стихотворения» напечатаны: Москвитянин, 1851, ч. II, № 7, с. 404; Отечественные записки, 1851, № 4, отд. VI, с. 73—76; Современник, 1851, № 4, отд. V, с. 64—68.

² Сказка «Глинчанский лес» с посвящением А. П. Майкову напечатана в «Отечественных записках» (1851, № 5, с. 241—248).

³ 16 марта 1851 г. Полонский писал Данилевскому: «Я сошелся с графом Соллогубом, и мы часто видимся. Кажется, он человек хороший. Как человек он мне нравится, но почему у многих из числа петербургских литераторов такой легкий, поверхностный взгляд на искусство? Он читал мне несколько своих стихотворений, уверен, что лирическое стихотворение — вздор, потому что его легко писать!!!» (ГПБ, ф. 236, № 127).

⁴ Имеется в виду рецензия Данилевского (без подписи) в «Библиотеке для чтения» (1851, т. 106, № 4, Лит. летопись, с. 39—47) на книгу гр. И. С. Ильинского (Iliin sky I. S. Les brises d'automne. Paris, 1850). В рецензии говорилось о значении лирической поэзии и о ее месте среди других поэтических жанров. Здесь же Данилевский писал о поэзии Полонского: «У Полонского в „Гаммах“ и „Стихотворениях“ (1845 г.) проблеснули искры огня, горевшего в творениях Пушкина и Лермонтова; но новое его произведение „Сазандар“ также перешло к исключительной пластике» (там же, с. 42).

⁵ Стихотворение Л. А. Мея «Подражание восточным» напечатано в «Сыне отечества» (1856, № 22, с. 212).

⁶ Стихотворения «Сатарх» и «Дубок» вошли в сборник Полонского «Несколько стихотворений» (Тифлис, 1851).

⁷ Вердеревский Евграф Алексеевич (ошибочно — Евгений) — поэт, переводчик. Сборник «Октавы» вышел в 1847 г. Перевод «Паризины» Байрона приписан ему Данилевским ошибочно. Автор его — сын Е. А. Вердеревского, поэт и переводчик Горация Василий Евграфович Вердеревский. Перевод «Паризины» вышел отдельным изданием в 1827 г.

⁸ Имеется в виду стихотворение Полонского «Над развалинами в Имеретии», опубликованное без заглавия в газете «Кавказ» (1851, № 25, с. 98), в котором упоминается Дареджана.

⁹ Виктор Павлович Гаевский служил в канцелярии у отца — директора департамента народного просвещения Павла Ивановича Гаевского (1797—1876).

7

С. Петербург. 12 апреля 1855 г.

Оба письма Ваши я получил, Яков Петрович, и очень рад, что, судя по ним, Вы нашли желанные утехи среди друзей Ваших. Поездка в Калугу еще более освежит Вас. Но, впрочем, эти мысли неинтересны Вам; скажу лучше о деле. Печатание идет вперед;¹ набрано 80 листиков из 90 первой тетради. Отпечатано же набело по этот понедельник 88 страниц, или 5¹/₂ листов. Я думаю, к первым дням мая — все кончить; Фишон² обещает это. Корректура читается успешно и прилежно; Мей и Гербель³ помогают мне, не говоря о других из заходящих ко мне. Михайлов же засел уже недели две за повесть,⁴ объемистую, как слышно, и нигде его не видно; а беспокоить его на дому я нахожу иногда неудобным, по собственным моим занятиям и распределению времени. Через 1¹/₂ листа — я снова плачу Фишону, т. е. когда выйдет еще 5; это будет к 15 апрелю; к 20-му еще будет 5, наверно, значит к 25-му апрелю уже надобны субсидии с Вашей стороны. Изда-

тели взявшие не нахвалятся. Щербина часто бывает у меня и у Мея со мною; он также доволен изданием. Между Панкаевыми и Некрасовым, говорят, пробежала кошка;⁵ это здесь недавний слух; боюсь поэтому за участь Вашей платы за «Груню».⁶ Вчера мы все были у графини Толстой; я не в первый раз уже по получении ею Вашего письма. Она вызвалась снабдить средствами, если будут нужны с 25 апреля, просила прямо обратиться к ней — и 100 рублий серебром сейчас вручит, если будут нужны. Я не вызывал ее на это предложение и был тронут ее расположением в пользу Вашу; как Вы решите? Принимать ли ее предложение? Стол Ваш в комнате за кабинетом графа,⁷ и на нем теперь красуются новые бюстики покойного императора. Полка у хозяйки.

Я живу еще на старом месте. На днях перееду ближе к Коростовцевым,⁸ о чем сообщу; теперь же прошу писать мне прямо в Министерство — и постоянно туда. Я бываю там часто.

Майков был в Москве, и на днях я со Щербиной навещал его по возвращении. Он остался очень доволен поездкой. Здесь Соллогуб. Еще ничего о нем не слышно. Писемский 3-го дня кончил чтение у Тургенева первой части «1000 душ»;⁹ сцена в монастыре действительно хороша, но не все в 1-й части одного достоинства. . . Теофил Толстой¹⁰ читал там же на днях повесть музыкально-литературную и замучил всех длиннотою и скукой, хотя отдельные заметки недурны. У Коростовцевых Вас вспоминают, и «душка» с весной еще похорошела. Вот и все.

А мои дела очень плохи; Краевский еще откладывает «Квитку»¹¹ и даже уже и не знает, когда поместит его. Работаю над одними сказками¹² да готовлюсь к «Чумакам»,¹³ которых буду писать, вероятно, не ранее лета и деревни. Посылаю Вам перевод мой «Resignation»,^{a, 14} прочтите его с карандашом и возвратите с надписями на тексте. Не потому посылаю, чтоб был им доволен особенно; а потому, что он идет Гербелю в издание — и Щербина в трех местах восклицал при чтении у Меев на днях: «Умри, Григорий!».

Если увидите Каткова, скажите ему, чтобы он отдал мои заметки *Баргеву*¹⁵ о Пушкине; ему они пригодятся. Не забудьте этого. О письме же моем к нему. . . Не будем говорить об этом, друг мой добрый, Яков Петрович! Мне так грустно теперь, когда пишу Вам, что нет слов сказать; бывшие впечатления до того враждебно подействовали в свое время на меня, что, кажется, еще долго будут самым болезненным образом отзываться при удобном случае.

Вы ничего не пишете, как провели праздники; скажите и о Калуге. О Вас все расспрашивают. Штакеншнейдеры поручили купить им Ваш портрет; а Мандельштам¹⁶ просит внести за него 2 экземпляра в число подписчиков на будущую книгу.

Обнимаю Вас

Г. Данилевский.

---

^a Отречение (*франц.*).

¹ Речь идет об издании сборника Полонского «Стихотворения» (СПб., 1855), выходу которого содействовал Данилевский (см. письмо 8).

² Фишон И. — владелец типографии в Петербурге.

³ Гербель Николай Васильевич (1827—1883) — поэт, переводчик, библиограф. Издавал и редактировал собрания сочинений западноевропейских классиков в переводах русских писателей. В архиве Н. В. Гербеля хранятся 14 писем (1854—1877) Данилевского (ГПБ, ф. 179, № 42), свидетельствующих об их дружеских и деловых отношениях. В архиве Данилевского сохранились 3 письма (1857—1864) Гербеля (ГПБ, ф. 236, № 53).

⁴ Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — поэт, публицист, переводчик, революционный демократ. В это время он работал над повестью «Наш дом», опубликованной в «Библиотеке для чтения» (1855, № 11, 12).

⁵ Речь идет о временной размолвке между Н. А. Некрасовым и И. И. и А. Я. Панаевыми (подробнее см.: Литературное наследство, т. 52—53. М., 1949, с. 117—130).

⁶ Рассказ «Груня» был опубликован в «Современнике» (1855, № 4). 4 апреля 1855 г. Полонский писал Данилевскому: «Меня удивила Ваша радость по случаю напечатания моей „Груни“, ибо сам я дошел до того, что не ощущаю в душе своей никакой радости, хоть и говорю, слава богу, что цензура смилостивилась»; 10 ноября он сообщил ему же: «Я с „Современника“ за свою повесть и несколько стихотворений вместо 200 рублей не получил и 40 рублей, а когда все получу, бог знает!» (ГПБ, ф. 236, № 127).

⁷ Речь идет о гр. Федоре Петровиче Толстом (1783—1873) — скульпторе, живописце, гравере, вице-президенте Академии художеств. В альбоме Данилевского сохранился эскиз для игральных карт и «Греческие игры. План скульптурной модели» (1855), сделанные Ф. П. Толстым (ГПБ, ф. 236, № 174, л. 55—55 об.).

⁸ Речь идет о знакомых Данилевского и Полонского — семье Коростовцевых: подполковнике К. И. Коростовцеве (1800—1884), его жене Н. А. Коростовцевой (урожд. Бубнова) и дочери Ларисе — «душке» (ум. 1906).

⁹ Роман «Тысяча душ» был завершен А. Ф. Писемским в 1858 г.

¹⁰ Толстой Феофил Матвеевич (псевд. — Ростислав, 1809—1881) — писатель, драматург, музыкальный критик, композитор. Толстой читал отрывки из своей книги «Три возраста. Дневник наблюдений и воспоминаний музыканта-литератора» (СПб., 1855).

¹¹ Исследование об украинском писателе Г. Ф. Квитке (псевд. — Основьяненко) (1779—1843), отосланное А. А. Краевскому в конце 1854 г., было напечатано в «Отечественных записках» (1855, № 11, 12) и вышло отдельным изданием (СПб., 1856). Отрывок из книги был перепечатан в «Полтавских губернских ведомостях» (1861, № 28).

¹² В это время Данилевский переводил малоросские сказки «Снегурка», «Младенцы-утопленники», «Доля»; опубликованы в «Библиотеке для чтения» (1855, т. 134, № 12).

¹³ «Нравы и обычаи чумаков. Очерки четырех времен года в Малороссии, из путевых заметок 1856 года» были опубликованы в «Библиотеке для чтения» (1857, т. 142—143, № 3—6).

¹⁴ Перевод стихотворения Ф. Шиллера «Resignation» напечатан Н. В. Гербелем в кн.: Полн. собр. соч. Шиллера в переводе русских писателей, т. I. СПб., 1857, с. 23—26. Здесь же, в 4-м томе, был напечатан другой перевод Данилевского — стихотворение «Элизиум» (СПб., 1858).

¹⁵ Бартенов Петр Иванович (1829—1912) — историк, археолог, библиограф, издатель-редактор журнала «Русский архив». Очевидно, заметка Данилевского о Пушкине не была помещена в «Русском архиве» по цензурным соображениям. См. письмо Бартенева к Данилевскому (1855): ГПБ, ф. 236, № 26.

¹⁶ Лицо неустановленное.

28 апреля 1855 г. С.<П.>бург.

Письмо Ваше, любезнейший Яков Петрович, я получил. Поговорим об издании, а прежде спешу сказать, что едва оно почти кончилось, <состоится> моя поездка на лето на юг, в деревню.¹ Я еду очень скоро, и именно — почти вслед за этим письмом. В Москве я буду, вероятно, 4-го или 5-го мая. Ко мне в деревню едет гостить Бурдин; с ним мы завернем к Соколову. Я еду до сентября, на занятые деньги, в счет будущих благ у Краевского, но не занятые у последнего — а у других, без сомнения.

Ваше издание почти кончено. Отпечатан весь текст, что составило 226 стр., или 14 листов печатных; остались до моего отъезда, в наборе уже и корректуре, примечания, обертка и оглавление. Я уеду, когда все до крошки будет отпечатано. Фишону заплачены все Ваши деньги, 135 <рублей> серебром, в три приема и под расписки. Остальные, что выйдет, я условился заплатить по окончании издания и при требовании его для выпуска в свет. Не знаю, как решить; взять ли у графини Толстой² деньги — доплатить Фишону и, передав все издание, для подготовки брошюрования в продолжение лета, переплетчику — от которого при наступлении нужды взять его все и заплатить самому переплетчику; а остальные от Фишона деньги привезти Вам? Или же оставить, не трогая, все издание немного недопечатанным, у Фишона? Посоветуюсь перед отъездом с графиней; как она решит, так и сделаю. Вы же на всякий случай напишите мне письмо, хоть кондуктору передайте, чтобы здесь дать его на городскую почту — все по прежнему адресу, у нашей хозяйки, где я еще живу.

Пьесы я так расположил.³ «Сазандар» и другие кавказские идут в самом конце, завершаясь примечаниями; «Шота Руставели» с намеком на «Дареджану» — последний. Они все начинаются без особого заглавия — с новой страницы направо, а перед ними ряд Ваших житейских элегий последнего времени, так: «Узник», «Цветок», «О, боже, боже!..», «Моя судьба, старухи...», «Поэт, в минуты вдохновенья», «Тишь», «Пчела», «Времени» и «Бэда-проповедник». Под последним: 1855 г. и полстраницы белой. Это сделано по общему совету, изгнавшему особое заглавие «Кавказских стихотворений». Группировка названных элегий, кажется, довольно удачна. Самые же кавказские начинаются двумя «Татарскими песнями» и «Горной дорогой в Грузию», оставленными сюда из первой тетради; а потом «Грузинская» ночь и весь «Сазандар». Общий совет у Мея изгнал Вашу «Грузинку» вовсе; я взял на себя Ваш гнев, если это не понравится Вам.⁴ Опечаток пока найдено в книге всего три, где $\frac{1}{2}$ поставлена не на места. Издание премиленькое. Пора бы и всем нам

перестать быть неряхами у читателей; а Ваши опасения этой щегольской обстановки — подверглись нареканию.

Гербель уехал в поход и насильно взял у меня половину отпечатанных листов книги, поручив переслать и другие; он говорит, что Вы ему должны 3 р<убля> сер<ебром> — и этим сквитаетесь. Он настаивал и приводил в пример Мирзу Шаффи, что Вы при нем посвятили ему пьесу «Времени», но Шаффи сказал, что не помнит; а я без Вас не подписал ему посвящения.⁵ О подробностях разных по изданию скажу Вам в Москве. А теперь прибавлю, что у Печаткина⁶ выговорил и взял еще на Ваше имя, в счет повести, к августу, 10 стоп бумаги простой и две веленовой; возьмется и бумага для оберток.

Корректуры мне принесли дьявольские; Мея за хлопотами по журналу редко заставлял, а Михайлова почти никогда.⁷ Все обрушивалось на меня и изредка на заходивших ко мне. Иногда в день по два часа проводил за корректурой. Пьяный рассыльный Фишона тоже учащал мои визиты в типографию. Но конец венчает дело; и осенью — к Вам, надеюсь, поплывут денежки!

О баталии в редакции «Современника» здесь все говорят, и я слышал, но не решался Вам писать. Только маленькая есть разница: не Некрасов Бр<ата>, но Бр<ат> Некрасова — брата поверг во прах, топтал, заушал и плевал, пока редакторы их не разняли.⁸

За Мея теперь хлопочет у Виельгорских⁹ Соллогуб. Кони в Москве. Созвал нас всех к себе 22<го> на именины, и удрал от долгов. Он со мною еще лучше сделал шутку — по поводу портретов и села Основьяненка.¹⁰ А Краевский только отдувается и важничает. Писемский продал ему 5 листов «Плотничьей артели»,¹¹ повести, в май за 600 р<ублей> сер<ебром> — значит по 120 р<ублей> за лист, — и приговаривает: «За то ему, что не понимаат, да прижимаат».

За пометки «Resignation» очень благодарю; я написал еще очерк в прозе «Дедушка» — в лист печатный, — начало затеваемой повести под именем: «Отрывки из фамильной хроники одного захолустья».¹² Но это все оставляется на лето.

Вчитываясь в Ваши стихи вполне, я набросал заметки; и потом напишу о Вас этюд — быть может, и для печати.¹³

Щербина написал следующее:

Scienza nuova ^a

Прав Викó; ¹⁴ в круговращеньи
Исторических веков,
Все одни лишь повторенья:
Гербель в нашем поколеньи —
Что в минувшем был Хвостов! ¹⁵

---

^a Новая наука (*итал.*).

История «Современников» вызвал(а) у него новые рассказы о том, как Григорович по телеграфу; разорясь и голодая, дает об этом знать во все концы России и Европы.

Кстати, Григорович был введен в последнюю субботу иностранцем, — графом,¹⁶ помните? — к Штакеншнейдер, где было много гостей, Толстые, Самойлов¹⁷ и др., он все время болтал по-французски, читал и объяснял Кольцова, смотрел все в лорнет и уверял окружающих, что выше Ламартина¹⁸ и Фета никого не знает из поэтов. Впрочем, он очень изменился, к лучшему. Во-зился здесь все с баулом и картинами старинными;¹⁹ уехал два дня назад, пожелав и мне того же в альбом.²⁰

Мебель моя остается у хозяйки, которая всплеснула руками и чуть не упала в истерику, когда я объявил ей, что Вы собираетесь в военную службу.²¹ Другим поэтому, кроме поклонов Ваших, ничего не передавал. Она ждет нас к осени; конюшня ее и две комнаты на все лето уже наняты, — и квартиры она не сдаст.

Мандельштам (поясняя!) просится в подписчики на 2 экземпляра> Вашей книги; а Штакеншнейдеры> просят приобрести для них у Левицкого²² Ваш портрет.

Мей переезжает на дачу. Сегодня свадьба Ларисы Коростовцевой. Поклон передан.

Вчера я простился на вечере с Левшиным,²³ где видел М-ше Тургеневу,²⁴ она милее и совершенная душка. О Вас было много речи. Она теперь читает Шекспира.

Афанасия с хозяйкой²⁵ кланяются Вам, первая пополнела... в лице!

Мирза Шаффи, у которого я на днях обедал, едет на лето в окрестности Шлиссельбурга; он тоже похорошел и пополнел. Его Леопольд²⁶ кланяется Вам. До свидания.

Ваш Гр. Данилевский.

О приезде нашем можете справиться в глазной лечебнице, близ Шевырева, на Тверской, в кв. Тихонравова — родного Бурдина.

Сохраните взятые Вами листки первые книги; я остальные привезу.

¹ Летом 1855 г. Г. П. Данилевский был командирован Министерством народного просвещения Украины. Результатом поездки явились статьи «Частные и общественные собрания старинных актов и исторических документов в Харьковской губернии» и «Полтавская старина в отношении ко времени Петра Великого» (Журнал Мин-ва нар. просвещения, 1856, ч. 89, 92).

² Толстая Анастасия Ивановна (1816—1889) — жена гр. Ф. П. Толстого.

³ Сборник 1855 г. вышел с указанным Данилевским расположением стихотворений.

⁴ Полоцкий был недоволен отказом Данзлевского поместить стихотворение «Грузинская ночь» в предполагаемом издании, его беспокоило также отсутствие необходимых средств для этого издания, о чем, видимо, он писал в несохранившемся письме к Тургеневу, надеясь на его мате-

риальную поддержку. Тургенев отвечал 17 июня 1855 г.: «Мне очень досадно <...> что Данилевский испортил Ваше издание. Впрочем, охота же Вам было поручать издание такому свистуну! Это очень неприятно — постарайтесь, чтобы дело не затянулось — и издавайте скорее Вашу книгу. Крайне мне обидно также, что я Вам помочь не могу — но я сам в таких тонких обстоятельствах, что чудо! Я в противном случае попросил бы у Вас позволения помочь Вам заглазить нелепость Данилевского — но теперь — делать нечего!» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 2. М.—Л., 1961, с. 284). Однако сборник стихотворений 1855 г. пользовался успехом у читателей. Полонский был благодарен Данилевскому за помощь. 21 февраля 1859 г. Данилевский писал Полонскому: «...перечитывая Ваши письма в деревне, прочел записочку из Москвы, по случаю изданной моими хлопотами книги Ваших стихотворений, где стоят такие слова: „Я у Вас в долгу, и буду счастлив, если когда-нибудь отслужу Вам за Ваши хлопоты“» (ИРЛИ, ф. 274, оп. 3, № 180).

⁵ Речь идет об учителе гарнизонной школы в Тифлисе Мирзе Шаффи, с которым познакомился во время путешествия по России немецкий поэт и переводчик Ф. Боденштедт (1819—1892). По его ходатайству Мирза Шаффи был переведен в тифлисскую гимназию преподавателем татарского языка. В 1851 г. Боденштедт прибег к мистификации, издав собственные стихотворения под именем Мирзы Шаффи, они пользовались большой популярностью. В русском переводе см.: Песни Мирзы Шаффи, с прологом Ф. Боденштедта, в переводе Н. И. Эйфорта. М., 1880. Упомянутое стихотворение Полонского «Времени» было напечатано впервые в его сборнике «Стихотворения» (СПб., 1855) без посвящения Мирзе Шаффи.

⁶ Печаткин Вячеслав Петрович (1819—1898) — инженер-технолог, книгоиздатель, с 1853 г. издатель «Библиотеки для чтения».

⁷ В это время Л. А. Мей и М. Л. Михайлов активно сотрудничали в «Библиотеке для чтения».

⁸ Речь идет о Федоре Алексеевиче Некрасове (1827—1913), брате Некрасова, пайщике «Современника» (см. о нем письмо Н. А. Некрасова к И. С. Тургеневу от 9 января 1850 г. в кн.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 10. М., 1952, с. 139—142).

⁹ Виельгорский Михаил Юрьевич, гр. (1788—1856) — музыкант-дилетант, хозяин известного в Петербурге салона. Видимо, имеются в виду попытки гр. В. А. Соллогуба способствовать через своего зятя М. Ю. Виельгорского, являвшегося членом Комитета по управлению императорских театров, постановке драмы Мея «Псковитянка».

¹⁰ Речь идет о гравюрах-вклейках с изображением Г. Ф. Квитки Основьяненко и его родного села (Пантеон, 1855, № 4). Редактором журнала был театральный деятель Федор Алексеевич Кони (1809—1879).

¹¹ «Плотничья артель. Рассказ из народного быта» А. Писемского опубликован в «Отечественных записках» (1855, № 9).

¹² Замысел Данилевским осуществлен не был.

¹³ Неизвестно, написал ли Данилевский статью или заметку о Полонском.

¹⁴ Вико Джамбаттиста (1668—1744) — итальянский философ и историк, автор известного труда «Основания новой науки об общей природе наций» (1725).

¹⁵ Хвостов Дмитрий Иванович, гр. (1757—1835) — писатель, пользовался славой бездарного поэта и был объектом многочисленных эпиграмм и пародий. Эпиграмма была опубликована в «Полном собрании сочинений» Н. Ф. Щербины (СПб., 1873, с. 304).

¹⁶ Лицо неустановленное.

¹⁷ Самойлов Василий Васильевич (1813—1887) — артист Александринского театра, часто бывал в доме Штакеншнейдеров. В день празднования 50-летнего юбилея М. С. Щепкина в 1853 г. Данилевский в числе

прочих литераторов подписал приветствие Самойлову (Русская старина, 1887, № 6, с. 792).

¹⁸ Ламартин Альфонс Мари Луи, де (1790—1869) — французский поэт-романтик, публицист и общественный деятель.

¹⁹ Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) увлекался живописью, в 1840-е годы посещал рисовальные классы Академии художеств; долгие годы он занимался собиранием предметов старины, описанием частных коллекций и проч. О своей страсти к собиранию картин и фарфора он писал А. В. Дружинину 6 июля 1854 г. (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, с. 82 (Летописи Гослитмузея, № 9)).

²⁰ Альбом хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. И. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, ф. 236, № 124, л. 15).

²¹ В письме от 19 апреля 1855 г. Полонский писал Данилевскому о желании поступить на военную службу (ГПБ, ф. 236, № 127).

²² Левицкий Сергей Львович (род. 1819) — фотограф.

²³ Левшин Алексей Ираклиевич (1799—1879) — историк, археолог, этнограф, член Государственного совета.

²⁴ Тургенева Ольга Александровна (в замуж. Сомова, 1836—1872) — дальняя родственница И. С. Тургенева.

²⁵ Речь идет о хозяйке квартиры (Гороховая ул.), где жили вместе Полонский и Данилевский, и ее служанке. См. письмо Данилевского к М. Погодину от 27 декабря 1854 г.: ГБЛ, ф. 231, разд. 2, карт. 10, № 28, л. 26—26 об.

²⁶ Лицо неустановленное.

А. Н. МАЙКОВ

ПИСЬМА

Публикация И. Г. Ямпольского

В «Ежегоднике Рукописного отдела на 1975 год» были напечатаны письма А. Н. Майкова 1847—1867 гг. В настоящем выпуске публикуются (за исключением первого из них) письма 1866—1890 гг.

Майков нередко писал друзьям и знакомым о собственном творчестве, об отдельных своих произведениях. Так, например, он сообщает П. М. Цейдлеру о своей работе над трагедией «Два мира» (речь идет о редакции 1872 г.), о задачах, которые он перед собою ставил, о трудностях, с которыми сталкивался, и раскрывает некоторые детали, интересные для психологии творчества (письма 7 и 8).

Многие литературные суждения Майкова тесно переплетаются с его социально-историческими взглядами. Он долго работал над поэмой «Княжна» (1874—1876) и придавал ей большое значение. В письме к О. Ф. Миллеру (письмо 10) Майков подчеркивает, что смысл ее не ограничивается случайным эпизодом («в этой поэме в *малом* дано *очень много*»), что в ней показаны судьбы дворянской России с ее грехами и историческими заслугами. Миллер весьма сдержанно отнесся к поэме и ссылаясь при этом на мнение двух студентов. Оспаривая его оценку, Майков с запальчивостью утверждает, что мнение этих «семинаристов» не заслуживает внимания: они совершенно не знают дворянской России, лишены исторического чутья и чужды «отеческих преданий».

В письме интересны также рассуждения Майкова о трагическом начале, об индивидуальных характеристиках героев, которые «рисуются из их языка», о самом тоне повествования (ироническом по отношению к светскому обществу), о рифмах и проч. Особенно примечательно замечание Майкова в ответ на слова Миллера, что сюжета поэмы «хватит на трагедию». Поэт возражает ему следующим образом: «... поэтические вещи *рождаются в своей форме*, и вся эта штука у меня и первоначально мерещилась в этой форме, в октаве, и все развитие, ход рассказа» (это подтверждается многочисленными черновиками). Он отводит замечание Мил-

лера относительно трагедии «Два мира»: «Вы ссылаетесь на „Два мира“: а разве можно исправить в нем безобразия его постройки — несколько маленьких сцен и громадный, из эпизодов состоящий пир, и в конце — прения о вере? Это безобразно, но так надо, по *внутреннему закону*. И здесь тоже». Мысль Майкова, что та или иная форма не прискивается к содержанию, к идее, а рождается у художника вместе с ними, если и не имеет универсального характера, то заслуживает серьезного внимания, во всяком случае как свидетельство поэта о своей творческой практике.

В самом раннем из публикуемых писем Майков делится со своим корреспондентом, Н. Ф. Щербиной, соображениями о жанре антологического стихотворения. Как известно, в начале своей литературной деятельности он прославился и был оценен критикой именно как автор антологических стихотворений. Но скоро после этого Майков вышел за рамки антологической лирики, и его искания шли в разных направлениях. Характерно, однако, что и антологическую лирику он стал понимать не как простое воспроизведение духа древнегреческой поэзии или подражание ее образцам, а как выражение внутреннего мира, чувств и раздумий современного человека в безыскусственных формах, в «наивной» манере этой поэзии. Такое понимание отразилось в рецензии на первый сборник Щербины «Греческие стихотворения» (1850), а также в письме к нему — в своеобразных советах и предостережениях. Но вместе с тем это и мысли о самом себе. «Одно только скажу, — пишет Майков, — не изолируйтесь очень в греческую жизнь. У Греков нужно только учиться форме для внесения в мир собственных созданий; я ужасно не люблю, когда меня назовут педантом или схоластиком, а чувствую, что сам иногда был схоластиком прежних лет, ибо говорил словами, образами и чувствами чуждых нам людей — и веков». Последнее признание весьма существенно, но не следует все же понимать его буквально и принимать за исчерпывающую характеристику раннего творчества Майкова. Скорее оно лишь намечает общие тенденции развития его поэзии; то, что подсудно присутствовало и раньше, было впоследствии ясно осознано.

Майков принадлежит к числу писателей, много думавших не только о собственном творчестве, но и о путях развития русской литературы в целом, причем его мысли не замыкались в пределах самой литературы. Испытывая в самом начале 1870-х годов некий кризис, неуверенность в своих силах, отмечая, что «иссяк ключ, пропала дерзость мысли; нет желания, нет зуда», что «все написанное прежде противно», Майков в письме к П. М. Цейдлеру (письмо 5) стремится связать свои сомнения с тем, что наблюдает в литературе этого времени. И тут в сознании Майкова являются на первом плане Тургенев и Лев Толстой, как представители противоположных тенденций. «Не имеет ли это бессилие более общее значение? — пишет он. — Не у меня одного оно, кажется, заметно. Не значит ли оно, что тот путь, по которому пошла изящная литература, уже уперся в стену? С появления Тургенева мы ушли в себя и мир наших личных созерцаний, личных чувств, недостатков сделали областью искусства, т. е. свою личную скудость <...> История и народное, более широкое, христианское воззрение забыто. Л. Толстой окунулся в этот океан — и вынес нечто прочное. Сравни с „Войной и миром“ то, что пи-

шет Писемский, Гончаров — старых щей да пожиге влей. Я это, положим, инстинктивно чувствовал — и увлекся в мир народной поэзии — достал оттуда „Слово о полку Игореве“ и „Бальдура“: но или сил не хватило, или это никому не нужно». В этом взгляде на Толстого сказалась немалая прозорливость Майкова. Стихия народной жизни, народной поэзии, народных идеалов наряду с проникновением в историческое прошлое России — вот что может, по его мнению, вывести литературу на новый путь. В этих раздумьях Майкова отразился дух времени, и небезразличны совпадения в мыслях с литературными деятелями чуждого ему лагеря, хотя, конечно, в понятие «народное» (народное сознание, народная жизнь) они вкладывали разное содержание.¹

Майков не раз обращался и к прошлому русской литературы. В письме к О. Ф. Миллеру 1871 г. (письмо 6) поэт резко полемизирует с ним по поводу литературы XVIII в., а через его голову с Белинским, с его мыслями о двух направлениях — «сатирическом» и «реторическом», или «идеальном», понятыми при этом слишком прямолинейно. Первое из них Белинский считал главным и наиболее плодотворным для дальнейшего развития русской литературы. Эта точка зрения отразилась и в литературных суждениях Чернышевского и Добролюбова. О направлении, «которое называется сатирическим», Чернышевский писал, например, в «Очерках гоголевского периода», что оно «всегда составляло самую живую, или, лучше сказать, единственную живую, сторону нашей литературы».² И поэтому в не меньшей степени, чем к Миллеру, негодующие слова Майкова относятся к революционным демократам.

Разумеется, во взглядах и оценках Белинского, Чернышевского и Добролюбова многое объясняется теми конкретными задачами, которые они ставили перед современной литературой и литературной борьбой их времени.³ Но необходимо отметить, что и полемика Майкова также исходила из его социально-исторической концепции. Он был, так сказать, «государственником», и интересы государства совпадали в его сознании с интересами народа.

Мы не знаем в подробностях, какой разговор предшествовал письму, что именно и в какой форме утверждал Миллер. Майков упрекает его в том, что из эстетика он превратился в последователя Чернышевского и Добролюбова (это было, конечно, далеко от истины), «развившихся из второй половины деятельности Белинского». Он считает взгляд Миллера узким, потому что одно отрицание неспособно «возбуждать чувства добрые»; «нравственного улучшения, силы бороться, идеала <...> куда стремиться, во имя чего терпеть, во имя чего болеть, — сатира не дает», а выработка идеала — достояние других видов литературы. Майков отвергает

---

¹ Раздумья Майкова интересно сопоставить с тем, что скоро после этого (3 марта 1872 г.) писал Н. Н. Страхову сам Толстой (Полн. собр. соч., т. 61. М., 1953, с. 274—275).

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 17.

³ Об их взглядах на литературу XVIII в. см.: Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, ч. 1. Очерк литературной историографии XVIII века. Л., 1964; Пехтелев И. Г. Белинский — историк русской литературы. Изд. 2-е. М., 1961.

слова Миллера, что у Ломоносова — всё риторика, что у Державина, как и во всей литературе XVIII в., только то и хорошо, что сатира. Он признает законность сатиры, но как чего-то второстепенного: «Вот когда это сделано, т. е. положен краеугольный камень и создан храм, тогда давайте швабры и метлы, гоните трубочистов чистить трубы — давайте сатириков». Сатирики, как это следует из рассуждений Майкова, должны быть помощниками верховной власти, высмеивать отдельные отрицательные недостатки «храма» (государства, социального строя), а не посягать на его основы. Иначе говоря, сатире отводится та роль, против которой решительно возражал Добролюбов. Из письма совершенно очевидно, что спор выходил за пределы литературы. Майков обвиняет, например, Миллера в том, что он «укрепляет отрицательное отношение к жизни и истории».

Вместе с тем в письме есть много справедливых слов о Ломоносове, о его огромном значении в истории России и русской культуры. Имеются и тонкие частные замечания, например, что в одах Ломоносова поучения царям давались «в форме похвал», т. е. рисовался не подлинный портрет, а идеальный образ монарха. Или другое утверждение Майкова: то, что являлось достоянием духовных писателей, было, так сказать, секуляризовано Ломоносовым и Державиным, и тем самым «положено основание всей прелестной поэзии нашей».⁴

В письмах, как мы уже видели, отразились консервативные политические взгляды Майкова. Можно указать и на его рассуждение о «русских Инсаровых» в том же письме к Миллеру. Самое понятие «русские Инсаровы» восходит к статье Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» о романе Тургенева «Накануне» и затем нередко употреблялось как иносказательное обозначение русских революционеров. Майков упрекает Миллера в том, что он идет по стопам Добролюбова и «советует русским девушкам «бегать не с болгарскими, а с русскими Инсаровыми».⁵ Между тем, по его словам, «истинным русским Инсаровым нечего бунтовать, им нужно *работать, работать и работать* каждому на своем поле <...> И эти Инсаровы — и в науке, и в литературе, и в торговле, и может быть... очень высоко». Во второй половине 1850-х годов, в годы подъема общественного движения, Майков признал свои восхваления Николая I глубоким заблуждением («я был просто дурак, когда видел что-то великое в Николае»⁶), но затем снова вернулся к положительной оценке его царствования (см. письмо 9), считая, что он понимал историческую миссию России и был близок к решению «восточного вопроса».

---

⁴ Отмечу попутно, что споры Майкова и Миллера о главном пафосе русской литературы, разумеется в сильно модифицированном виде и перенесенные из XVIII в. XIX в., продолжают и в наши дни. См., например, статьи В. Кожина, В. Марковича, Н. Скатова и Б. Бялика в журнале «Вопросы литературы» (1978, № 9; 1979, № 2, 4).

⁵ Интересно, что в публичных лекциях О. Миллера «Об общественных типах в повестях И. С. Тургенева», прочитанных за несколько месяцев до этого — в марте 1871 г., есть прямая ссылка на «блистательную статью покойного Добролюбова» (Беседа, 1871, № 12, с. 247).

⁶ Голос минувшего, 1919, № 1—4, с. 107 (запись в дневнике Я. П. Полонского от 6 декабря 1855 г.).

Пережив существенную идейную эволюцию, Майков по разным поводам мысленно обращался к своей молодости, иногда для того, чтобы убедить себя в том, что он и тогда думал примерно так же. Прочитав в статьях А. М. Скабичевского, что его брат Валериан — известный критик и публицист 1840-х годов — развивал идеи космополитизма, Майков не без тревоги спрашивает П. М. Цейдлера (см. письмо 7): что они тогда читали, откуда заимствовали эти мысли, каков он сам был в это время и что они о нем думали? Ответ Цейдлера, который тоже пережил аналогичную эволюцию, что космополитическое, общечеловеческое не противопоставлялось в их сознании национальному, патриотическому, что в его произведениях того времени и Валериан Майков и Цейдлер не видели ничего чуждого их идеям, по-видимому, успокоил Майкова, и он больше не возвращался к этому вопросу.

К Майкову нередко обращались начинающие поэты с просьбой оценить их произведения, решить, есть ли у них поэтическое дарование, следует ли им и дальше писать и т. д. Даже сочувственно отзываясь об их стихах, Майков предостерегал их от профессионализации, от того, чтобы делать поэзию источником своего существования (см. письма 17 и 18). «Не основывайте Вашего благосостояния на поэзии, — настойчиво советовал он. — Раз заставите Вы Музу готовить Вам кушанье, она озлится и уйдет. Хорошо еще, если не надсмеется над Вами. Если у Вас окажется поэтическое дарование, оно скажется само собою, чем бы Вы ни занимались». И другому лицу: «Особенно поэзия чутка на этот счет. Не верьте ей — обманщица и губительница. Впрочем, с своей точки зрения она и права, ибо ни за что не допустит запретить себя в плуг как вола или извозчицью лошадь в дрожки, чтобы работать для Вашего прокормления и „доставления славы“ и, конечно, — денег». Майков ссылался при этом и на собственный опыт: «Мои насущные потребности удовлетворяла служба, а поэзия очень мало к тому прибавляла».⁷

Кроме того, работа «в избранной специальности труда», по словам Майкова, много дает поэту, так или иначе оплодотворяет поэзию: «...специальность, сводя вас с людьми, вырабатывает и в вас характер и независимый образ мыслей и знакомит с людьми, с психологией человечества, вводя вас в соприкосновение с общею жизнью» (аналогичные мысли и в письме 15).

Нужно отметить вместе с тем одну характерную черту в подобных советах Майкова. Предостережения от профессионализации иногда перемежались у него рассуждениями об утилитарных целях, губительно действующих на поэта: «...я никогда ни одного стиха не написал с какой-нибудь утилитарной целью; мне весело было, мучительно весело, рисовать образы, улавливать тайные движения сердца, делать ясными и видимыми сокровенные явления души. Всю жизнь свою я шел наперекор господствующим направлениям в обществе и в литературе, никогда не соблазнившись тем, что иной, противоположный, образ действия был бы гораздо выгоднее». Майков справедливо возражал против плоской утили-

---

⁷ Это было именно так, но в зрелые годы Майков все же весьма тяготился службой.

тарности, противопоставленной подлинной поэзии. Но в его высказывании не менее существенно и нечто другое — то содержание, которое он вкладывал в слова «господствующие направления в обществе и литературе». А речь шла здесь бесспорно о демократических течениях русской литературы и общественной мысли, об идеях социально направленного искусства, противостоящего так называемой «чистой поэзии».

Обращают на себя внимание размышления Майкова о народном стихе в письме к Я. П. Полонскому 1887 г. (письмо 13). Природа народного стиха и его судьба в будущем русской поэзии издавна интересовали его. Еще в 1850-х годах — в связи с «Песней про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую» Л. А. Мей — Майков высказал свои соображения по этому вопросу в письме к тому же Полонскому.⁸

Отмечу в заключение еще одно письмо к Полонскому — от 19 апреля 1888 г. (письмо 14). В связи с предполагавшимся в Обществе любителей российской словесности чтением поэмы Майкова «Брингильда» он говорит о чтении стихов вообще. И здесь, и в других письмах Майков неизменно с неприязнью отзывается о манере скандировать стихи, которая своей монотонностью заглушает их внутренний смысл и лишает ритмической выразительности. Поэт много раз писал об этом. Так, в 1882 г., посылая С. Д. Яновскому последнюю редакцию трагедии «Два мира», он предостерегает: «Только будете читать, то читайте как я — и пожалуй, как Сальвини — т. е. не скандюя стиха, не напирая на рифмы, а следуя только логическому ударению и психическому настроению лица. Пусть некоторые стихи будут казаться прозаическими: они нужны таковыми. они нарочно прозаические. Нет ничего легче все стихи до одного сделать звонкими, звучными и заливающимися гармонией — ничего нет легче — но — прощай характеры, особенности лиц по воспитанью, образованию, душевному строю, и пр. <...> Читать надо просто и верно, с положением и настроением, немножко представлять, но очень немножко, только как бы давая интонацию актерам <...> А представьте, в самом деле, мое удовольствие, когда мои (да многие другие), возвратясь с представления Сальвини, все в один голос мне заявляют, что у него моя манера чтения стихов».⁹ А через много лет, в связи с чтением у Энгельгардта поэмы «Княжна», он пишет сыну Аполлону: «Один недостаток: надо уметь ее читать! Впрочем, и все надо уметь прочесть. И тут уж не автор виноват, а читатель, так же как и хороший актер, должен понять нюансы и интонации. Когда пишешь — ведь и играешь вместе, т. е. творишь и мысли, и тон, и краски, и все оттенки, т. е. жизнь того, что изображаешь».¹⁰ В примечаниях к письму 14 я считал целесообразным собрать и другие высказывания Майкова о чтении стихов, извлеченные из неопубликованных писем, а также свидетельства современников о его собственной манере чтения.

Часть писем печатается по черновикам.

⁸ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 103—104, 106—107.

⁹ ИРЛИ, ф. 168, № 16700, л. 2—2 об.

¹⁰ Там же, № 17892и, л. 82 об.

Я наконец и не знаю теперь, почтеннейший Николай Федорович, как и начать Вам мое письмо. Стыд и срам! до сих пор не мог победить мою беспечность исполнить для Вас Ваше желание, на что в первый день я бросился было с большим жаром, переписал «Алкивиада», да и отвлекся. Теперь пора летняя, а летом у меня никогда перо в руках не бывало, ибо соблазн великий представляет мне озеро с рыбой и удочка. Но откладывать более из рук вон скверно; Вы, вероятно, воздали мне должное, т. е. поругали порядком, ну да и за дело, стбю того, ей-богу, стбю. Только поверьте мне, что не отвечал я Вам от нерадивости и беспечности, а не от чего другого. К этому присоедините еще вот какое обстоятельство — я никогда не писал писем, даже из-за границы к родителям, почему писем писать не умею, хотя очень люблю получать их. Это, конечно, происходит от некоторой сосредоточенности моего характера, хотя, впрочем, в беседе (где нет для меня людей антипатичных) я буду очень общителен.

Решительно не могу продолжать моего письма. Мне кажется, что у Вас сборник уж готов, все кончено, я опоздал, и Вы, не прочтя моих строк, кинете их в сторону, обругав меня по достоинству. Зачем я не дал Данилевскому² стихов? Право бы, было лучше. Ну да уж нечего делать, успокоюсь как-нибудь. Вы спрашиваете меня об Ваших стихотворениях — действительно, «Москвитянин» редкость в Петербурге, что очень жаль, но когда этот журнал-невидимка попадает мне в руки, то первое я ищу, нет ли Ваших стихов.³ Из таковых попадалось мне немного, и чтобы сказать Вам об них что-нибудь, кроме общих похвал, надобно бы было мне прочесть их вместе, разом, да и подумать. Ведь общих мест Вы мне, вероятно, не простите. Помню только, что были пьесы, которые мне очень нравились, а какие, сказать не могу, и Вы не сердитесь на меня — ведь когда-нибудь Вы их сберете да и напечатаете, и тогда обязуюсь я сказать мое мнение.⁴ Одно только скажу — не изолируйтесь очень в греческую жизнь. У Греков нужно только учиться форме для внесения в мир собственных созданий; я ужасно не люблю, когда меня назовут педантом или схоластиком, а чувствую, что сам иногда был схоластиком прежних лет, ибо говорил словами, образами и чувствами чуждых нам людей — и веков. Впрочем, все это Вам, верно, не ново — в Вас есть талант и поэтический такт, который не позволит Вам удариться в крайность.⁵ Что сказать Вам о Петербургской литературе? да Вы ее лучше меня, верно, знаете — Вы ведь читаете журналы; я бы сказал об ней, если бы меня спросили, что ее нет; есть фабрики статей и прочего хламу, а литературы нет; вот Москва, кажется мне издали по крайней мере, имеет некоторый

кружок, где литературные вопросы имеют значение, но, может быть, это только кажется издали. Вообще ужасно скверно жить при таком отсутствии движения мысли. Выходишь совсем изолированным человеком, что имеет свои хорошие стороны, конечно, а именно — независимость от литературных авторитетов, что есть благо немалое, когда знаешь, кто эти авторитеты и от них ли ждать слова живого. Поставьте себя на эту степень, и Вы увидите, как Вы станете выше (с философской точки) этого мира мелких взглядов. Одно горе: ничто не побуждает писать для печати — я и от этого отказался и решил писать только для своего портфеля, но оттого и обходишь более серьезные мысли, требующие больших рамок, и не отделяешь как должно что напишешь. Поэтому-то мне трудно присоединить что-нибудь к «Алкивиаду». особенно летом, по вышеизложенным причинам. Об «Алкивиаде» же скажите цензору, что его здесь Фрейганг⁶ уже не пропустил, то пусть московский цензор (если есть время) внесет в Главное правление цензуры, а там уж обещали пропустить — так велел мне написать к Вам Абрам Сергеевич Норов.^{а,7} Рад бы исполнить я Ваше поручение, но Никитенко нет в Петербурге. Одоевский в Выборге, и у Плетнева я не был уже с полгода и поэтому не могу к нему собраться — совестно, хотя он хороший человек. Оттого и совестно.⁸ Но уж не слишком ли много я Вам написал? Пора уже кончить, да, пожалуй, Вы и не разберете моей руки. До свидания — ибо, может быть, как-нибудь соберусь в Москву. А Вы не сердитесь на меня и, пожалуйста, если вздумаете, напишите, хотя то, что Вы не сердитесь на меня и прощаете. Итак — может быть — до свидания.

Искренне любящий Вас

А. Майков.

Анахронизм(ы) в этой пьесе я себе прощаю, а потому и Вы их простите.⁶

Шифр письма: ф. 351, № 7076. Письма Щербины к Майкову: ф. 168, № 16982.

Щербина Николай Федорович (1821—1869) — поэт, примыкавший к школе «чистого искусства», автор антологических стихотворений и распространявшихся в списках язвительных эпиграмм. Его первый сборник «Греческие стихотворения» вышел в Одессе в 1850 г.

¹ Это ответ на письмо Щербины от 10 мая 1853 г. Щербина просил прислать для задуманного им альманаха «Железная дорога» «Алкивиада» и несколько других стихотворений Майкова. Альманах не был издан.

² О Г. П. Данилевском см. в настоящем выпуске, с. 129. 3 апреля 1853 г. Щербина писал Данилевскому: «Попросите от моего имени стихотворений у А. Н. Майкова, Я. П. Полонского <...> Не достанете хоть небольших статей в прозе у Ваших и наших общих знакомых» (Д а н и

а Когда пойдет в Главное правление цензуры, Вы меня уведомьте, и я приму свои меры. (Примеч. А. Н. Майкова).

⁶ Далее следует текст стихотворения «Алкивиад».

левский Г. Из литературных воспоминаний. Н. Ф. Щербина. — Исторический вестник, 1891, № 1, с. 42).

³ «Москвитянин» — журнал консервативного направления, издававшийся в 1841—1856 гг. под редакцией М. П. Погодина. В начале 1850-х годов в «Москвитянин» появилось много стихотворений Щербины. О своем сотрудничестве в «Москвитянин» поэт писал Н. Д. Хвощинской 19 августа 1853 г.: «Я печатался в „Москвитянин“ *единственно только потому*, что мне неудобно было печататься в петербургских журналах за отсутствием мощи в Петербурге, что в „Москвитянин“ я был сам лично корректором и редактором своих стихотворений, не позволял печатать испорченного или неудачного своего стихотворения и лично бывал у цензора, когда они цензуровались: за месяц вперед до выхода книжки журнала мог в корректурных листах делать замены и поправки по ценсурному указанию. Только на одном основании этих удобств я и печатал в „Москвитянин“» (Русский библиофил, 1914, № 4, с. 20).

⁴ «Стихотворения Николая Щербины» в двух небольших томах вышли в Петербурге в 1857 г.

⁵ Эти советы Майкова перекликаются с тем, что он писал еще в 1850 г. в рецензии на «Греческие стихотворения»: «Прочтя это («Скрытая страсть», — И. Я.) и другие стихотворения г. Щербины, всякий скажет, что они рисуют древний мир, веют атмосферой древней безоблачной Греции. Это, конечно, справедливо; но просим вслед за тем слышать эти стихотворения с самыми цветами древней поэзии в этом роде — и вы увидите, что, кроме формы и обстановки, общего ничего нет. Эта субъективность, эта способность отдавать себе отчет в каждом впечатлении души, эта, если угодно, *разумность* впечатления, разумность жизни есть произведение нового мира; кроме внешних чувств, которыми мы приходим в соприкосновение с внешним миром, христианство открыло в нас внутреннее, духовное око, которое вместе видит и размышляет, чувствует и помнит» (Отечественные записки, 1850, № 6, с. 65).

⁶ Фрейганг Андрей Иванович (род. 1805) — цензор Петербургского цензурного комитета.

⁷ Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — в 1850—1854 гг. товарищ министра народного просвещения; с апреля 1853 г. в связи с болезнью П. А. Ширинского-Шихматова исполнял обязанности министра, а в 1854—1858 гг. был министром. Цензура находилась тогда в ведении Министерства народного просвещения.

⁸ Одоевский Владимир Федорович (1803—1869) — писатель, музыкальный критик и либеральный общественный деятель; Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — литературный критик и историк литературы. Щербина писал Майкову: «Обязжете еще меня тем, что постарайтесь достать, если можно, статьи от А. В. Никитенко, П. А. Плетнева: у них, можно предположить, найдутся какие-нибудь статьи по части истории русской литературы <...> Передайте мой поклон и чувства уважения П. А. Плетневу, А. В. Никитенку и князю Владимиру Федоровичу Одоевскому» (ф. 168, № 16982, л. 2—2 об.). Об А. В. Никитенко см. наст. выпуск, с. 141.

2

Я. К. ГРОГУ

Милостивый государь Яков Карлович!

Вы предложили мне участвовать моими стихами в праздновании юбилея Карамзина. Как по сердцу пришлось мне это предложение — покажут Вам эти стихи. Теперь, что касается произ-

несения их — обращаюсь с покорнейшею просьбой к Вам. Мне было бы очень лестно, если бы Академия удостоила меня чести прочесть их на ее акте, что мне советует между прочим и несравненный наш Федор Иванович Тютчев и о чем я уже говорил Измаилу Ивановичу Срезневскому,¹ показывал я ему стихи вчерне (как и Вы их слышали), и потому он, конечно, не мог еще составить мнения о них. Теперь я их кончил, поручаю дальнейшую их судьбу Вам.² На чтении для Фонда я мог бы их повторить в заключение вечера.³

Вот мое желание. Так как Вы равно принимаете участие и в Академии и в Фонде, то полагаюсь совершенно на Ваше расуждение.

С истинным почтением имею честь быть

Ваш всепокорнейший слуга

А. Майков.

Ноября 17 1866.

Шифр письма: ф. 88, № 16384.

Грот Яков Карлович (1812—1893) — лингвист и историк литературы, академик, в это время председатель Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда).

¹ Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — филолог-славист и этнограф, академик.

² Майков не принял участия в заседании Академии наук памяти Н. М. Карамзина 1 декабря 1866 г. В дневнике Грота (запись от 7 декабря 1866 г.) читаем: «Сбирался читать в Академии и Майков, приготовивший стихи по поводу юбилея. Но эти стихи не совсем нравились не только посторонним, но и ему самому. Он приезжал читать их ко мне, а потом я читал их у <В. Н.> Карамзина в тот же вечер, о котором я уже говорил, и там впечатление было не совсем удовлетворительное. После того я получил от Майкова, из Москвы, куда он ездил на несколько дней, письмо, в котором он отказывался от чтения на юбилее и очень верно сам указывал на недостатки своих стихов. Поэтому они и не попали в напечатанную на другой день программу чтений» (Исторический вестник, 1910, № 3, с. 997). Стихотворение Майкова «Карамзин» («Вхожу ли в старый Кремль, откуда взгляд привольно...») было напечатано в «Русском вестнике» (1867, № 2, с. 501) с подзаголовком «Неоконченное стихотворение».

³ На Карамзинском вечере Литературного фонда 3 декабря 1866 г. Майков читал отрывок из драматической поэмы «Странник».

3

Я. К. ГРОТУ

<Октябрь 1867>.¹

Несказанно благодарен Вам, почтеннейший Яков Карлович, за Ваши два замечания.² Жалею только, что их не более, т. е. если есть промахи. То-то и горе, что филологического образова-

ния не имею.³ Славянской грамматики никогда не учил. Но когда мне было 14, 15, 16 лет, то читал Библию с упоением, пленяясь более тоном, образами, поэзией, и начал-то писать стихи с переложения библейских красот. Когда исполнилось 15 лет, решили отдать меня в университет: оказалось, что надо знать по-латыни. Взяли студента медицины, ex-семинариста, но в год — я загонял его; довольно сказать, что перевел всего Саллюстия письменно, три биографии из Непота и три речи Цицерона. Будучи на юридическом факультете, знал наизусть весь *compendium*^a Клоссиуса.⁴ Поэтов же прочел тоже чуть не залпом в Низаровском издании по-французски,⁵ отыскивая в подлиннике только места, которые мне особенно нравились. Вот и все мои отношения к филологии, разве что еще выучился на тридцатом году по-гречески, чтоб прочесть «Илиаду». Руководило меня только ухо, а не знание: поэтому было бы истинным благодеянием снабдить меня трудами Востокова, о которых Вы мне пишете. Дело в том, что из меня никогда не готовился поэт или литератор, а живописец, и что я приобрел знаний, то все уже собственною любознательностью и чтением. Впрочем, пенять на это нечего. Школа никогда не даст того, что приобретешь сам, а этой школе никогда нет конца — век живи, век учись. Простите эту иеремиаду, но досадно одному слову придавать другое значение — *точию*-то я действительно употребил в значении *точно*. Точию незнание мое тому причиной. Так ли теперь сказал?⁶

Весь Ваш А. Майков.

Шифр письма: ф. 168, № 16664.

Кроме двух публикуемых писем, в ИРЛИ хранится еще шесть писем Майкова к Я. К. Гроту (ф. 88, № 16137 и ф. 168, № 16503). Письма Грота к Майкову: ф. 168, № 16776 и ф. 166, № 8903.

¹ Предположительная дата устанавливается на основании упоминания о филологе-слависте, поэте и стиховедце Александре Христофоровиче Востокове (1781—1864): «... было бы истинным благодеянием снабдить меня трудами Востокова, о которых Вы мне пишете» (это письмо Грота не сохранилось). 23 октября 1867 г. Майков просил Грота прислать словарь Востокова, который был нужен ему в связи с обработкой перевода «Слова о полку Игореве» (Архив АН СССР, ф. 137, оп. 3, № 576, л. 1). 29 октября Грот писал ему: «Я было приготвил тотчас же ответ, полагая, что у нас (т. е. в Академии наук, — *И. Я.*) есть экземпляры Словаря Востокова, из которых один, как я очень хорошо помню, был Вам назначен еще прошлого года». Но оказалось, что все оставшиеся экземпляры словаря отданы вдове Востокова. Речь идет о «Словаре церковно-славянского языка» (т. 1. СПб., 1858; т. 2. СПб., 1861).

² По всей вероятности, речь идет о замечаниях Я. К. Грота по поводу майковского перевода «Слова о полку Игореве».

³ Майков окончил юридический факультет Московского университета.

⁴ Клоссиус Вальтер-Фридрих (1796—1838) — юрист, профессор Дерптского университета; известен главным образом своими работами по исследованию и изданию источников римского права. По-видимому, имеется

^a Компендиум (*лат.*), краткое изложение какой-нибудь науки.

в виду его «Hermeneutik des römischen Rechts und Einleitung in das corpus juris civilis, im Grundrisse» (Riga und Dorpat, 1829; изд. 2-е: Leipzig, 1831).

⁵ Низар Жан-Мари-Наполеон-Дезире (1806—1888) — французский критик и историк литературы. Речь идет о многотомной серии «Collection des auteurs latins, avec la traduction en français» (27 vol., 1838—1850).

⁶ Точию — только (*церк.-слав.*).

4

П. В. АННЕНКОВУ

«Конец января—начало февраля 1868».

Я думал, что выбрал самое удобное время застать Вас — в 7 часов, и, к великому сожалению, очень ошибся. А переговорить и посоветоваться необходимо.

Единственный выход из того затруднительного положения, в которое меня перед публикою поставили две публикации о предстоящем чтении, из которых в одной сказано, что я буду читать стихи Некрасова, о чем меня просил Комитет, а в другом поставлено уже *не* мое имя, что может быть истолковано не в мою пользу, — есть известное средство — сказаться больным и уже вовсе не участвовать в чтении. Хоть бы в объявлении-то объявили причину, тогда и этого крайнего средства можно бы было избежать, а теперь оно единственное.

Я приищу, кому прочесть «У памятника Крылова», а «Стрельцов» и вовсе не нужно. И при том порядке, как расположены номера чтений, мое отсутствие будет совсем незаметно, потому что стихотворения, *открывающие* вечер, всегда служат только как водевили для съезда, тут усаживаются, приезжают, сморкаются и пр. При статье прозаической это ничего, потому что пропадает только первая страница, но у автора еще остается других 20. Стихотворение же короче и этой страницы. Это была причина, почему я просил Я. К. Грота, когда еще предвиделось мое участие в чтении, поместить меня с обеими пьесами после г. Кеневича, которого статья приготовила бы публику к пониманию моего стихотворения, которое все-таки должно быть, как я думал, *resumé* серьезной статьи, и после нее *нрзб.*

Прошу Вас, почтеннейший Павел Васильевич, передать мое сожаление членам Комитета, но что же делать? Единственное благовидное для меня истолкование двух противоречивых публикаций есть болезнь. (Т. е., поймите, иначе растолкуют, что я не хотел, а этого-то я и не желаю).

Я уверен, что Вы меня совершенно понимаете, что мне иного делать нечего.

Весь Ваш А. Майков.

Кроме публикуемого (ф. 7, № 64), в ИРЛИ хранятся еще два письма Майкова к П. В. Анненкову.

Анненков Павел Васильевич (1813—1887) — критик и историк литературы, биограф Пушкина и редактор первого научного издания его сочинений.

Письмо датируется в связи со следующими обстоятельствами: литературный вечер в память столетия со дня рождения И. А. Крылова, организованный Литературным фондом, состоялся 3 февраля. Обращение к Анненкову объясняется тем, что он был членом комиссии по устройству вечера. На заседании Комитета Литературного фонда от 22 декабря 1867 г. ему и В. П. Гаевскому было поручено «переговорить об участии в литературном вечере с Н. А. Некрасовым» (ГПБ, ф. 458, т. 5, л. 96 и 101). Недоразумение, о котором идет речь в письме, как-то уладилось, и Майков принял участие в вечере. Он прочитал стихотворения «У памятника Крылова» (впервые напечатано: Складчина. СПб., 1874) и «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» (напечатано в № 2 «Русского вестника» за 1868 г.). Указание Л. С. Гейро, со ссылкой на свидетельство А. А. Плещеева, что стихотворение «У памятника Крылова» было впервые прочитано на литературном вечере 16 марта 1874 г. (Майков А. Н. Избр. прозв. Л., 1977, с. 837), неверно. Некрасовские «Стихотворения, посвященные русским детям» («Дядюшка Яков», «Пчелы» и «Генерал Топтыгин»), прочитал на вечере 3 февраля И. Ф. Горбунов (см.: ГПБ, ф. 458, т. 6, л. 11 об.; С.-Петербургские ведомости, 1868, № 31 и 32, 1 и 2 февраля; Голос, 1868, № 34 и 37, 3 и 6 февраля). В вечере приняли также участие упомянутый в письме исследователь Крылова Владислав Теофилович Кеневич (1831—1879), академик Я. К. Грот и А. К. Толстой.

5

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ

1871. Октября 2.

«...»¹ Пенсия — ведь это патент на старость. Да уж не она ли усаживает на месте и делает передвижение затруднительным? И в сборах моих к тебе я уже не чувствовал той легкости, с которою прежде бегал в Москву.² Да мелькала и мысль — а что если с поездом что приключится? Симптомы худые, и с грустью je les constate (чтоб не сказать: констатирую). Это зло и не в одном этом случае, то же и в писании: иссяк ключ, пропала дерзость мысли; нет желания, нет зуда. Все написанное прежде противно. Разочарование в силах: все казалось, что главное впереди, а то, что писал, только приготовление, проба крыл. Теперь уже впереди ничего, а сделанное представляется тщетными усилиями. По благодушию своему «...» я на все это смотрю очень спокойно и пишу тебе не в минуты хандры, как ты, вероятно, будешь мне объяснять. Напротив, мне очень весело внутри себя: пенсия! некоторая бо́льшая ширина движений.

Но знаешь ли что? Не имеет ли это бессилие более общее значение? Не у меня одного оно, кажется, заметно. Не значит ли оно, что тот путь, по которому пошла изящная литература, уже уперся в стену? С появления Тургенева мы ушли в себя и мир наших личных созерцаний, личных чувств, недостатков сделали областью искусства, т. е. свою личную скудость. Сюда я отношу

и сатиру. История и народное, более широкое, христианское воззрение забыто. Л. Толстой окунулся в этот океан — и вынес нечто прочное. Сравни с «Войной и миром» то, что пишет Писемский, Гончаров — старых щей да пожиге влей. Я это, положим, инстинктивно чувствовал — и увлекся в мир народной поэзии — достал оттуда «Слово о полку Игореве» и «Бальдура»: но или сил не хватило, или это никому не нужно.³

Но полно об этом. Письмо валяется дней пять — останюся на этих созерцаниях. Тебе интереснее, разумеется, вопросы о том, что у нас делается. И ничего и много. По крайней мере в литературе. Является много объявлений о новых изданиях. Не знаю многих, но могу сказать только о тех, куда меня приглашали: «Русский мир» и «Гражданин».⁴ Намерения хорошие, а сил нет. Вообще везде какое-то затишье — но перед чем? Кажется, затишье утомления. Это худо. Пророки предсказывают гром в будущем — из Германии, и я верю им. Да, я думаю, верят все, но закрывают глаза или силятся не верить. Поневоле ищешь точки опоры в себе (т. е. в нас) — и не находишь: вот почему и закрывают глаза и силятся не верить, и малодушно жуируют жизнью — *après nous le déluge!*^a

Опять провалялось несколько дней написанное письмо. Из этого ты можешь заключить о настроении моем: оно какое-то разорванное. Баламутят меня разные дела: вот тут-то часто досадую, что нет тебя здесь, чтобы прийти к тебе и *подобраться*. Это потребность — привычка, которую трудно обойти. Теперь же новая забота. Предлагают мне издать мои стихи. Как это сделать? как расположить, в каком виде? что поместить? что выкинуть? Наконец, как устроить все дело? какие условия?.. Это такое для меня сложное дело, приступая к которому чуть не каждую осень, я терялся и кончал тем, что все посылал к черту. Не знаю, что теперь еще из этого выйдет.⁵ — Ставлю, однако, точку и отправляю письмо, чтоб еще не запало. Мои все здоровы. Коля⁶ переведен во 2-й курс; не надеюсь, однако, чтоб перешел в 3-й: занимается, но как-то не споро, не с яростью, без которой ничего не выходит. Спит очень долго, несмотря на брань... До свидания, друг мой. Эх, жаль, жаль, что тебя нет здесь, фантастический ты человек!

Твой А. Майков.

Кроме трех публикуемых писем (два из них печатаются не полностью) (ф. 168, № 16696, л. 6—6 об., 7—8, 17—17 об.), в ИРЛИ хранится еще десять писем Майкова к П. М. Цейдлеру. Здесь же находятся письма Цейдлера к Майкову: ф. 168, № 16968.

Цейдлер Петр Михайлович (1821—1873) — педагог, приятель Майкова с университетских лет. В последние годы своей жизни работал в земской школе для приготовления народных учителей в селе Поливанове Подольского уезда Московской губернии. Майков и другой товарищ Цейдлера

^a после нас хоть потоп! (*франц.*).

А. У. Порецкий поместили в «Гражданине» (1873, № 9), в то время выходявшем под редакцией Ф. М. Достоевского, теплый некролог, посвященный Цейдлеру. Задолго до этого, в 1856 г., Майков посвятил Цейдлеру стихотворение — «П. М. Цейдлеру» («Вот он идет по гатчинскому саду...»), в котором охарактеризовал его как педагога и воспитателя.

¹ Первая половина письма, опущенная нами, посвящена подробным расчетам в связи со сроком пенсии.

² За полгода до этого, 19 апреля 1871 г., Майков писал Цейдлеру: «... скоро на дачу и на озеро. Но прежде чем туда перееду, мечтаю съездить к вам, да и то если будут *лишние* деньги — но и это под сомнением, ибо не вижу никакого получения!» (ф. 168, № 16696, л. 1 об.). А в той части письма от 2 октября 1871 г., которая нами не публикуется, он подтверждал, что все собирался приехать, но теперь его остановил вопрос о пенсии.

³ Майковский перевод «Слова о полку Игореве» был впервые напечатан в журнале «Заря» (1870, № 1), а поэма «Бальдур. Песнь о солнце по сказаниям Скандинавской Эдды» в той же «Заре» ровно через год (1871, № 1). Над переводом «Слова» Майков работал несколько лет и в процессе этой работы познакомился с Эддой. «История Бальдура, — писал Майков в одном из вариантов предисловия к «Бальдуру», — «...» заимствована мною из сказаний Эдды, где древнейшие мифы человечества сохранились, если можно так выразиться, в самом свежем виде. Я случайно попал в этот мир. Занимаясь Словом о полку Игореве и стараясь угадать значение Девы Обиды, я остановился на указаниях профессора Буслаева о родстве ее с девами Валкириями, и вот эти воинственные девы открыли мне чудеса Вальгаллы. Нечто совершенно новое поразило меня, и я счастлив, если в моем переводе сохранилась хоть несколько свежести, суровая девственная фантазия «...» Но рядом с красотами поэзии меня поражало в Эдде еще нечто иное: это близкое ее родство с нашими народными поверьями, древними обычаями, песнями, сказаниями, былинами. Я пришел к убеждению, что в Эдде отразилась религия, общая народам всего балтийского поморья и рек, в это море впадающих, а именно скандинавов, балтийских славян и предков нас, великоруссов» (Майков А. Н. Избр. произв. Л., 1977, с. 848).

⁴ Оба названных издания — «Гражданин» кн. В. П. Мещерского и «Русский мир» В. В. Комарова — реакционного направления. В «Гражданине» Майков время от времени печатал свои стихотворения.

⁵ Предложение исходило от издателя «Гражданина» кн. В. П. Мещерского. «Издание покупает у меня Мещерский «...», — читаем в другом письме к Цейдлеру. — Но боже мой! какая для меня тягость — собирать, выбирать! Когда я сам читаю, мне по большей части все кажется плохо, и я все отодвигаю в сторону и произношу себе приговор весьма неутешительный, вследствие чего понижаю духом. Потом кто-нибудь припомнит что-нибудь из моих писаний, прочтет и похвалит, опять ободряюсь» (ф. 168, № 16696, л. 26).

⁶ Старший сын поэта — Н. А. Майков, впоследствии инспектор Петербургского ремесленного училища цесаревича Николая, а затем член отдела начального образования Ученого комитета Министерства народного просвещения. См. о нем: Витте С. Ю. Воспоминания, ч. 1. М., 1960, с. 329—330.

6

О. Ф. МИЛЛЕРУ

1871. Ноябрь 3.

Почти всякий раз, почтеннейший Орест Федорович, как мне случается перекинуться с Вами несколькими словами, я долго потом сержусь на Вас и без Вас продолжаю разговор с Вами.

Отчего сержусь — может быть, объясню после; отчего продолжаю разговор — оттого, что не имею той диалектики, которую обладаете Вы, и то, на что я бы должен был Вам указать, приходило в голову после. Да мне и труднее спорить, чем Вам, уже по самому капитальному различию наших воззрений: Вы человек логический, человек принципов, головная натура, т. е. такая, которая во имя принципа казнит и милует, судит и рядит. Только христианство умеряет ее, и то сознательно, т. е. сознание превосходства христианской морали, которая хоть и коренится в Вашем сердце, но признана Вами руководством в жизни только по одобрении и по высочайшему утверждению ума. Я же на все смотрю с жизненной точки зрения, не могу в пестрой ее ткани выдернуть одну ее нитку и посмотреть на мир, подводя все под ее цвет. Этим только свойством Вашим я себе объясняю перерождение Ваше из эстетика в последователя Чернышевского и Добролюбова, развившихся из второй половины деятельности Белинского, т. е. в критика-социалиста, продергивающего все прошедшее с одобренного личным разумом принципа. Это же причина, почему из Вас не вышло критика исторического (Тена¹), или, как говорил Ап. Григорьев,² Вы не дошли до органической критики. Я беру совокупность жизни и о старых писателях ставлю первым вопросом: что он сделал для своего времени? какие чувства пробуждал в соотечественниках, какой внутренний мир открывал им? возвышал дух их, мироощущение? и пр. С этой точки зрения смотрю на Ломоносова, Державина; далее влияние разделяют Карамзин, Жуковский, потом Пушкин, из-под которого еще не скоро мы выживем. Белинский извратил течение реки, замутил ее своими ложными толкованиями Гоголя — причина недоразумений его с Гоголем и, может быть, причина упадка духа этого великого и честно-искреннего писателя. Но об этом надо много говорить, здесь не место.

Вы сказали, что в XVIII столетии только и есть хорошего, что сатирики, и в Державине только и хорошо, где сатира. Не спорю и ничего не говорю против сатиры и ее пользы и услугах русской жизни. Но этот взгляд узок, это только одна нитка, выдернутая из ткани. Вы увлекаетесь тем, что сатира осмеивала нравы, злоупотребления, уклонения, мерзость злобы дня; чем радикальнее сатира, тем для Вас лучше, т. е. если приведет к полному отрицанию, тем больше торжество ее, тем более славы писателю. Хорошо. Но задавали ли Вы себе вопрос: отрицать, возбуждать омерзение к существующему в известное время порядку вещей еще не значит возбуждать чувства добрые (великое выражение!³), напротив, злобу, отчаяние, сумасшествие, самоубийство, бунт и гибель личности. Нравственного улучшения, силы бороться, идеала (да идеала не в форме Утопии) куда стремиться, во имя чего терпеть, во имя чего болеть, — сатира не дает. Кто же и что же ее дает?

Я Вам сказал, что я человек жизни и свои суждения почерпаю из ее откровений. Я помню еще в детстве рассказы о моем деде, московском купце Гусятникове, отце моей матери. Это был

старик, весьма образованный человек, одевался по-английски, знал несколько языков, но религиозный и горячий патриот: когда накануне вступления французов в Москву весь дом, семья, приказчики, масса старух, стариков и детей выехали из Москвы, кто на лошадях, кто пешком, в Рязанскую или Калужскую губернию, — уже за Окой или на высоком берегу оной вдруг увидели они московское зарево — весь поезд остановился, всё взвыло; один дед стоял посреди повалившейся и вопившей толпы, высокий, худой, с длинными седыми волосами, обнажил голову и вдохновенно повторял: «Гори, гори, матушка! и будешь ты ему гробом!». Кто-то ему сказал: «А дом-то, а лавки-то (у него было семь лавок, он потерял все почти состояние), ничего ведь не вывезли, не припрятали!» — «Все гори! все гори! — вдохновенно повторял старик, смотревший на зрелище с непокрытой головой. — Чего вы вопите? молитесь и бога благодарите». . . Этот старик был из поколения, возросшего под влиянием Ломоносова: его сочинения попались ему, они заставили молодого купчика учиться, поехать в германский университет, потом в Англию. Величество божие стал он понимать из оды Ломоносова (Ода на «величество» божие),⁴ высокое сознание себя русским, сыном страны своей — из его же од, любовь к наукам — из его же стихов (и будет собственных Невтонов⁵), словом весь его нравственный, высокий строй души, руковоливший его и в жизни и в деятельности (он завел фабрики в Калужской, медные заводы в Оренбургской губернии), был справедлив, тверд и добр и обожаем, как своими близкими, так и заводскими крестьянами. Он, я сказал, принадлежал к поколению, воспитанному Ломоносовым, и сердился на более юное, которое утверждало, что Державин выше. За обедами его частехонько был этот спор, и старик ужасно горячился. Не видите ли Вы, что все екатерининское поколение — вся литература ее времени, другой прадед мой (дядя моего деда), Василий Майков, Новиков и пр. и сам Державин — все это поколение Ломоносовское, и это-то составило славу Екатерине — у них в душе и для Екатерины было уяснено) был тот идеал России, за которую они всегда сражались, умирали и костями своими усеяли и усвоили России ее территорию. Не перетолкуйте, пожалуйста, моих слов, что будто бы все эти чувства *создал* Ломоносов; надеюсь, Вы поймете меня и с полуслова; если бы в народе не было этих чувств (их выражал и Петр, и его современники, и до Петра московские дьяки, и все, вынесшие на плечах своих Россию из разгрома Смутного времени), то никакой поэт их не создаст; но дать им пленительную форму — значит дать слово, уяснить инстинкт сознанием. Вот когда это сделано, т. е. положен краеугольный камень и создан храм, тогда давайте швабры и метлы, гоните трубочистов чистить трубы — давайте сатириков. Пустите же их одних, без тех зодчих — у них не будет нравственных основ. Сатирики XVIII в. тоже ломоносовцы. И это мы видим в настоящее время: идеалы распатаны с по-

мощью критиков, Белинского, Чернышевского», Добр<олюбова> — до Шелгунова,⁶ и явилась сатира нынешняя, которая есть просто смехотворчество и корысть (разумею, духовная, т. е. знаменитость, легко добываемая), под которой нет великого нравственного идеала. (Самый талантливый Щедрин: а что под его ногами?).

Все, что я Вам писал о влиянии Ломоносова, — это факты и во многих русских семьях семейное предание. Державина поэзия есть продолжение Ломоносова, и я понимаю моего деда, почему для него Ломоносов выше, хоть несомненно в Державине больше собственно поэтического таланта. Но Ломоносову он был обязан своим просветлением, своим нравственным строем; Ломоносов первый, словом увлекший к идеалу современников, пробудивший в них чувства добрые, высокие, выведший их из тьмы бессознания. Независимо от писаний своих стал сам для своих питомцев, своей судьбой, своим отстаиванием русского перед немцами, он, мальчик-рыбак и потом академик, говоривший в одах поучения царям, указывавший им путь (в форме похвал), — был чем-то столь великим, таким явным воплощением могущества русского духа, что им самим они гордились, и гордились тем, что и сами его плоть и кровь.

После всего мною сказанного, как же Вы хотите, чтобы я отнесся к словам Вашим, что у Ломоносова и Державина все *ригорики*? Если до сих пор я говорил только о проявлении этими поэтами в их современниках чувства народности, для которой даже обыкновенное название русских казалось мало, низко и изобретались громкие имена Россиян, Россов, то ведь влияние их этим не исчерпывалось. Тот же нравственный взгляд открыт ими на природу (открыт, т. е. не открыт, но уяснен, слово дано; это ужасно, в наш каверзный период без оговорок ни слова нельзя сказать, без этих кочек не *«нрзб»*! Не хотят понимать целостности Вашей мысли, а только диалектизируют, полеми<зи>руют), на нравственный мир; завоевано, секуляризовано это право у духовных писателей, положено основание всей прелестной поэзии нашей, Пушкинской, Тургеневской в описаниях природы. Точно так же нравственные истины вдруг говорят не с архиерейской кафедры, не в уединении созерцательного отшельника, а с точки зрения и чувства простого, обыкновенного, всякого смертного. Искусство в этих поэтах (Лом<оносова> и Держ<авина>) только что вышло из религиозных пелен, выведено на свет божий, в мир, но еще сильно тем млеком духовным матери своей — оно говорит почти ее языком: вот родство их с прошлым. На этих поэтов, да и на всех их современников (у кого талант), нельзя смотреть только как на *подражателей* западным современникам — формы, пожалуй, и взяты, да и многое подражание, но они *усвоители*, в заимствованной форме выражали свое горячее чувство, *искреннее*, иначе бы не действовали на современников, не одушевляли бы их, не цивилизовали бы их!.. Господи! что туману напущено на наши глаза!..

Когда Вы обратились к истории русской литературы, я ожидал, что Вы, воспитанный эстетически, сами поэт,⁷ отнесетесь к ней с точки зрения всей полноты жизни, а выходит что же? Русским девицам советуете бегать не с болгарскими, а с русскими Инсаровыми; но идеал Вашего Инсарова неужели не узнаете Вы в Нечаеве?⁸ За этими уж много девиц побежало. Истинным русским Инсаровым нечего бунтовать, им нужно *работать, работать и работать*, каждому на своем поле, в праведности сердца, не мутя своего дела посторонними видами или не зевая по сторонам. И эти Инсаровы — и в науке, и в литературе, и в торговле, и, может быть... очень высоко. Благодаря им, конечно, и ждем мы. С этими нечего бегать девицам, а нужно дома сидеть и помогать... Оттого-то и сердце болит, оттого и пишу Вам, что Вы, со всей чистотой намерений, впряглись в ту же борону, которую везут Шелгуновы, Пыпины (см. Ист<орию> слав<янских> лит<ератур>⁹) по нашей ниве в то время, когда уж озимь взошла. Что за дело, что Вы с другого принципа отправлись, — да борона-то та же, и Вы больше зла делаете, чем они, Вы с другим знаменем, оно обманывает, пойдешь за Вами и очутишься там же, туда же привезли; Вы опаснее и хуже, потому что Вы с оружием науки, а не с пустой болтовней. Смотрите результаты: отчего нет у них критиков? В университете вместо эстетики, вместо хоть бы того, что делал Никитенко, знакомя нас с «красотами поэзии»,¹⁰ читается обличение или история одного под названием истории литературы. Выходит юноша и уродует, разумеется, *verba magistri*.^a Отчего нет новых талантов? отчего упал театр до оперетки Оффенбаха,¹¹ до Берга!¹² отчего Гербелева издания Шекспира продано первого тома несколько тысяч экземпляров (в пятидесятых годах), а последнего в прошлом году (а уж вышел он года три, кажется) было продано 60?¹³ Отчего (кажется, лет десять тому назад) еще был возможен юбилей Шекспира у нас — а теперь был бы немислим?¹⁴ От вас, гг. профессора! от вас, устранивших на советах своих устранение истории Всеобщей, Русской, Эстетики, Литературы и даже Логики, — с факультетов юридического, естественного и математического, не говоря уж о Медицинской академии и медицинских факультетах! А уж о значении универ<ситет>ского преподавания этих предметов не говорю, как о преподавании, имеющем бросить свет на факты, сообщаемые гимназией. А вы какой свет бросаете? Вторите Шелгунову, т. е. научно излагаете историю обличения! Грех ляжет на ваши головы.

Орест Федорович! Я написал много, гадко, отдавшись потоку мыслей и чувств, накопившихся в душе, написал без плана, без обдуманной формы. Наперед знаю, увы! что все это бесполезно. Ваша натура огнеупорная, для Вас возможны только решительные разрывы, — а где же мне нанести такой удар, чтоб разорвать

---

^a слова учителя (лат.).

ту нить, которую Вы признали единою истинною и к блаженству ведущей (beatificus). Но я решаюсь Вам отослать это писание, потому что, во-1-х, полагаю, что Вы поймете и не будете привязываться к словам и отсюда выводить не те заключения, какие я имею, а главное, потому что этим исполняю тоже свой долг. Да не будет же сказано, что никто не восставал против зла. И так как говорить откровенное слово должно быть согласно с Вашими принципами, то я уверен, что Вы не охулите его и не рассердитесь на меня: если бы я не уважал Вас, я бы и не говорил. Выгоните из себя рационального человека (Антихриста), Орест Федорович, дайте простор в душе своей поэту, и рациональный человек не заградит перед Вами жизни, даст в Вас поэту обнять всю полноту ее!.. Осуждение! да неужели осуждающего целые поколения истории не спросят: а кто ты сам такой? Чувствуя свое несовершенство, никогда бы не взялся я за сатиру и осуждение. И Вас я не осуждаю, а по мере разумения указываю на то, что, по-моему, свет, да узрят его и другие. И знаете, что еще прибавлю: я *не ошибаюсь* в том, что писал, ибо мой горизонт широкий, и слезы, навертывавшиеся у меня при этом писании, говорят мне, что двигала мною безграничная любовь, распростирающаяся и на Вас и заставляющая не переставать *надеяться*.

Ваш А. Майков.

Шифр двух публикуемых писем к Миллеру: ф. 168, № 16677.

Миллер Орест Федорович (1833—1889) — фольклорист и историк литературы, профессор Петербургского университета. Преподавал также на Владимирских, а затем на Бестужевских высших женских курсах. Пользовался большой популярностью как лектор. По своим взглядам был во многом близок к славянофилам. В 1888 г. напечатал большую статью о Майкове (Миллер О. А. Н. Майков. — Русская мысль, 1888, № 5, 6). Поэт резко отозвался об этой статье в письмах к сыновьям от 2 и 27 июня 1888 г. (ф. 168, № 17892а₂, л. 56 об.—57, 73 об.—74).

Письмо давалось Майкову нелегко; в нем явственно ощущаются следы волнения. Было ли оно в результате отправлено Миллеру — неизвестно. Сохранился и другой вариант письма, с существенными отличиями, с большим количеством исправлений и вычеркнутых мест. Оно начинается словами: «Вчера вечером, любезнейший Орест Федорович, говоря об нашей литературе XVIII века, Вы сказали мне, что в ней хорошего только и есть что сатира». В этом варианте письма имеется довольно обширная восторженная характеристика Петровской эпохи, а о Ломоносове сказано, что он «есть сын Петра», что «мальчик-рыбак прошел по пути образования, начертанному Петром» (сходная мысль лежит в основе стихотворения Майкова «Ломоносов» 1865 г.). По поводу лет, проведенных Ломоносовым за границей, Майков замечает, что оттуда он принес «с собою к нам все, что эпоха Возрождения дала Европе и что от нас было скрыто». Отвергая утверждение, что у Ломоносова и Державина — все риторика, «т. е. пустословие, говорение того, чего не чувствуешь», Майков пишет об их глубокой искренности и между прочим замечает: «Об искренности же Державина припомню только, что он не мог написать вторую „Фелицу“ — хотя сама императрица выразила ему это желание. Я написал тогда „Фелицу“, говорил он, когда видел все издали; присмотревшись же ближе — не могу». В отличие от греков, которые «обоготворили своих Орфеев», в России, утверждает Майков, с ними поступают

иначе. Впрочем, он тут же оговаривается, ссылаясь на своего любимого Пушкина: «Но нельзя винить огулом всю русскую литературу. Вспомним, как Пушкин говорил о Ломоносове: это наш первый университет. О Державине: если бы его перевести на иностранный язык, мы бы дивились колоссальности и красоте его образов, устаревший язык только один препятствует нам ценить его вполне». О месте сатиры в литературе XVIII в. Майков пишет: «Жрец в храме учит и вдохновляет; он же и карает и обличает. Оставьте ему только последнюю роль, отымите учение, он будет только ругатель. И надо сказать, что сатирики XVIII века были не одиноки. Рядом с ними был тот же жрец, который проповедовал, и во всей литературе был один дух, одна польза духовная». И вслед за этим: «Гоголь есть последний их представитель, он был силен, стоя рядом с Пушкиным. Вы знаете <...> какая тесная связь была между ними и какое живое понимание друг друга!». Майков упрекает Миллера в том, что он вместо того, чтобы прививать слушателям правильные представления об искусстве и «его роли и истории у нас», «вместо истории поэзии, истории идей и идеалов» читает «историю обличения». И в другом месте, оспаривая эти взгляды, Майков в полемической форме высказывает свое сredo: «Все вы себя только спрашиваете: „довольно ли я демократичен?“, а не то: „хожу ли я в путях божих?“. Пишущий Вам — сам не аристократ, крестьянами не владел, с крестьянской реформой ничего не имел терять... Неужели вы думаете, что, укрепляя только отрицательное отношение к жизни и истории (и прибавлю: к правде), вы служите идее, отечеству, человечеству? Цивилизуются народы только чрез искусство, а не чрез гражданские идеи. Оно смягчает сердца, оно расширяет симпатии, оно пленяет идеалом. Изгнать его и оставить науки — хорошо будет обществу отличных пивоваров, машинистов, астрономов, юристов, филологов, односторонние всё умы без изящного чувства, без общих идеалов — сгоните их вместе, да им не о чем слово сказать друг с другом».

¹ Тэн Ипполит Адольф (1828—1893) — французский историк, философ, искусствовед и историк литературы, основатель историко-культурной школы в литературоведении.

² Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — литературный критик и поэт. В первой половине 1850-х годов вместе с А. Н. Островским, Л. А. Меем и др. член так называемой «молодой редакции» журнала «Москвитянин»; в 1860-х годах главный критик журналов Достоевского «Время» и «Эпоха». Свой критический метод Григорьев называл «органической критикой», противопоставляя его и теории «искусства для искусства», и критике революционных демократов.

³ «Чувства добрые» — из стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» («Что чувства добрые я лирой пробуждал»).

⁴ «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния», «Утреннее размышление о божием величестве».

⁵ См. в «Оде на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»: «Что может собственных Платонов И быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать?».

⁶ Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891) — критик и публицист революционно-демократического лагеря, участник революционного движения 1860-х годов.

⁷ Миллер впервые выступил в печати еще в 1852 г. со стихотворением «На смерть Жуковского»; он написал пьесы в стихах «Подвиг матери. Эпизод из Отечественной войны 1812 г.» и «Конрадин, последний из Гогенштауфенов». Несколькое его стихотворений сохранилось в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 205, № 19460).

⁸ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882) — революционер-заговорщик анархистского толка. В 1869 г. создал тайную организацию «Народ-

ная расправа». Протест против диктаторских приемов и авантюристических методов Нечаева со стороны члена организации студента И. И. Иванова повлек за собою его убийство. С этого времени, а особенно в связи с процессом над товарищами Нечаева по «Народной расправе» (самому Нечаеву удалось бежать за границу), происходившим летом 1871 г. и обильно освещавшимся в печати, имя его стало широко известно. Нечаев послужил прототипом героя «Бесов» Достоевского — Петра Верховенского. Когда Майков писал О. Ф. Миллеру, большая часть романа была уже опубликована в «Русском вестнике». В лице Нечаева Майков, как и его близкий друг Достоевский, ошибочно видел не только извращения, сопутствующие революционному движению, но и самую его сущность.

⁹ Речь идет о книге А. Н. Пышина и В. Д. Спасовича «Обзор истории славянских литератур» (СПб., 1865).

¹⁰ Майков слушал лекции Никитенко по истории литературы в студенческие годы.

¹¹ Оффенбах Жак (1819—1880) — французский композитор, автор известных оперетт «Орфей в аду», «Прекрасная Елена» и др. В 1860-х—начале 1870-х годов оперетта пользовалась у театральной публики большой популярностью и завоевала даже сцены Александринского и Малого театров. Опереттомания была высмеяна М. Е. Салтыковым-Щедриным в его «Дневнике провинциала в Петербурге» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. 10. М., 1970, с. 281—285). См. также: Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 233—234.

¹² Майков имеет в виду балаганный театр К. В. Берга в Петербурге (на Адмиралтейской площади, а затем на Марсовом поле).

¹³ Четырехтомное «Полное собрание драматических сочинений Шекспира в переводе русских писателей», изданное Н. А. Некрасовым и Н. В. Гербелем, вышло в Петербурге в 1865—1868 гг. Нельзя сказать с уверенностью, насколько справедливо утверждение Майкова, что последний том плохо раскупался. Ю. Д. Левин пишет, что «у читателей издание Некрасова—Гербеля пользовалось неизменным успехом. Оно быстро разошлось и до конца XIX в. выдержало четыре переиздания» (Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 527). Впрочем, второе издание появилось в 1876 г., через пять лет после письма Майкова.

¹⁴ Трехсотлетие со дня рождения Шекспира праздновалось в апреле 1865 г. На юбилейном литературно-музыкальном вечере, организованном в Петербурге Литературным фондом, Майков прочитал свое стихотворение «Юбилей Шекспира».

7

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ

Не удивляйся и не сердись, любезнейший Петр Михайлович, что я не отвечал на твои два письма и вообще оказался неисправен. Все это время, т. е. почти три месяца, я решительно не принадлежал себе или, лучше сказать, миру сему; никогда не погружался я до такого забвения всего в царство мысли, да оно и не мудрено: нужно было понять и очертнуть людей, принадлежащих царствию божью, и для того самому туда заглянуть. Вижу теперь, как легко понять эпикурейца — можно и в 20 лет; но христиан понять даже нам, христианам, признаюсь, и в 50 не легко. Я только теперь из этого опыта вочию увидал, что мы

чуть что не по имени только христиане. Загадка моих слов объяснится тебе, если скажу, что я делал: я написал вновь 2-ю часть «Люция».¹ Чувствую, что до настоящих христиан еще не достиг — но все-таки приподнялся несколько, и уж это считаю благополучием. Теперь только понимаю немного, что такое чистые сердцем, кроткие духом, сыны божии и пр. Самая, впрочем, главная трудность — это то, что они уж ничто земное ни во что не ставили; труднее всего было мне понять в них отсутствие земного отечества, и в этом отношении мои симпатии были на стороне римлянина, и объяснил я себе самые успехи христианства тем, что Рим был уже космополит, наполняясь цивилизованными и нецивилизованными варварами, оторванными от родной орды, не успевшими еще создать своего отечества и бывшими просто племенами. Отечество в древнем мире имели только римляне (представитель их Тацит²), и они-то и упирались и гнали христиан. Римляне же из варваров и до христианства уже проповедовали *humanitas*^a (Сенека, «к>пример», он испанец³). Обо всем об этом много бы хотелось поговорить с тобой.

Но есть другой пункт, живо меня затронувший за сердце. В «Отечественных» записках в последних нумерах идет статья Скабичевского о прежних критиках.⁴ Доходит дело до Валериана,⁵ и он в двух статьях излагает его воззрения. Ты помнишь — я тогда мало интересовался его статьями; я еще слишком был наивен и большей частью их (стыдно сознаться) не читал. Прочел только теперь в извлечении. Прочел — и ужаснулся! Выходит, что он проповедовал космополитизм чистейший. Очень захотелось мне найти этому разъяснение, и так как ты тогда вырабатывал вместе с ним *идеи* (как вы «*нрзб.*» называли), то я желаю знать: какие книжки вы читали? Откуда все это взялось? Ведь, конечно, из книжек, не своим же умом. Я этих книжек не читал и остался цел, и в то же время как на одном столе, в одной комнате писалась его проповедь космополитизма, на другом, у меня, писалась «Две судьбы»⁶ и разные прозаические рассказы — «Русские в Италии», из коих 3 или четыре и теперь в рукописи и носят на себе отпечаток иных чувств.⁷ Мне странно теперь, как это случилось, что я с зажмуренными глазами прожил этот период. Если ты помнишь меня в то время, то опиши мне хоть в двух словах: каков я был и каков я вам казался? Не понимал, верно, вас? Кажался дураком, что ли? Что вы тогда обо мне думали? как выражался Валериан? Очень мне хочется это разъяснить. Достань «Отечественные» записки» (октябрь, ноябрь, декабрь), прочти, припомни и напиши откровенно.⁸

О твоём училище ты читал, вероятно, в «Голосе» — вот почему я не возымел никакого хождения по этому делу. Но признаюсь, подумал: не рано ли вы начали восхищаться? И полгода нет, как началось. Надобно бы подождать результатов. Для

---

^a гуманность, человечность (*лат.*).

пользы ли это дела преждевременная огласка? Что-то уж очень похоже на все, что у нас делается, начинается шумом и кончается шумом; вот эта аналогия как-то мне оскорбительна, когда под нее подводят и твое создание, начатое с благословением Божиим и добросовестно искреннее.⁹

Посылаю скорее это письмо к тебе, хоть бы надо было об этом многом еще поговорить и кое на что ответить, но боюсь, завяжется, и потому в конце письма поставлю Vale,⁶ а на днях отправлюсь к Вале, посмотреть на статую: я назначил ему день — да был в тот день в царстве небесном¹⁰ и забыл; дня через два вспомнил, побежал, а уж он уехал.¹¹

Твой А. Майков.

1872, янв<аря> 8.

¹ Еще в молодости у Майкова родился замысел большого произведения о столкновении двух миров, двух нравственных философий — язычества и христианства. Над его воплощением поэт работал несколько десятилетий — вплоть до 1882 г., когда появилась окончательная редакция трагедии «Два мира». В 1863 г. в № 2 «Русского вестника» была напечатана «Смерть Люция» с подзаголовком «Вторая часть лирической драмы „Три смерти“». «Однако, — писал Майков в предисловии к «Двум мирам», — углубляясь в изучение того и другого мира, я чувствовал всю недостаточность, всю внешность черт, какими характеризовал ту и другую сторону в моих опытах; и в 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. В „Смерти Люция“ героем, представителем греко-римского мира, у меня являлся эпикуреец, но этого мне показалось мало. Герой должен был вмещать в себе все, что древний мир произвел великого и прекрасного: это должен был быть великий римский патриот, могучий духом, и вместе с тем римлянин, уже воплотивший в себе всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреец остался далеко назад пред этим образом. Вокруг этого нового героя, которого я назвал Децием (. . .), я сосредоточил все разнообразие современного ему римского общества времен падения, как фон, на котором должна была нарисоваться его фигура. Здесь я уже сделал все, что мог, в изображении языческого мира. Но понять христианский мир не только в отвлеченном представлении, а в живых осмысленных образах, в отдельных личностях, оказалось гораздо труднее, чем сладить с миром языческим». Результатом работы Майкова 1871 г. был текст, опубликованный в «Сборнике „Гражданина“» (ч. 2. СПб., 1872), «Собрании стихотворений» (ч. 2. СПб., 1872) и отдельном издании: «Два мира. Лирическая драма». Здесь отсутствовала еще вторая часть произведения («В катакомбах»), написанная позже и впервые напечатанная в 1882 г.

² Тацит Публий Корнелий (ок. 56—ок. 117) — римский историк.

³ Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э.—65 н. э.) — римский философ, писатель и политический деятель.

⁴ Речь идет о цикле статей А. М. Скабичевского «Очерки умственного развития нашего общества. 1825—1860», печатавшихся в «Отечественных записках» в 1870—1872 гг.

⁵ Валериан — младший брат Майкова (1823—1847), выдающийся критик и публицист 1840-х годов.

⁶ Поэма Майкова «Две судьбы. Быль» вышла в 1845 г.; дата цензурного разрешения — 30 декабря 1844 г.

⁶ Прощай (лат.).

⁷ Два из этих рассказов — «Прогулка по Риму с моими знакомыми» и «Пикник во Флоренции» — были напечатаны в «Современнике» (1848. № 9 и 11) под общим заглавием «Встречи и рассказы». Два других — «Марк Петрович Петров» и «Из приключений Горунина в Италии» — появились уже в конце жизни Майкова (Нива, 1890, № 1—2; 1892, № 1—2). В примечании к последнему читаем: «Оба они были набросаны вчерне еще в сороковых годах и должны были войти в состав целого ряда таких рассказов, связанных личностью предполагаемого путешественника, Горунина; он, казалось мне, представлял собою совсем особый, занимавший меня тогда тип». Ряд набросков, относящихся к другим несущественным рассказам, сохранился в архиве Майкова (ф. 168, № 16524, 16582, 16583, 17865).

⁸ 21 января 1872 г. Цейдлер писал Майкову: «Как сейчас помню целый ряд бесед с Валерьяном о космополитизме и патриотизме (слово национальность не было еще в ходу). Оба мы тогда пытались разграничить их области и никак не ставили их в противоречие одного с другим. Мы держались, а я и до сего дня держусь того мнения, что отвлеченные идеи истины, добра, прекрасного, религиозного) составляют область космополитизма; но человек, как член своего отечества, не может действовать — не может, а следовательно, и не должен искать иных средств и образов для воплощения этих космополитических или общечеловеческих идей, как в сфере отечественного, в области патриотизма или национальности. В твоих художественных произведениях мы не видели ни отсутствия космополитических идей, ни недостатка национального стремления, и потому никак и не предполагали какой-нибудь существенной розни с нашими взглядами. Не знаю, как понял Скабичевский основы Валерьяновой критики; но я не могу даже придумать ничего такого, что бы в этой критике походило на отрицание национальности, если только не игнорировать умышленно, что для критики нет высших, основных начал вне высших космополитических или общечеловеческих идей истины, «*нрзб.*» и т. д.» (ф. 168, № 16968, л. 1—1 об.).

⁹ Имеется в виду хвалебная статья об учительской школе московского земства, во главе которой стоял Цейдлер (Голос, 1871, 18 декабря, № 349). Статья написана на основании отчета попечительского совета школы. В ответ на упрек Майкова Цейдлер писал: «Да где же, друг мой, это восхищение? — разве в „Голосе“, а никак не в моем отчете, который у вас под руками. Справьтесь и улпчите» и т. д. (ф. 168, № 16968, л. 4—4 об.). О школе говорится и в других письмах Цейдлера.

¹⁰ Т. е. был поглощен работой над «Двумя мирамп».

¹¹ Валя — сын Цейдлера. 21 января 1872 г. П. М. Цейдлер писал: «Примите благодарность за Вальку моего. Как бы хотелось мне знать твое мнение о его „Христе“» (ф. 168, № 16968, л. 4 об.). Сохранились письма Цейдлера-сына к Майковым (ф. 168. № 16969).

8

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ

1872. 21 окт<ября>.

<...> Что теперь до меня касается, то скажу, что нахожусь в каком-то потерянном состоянии. Во вторник — вот уже четвертый день — как отнес в типографию для 2-й части сборника Мещерского своих христиан.¹ Точно выехали жильцы, такое чувство, как, <судя> по твоим письмам, у тебя по нашем отъезде.²

Из души выехали жильцы! Пока рукопись лежала на столе — проходишь мимо, бывало, посмотришь, — тут! что-то живое, трепещущее! И горд, и богат, и не один!.. Дело в том, что до воскресенья вечера, в моем представлении, вещь не была кончена, — по возвращении от вас много переделал и выделал. Все лица стали выпуклее, молодые патриции, Фабий, Лезбия, а главное, Марцелл — эти все от нескольких штрихов — впрочем, Лезбии придал характер честолюбия, чем она и хочет действовать на Деция. Главное же — Лида. Меня все беспокоил ее монолог — помнишь ответ на выходку Деция о разуме. Она рассуждала, а ей этого не надо. Стесняли и вязали хорошие стихи, которые она говорит. Наконец, перед отдачей в типографию, идя от Мстишки,³ на лестнице у него, в 12-м часу ночи, сымпровизировал новую ее речь. Я чувствовал, что если ее речь не есть лучшее место в поэме, то вся поэма не годится. И — свершилось! Я говорю в шутку, что само Провидение участвовало в создании этой поэмы, но со мной поступило жестоко, скрыв до последней минуты, что говорила Лида, и открыв только в самый решительный миг. — Получишь сборник (в половине ноября), увидишь и напиши.

Что-то еще надо было тебе сказать, да забыл, не припомню. На сей раз, впрочем, довольно. О Лиде сообщи батюшке⁴ и скажи, что скоро наступит время решения нашего спора: скоро поэма выйдет и будет ругана, конечно, прежде всего «Петербургскими ведомостями»,⁵ о чем ему буду сообщать в свое время, пожалев, что не подержал с ним *пари*. Не поддержишь ли ты за меня? Но полно! такое неловкое попало перо, что, пожалуй, ты и не разберешь ничего, что я написал, а я хватился только при конце! Поклон всем вашим.

А. Майков.

¹ Т. е. «Два мира». См. примеч. 1 к предыдущему письму.

² Жена Майкова с сыновьями провела несколько месяцев на даче в Поливанове; туда же ненадолго уезжал и Майков (см. письма Цейдлера).

³ Т. е. от приятеля Майкова, М. В. Прахова (см. о нем в примечаниях к письму 11).

⁴ «Батюшка» — школьный священник, о котором упоминает Цейдлер в ряде писем к Майкову.

⁵ В «С.-Петербургских ведомостях», действительно, появилась вскоре статья В. П. Буренина, в которой он весьма резко отозвался о «Двух мирах»: «вялое и водянистое повторение самого себя» и т. п. (С.-Петербургские ведомости, 1872, № 352, 23 декабря).

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

〈Начало 1876〉.¹

Мы с Вами говорили о русской истории; я высказал Вам несколько моих взглядов и для большей ясности хотел доставить Вам две мои брошюры, где эти взгляды высказаны полнее. Но потом вот на чем запнулся: брошюры эти написаны в форме рассказов *для народа*, а эта форма Вам, ученому, может показаться недостаточною и оттолкнет Вас.² Могу Вас уверить, что в основе всего высказанного здесь лежит большая и серьезная работа; многие мысли, тут высказанные, впрочем, теперь уже явились и в серьезно ученой обработке, напр<имер> мысль, развитую во 2-м рассказе, Вы найдете в прекрасной статье Ламанского в «Братской помощи герцоговинцам» — рекомендую прочесть ее.³ Статья очень полезная; именно в ней тут Вы можете увидеть, как *недавно* произошло то, что наше общество *оторвалось* от великого исторического пути от *идеи, создавшей Россию*, вследствие какового оторвания и явилась возможность Чаадаевских воззрений. Понятно, почему из наших государей нынешнего столетия Николай имел еще непосредственное понимание этой исторической идеи и почему о Чаадаеве воскликнул: «он с ума сошел».⁴

Это-то оторвание от идеи и делает отдельные личности из нас какими-то сиротами, школьниками, которые убежали от немецкого гувернера с сознанием, что до него не дорастешь, а между тем дорога в отеческий дом уже потеряна, гувернер сделал невозможным ее отыскать, даже *хотеть* ее отыскать.

А между тем вернуться, понять *идею* — значит найти все, и дом и родину, и *смысл* для своей жизни, а оттого и *долг*, и *труд*, и *веселость*. Купите сборник «Братскую помощь» и прочтите статью — но, как художник, я желал бы, чтобы Вы прочли и мои брошюры.

А. Майков.

А вот еще, кстати: написав эту записку, стал я читать в том же сборнике статью Конст. Аксакова, прочел 6 страниц — увидел в ней то, что проповедую, — и восторгнулся — рекомендую прочесть — не знаю, что дальше будет, а эти страницы превосходны.⁵

Шифр письма: р. I, оп. 17, № 7.

¹ Письмо датируется на основании упоминания сборника «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцоговины», изданного петербургским отделом Славянского комитета. Он вышел в начале января 1876 г., см.: Указатель по делам печати, 1876, № 3, с. 42. Майков

напечатал в сборнике стихотворение «Опять горит Восток! Опять и кровь и стон...» — отклик на восстание Герцоговины и Боснии против турецкого владычества.

² Имеются в виду оттиски из журнала «Заря» (1869, № 5 и 8), где рассказы Майкова из русской истории появились впервые. Второй из них был впоследствии озаглавлен «Начало восточного вопроса».

³ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — славист, профессор Петербургского университета, публицист славянофильского направления. В сборнике была напечатана его статья «Россия уже тем полезна славянам, что она существует», проникнутая идеями панславизма. Начало статьи Ламанского в известной степени перекликается с первыми двумя главами второго рассказа Майкова: «Взятие турками Константинополя» и «Москва — третий Рим».

⁴ Речь идет об известном «Философическом письме» П. Я. Чаадаева, напечатанном в 1836 г. в журнале «Телескоп». Чаадаев был объявлен сумасшедшим, журнал закрыт, а его редактор Н. И. Надеждин отправлен в ссылку. В это время Майков снова вернулся к положительной оценке Николая I. Ср. слова о нем в письме со стихотворением «Опять горит Восток!..»: «Уж близок Николай у цели был» и т. д.

⁵ Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — один из основоположников и идеологов славянофильства, поэт, критик, филолог и публицист. Первые страницы его незавершенной статьи «О современном человеке», о которых восторженно отзывался Майков, содержат характерные для славянофильства мысли о глубоком противоречии между «столькими открытиями» и «невероятными материальными усовершенствованиями», с одной стороны, и «страшной бедностью души» — с другой. Здесь говорится о лжи, самолюбивании, «умствованиях», рефлексии и отсутствии «цельности души», «внутренней правды», которые определяют внутренний мир и поступки человека из образованного общества, взявшего за образец Западную Европу.

10

О. Ф. МИЛЛЕРУ

«Декабрь 1876».¹

На этот раз я хочу, любезнейший друг, от Вас защищаться. Задавшись Эсхилом, Вы применяете свои требования ко всему. Я такого мнения: без *трагического* не может быть никакого хорошего рассказа, каков бы ни был его тон. Даже высшая степень комизма — есть трагическое. Посему, представляя Вам небольшой рассказ, действительно с трагическими мотивами, как Вы и сами признаете, я Вам дал очень много; а если *за* ним открывается еще далекий фон и над ним широкий горизонт и если Вы это почувствовали, поэт может быть доволен собой. Необходимое условие всякого хорошего произведения — чтобы лица были *видны*. Я удивляюсь, что Вы моих лиц не видите! Генерал-аншеф, княжна, Женья — один род, в них фамильная черта, но *век* иной. Если Вы разумеете отдельные, более подробные, индивидуальные их черты, — то уж о княжне — она совершенно ясна. Девочка так и рисуется в строфе 91 и 92, особенно в 92. Не говоря уже о том, как все лица рисуются из их языка. Я сам чув-

ствую, что в этой поэме в *малом* дано *очень много*, и притом все сконцентрированное, не размазанное. Из Ваших слов следует, что зачем я написал поэмку, когда сюжет хватит на трагедию? Но нет ли на это законных причин? И *охвачу* ли я столько в трагедии, сколько охвачено здесь? Нет-с, верьте, что одно *верно*: поэтические вещи *рождаются в своей форме*, и вся эта штука у меня и первоначально мерещилась в этой форме, в октаве, и все развитие, ход рассказа. Значит, так тому и быть. Вы ссылаетесь на «Два мира»: а разве можно исправить в нем безобразие его постройки — несколько маленьких сцен и громадный, из эпизодов состоящий пир, и в конце — прения о вере? Это безобразно, но так надо, по *внутреннему* закону. И здесь тоже.

Я полагаю, что много невыгоде Вашего суждения способствовали Ваши слушатели — два студента (Вятка! Саратов!). Конечно, притом из семинарии! Да что они могут понимать из *дворянской* России? Одному так вон и слушать *не хотелось* первой главы: понятно, он ничего *этого не знает*, не видал, по-французски, наконец, не понимает. Я уверен, в петербургских Ваших обыкновенных слушателях Вы нашли бы другое понимание и впечатление. Да они как семинаристы, притом и *по положению* своему — лишены исторического чутья. Им доступна история только Мордовцева.² Семинаристы, не пошедшие в поны и монахи, а в гражданае, отрезаются от всяких отеческих преданий и должны сами себе *выдумать* жизнь, все до малейших подробностей *выдумать*, а не *принять* и не *продолжить* предание, заведенное в доме, его модифируя сообразно веку и характеру. Они — в силу того — необходимые рационалисты, и рассуждают так — *рационально* ли, напр<имер>, чесаться, стричься, стремиться к красоте, писать, делать добро, вести войну и т. д. — о всякой подробности общей и житейской. Поп и монах (из них же) совсем другое дело: они попадают в жизнь предания, из глубины веков идущего и роднящего их с исторической Россией.

Теперь о *тоне*. Вы говорите, его нет. А я вижу его и чувствую. Во-первых, ирония: она относится к *свету* (le monde); где салонный свет — там ирония, где натура, где живое — естественно, тон сочувственный, и выходило это само собой, без премедитации. Это кажется так ясно, что нельзя ошибиться, как читать. Вот Ваша немка заметила: быстрые переходы. Это-то заметил мне и Салиас:³ подымете на высоту, и вдруг — *куафер* или что-нибудь подобное.⁴ С этим нельзя не согласиться. Но можно было бы устроить *спуски* — только это лишние строки, удлинение. У меня насчет некоторых мест есть некоторые предположения и изменения (уже отчасти сделанные), но я уж и не решаю Вам их посылать, ибо у нас уже как бы и нет *почвы* для разговора. По-Вашему, все надо бросить, написать вновь белыми стихами, может быть в драматической форме, и пр. А я могу представить только маленькие поправки существующего. Если же *все* не годится, значит всякая отделка есть толчение воды. Вы уж так

предубедились, что находите рифмы дурные: это уже заживо задевает. Покажите! В рифмах я держусь Пушкина; он рифмовал наречия с прилагательными: прекрасный, напрасно, ужасной. Я и подозреваю, что только этот разряд Вы считаете дурными рифмами. Прошу, укажите, что Вы понимаете. А в пределах, допущенных Пушкиным, — никого нет строже меня. Разве, может быть, *poudre de riz*. . .^{а, 5}

Теперь еще вот что. Самые драматические минуты действия: смерть княжны (<строфы> 102—106),⁶ изгнание Жени, собственно *факты*: они, мне кажется, мастерски сконцентрированы, взято только главное слово (Чего ж стоишь! Простись) без мази, а когда я читал, производили сильное действие. . .

Но мне, впрочем, совестно быть своим адвокатом, и смешно. Вы говорите: все не годится! а я что же буду доказывать: все прекрасно!.. Конечно, тут грустное одно: это уж мое последнее, лебединое. . . Ведь существую я пока только каплями да пилюлями. . . Весной посылают опять в Карлсбад, а там купаться в море, т. е. весь классический путь к смерти. . . И вдруг это лебединое — не пенье а . . . воно!.. даже ничего не представляет, кроме возможности быть чем-то, если его сжечь, да выжидать вдохновенья на новую форму! Так-таки — ничего? ничего! кроме *возможности*! Но увьи! и того, что бы следовало теперь сделать — нельзя сделать. Следовало бы отложить всю штуку в стол, и потом бы ей явиться в свет в качестве посмертного творения. Так вот этого-то и нельзя: я должен ее напечатать, чтобы на эти деньги ехать лечиться.⁷

Но нет, хоть я Вам *безусловно* верю насчет своих стихов, все-таки оставляю времени решить, кто из нас прав: действительно ли *бесцельно* и *бесполезно* делать какие-нибудь частные заметки — или в поэме есть *что-нибудь*. . . Страхов, слышавший раз 5, собрал на прошлой неделе человек 10 — Кускова, Данилевского (Николая, «Европа и Россия»), Семенова, Покровского. Случевского, Ратынского (знаете Вы этого? очень тонкий эстетик), Зверева (Ивсана) Павлковича, русская история) и пр., и успех чтения превзошел мои ожидания (это не два семинариста!).⁸

Вот сколько горечи я Вам излил. Любопытно, что скажет Висковатов.⁹ Теперь уж он, чай, дома и прочел. Он, <может> б<ыть>, не сделает ли частных заметок. Но в заключение я должен Вас искренне поблагодарить за Ваше письмо. Понимаю, как трудно сказать приятелю: ты написал говно! и какую надобно великолепную раму поставить для этого приговора! Ваша же рама — верх совершенства! Сердце билось читая — и вдруг результат — туманное пятно! бесцельны и бесполезны частные заметки. Растопи печь и кивь. . . Да, это нелегко, и я ценю это с Вашей стороны как подвиг дружбы. Поверьте, что без иронии говорю.

---

^а Рисовая пудра (*франц*).

Ну, если и я что переписал, то простите: к органической болезни присоединилась еще простуда — все время бьет лихорадка, вот уж четвертый день.

Нельзя ли сжечь это письмо?

Весь ваш А. Майков.

Речь идет о поэме «Княжна», написанной в 1874—1876 гг.; напечатана в «Русском вестнике» (1878, № 1) с подзаголовком «Трагедия в октавах». В 1887 г. в письме к своему биографу М. Л. Златковскому, в связи со своими многолетними занятиями русской историей, Майков вспомнил и о «Княжне». Он писал: «Наконец венец моей работы мысли в этой области — это „Княжна“, в которой когда-нибудь признают и догадаются, что это не княжна Икс, не княжна Зет, а история всего русского дворянства, его заслуг, его греха с Западом и его падения, орудием коего избрана ее же прижитая с езуитом нигилистка, незаконная дочь» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 52). Изучив по рукописным материалам творческую историю поэмы, Л. С. Гейро пришла к следующему выводу: «Создавая „Княжну“, Майков шел от замысла остро сатирической поэмы <...> обличающей крепостнический и антинародный характер взглядов главной героини, к трагедии, в героине которой, по его словам, „олицетворена“ „прошлая жизнь наша, т. е. высшего общества, порвавшего духовное единство с народом. Но это общество все еще связано с народом историей и — крепостным правом. Оно все еще — хранитель исторического предания, хоть по инерции, но все идет по пути исторического призвания России. От этого оно имеет свои пороки и вместе доблести, при измене духу, все-таки славные воспоминания, участие в создании величия России, хотя бы политического и военного. Но это период законченный...» (Майков А. Н. Избр. прозв. Л., 1977, с. 849). Своё понимание поэмы Майков подробно изложил в заметках, озаглавленных «Мысли о толках, порожденных „Княжной“» (ф. 168, № 16487, л. 146—148). Через много лет, остановившись на «Княжне» в своей статье о Майкове, Миллер отметил, что «крайняя озабоченность нигилизмом» очень помешала поэту (Русская мысль, 1888, № 6, с. 37—39).

¹ Сохранилась последняя страница первоначального варианта этого письма с датой: «1876. Дек[абря] 23».

² Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905) — русский и украинский писатель, публицист; автор ряда научно-популярных работ о народных движениях: «Самозванцы и понизовая вольница», «Гайдамачина», «Политические движения русского народа»; в 1860—1870-х годах сотрудничал в журналах демократического лагеря: «Русское слово», «Отечественные записки», «Дело».

³ Салиас Евгений Андреевич (1840—1908) — писатель, автор романа «Пугачевцы» и других исторических романов и повестей.

⁴ См. начало второй главы «Княжны»: здесь и куафёр (парикмахер), и модистка, и трюмо, и помада, и духи — «и надо всем — незримый Извечности посол неумолимый».

⁵ Имеется в виду строка «У ней в лице, под дымкой *poudre de riz*», где «*poudre de riz*» рифмуется с «не прочли» и «не могли». На упомянутой выше странице первоначального варианта письма читаем: «*poudre de riz*? но ведь это шалость».

⁶ Судя по указанию «смерть княжны (102—106)», текст поэмы был несколько увеличен; в окончательной редакции смерть княжны описана в конце десятой главы (строфы 111—114).

⁷ И все же поэма была напечатана лишь через год.

⁸ Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — философ-идеалист, литературный критик и публицист «почвеннического» направления (вариант

славянофильства), приятель Майкова; был близок с Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Приглашенные Страховым на чтение «Княжны»: Кушков Платон Александрович (1834—1909) и Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэты; Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885) — в молодости фурьерист, привлекался к делу Петрашевского, впоследствии философ и публицист консервативного лагеря и естествоиспытатель-антидарвинист, автор книги «Россия и Европа»; Рагзинский Николай Антонович (1821—1887) — литератор и цензор, член Общества любителей древней письменности (узнав о его смерти, Майков писал Полонскому 4 октября 1887 г.: «Это был один из очень немногих оставшихся, который понимал поэзию и стихи» — ф. 168, № 16684); Зве-рев Иван Павлович (ум. в 1903 г.) — педагог, учитель истории, впоследствии член Ученого совета Министерства народного просвещения. О каких именно Семенове и Покровском идет речь — неясно.

⁹ Висковатов — см. комментарий к письму 11. Как он отнесся к поэме «Княжна» — неизвестно.

11

II. А. ВИСКОВАТОВУ

К событию, о котором Вы мне сообщаете, я уже давно был готов.¹ Но совершившееся тем не менее поразило меня. Самого умного в той сфере, к которой мы с Вами принадлежим, в понимании искусства, истории, филологии — не стало. А кто это чувствовал, сознавал и ценил? Не приходилось ли нам (мне по крайней мере постоянно!) всегда защищать или объяснять его почти перед *всеми* профессорами, учеными, патентованными, признанными, господствующими и увенчанными — и вас слушали сонисходительной улыбкой! Не по их шаблону образовался этот человек! А отчего? Этого они никогда не поймут, ибо, он же говорил, их ученость — знание и изучение переплетов! Все для них важное давно им было проглочено и уже извергнуто, оставив только то, что питает, — идея, внутренний смысл, правда жизни, следовательно синтез всего — поэзия! Филология у него разрешалась в поэзию, в творческое воссоздание. Годы моей близости с ним были для меня новой школой, новым университетом. Никто в моей жизни мне столько не дал, как он. Мстиша, Мстиша! смотри на эти строчки, обливаемые слезами, и да будут они тебе — твоя от твоих!..

Ах, сколько жгучих вопросов возбуждается — этих отчего? да почему? Почему оставил он след только в нескольких людях, в немногих, — Вы, да я, да, может быть, его дерптские слушатели? Отчего он не проявил своих сил на всю нашу науку, на общество? Отчего он не мог писать? Отчего что он писал было — не то, не так сильно и выразительно, ясно и просто, как говорил? Этого я до сих пор не понимаю. А болен-то уж он был давно: не от болезни ли это?

Но от него остались груды бумаг. Никому как Вам их <не> разобрать и, может быть, извлечь оттуда перлы его мысли. И это, право, было бы важнее Ваших занятий Лермонтовым. Лермон-

тов — явление законченное, ясное и определенное. Откройте Мстишу. Это будет новое. Работа благодарная. Я об этом буду говорить в семействе. Из семейства разве Лидия могла бы Вам помочь. Она едва ли не одна его понимала вполне. Мать — инстинктом.

Меня прерывают. Спешу отослать Вам эти строки.

Мстиша давно уже для нас угасал. Умри он внезапно — в блеске своих сил, перед отправлением, например, в Дерпт, — какой бы удар был? Понемногу — я по крайней мере — привыкал не иметь его подле себя — была, правда, надежда — но вот и она оборвалась.

С покойником невольно сводишь счеты. Я уж сказал, что мне никто столько не дал, как он. Но что *мы* ему дали?

А как он понимал христианство? высокую нравственность христианства? Какую чудную поэму слагал из евангелия — и в особенности Луки. В его бумагах есть книга in folio, где он таил <?> разные черняки, и между прочим для своей невесты (помните?) — там есть страницы об этом. Он мне читал. Прелесть. Вам надо разобрать его писания, непременно.

До свидания!

А. Майков.

Января 27 1879.

Он был — величайший поэт в пониманьи! Чего-то недоставало до творчества — но чего же, чего? А в понимании он превосходил всех нас!

Шифр письма: ф. 168, № 17380, л. 3—4, среди писем к неизвестным лицам. В ИРЛИ хранится еще одно письмо Майкова к П. А. Висковатову (ф. 241, № 13568). Письма Висковатова к Майкову: ф. 168, № 16745.

Висковатов Павел Александрович (1842—1905) — историк литературы, доцент, а затем профессор Дерптского университета, исследователь Лермонтова.

¹ Мстиша, о кончине которого скорбит Майков, — Мстислав Викторович Прахов (1840—1879), педагог, поэт и переводчик; друг Майкова, который высоко ценил его исключительное поэтическое чутье; в 1877—1878 гг. доцент Дерптского университета, преподавал русский язык и литературу.

12

М. П. БОТКИНУ

<Конец марта 1883>.

Многоуважаемый Михаил Петрович!

Душевно благодарю Вас за Ваше любезное предложение мне принять участие в праздновании 400-летия Рафаэля; но увы, оно застало меня в весьма тяжкие для меня дни: вчера делали труд-

ную операцию моему сыну, и мы еще не уверены в ее добром исходе. Вся душа, все думы мои — там. О светлом же Рафаэле говорить — надо иметь и светлую душу. Могу только послать мысленно привет академии, что она устроила этот праздник Красоты, увы, попираемой в нынешнюю полосу искусства; реализм полагает, что красота не реальна! Душевные движения, восторг, умиление, вдохновение, экстаз, горе, отчаянье и пр. не *реальны!* что все открываемые в мире мысли и чувства — не реальны! Можно только согласиться, что это не реально только для того, чей глаз не видит, чья душа не способна чувствовать и ум возвышаться над спокойной видимостью, не способен проникать внутрь вещей. Дай бог, чтобы это кунсткамерное направление скорее кончилось, чтобы Рафаэль — ныне чествуемый и выставленный в почитании художников — напомнил им о потерянном ими пути и вывел бы опять на верную дорогу.

Шифр письма: ф. 168, № 16733. Это черновик на письме М. П. Боткина от 21 марта с приглашением принять участие в заседании Академии художеств 28 марта.

Боткин Михаил Петрович (1839—1914) — художник, академик и член совета Академии художеств. Об этом заседании см. брошюру: Празднование памяти Рафаэля в С.-Петербурге 28 марта 1883 г. Приложение к 1-му тому журнала «Вестник изящных искусств».

1883 г. датировано стихотворение Майкова «О царство вечной юности И вечной красоты...», в котором в ряду «светлых гениев», рядом с Лизиппом и Праксителем, Пушкиным и Моцартом, назван и Рафаэль: «С бессмертными Мадоннами Счастливый Рафаэль...».

13

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Кадыкиой. 1887, окт⟨ября⟩ 24.

Любезнейший друг Яков Петрович!

Не писал я тебе — и должен быть признан виноватым. Но уж эта вина со мной родилась; это вина хроническая. Если б мне не писали, сам бы я, кажется, при всем желании и любопытстве знать что-нибудь о друзьях моих, едва ли бы собрался взяться за ненавистное мне орудие — перо. Но получать письма — другое дело, и рад, и благодарен — а тебе и тем паче, что ты сообщаемшь мне кое что из нашей общей текущей жизни. На днях я писал Златковскому,¹ между прочим, о том, что «не всякому слуху верь» — по поводу твоего же письма, где ты рассказал мне о мнимои субсидии из Госуд⟨арственного⟩ казн⟨ачейства⟩ Мещерскому² — пменно не следует верить слухам, идущим из литературы, это большею частью *commerages de la basse-cour*.³ Хорошо,

³ а пизкопробные сплетни (*франц.*).

что можешь поверить, прийти к Вышнеградскому,³ а то ведь так эти глупости и в дневники запишут, и будущий Семейский⁴ напечатает, и историки подхватят, *et c'est ainsi qu'on écrit l'Histoire.*⁶ И потом нужны Нибуровские труды,⁵ чтобы открыть ложь.⁶

У нас после бурной недели в начале этого месяца наступила чудная погода, хотя с осенним оттенком; ясность воздуха невероятная, так хорошо, что грустно, как-то страшно подумать о предстоящем возвращении в «стигийский» мрак, как говорит Тютчев.⁷ Этого войлока на небе — не переносу, и мысль об нем здесь — приводит в содрогание. Живу притом в полной праздности — отчасти по причине глаз, начинающих меня тревожить, отчасти по склонности, отчасти по причине младшего сына, расположение духа которого для нас есть нравственное солнце и душевный стигийский мрак. Дело в том, что он ужасно впечатлителен и раздражителен. Чуть не в духе, кажется, что скрывает какую-нибудь тревожащую его боль, между тем как большею частью оно зависит и от других причин, именно удач и неудач его живописных дел. Здесь он написал портрет одной девочки лет 11, из семейства, жившего тут же в отеле. Вышло прекрасно, но пока писал, пережил эти ужасные переходы в расположении духа. Теперь делает мой портрет, и еще больше, кажется, волнуется. Не знаю, что выйдет из моего, но то вышла прекрасная головка — девочка-то болезненная.

Прочел еще в твоём письме, что ты пишешь нечто русским размером, — и ужаснулся. У меня есть три вещи, написанные этим складом, и много начал, но все это я бросил, ужасно трудно, да и не люблю я его. Надо прижать и сузить свою мысль, краски брать готовые, помещать целое предложение в одном стихе; удастся только тогда, когда будет вещь совершенно архаическая. Это уж не наш язык, не нашего общества и времени, а весьма до Петровского, почему и мысль не должна выходить из сферы мысли той эпохи. Разве повесть о Калашникове⁸ хороша? Совсем нет. Да и Пушкину удалась только сказка о Балде, и отчасти Рыбак и рыбка. Очень, очень опасуюсь за твой замысел. Ты сам пишешь, что боишься, что выйдет аллегория. Непременно выйдет: помани мое слово. Потом вот еще соображение: разве можно теперь написать что-нибудь совершенно по-гомеровски? То же и с русским складом. Во всяком случае любопытна твоя попытка — и не напрасно ли я тебя разочаровываю, пока ты не кончил? Во всяком случае в моих словах, сказанных вообще, ты, может быть, найдешь некоторые соображения, чего избегать и к чему стремиться.⁹

Жизнь наша здесь очень не богата происшествиями, чтобы об ней говорить. И по характеру-то я домосед, да и живу за городом, где сообщение регулируется отходами пароходов, прекра-

---

⁶ и вот так пишут Историю (*франц.*).

щающими рейсы к захождению солнца; только со здешними польскими обменялся визитами, и в жизнь их не вошел, а сам тоже не могу ничего внести в их жизнь. Она уже сложилась от продолжительного сожительства, так сказать, завинтилась в своей сфере, и постороннее тело отскакивает от движения винта. Я же привинтиться к ней не могу, ибо и в винт не играю. Вот Гопчаров на моем месте сумел <бы> свести много интересных знакомств, со всеми послами и послцами и замечательными путешественниками — у него на это и талант и охота, — были по крайней мере, — ну, а я на этот счет плох. Да представь себе: к ужасу моему вдруг заметил, что совсем отвык говорить по-французски: это служба в Комитете-то цензуры иностранной! Отвык да и только. Сыновья лучше говорят, — а бывало не лез за словом в карман, т. е. за французским словом. А ведь французский язык до сих пор необходим для разговора с русскими домами, и хороший французский язык. Что делать! Видно — старость. Но вот и конец бумаги. Полно болтать! Поклон всем твоим от меня и моих — до свидания!

Твой преданный А. Майков.

Шифр письма: ф. 168, № 16684 (письмо № 16).

Данное письмо является ответом на письмо Полонского от 6 октября 1887 г. (ф. 241, № 11753, л. 31—32). Кадыквой — поселение в азиатской части Константинополя, на Малоазиатском берегу Босфора. Сын Майкова Владимир служил в русском посольстве в Константинополе. Там же жил и его младший брат Аполлон, художник. Майков провел у сыновей всю осень 1887 г.

¹ Златковский Михаил Леонтьевич (1836—1904) — сослуживец Майкова и его биограф (см.: Аполлон Николаевич Майков. Биографический очерк. СПб., 1888; изд. 2-е. СПб., 1898), цензор Комитета цензуры иностранной.

² Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) — реакционный публицист, близкий к придворным кругам; издатель-редактор газеты-журнала «Гражданин».

³ Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895) — ученый в области механики, министр финансов в 1887—1892 гг. Майков был хорошо знаком с Вышнеградским и бывал у него.

⁴ Семевский Михаил Иванович (1837—1892) — историк, редактор-издатель журнала «Русская старина».

⁵ Нибур Бартольд Георг (1776—1831) — немецкий историк античного мира, основоположник критического метода в изучении истории.

⁶ Сообщив Майкову о ходившем в Петербурге слухе по поводу субсидии Мещерскому, Полонский в конце того же письма опроверг его: он был у Вышнеградского, который сказал, что это «суший вздор». Между тем Мещерский действительно в течение нескольких десятилетий получал крупную правительственную субсидию на издание «Гражданина». Об этом недвусмысленно свидетельствует такой осведомленный человек, как С. Ю. Витте. «Как-то раз, когда я уже сделался министром финансов, — пишет он в своих воспоминаниях, — приезжает ко мне Дурново и говорит, что вот ежегодно испрашивается определенная сумма денег, а именно 80 тыс., для редактора и издателя „Гражданина“, что деньги эти назначались из фонда на чрезвычайные надобности; что сумму эту испрашивал министр финансов и передавал ее в Министер-

ство внутренних дел, а министр внутренних дел вручал эту сумму Меццерскому. (Я припомнил тогда, что действительно, когда я был министром путей сообщения, то иногда у Вышнеградского я встречал, между прочим, и Меццерского)» (В птте С. Ю. Воспоминания, т. 3. М., 1960, с. 578; см. также: т. 2, с. 558; т. 3, с. 460, 581). Разумеется, Вышнеградский не мог сообщить Полонскому об этих сохранявшихся в тайне денежных выдачах, а Полонский и вслед за ним Майков наивно повели в бескорыстие Меццерского.

⁷ «Стигийский мрак» — мрак, царящий в царстве мертвых, где протекает река Стикс (античн. миф.). Ср. стихотворение Тютчева «Графине Е. П. Ростопчиной»: «Во мгле стигийской роковой».

⁸ Т. е. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова.

⁹ Размышления Майкова были вызваны сообщением Полонского: «Пишу нечто вроде былины, где фигурируют и Богатырь, и Кривда лукавая, и Горе-злосчастие. Что из этого выйдет, не знаю. Очень боюсь, чтоб не вышла какая-нибудь аллегория. Размер былин — или песни о купце Калашникове Лермонтова — размер для меня новый... и ты представить себе не можешь, как им трудно писать, в тех местах, где рассказ требует кой-каких подробностей, чуждых старинному складу наших былин». В следующем письме Майков продолжал свои раздумья о народном стихе: «Я, может быть, произвел на тебя неприятное впечатление, написав тебе о так называемом русском размере. Я говорю так называемом, потому что русского стиха и стихосложения нет. Есть только *голос*, музыкальный мотив, который выдерживается строго, слова же (или слоги) удвояются, утраиваются (например, Сла-а-а-а) или на одну ноту (или на один слог) вставляется целое слово из множества слогов. А ударения? всегда там, где требует мотив. Притом стихов у нас не писали до семнарских (киевских) силлабических виршей, ибо это были первые стихи, которые читали. Все же прочее сочинилось и в то же время пелось. С прекращением русского пенья кончилось и русское стихосложение. И воскресить его до сих пор еще никому не удалось; и если я в своем письме говорил о Пушкинских сказках, писанных русским размером, то это ведь сказки, которые и не пелись, и имеют свой лад, где стопы не имеют никакого значения. Написал же я все это тебе, испугавшись за твое намерение взять этот размер; я думаю, что ты поправишь и бросишь и найдешь другую, свою форму и таким образом духовный капитал старины заключишь в новые меха и лучшие и прочнейшие старых <...> Приеду, посмотрю твое Горе Злосчастие и буду рад, если ты победишь мои предубеждения против размера» (ф. 168, № 16684, письмо № 17; оно неверно датировано 4 октября). 21 октября Полонский писал Майкову, что окончил свою «Песнь о Правде истинном и Кривде лукавой», но не знает, что получилось: «Это или очень дурно, или очень хорошо. Никому еще не читал и себя не проверил. Если мое произведение просто оригинально, то это хорошо, а если оно оригинально только потому, что ни на что не похоже (даже на русские былины), то это скверно. Очень сожалею, что не могу тебе прочесть и слышать твое мнение» (ф. 168, № 16904, л. 3 об.—4). Под заглавием «Повесть о Правде истинной и Кривде лукавой» произведение напечатано в журнале «Нива» (1888, № 1—3).

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Любезнейший друг Яков Петрович! Ты мне говорил, что тебе выражено желание от Общества любителей российской словесности в Москве прочесть 30 апреля в заседании его мою

«Брингильду». Я было стал переписывать, но остановился вот на какой мысли: писана поэма четырехстопным дактилем,¹ а у нас все стихи трехсложного размера читают не иначе, как скандуя их на манер школьного чтения латинских и греческих стихов. При этой манере чтения эти размеры делаются противны, однообразны, как игра на фортепиано или целый оркестр, где только математически верно выбивается такт. Ну как, думаю я, да начнут в Москве на заседании скандовать 376 моих стихов и сделают ровно $376 \times 4 = 1504$ ударения! Не говоря о том, <что> пропадет и характер и строй поэмы, и монологи действующих лиц, все выражение, вся душа создания, от одного отбывания ударений заснет, если не разбежится, аудитория. В моем же чтении все сказанное до того выходит рельефно, что *драматург* Аверкиев² и *артист* Писарев³ сказали, что «вот размер для сильных драматических мест, несравненно благодарнее пятистопного ямба», — и Аверкиев решил им воспользоваться в своих будущих трудах; Кутузов⁴ же называет это просто «открытием». Открытия тут нет никакого, а есть только изобличение нелепости господствующей манеры чтения. Посему я и решил: если есть в настоящее время в Петербурге кто-нибудь из лиц, читающих в Обществе любителей российской словесности, то попросить это лицо ко мне, я бы ему прочел, и вообще бы прошел с ним его роль (чтеца), как драматические писатели проходят роли актерами. Если ж такового лица не имеется, то я предпочитаю лучше лишиться удовольствия послать мою пьесу в Москву. Многие из наших общих друзей убеждают меня остановиться на этом решении, считая все мною написанное выше — совершенно справедливым.

Завтра я буду на заседании нашего Комитета⁵ в его помещении — может быть, не зайдешь ли хоть к концу оною.

Твой А. Майков.

1888. 19 апреля.

Шифр письма: ф. 168, № 16684 (письмо № 18).

Кроме двух публикуемых писем, в ИРЛИ хранятся еще 42 письма Майкова к Полонскому (под тем же шифром, а также: ф. 241, № 12220 и ф. 168, № 16696, л. 38—39, среди писем к жене). Три из них опубликованы в «Ежегоднике Рукописного отдела на 1975 год» (Л., 1977, с. 95—107). Письма Полонского к Майкову: ф. 168, № 16904; ф. 241, № 11753.

Поэма «Брингильда» была окончена в марте 1888 г.; напечатана в июньском номере «Русского вестника» за этот год. 30 апреля 1888 г. праздновалось пятидесятилетие литературной деятельности Майкова. Сохранилось ответное письмо Полонского, в котором он соглашается с доводами Майкова (ф. 168, № 16904, л. 15 об.—16). А в письме Майкова к сыновьям от 20 апреля 1888 г. читаем: «Я вам, кажется, писал, что отказал просьбе прочесть в Москве в день юбилея „Брингильду“, в уверенности, что ее не прочтут, а проскандуют?» (ф. 168, № 17892а, л. 11—11 об.). На праздновании его юбилея в Петербурге Майков прочитал поэму сам (Исторический вестник, 1888, № 6, с. 693).

Майков придавал большое значение чтению стихов и много раз размышлял об этом, в частности в связи с «Брингильдой». Вот отрывки из писем к сыновьям (ф. 168, № 17892а₂, л. 3—4, 7—7 об., 11—11 об.): «Нет-нет, да и вернется моя мысль к „Брингильде“. Нашел ли ты тайну ее читать, Володя? Только не скандуй дактилем и ставь ударенье, где требует смысл, например» ударь на подчеркнутые слова в стихе:

Нет моего короля, нет Олафа и там!

А в этом стихе только на первых двух словах, а прочие прочти как строчку прозы:

*В полную грудь мне хотелось вздохнуть
в первый раз!*

или:

Пела во всю свою волю победную песнь! <...>

Эта игра ударений, разнообразие их по месту в каждом стихе не дает возможности установиться скучной монотонности трехсложного стиха, и неопытное ухо никак не может даже уловить, каким размером писана поэма, чувствует только плавность и гармонию речи. А эти качества в „Брингильде“ чаруют меня и до сих пор, особенно когда она сама заговорила — ее возвышенный поэтический тон, как блуждала по белым снегам — замок, наконец ее душевная речь <...> Ах, голубчики, вычитесь читать и вообразите меня, вам читающего. Ведь в этом роде у меня еще ничего не было писано. Новая форма! новое содержание! и я не знаю ничего; мне ее напоминающего!» (13 апреля 1888 г.). «Между прочим он (Голенищев-Кутузов, — И. Я.) сказал, что я своим новым размером и главным чтением этого размера стихов в „Брингильде“ — сделал открытие, что им поражены Аверкиев и Писарев, находя что в драме употребляемый всегда ямб никогда не даст такого разнообразия, гармонии, силы и — естественности речи. А штука простая: размер все знали давно, да читали скандуя, т. е. исполняли пьесу так, как исполняют дирижеры и музыканты, математически точно отбивая такт. Я же читаю его, как Февильяни дирижирует. И действительно, все эти качества, исчисленные выше, у меня в стихе оказываются, сам чувствую. Добился ли ты, Володя, того же в чтении или все отпрыгается гимназия?» (18 апреля 1888 г.). «Завтра вечером пойду к Кутузову на просьбу Цертелева и других читать „Брингильду“ <...> О чтении стихов у нас в кружках подымается вопрос, и в будущий сезон займется в обществе (т. е. Литературно-драматическом) его решением. Я убежден, что моя манера восторжествует. Ведь и гекзаметры можно читать, как я читаю „Брингильду“, если бы только авторы, пища, не коверкали постановку слов, совершенно нелогическую, и писали бы естественным языком, без диких перестановок слов, как, например, у меня написана „Айя София“, Послание к «вселенному» князю», простая, натуральная речь, и легко видно, на какое напереть слово, отчего и не представляется необходимости отбивать стопы, как консерваторки и их дирижеры отбивают такт, жертвуя смыслом и выражением математике!» (20 апреля 1888 г.). Характерно, что в последнем прижизненном издании 1893 г. (Полн. собр. соч., т. 3. СПб., 1893, с. 381—382) Майков сопроводил «Брингильду» следующим примечанием: «Бога ради, читая вслух, не скандуйте стихов, как, к сожалению, у нас принято при чтении греческих и латинских поэтов и переносите также и на русские трехсложные размеры; не надобно думать совсем о размере: читайте как прозу, но выразительно, где требуется, и с ударением на те слова в стихах, на которые следует по смыслу. Скандование убивает всякое одушевление, всякий лиризм, все переизбыток чувства, словом, пропадает вся сила диалога. В речах Гудруны и еще более Брингильды — скорее декламация, а не скандование... (Из письма автора)».

И в другие годы и по другим поводам Майков возвращался к вопросу о чтении стихов. Так, 23 апреля 1890 г. он сообщил сыну Аполлону, что его посетила двоя пушкинского друга П. В. Нащокина. «Но вот что меня интересует и чего я не мог ни от кого добиться: как Пушкин читал стихи? какой манерой? Из современников его я слышал Шевырева: тог пел и раз истерзал меня, пропев мне „Клермонтский собор“, пьесу драматическую, живую! Назвал и других. Затем сказал, что я сам сочини свою манеру, т. е. не сочинил, а стал читать, как чувствовал что надо. — Ах! он читал, так сказать, ужасно просто и вместе с тем очень выразительно. — „Ну, позвольте мне вам кое-что прочесть и скажите мне, какая разница с Пушкиным“. И прочел: „о море“, дожа, „Над необъятною пустыней океана“, „Зачем смущать меня под старость“, — всё в разных родах и тонах — и она мне сказала, что именно так читал и Пушкин. и что разные стихотворения и он читал разное. Вот это для меня весьма драгоценное приобретение» (ф. 168, № 17892в, л. 122 об.—123). Через четыре года, 24 января 1894 г., Майков писал другому своему сыну — Владимиру, что смотрел «Царя Эдипа» Софокла (гастроли Ж. Мунне-Сюлли) и остался очень доволен. Он производит потрясающее впечатление даже на петербургскую публику, «если его читать, не скандуя на варварский манер греческих стихов, а играть со смыслом, как, вероятно, играли и греки». И дальше: «По поводу этого скандования у меня в памяти курьезный отзыв поборника классицизма <А. И.> Георгиевского. Как-то прочел я у Вышинградского „Кассандру“. Как я ее читаю — вы знаете. Эффект был большой. Я и говорю: каков Эсхил-то! Георгиевский и замечает: „Ну, да вы прибавили много своего!“. За строгую же верность перевода я стою. Георгиевский знает почти наизусть оригинал. Все же дело было в прочтении с умом, чувством, входя в роли. А вот это-то этим господам и не снится, ибо они только монотоннейшим образом отбивают стопы <...> И вот эти французы играли „Эдипа“ так, как бы я читал свою „Кассандру“, с увлечением, со страстью...» (ф. 168, № 17004, л. 4—4 об.).

О том, как Майков читал стихи, сохранились также свидетельства современников. О выступлении поэта на литературно-музыкальном вечере в 1862 г. узнаем следующее: «Он не пел, не подвывал в тех словах и фразах, которым требуется придать особенную выпуклость, т. е. не впадал в шаржировку, свойственную декламаторам, лишенным чувства эстетической меры. С другой стороны, он не читал стихов как прозу, с остановками на точках среди стиха настолько продолжительными, что для слушателя утрачивается возможность наслаждаться плавностью, как бы музыкальностью пьесы и звучностью рифм <...> У Майкова <...> каждое слово выделялось с надлежащею полнотою, а между тем стихи оставались стихами, не сбиваясь на прозу» (А. Р. Былое. — Русская старина, 1901, № 11, с. 381). «Аполлон Николаевич превосходно читал стихи, — сообщает в своих воспоминаниях о нем С. Уманец, встречавшийся с поэтом в последнее десятилетие его жизни, — с большим мастерством оттенял он каждую фразу, придавал особый внутренний смысл простому иногда с первого взгляда слову» (Исторический вестник, 1897, № 5, с. 462). Познакомившийся с поэтом незадолго до его смерти П. П. Перцов вспоминал впоследствии: «От стихов дебютанта <Д. П. Шестакова> разговор перешел на стихи вообще, и, раскрыв том своих, Майков стал читать оттуда. Никогда, ни раньше, ни после, я не слышал лучшего чтения. Он читал чрезвычайно просто, медленно и выразительно и в то же время сохранял весь ритм и движение стиха (что обыкновенно смазывается). Валерий Брюсов говаривал, бывало, что каждый поэт читает хорошо свои собственные стихи — читает их именно так, как надо читать *и.т.* В общем это очень верное наблюдение, и Брюсов удачно иллюстрировал свои слова примерами Бальмонта с его нагло небрежным „бросанием“ стихов в публику или Мережковского с его эмфатическим „подвыиванием“. Он и сам читал свои стихи именно так, как надо читать

брюсовские стихи: повелительно-властным голосом, точно отдавая приказы по армии <...> Но Майков читал так, как можно читать всякие стихи, — или, вернее, он мог бы, мне кажется, читать хорошо чьи угодно стихи — с той же простотой и с тем же внутренним чувством. Особенно запомнилось мне в его чтении небольшое его стихотворение на смерть дочери (кажется):

Вот уж и гроб!.. и она
Тихо лежит меж цветов..

Вероятно, интимность переживания делала особенно выразительным чтение этого стихотворения.

Да, беспощадная смерть!..

уронил он последнюю строку с какой-то тяжестью, точно приговор судьбы...» (Перцов П. Литературные воспоминания. М.—Л., 1933, с. 113—114).

¹ «Самое важное, — говорил Майков, — это найти надлежащий тон, размер... Иной раз начинаешь писать и сам чувствуешь, как все это не то: не тот размер, какой нужно <...> Вот, например, я три раза начал и бросал „Брингильду“ — вижу, что не тот размер, и не могу идти дальше.. Наконец, после большого перерыва, размер сам нашелся, и все пошло хорошо» (Уманец С. Из воспоминаний об А. Н. Майкове. — Исторический вестник, 1897, № 5, с. 462—463).

² Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836—1905) — драматург, прозаик и критик, автор книги «О драме» (1892).

³ Писарев Модест Иванович (1844—1905) — драматический артист, педагог и критик; с 1885 г. в труппе Александринского театра.

⁴ Имеется в виду поэт Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913), автор исторической пьесы «Смута».

⁵ Т. е. Комитета цензуры иностранной. Майков исполнял обязанности председателя Комитета, а Полонский был младшим цензором.

15

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Никогда не должно отчаиваться. Сомневаться же в собственных силах всегда полезно. Никогда не должно уверять себя «я поэт» или «я посвящаю жизнь мою поэзии и литературе». Должно только, если чувствуется склонность и сказывается способность писать стихи, тщательно приготовить почву для развития таланта — если он вам дан, что и окажется в течении времени. Приготовить же почву надо приобретением познаний, по возможности правильным порядком, — гимназия, потом высшее учебное заведение, даже специальное. На каждом из этих поприщ стараться достигнуть высшей степени. Если избрали даже техническое занятие, стараться быть лучшим по своей части специалистом — это вводит вас в жизнь с людьми, в обращение с ними, — вырабатывает характер, в душе — закал, а есть он в душе, он отразится и в стихе. Из пустой души и звук пустой. Вот что я говорю всем поэтам, особенно юным, которые ко мне

обращаются за советом. С вами вместе и стихи и создания ваши будут крепнуть и совершенствоваться, хотя бы вы об них и не думали, а занимались бы своим делом. Хуже всего — малодушие и отчаяние.

В приложенных Вами двух стихотворениях есть стих, есть концепция — но еще это отзвуки на чужое: первое, как Вы и назвали, — подражание Анакреону, второе не назвали, но всякий скажет — Гейне, которому подражать опасно, манера чисто его, личная.

Желаю, чтобы слова мои послужили Вам в пользу.

А. Майков.

1889. 19 янв<аря>.

Шифр письма: ф. 168, № 17380, л. 38—38 об.

16

А. А. ФЕТУ

〈Конец января—начало февраля 1889〉.

Л<юбезный> д<руг> А<фанасий> А<фанасьевич!>

Твое письмо разом раскрыло сотни ран на моей совести, а уж я было стал их забывать. Дело в том, что ни на твоих лебедях, никому, ни на единый привет прошлого года — я *не ответил*.¹ Просбирался целое лето, некоторые письма написал, да и те не послал, ибо их надобно было переписывать. Для меня самый процесс писания — отвращение, и уж что нынче стали делать с письмами исследователи литературы, глубокие психологи-психопаты, это уж совсем омерзило мне письмо.² Теперь же взялся за перо только в свою защиту. Я выразил в своих стихах тебе именно то, что люблю в твоих.³ Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросается с пятого этажа?⁴ Ну вот ты и бросался, и это-то меня всегда и пленяло и пленяет, и на это я и хотел указать в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли пропутешествовал — не знаю. Пока еще боли не чувствую, но ведь она в таких случаях оказывается и не вдруг, и твое милое письмо, пожалуй, будет очень полезным бальзамом, как предохранительное средство. А как-то ты себя чувствуешь после всех этих передрыг в последние дни? Дай-то бог, чтоб все обошлось благополучно.

Шифр письма: ф. 168, № 16694. В ИРЛИ хранятся еще одно письмо Майкова к Фету (ф. 241, № 13569), а также три письма Фета к Майкову

(ф. 168, № 16977). Публикуемое письмо является ответом на одно из них — от 29 января 1889 г.

¹ Речь идет о праздновании пятидесятилетия литературной деятельности Майкова в апреле 1888 г. и о стихотворении Фета «На юбилей А. Н. Майкова 30 апреля 1888 г.» («Пятьдесят лебедей принесли...»); напечатано в кн.: Вечерние огни, вып. 4, М., 1891.

² Это, по всей вероятности, отголосок статьи И. А. Гончарова «Нарушение воли». Правда, она была опубликована лишь через месяц, в мартовской книжке «Вестника Европы», но Майков мог слышать о ней и до ее появления в печати. Впрочем и до «Нарушения воли» раздавались голоса, протестующие против публикации писем писателей, особенно имеющих чисто личный, даже интимный характер. Об этом говорит сам Гончаров в своей статье. А обращаясь к М. М. Стасюлевичу с просьбой доставить корректуру для ознакомления ряду лиц, в том числе А. Ф. Кони, Гончаров замечает: «он был очень доволен, узнав, что я написал статью о *занимающем всех вопросе*» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 4. СПб., 1912, с. 208; курсив мой, — *И. Я.*). Еще раньше, 19 ноября 1888 г., на просьбу Фета о разрешении напечатать в своих воспоминаниях письмо Гончарова последний ответил отказом: «Et tu brute! восклицаю я в страхе и в трепете. Я ли не воевал словесно <...> против обычной печатать интимные письма, писанные к одному лицу и для *одного этого лица?*» (Русский архив, 1900, № 2, с. 69).

³ О стихотворении Майкова «А. А. Фету в день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.» («Когда, как бурный конь, порвавший удила...»). Напечатано в № 2 «Русского вестника» за 1889 г. 29 января 1889 г. Фет сообщил Майкову, что его и Я. П. Полонского послания, обращенные к Фету, похвалил Л. Н. Толстой.

⁴ Майков имеет в виду статью Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева». Характеризуя черты подлинного поэта-лирика, Фет писал: «Лирическая деятельность <...> требует крайне противоположных качеств, как, например, безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик. Но рядом с подобной дерзостью в душе поэта должно неугасимо гореть чувство меры» (Русское слово, 1859, № 2, с. 75—76). Эти взгляды на поэзию и поэта Фет сохранил в течение всей своей жизни. В 1890 г. Половский гостил в имени Фета и в письме к Майкову передал такие его слова: «Поэзия есть не что иное, как безумие, а потому она и ближе к истине... Если поэт не сумасшедший, то какой же он поэт!» (ф. 168, № 11753, л. 35).

17

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Милостивый государь!

Письмо Ваше и стихи я получил. В стихах есть нечто обещающее, и вместе с тем и полная» подготовленность в Вас с ними возиться, так что роковой вопрос, предложенный Вами, наполовину, мне кажется, решается, т. е. что бросать Вам «слушенье муз» — нет основания.

Другое дело другая половина вопроса — бросить все и *исключительно* отдаться литературе и поэзии. От эдакого решения избави бог всякого. Это верный путь к гибели, как и для дарования, если оно есть, так и <для> вообще всякого порядочного существования. Особенно поэзия чутка на этот счет. Не верьте ей — обманщица и губительница. Впрочем, с своей точки зрения она и права, ибо ни за что не допустит запретить себя в плуг как вола или извозчицью лошадь в дрожки, чтобы работать для Вашего прокормления и «доставления славы» и, конечно, — денег.

Она — одинокая, тайная гостья, убегающая тотчас, если чуть-чуть заметит, что вы хотите пользоваться ею для достижения каких-нибудь посторонних, особенно утилитарных целей, в смысле ли тенденции для проведения каких-нибудь направлений, идей и т. п., или с целью добывания насущного хлеба. Но труженика жизни она всегда готова утешить, лишь бы ее любить и не давать себя очерстветь. Поэтому я всем обращающимся ко мне с «роковым вопросом» говорю: старайтесь быть первым в вами избранной специальности труда; если у вас есть дарование поэтическое, оно только окрепнет по мере того как вы сами будете укрепляться и совершенствоваться в своей специальности; специальность, сводя вас с людьми, вырабатывает и в вас характер и независимый образ мыслей и знакомит с людьми, с психологией человечества, вводя вас в соприкосновение с общею жизнью.

Это же я скажу и Вам:

Пишите, не жертвуя делом.

Кроме своей специальности, обогащайте ум общим образованием.

На поэзии — никогда не делайте денежных расчетов.

«Отдаться литературе» — значит: начать с репортера, газетная работа по строчкам, чердак, кружок, узкоумие, а дальше — грязь и — нередко шантаж.

Вот куда часто приводят Музы, когда их употребляют как рабочую силу.

Резко выражаюсь, но — по совести и в виду многочисленных примеров.

В<есь> В<аш>

А. Майков.

1890, янв<аря> 24.

Посылаю обратно Ваши стихи с некоторыми пометами.

Шифр письма: ф. 168, № 17380, л. 57—58.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Милостивая государыня Софья Валериановна!

Вы мне задаете непосильную задачу — определить: есть ли «у Вас литературное дарование, какое по роду и в какой степени?». Далее: «отдавая литературному труду предпочтение перед всяким другим видом труда» и желая посредством его «иметь более обеспеченное положение», Вы желаете, чтобы я, в случае если признаю в Вас дарование, указал Вам «путь», каким бы Вы могли дойти до желанной цели.

Прежде всего я должен Вам сказать, что Вы обращаетесь к самому непрактическому человеку; я никогда не смотрел на поэзию как на труд, который должен меня кормить, хоть посвятил ей, могу сказать, всю жизнь свою, не щадя ни сил, ни времени для своего образования, для постоянного расширения горизонта моих знаний. Эти труды выработали у меня определенный, независимый взгляд на жизнь и мир и были моею трудовой, возделанною нивой, на которой и произросли сии немногие цветки поэзии, которые меня радовали, но являлись как-то как бы мимо воли моей, как результат трудов, предпринимавшихся с другою целью. Не говорю уже о том, что я никогда ни одного стиха не написал с какой-нибудь утилитарной целью; мне весело было, мучительно весело, рисовать образы, улавливать тайные движения сердца, делать ясными и видимыми сокровенные явления души. Всю жизнь свою я шел наперекор господствующим направлениям в обществе и в литературе, никогда не соблазнившись тем, что иной, противоположный, образ действий был бы гораздо выгоднее.

Вы, может быть, заключите из моих слов, что я мог это делать, потому что в жизни материальной был обеспечен. Никогда никакого обеспечения у меня не было. Отец мой был художник, дал детям хорошее образование, свои правила жизни и больше ничего. Мои насущные потребности удовлетворяла служба, а поэзия очень мало к тому прибавляла. Все, что я говорил до сих пор, вызвано у меня искренностью Вашего обращения ко мне, сердечным пониманием Вашего положения и своей беспомощностью дать Вам благой, практический совет, как руководство на страшном литературном поприще. Могу только одно сказать: не основывайте Вашего благосостояния на поэзии. Раз заставите Вы Музу готовить Вам кушанье, она озлится и уйдет. Хорошо еще, если не надсмеется над Вами! *Если у Вас окажется поэтическое дарование, оно скажется само собою, чем бы Вы ни занимались.*¹ Попробуйте *трудиться* в других родах. Вижу из письма, что Вы написали детский рассказ, и он был напечатан, следовательно

был признан того стоящим. Попробуйте продолжать. Присмотритесь, что нравится детям и ищите в той области. Избегайте аллегорий, анализов характеров, натянутой морали, чем большею частью отличаются дамские детские книжки, потому что, я видел на опыте, такие книжки детям не нравятся. Но и на этом поприще нужно особое призвание!

На присланном Вами листке с несколькими Вашими стихотворениями я сделал кой-какие заметки, почему и пересылаю Вам его обратно.

Шифр письма: ф.168, № 17380, л. 10—12.

¹ Майков не раз возвращался к этим мыслям. С. Уманец вспоминал: «Много, много нужно работать над талантом, — говаривал Аполлон Николаевич, — и из музыки не надо делать себе *кухарку*, которая должна вас *кормить*. Для этого найдите какое-нибудь занятие, службу — самое лучшее, а с поэзией должно обращаться бережно. Аполлон Николаевич находил, что служба, частная или казенная, вообще какое-нибудь место, занятие необходимы в жизни: они развивают практический взгляд, трезвость мыслей, вырабатывают характер и помогают познавать и правильно ценить людей» (Уманец С. Из воспоминаний об А. Н. Майкове. — Исторический вестник, 1897, № 5, с. 467). См. также письмо 17.

А. А. БЛОК

ПИСЬМА К Т. Н. ГИППИУС

Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова

С художницей Татьяной Николаевной Гиппиус¹ Блок поддерживал дружественные отношения в течение ряда лет. Познакомился он с ней, по-видимому, в доме Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус,² где стал регулярно бывать с 1903 г.³

Т. Н. Гиппиус родилась 14 декабря 1877 г. С 1901 г. она занималась станковой живописью, рисунком и графикой в Высшем художественном училище при Академии художеств, сначала в мастерской И. Е. Репина, затем у Ф. А. Рубо,⁴ и по окончании училища получила звание «свободного художника». В 1910-е годы Гиппиус работала преподавательни-

---

¹ См. о ней: Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. Составил С. Н. Кондаков. Пг., 1914, с. 250; Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь, т. 3. М., 1976, с. 45.

² Первое документальное свидетельство о встречах Блока с Т. Н. Гиппиус содержится в воспоминаниях Е. П. Иванова (близкого друга их обоих) о вечере в журнале «Новый путь» 6 марта 1903 г. В этот день Т. Н. Гиппиус показывала Блоку альбом со своими художественными набросками (Блоковский сборник. Тарту, 1964, с. 363).

³ У З. Н. Гиппиус было три сестры — Анна, Наталья и Татьяна. Анна Николаевна Гиппиус (1872—1942) изучала медицину и в течение ряда лет практиковала — сначала на Кавказе, потом в Петербурге; после Октябрьской революции эмигрировала, жила в Париже. Под псевдонимом Анна Гиз опубликовала в 1927 г. книгу «Святой Тихон Задонский» (см.: P a c h m u s s T e m i r a. Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondens of Zinaida Hippus. Из переписки З. Н. Гиппиус. München, 1972, p. 518). Наталья Николаевна Гиппиус (1880—1963) окончила Академию художеств по классу скульптуры, постоянно жила с сестрой Татьяной Николаевной; обе сестры остались в СССР.

⁴ См.: Императорская Академия художеств и состоящее при ней Высшее художественное училище в 1907—<1908 году. СПб., 1907, с. 32; Императорская Академия художеств и состоящее при ней Высшее художественное училище в 1910—<1911 году. СПб., 1910, с. 54.

цей в частной школе и детском саду Шидловской. На протяжении многих лет Т. Н. Гиппиус занималась книжной иллюстрацией.⁵

Период наиболее интенсивного общения Т. Н. Гиппиус с Блоком приходится на 1905—1907 г. Они часто бывают друг у друга в гостях, у общих знакомых, на литературных вечерах, участвуют в собраниях «Кружка молодых».⁶ Особенно заинтересовали Блока рисунки Гиппиус, собранные ею в альбоме «Kindisch» («Детское»), на которых были изображены всевозможные фантастические «твари». 19 февраля 1905 г. он написал стихотворение, навеянное этими диковинными образами, — «Твари весенние. (Из альбома «Kindisch» Т. Н. Гиппиус)».⁷ Сообщая Андрею Белому о «журфиксе у Мережковских», Блок отметил: «Мы сидели с Татой и Ивановым и смотрели альбом Kindisch, результатом чего было мое послание к чертям из Татиного альбома».⁸ На следующий день о том же писала Белому Т. Н. Гиппиус: «У нас был вечер, были все „тапиры“, был, между прочим, и Блок, но Тата увела его в свою „пещеру“, и там они все рассматривали ее альбомы, а на другой день Блок принес Тате стихи, написанные на эти альбомы. Там все „дариц-у-у“ — и мне не весьма нравится».⁹ Свое стихотворение Блок подарил художнице и получил в ответ письменный отклик: «С искренней готовностью я показывала вам свои рисунки, Александр Александрович. Очень отрадно, когда выясняется, что человек относится к серьезному с серьезностью: без „критики“ художников и без „хихишек“ публики. Только так и возможно. Стихи ваши чистая и верная нота. И конец верный, очень хороший».¹⁰

⁵ Известны, например, рисунки Т. Н. Гиппиус, изображающие гражданскую казнь Чернышевского. Впервые опубликованы в кн.: Тверитинов А. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. С рисунками художницы Т. Гиппиус. СПб., 1906 (три вклейки между с. 6—7). С иллюстрациями Т. Н. Гиппиус вышли в свет несколько детских книг: Соловьева П. Елка. СПб., 1907; Иванов Е. П. В лесу и дома. Рассказы. М., 1915; Колокольчики. Сб. стихов для маленьких. Составила А. М. Калмыкова. Пг., 1918; изд. 2-е. Л., 1924; Толмачева М. Л. Вася у бабушки. Л., 1925; Фаусек Ю. П. Как жили Наташа и Коля. Л., 1928, и др.

⁶ См.: Пят В. Воспоминания о Блоке. Пб., «Атеней», 1923, с. 33.

⁷ Весеы, 1906, № 5, с. 7—8. См. также: Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. II. М.—Л., 1960, с. 12—13, 383 (далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра)). Стихотворение переписано Л. Д. Блок под заглавием «Послание к лесным тварям из альбома „Kindisch“ Т. Н. Гиппиус». Позднее рукой Блока вверху приписано другое заглавие — «Лесные твари» (см.: Иванов-Разумник Р. История стихотворений Александра Блока. — ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 2, л. 74 об.).

⁸ Письмо от 19 февраля 1905 г., см.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. 124. В письме упоминается Е. П. Иванов.

⁹ Письмо к Андрею Белому от 20 февраля 1905 г., см.: ГБЛ, ф. 25, карт. 14, № 6. Словом «дариц-у-у» Гиппиус иронически обозначает туманные «мистические» настроения в поэзии Блока, намекая, по-видимому, на заключительную строку его стихотворения: «Я живу в отдаленном скиту...» (январь 1905 г. — II, 11).

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 214 (далее цитаты из писем Т. Н. Гиппиус к Блоку приводятся без указания архивного шифра).

Рисунки Т. Н. Гиппиус, их образы оказали воздействие и на другие произведения Блока первой половины 1905 г., вошедшие впоследствии в цикл «Пузыри земли», — «Болотные чертенятки», «Болотный попик», «На весеннем пути в теремок...» и иные стихотворения, важные для поэта, отразившие его поворот к «темной», таинственной, подспудной жизненной стихии, контрастной по отношению к условно романтическому миру «Стихов о Прекрасной Даме». «Блок считает, — вспоминал Белый, — что образы попикиков лишь „поседельх туманов развалины“, или, быть может, переработка от восприятия альбомчиков Т. Н. Гиппиус, рисовавшей в огромном количестве „попикиков“ (знаю я: те альбомы А. А. с удовольствием долго рассматривал, очень любя их; и после уже появились в стихах его все персонажи набросков Т. Н.)».¹¹

Тогда же, в 1905 г., Гиппиус обратилась к изучению славянской мифологии, ее магических жанров. Творчество художницы развивалось в направлении исканий живописцев и литераторов символистской ориентации, видевших в обращении к фольклору одну из возможностей преодоления «бездны», разделяющей народ и художника. Эту тенденцию зорко подметил А. А. Кондратьев в рецензии на книгу С. М. Городецкого «Ярь»: «Долго дремавшие среди пожелтевших страниц толстых томов Афанасьева, Забелина и Сахарова, стали просыпаться понемногу тени древних славянских богов, полубогов, а также лесных, водяных и воздушных демонов. То здесь, то там мелькнет любовно написанный пером или кистью образ водяника, оборотня или сказочной птицы». Книга Городецкого «Ярь», воспевающая богов славянского языческого пантеона, ставится в рецензии в один ряд с рассказом Allegro (П. С. Соловьевой) о лесном бесенке, сказками Ремизова, стихами Блока о «чертенятах»; рядом с этими произведениями упоминаются и рисунки Т. Н. Гиппиус: «Разные мелкие водяные и болотные полууродцы-полудухи возникают в альбомах талантливой художницы Татьяны Гиппиус».¹² В 1900-е годы художница создала ряд работ (живопись, графика) на фольклорной основе, экспонировавшихся на выставках Академии художеств.¹³

В октябре 1905 г. Гиппиус попросила Блока помочь ей разобраться в фольклористической литературе. Блок, в ту пору с увлечением изучавший фольклор (ранее он слушал в университете курс лекций по народной словесности профессора И. А. Шляпкина), живо интересовавшийся русской демонологией (год спустя это найдет отражение в его статье «Поэзия заговоров и заклинаний»), охотно исполнил ее просьбу. В письме от 24 октября 1905 г. он сообщил Гиппиус обширную библиографию, указав около 50 сборников фольклорных текстов и исследовательских работ, ознакомил ее с университетским планом «мифологической про-

¹¹ Белый А. Воспоминания о Блоке. — В кн.: Эпопея, № 3. М. — Берлин, «Геликон», 1922, с. 213—214. Местонахождение альбома нам неизвестно.

¹² Перевал, 1907, № 3, январь, с. 57.

¹³ За картину «Садко» 2 ноября 1910 г. совет Высшего художественного училища и Академии художеств присудил Т. Н. Гиппиус звание художника (Отчет пмп. Академии художеств за 1910 г. СПб., 1912, с. 21).

граммы» и дал советы для последующих источниковедческих разысканий.¹⁴

В январе 1906 г. Гиппиус создает свое наиболее известное произведение — портрет Блока. 8 января 1906 г. Блок сообщал Белому: «Сегодня днем была Тата. Было хорошо и совсем просто. Она будет ходить рисовать меня, а потом, может быть, Любу».¹⁵ 18 января Блок зафиксировал: «Сейчас Тата рисовала меня»;¹⁶ 28 января он писал Белому: «Тата приходит и рисует» (VIII, 149).¹⁷ Закончив портрет, Гиппиус попыталась экспонировать его на осенней выставке Высшего художественного училища. Однако портрет не был показан тогда широкой публике. Художница писала Блоку 10 ноября 1906 г.: «Из-за вашего портрета ничего своего на выставке не оставила, — все сняла, щиты пустые оставила <...> Совет признал ваш портрет недостойным висеть для публики. Вероятно, скучно сделано, решили, а «может» «быть», подумали, что я рисовала откуда-нибудь. А «может» «быть», просто неинтересно, несовременно». Портрет, выполненный Т. Н. Гиппиус, был первым живописным портретом Блока; известный портрет К. А. Сомова был создан позже, в 1907 г.

Живя вместе с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус, Татьяна Николаевна, постоянно находясь под воздействием их религиозно-философских построений, входила, как и Наталья Николаевна, в созданную ими интимную религиозную «общину» и сознательно подчиняла свои чувства и мысли принятой за истину идейной доктрине. Близко стоявший к их кругу А. В. Карташев высказывал З. Н. Гиппиус упреки в слишком назойливой духовной опеке ее младшей сестры, содействующей ее отрыву от жизни: «Вообще, полного, живого места ей у вас нет. У вас она, в смысле полноты жизни, на положении младшей, маленькой, и привыкает этим довольствоваться. Вы ее этим консервируете. Нет, от вас ее надо отрывать, отучать даже и в том смысле, чтобы освободить ее от соблазнительно успокоительной колыбели родственности <...> Дайте же ей научиться любить кого-нибудь, кроме вас, дайте возможность уметь жить самостоятельно».¹⁸ В своих упреках Карташев не был беспристра-

¹⁴ См.: Махлин В. С. Неопубликованное письмо А. Блока к Т. Н. Гиппиус. — Филологический сборник, вып. V. Алма-Ата, 1966, с. 47—53.

¹⁵ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 169.

¹⁶ Блок А. Записные книжки. 1904—1920. М., 1965, с. 74.

¹⁷ Т. Н. Гиппиус сообщала А. Белому в недатированном письме (видимо, в середине января 1906 г.): «К Блокам я хожу почти через день, его рисую <...> Они были у меня на имснинах. Они оба очень хороши, по-моему, но какие именно в отдельности, еще не поняла» (ГБЛ, ф. 25, карт. 14, № 7). Тетка Блока М. А. Бскетова писала о портрете работы Гиппиус: «Нарисован он карандашом; в сходстве, в характере передачи много ценного. Портрет крупный; костюм — черная блуза, белый воротник — гладкий, не кружевной, как писал кто-то (тот же, что на открытках). Окончив, Татьяна Николаевна подарила свое произведение матери поэта. Портрет и теперь висит у нее в комнате» (Бскетова М. А. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., 1922, с. 85—86). Ныне портрет находится в музее ИРЛИ.

¹⁸ Письмо А. В. Карташева к З. Н. Гиппиус от 21 июня 1907 г., см.: P a c h m u s s Temira. Intellect and Ideas in Action, p. 692.

стен, так как испытывал к Т. Н. Гиппиус глубокое чувство, ответом на которое было «безжизненное отношение <...> к большим вопросам личной любви»,¹⁹ во имя «вселенской» бестелесной полноты любви, проповедуемой Мережковскими. Но и Блок подмечал в Т. Н. Гиппиус умозрительность, отдаленность от живой жизни. Ближе узнав Мережковских, он признавался Белому в письме от 28 января 1906 г.: «Я люблю их, но мне начинает казаться, что они — ужасные келейники, и потому в них мало легкости и потому же они преследуют келейность, которая чудится им в других. Это чувство пошло у меня в ход с тех пор, как я узнал ближе Тату и Нату».²⁰ Тем не менее Блок выделял Т. Н. Гиппиус из среды Мережковских, ценил ее простоту и душевность,²¹ и его отношения с нею сохраняли дружеский, доброжелательный характер.

Известно, что в 1906—1907 гг. отношения Блока и Андрея Белого серьезно осложнились. Причиной тому было не только определенное расхождение в литературных позициях, но и в значительной степени мучительная личная драма — любовь Белого к Л. Д. Блок.²² Положение особенно запутывалось из-за того, что Любовь Дмитриевна колебалась между чувством верности Блоку и увлечением Андреем Белым, постоянно меняла свои решения. Блок в сложившемся положении занимал бездейственную, выжидательную позицию. Свообразным конфидентом Белого в этой истории стала Т. Н. Гиппиус. В письмах к нему она рассказывала о том, что происходит у Блоков, о своих встречах с ними, о малейших подмеченных ею нюансах в их настроениях. Т. Н. Гиппиус была противницей обычного брака и убежденной защитницей духовно насыщенных отношений, в которых могла бы выявиться «тайна» душ, и это делало ее сторонницей А. Белого в борьбе за Л. Д. Блок. Она настойчиво пыталась поддерживать его притязания даже в 1907 г., когда сам Белый склонен уже был забыть о своих чувствах.²³ Блок догадывался, что обстоятельства его личной жизни активно муссируются окружающим, и в момент наиболее конфликтного объяснения с Белым призывал его: «Ох, уж эти Тата, Зина, Чулков, Вячеслав» Иванов и пр.

¹⁹ Письмо А. В. Карташева к З. Н. Гиппиус от 14 июля 1906 г., см.: P a s h n u s s T e m i r a. *Intellect and Ideas in Action*, p. 655.

²⁰ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 173.

²¹ Ср., например, слова Блока в письме к Белому от 3 января 1906 г.: «Вчера я был на минуту у Мережковских. Тата была проста <...>, а Зинаида <Николаевна> опять ломалась и литературничала» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 167).

²² См. об этом: Орлов В. Н. История одной любви. — В кн.: Орлов Вл. Пути и судьбы. Литературные очерки. М., 1971, с. 636—743.

²³ В частности, 13 мая 1907 г. Т. Н. Гиппиус писала Белому: «Саха <...> одиночка: сам на себе держится, и отсюда творчество его — и затем лучи от себя и в себя, для *пополнения* своей личности. Но не для *жизни*. Вы, Боря, — без любви половина, не жизнь — ожидание жизни. Не творчество — ожидание творчества. А Люба кто? Безусловно тоже тип „брачный“ — *двойной* (или половинчатый), *потому что* вы ею *пополняетесь*, она в вас *вся*. У Саши *может быть* много *любвей*, *любленностей* — а любовь — к себе *праведная*, *потому что* *полная*, *единая* и *вечная*. *Может быть*, *менее* *полная*, *чем* у *брачного* человека. А вы и Люба — одно. Ни она одна не полна — ни вы один» (ГБЛ, ф. 25, карт. 14, № 7). Аналогичны и другие письма Т. Н. Гиппиус к Белому.

и пр. Не верьте рассказам и предположениям третьих лиц».²⁴ Имя Т. Н. Гиппиус в этом ряду поставлено им на первое место с полным основанием.

В 1910-е годы встречи Блока и Т. Н. Гиппиус становятся более редкими и внешними. Однако имя ее он почти всегда упоминает с теплотой, говорит о ней как о близком, «своем» человеке (VII, 144, 146; VIII, 305).²⁵

После Октябрьской революции Т. Н. и Н. Н. Гиппиус не разделили судьбу Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, бежавших в декабре 1919 г. за границу и влившихся в ряды наиболее непримиримо относившихся к Советской власти эмигрантов. Обе остались в Петрограде (З. Н. Гиппиус в 1920-е годы предлагала им переехать в Париж, но сестры отказались).

Сведения о последующей жизни Т. Н. Гиппиус скудны. Известно, что в 1920-е годы она участвовала в религиозно-философском кружке профессора А. А. Мейера. Перед Великой Отечественной войной она жила в Новгороде. Оказавшиеся во время войны на оккупированной территории, обе сестры были отправлены в Германию и заключены в концлагерь.²⁶ После окончания войны сестры вернулись в Новгород, где работали художниками-реставраторами при Новгородском художественном музее. Скончалась Т. Н. Гиппиус 23 марта 1957 г.²⁷

Сохранилось 8 писем (автографы) Блока к Т. Н. Гиппиус. Опубликованы два из них — от 24 октября 1905 г. (Филологический сборник, вып. 5. Алма-Ата, 1966, с. 50—53) и от 16 марта 1907 г. (VIII, 182—183). Ниже печатаются 6 писем, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (письма 1, 2, 6 — р. I, оп. 3, № 64; письма 3—5 — там же, № 40).

1

8 ноября 1905 г. СПб.

Многоуважаемая Татьяна Николаевна.

Извините, что до сих пор не ответил Вам, — это потому, что думал скоро прийти к Вам.¹ Но теперь не знаю, когда могу прийти; я все время на волоске от экзаменов. Если начнут пугать

---

²⁴ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 205.

²⁵ См. также: Блок А. Записные книжки, с. 340; Письма Александра Блока к родным, т. II. М.—Л., 1932, с. 114, 367.

²⁶ 29 июня 1942 г. З. Н. Гиппиус писала Грете Герелль: «... обе другие сестры, Татьяна и Наталья, оказались где-то в сорока километрах от Штеттина» (Pachmuss Tamira. *Intellect and Ideas in Action*, p. 624; письмо цитируется в переводе с французского).

²⁷ За сообщение сведений о последних годах жизни Т. Н. Гиппиус выражаем признательность Л. К. Долгополову и Т. А. Платоновой, встречавшимся в 1960 г. в Новгороде с Н. Н. Гиппиус.

тем, что они состоятся, — я засяду учиться, так как они — «государственные».²

Истинно уважающий Вас Ал. Блок.

¹ 25 октября 1905 г. Т. Н. Гиппиус писала Блоку: «Вам была очень рада у Сологуба. Жаль — не договорились мы с вами. Хотелось бы, чтобы вы как-нибудь вечером зашли ко мне».

² В 1905 г. в связи с событиями первой русской революции занятия в высших учебных заведениях неоднократно прерывались. Блок выдержал экзамены по первому разряду и закончил университет 5 мая 1906 г.

2

22 окт<ября> 1906.

Многоуважаемая и дорогая Татьяна Николаевна.

Спасибо за письмо — сейчас получил. Конечно, в принципе согласен, весь вопрос в том, сумею ли, и в деньгах. Испытываю какой-то денежный кризис, авансов не дают, а все пишу. Очень буду рад видеть Василия Васильевича и завтра (поп<едельник>), или когда они придут, — утром никуда не уйду.¹ Люба Вас целует; если Вы придете из академии, это будет очень хорошо, в этот час мы тоже почти всегда сидим дома. Если хотите и если когда-нибудь раньше уйдете из академии, всегда можно у нас обедать — в 6 часов. К Вам непременно придем. Всего хорошего, очень хочу поговорить с Вами.

Ваш Ал. Блок.

¹ 21 октября 1906 г. Т. Н. Гиппиус писала Блоку о проекте журнала, сообщенном ей скульптором В. В. Кузнецовым, близким другом Н. Н. Гиппиус: «Теперь передаю вам одно дело, вас очень касающееся. Передал мне Кузнецов Василий Васильевич. Ученики академии (некоторые) устраивают литературно-художественный журнал, где будут принимать участие молодые художники (Анцфельд, Пав. Кузнецов и т<ому> под.) и молодые поэты и писатели. Плененные вашими произведениями, они намереваются просить вас взять на себя редакторство литературным отделом. Деньги на журнал есть. Скоро, м<ожет> б<ыть>, явится к вам для переговоров ученик <...> От робости он, кажется, хотел ехать к вам с Кузнецовым. О подробностях будут переговоры лично. Согласны ли вы в принципе? По-моему, — хорошо. Кажется, придут в понедельник в дневные часы (послезавтра)». Замысел этого издания не был реализован.

Многоуважаемая и милая Татьяна Николаевна.

Вот, на всякий случай, адрес Бори: Москва, Арбат, Никольский переулок, дом Новикова, кв. 7. Но, по моим соображениям, не стоит писать ему, он будет здесь на днях.¹ Приду к Вам, как только смогу.

Ваш Ал. Блок.

¹ В письме от 26 октября 1907 г. Т. Н. Гиппиус просила Блока сообщить ей адрес А. Белого, собиравшегося тогда переехать в Петербург: «Мережковские прислали мне для него письмо с просьбой или передать, — если он приехал, — или переслать в Москву. Не знаю, куда ему послать». Д. С. Мережковский и Э. Н. Гиппиус с середины марта 1906 г. жили в Париже. «Посылаю вам это письмо через Тату, — сообщила Э. Н. Гиппиус Белому в указанном письме, — от нее знаю, что вы переехали в СПб., а где живете — не знаю <..> Помните и вы это, Боря: правда вашей любви не осуществится, если вы будете жить при Блоках, примиритесь с таким положением, как возможным и терпимым, как некоей „формой“ для любви <..> Вам нужно, для вашей любви, создать новую, царскую среду, а не приспособлять любовь к уже существующей, петербургской среде, в которой живут Блоки» (ГБЛ, ф. 25, карт. 14, № 6). Намерение переселиться в Петербург зародилось у Белого, когда он находился там с 8 октября до середины того же месяца и постоянно общался с Блоком. Инициатива в этом, по словам Белого, принадлежала Блоку (Эпопея, № 3, с. 294). По возвращении в Москву Белый сообщил Блоку: «Приеду в конце октября совсем в Петербург» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. 221). Однако, оказавшись снова в Петербурге в начале ноября, Белый пробыл там только до 18 ноября и уехал в Москву, как он вспоминал, после «контр» с Л. Д. Блок (Эпопея, № 3, с. 309).

Милая Татьяна Николаевна.

Вот адрес Городецкого: Лесной, Новосильцевская, 5. Я знаю, что книги у него, и, если он не будет Вам отвечать, напомню ему.¹ Люба целует Вас.

Ваш Ал. Блок.

¹ Т. Н. Гиппиус дала поэту С. М. Городецкому (1884—1967), работавшему над сборником стихов «Дикая воля» (СПб., «Факелы», 1908), во многом основанным на фольклорных мотивах, несколько изданий сказок из своей библиотеки. Городецкий задержал книги, и 6 декабря 1907 г. Т. Н. Гиппиус письмом попросила Блока сообщить ей адрес поэта. Позднее в недатированном письме она просила Блока посодействовать ей в этом, и Блок выполнил ее просьбу. 18 января 1908 г. она с благодарностью за помощь уведомила Блока о получении книг.

25 февраля <1908>.

Милая Татьяна Николаевна.

Вчера я вернулся из Ревеля¹ и нашел Ваше письмо. Спасибо. Я хочу к Вам прийти на той неделе, в начале, *может* *быть*, с Женей Ивановым. Не знаю, как быть с драмой, все не умею дописать. А очень хотел бы, чтобы Вы узнали.² Сижу один в пустой квартире. Буду много работать. Хорошая весна.

Преданный Вам Александр Блок.

¹ С 15 февраля 1908 г. Блок гостил в Ревеле (Таллине) у матери и отчима.

² В письме от 15 февраля 1908 г. Т. Н. Гиппиус приглашала Блока в гости вместе с его ближайшим другом Евгением Павловичем Ивановым (1879—1942) и напоминала об обещании прочесть драматическую поэму «Песня Судьбы» («Драму-то хотели прочесть? Помните»), над которой Блок работал с апреля 1907 г. Первая редакция пьесы была закончена лишь 29 апреля 1908 г. Т. Н. Гиппиус присутствовала у Блока на чтении «Песни Судьбы» 18 декабря 1908 г. (Письма Александра Блока к родным, [т. I]. М.—Л., 1927, с. 242).

14 мая <1912>.

Дорогая Татьяна Николаевна,

не отвечаю Вам долго, потому что все не могу сговориться с мамой: нам всем надо собраться у нас или у мамы обедать, не правда ли так всего лучше? Лучше у мамы, потому что у нас — смертельная духота. Мама живет на Офицерской (40, кв. 7, не доезжая театра Комиссаржевской). Когда мы с ней сговоримся, она (или я, или Люба) напишет Вам.¹ Затруднение — в Любных репетициях, которые происходят часто (она опять хочет играть на сцене).² Ну, так до свиданья, а Вы не обманите, придите, пора нам увидеться.

Преданный Вам сердечно Ал. Блок.

Ищем новую квартиру — занятие мучительное.³

¹ 10 мая 1912 г. Т. Н. Гиппиус писала Блоку: «Давно хотела Вам написать <...> но адрес Ваш потеряла. Теперь Женя Иванов сказал. Как давно не видались! Что Люба? <...> Я бы очень хотела перед тем, как уехать, и вас повидать, и Александру Андреевну. Хоть бы раз за все время. Можно ли и когда бываете дома». 14 мая Блок писал матери по этому поводу: «Мама, мы так и не сговорились относительно Таты. Я пишу ей, что удобнее всего обедать вместе и притом — у тебя (у нас жарко). Напиши ей <...> и назначь день» (Письма Александра Блока к родным, т. II. М.—Л., 1932, с. 198).

² Л. Д. Блок участвовала в репетициях постановок «Товарищества актеров, художников, писателей и музыкантов» во главе с В. Э. Мейерхольдом, начавшихся в мае в театре-казино курортного поселка Терийоки.

³ На новую квартиру (Офицерская, д. 57, кв. 21) Блок переехал 24 июля.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ПИСЬМА к Е. А. ЛЯЦКОМУ

Публикация А. В. Лаврова

Евгений Александрович Ляцкий (1868—1942) — видный историк русской литературы и этнограф, последователь культурно-исторической школы. Его труды по этнографии белорусов, исследования биографии Чернышевского, подготовленное им издание «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными» (вып. 1—3. СПб., 1912—1913), а также собрания фольклорных текстов — «Былины. Старинки богатырские» (СПб., 1911) и «Стихи духовные» (СПб., 1911) — имели большое значение для науки. Особым авторитетом пользовался Ляцкий как исследователь жизни и творчества Гончарова.¹ Изданное им в 1914 г. трехтомное собрание писем Белинского впервые объединяло эпистолярное наследие великого критика с максимальной для своего времени полнотой.² Вместе с тем Ляцкий был и активным участником современного литературного процесса. Его перу принадлежат статьи о М. Горьком, А. Чехове, Л. Толстом, Л. Андрееве, В. Вересаеве и др.,³ он участвовал в редактировании «Вестника Европы», «Современного мира», «Современника», в 1910-е годы работал в издательстве «Огни».

Эволюция в отношении Ляцкого к творческой деятельности символистов — один из характерных примеров того, как менялись в начале века эстетические взгляды в среде либеральной интеллигенции. Если в первой половине 1900-х годов он выступал с резко критическими ре-

¹ См.: Ляцкий Евг. 1) И. А. Гончаров. Критические очерки. СПб., 1904; 2) Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. СПб., 1912.

² См.: Оксман Ю. Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор. — В кн.: Литературное наследство, т. 56. В. Г. Белинский, кн. II. М., 1950, с. 201—202.

³ Библиографию работ Ляцкого см. в кн.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. [М., 1911], с. 175—176. Библиографию работ Ляцкого 1920—1930-х годов см.: ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, № 253.

цензиями на книги К. Бальмонта и В. Брюсова, то несколько лет спустя он рассматривает их творчество как безусловно положительное явление.⁴ Ляцкий не только приветствует поэтические искания Брюсова и Бальмонта, но и вступает с ними в дружественную переписку, способствует устройству их литературных дел.⁵ Отношения Ляцкого и Андрея Белого завязались позднее, в связи с проектом печатания романа Белого «Петербург» в журнале «Современник».

Белый писал свой роман, имея предварительную договоренность о его публикации в журнале «Русская мысль». Однако, когда он представил в январе 1912 г. рукопись первых глав, редактор «Русской мысли» П. Б. Струве расценил их как совершенно неудачное произведение и категорически отказался печатать в журнале (Белый считал, что решение Струве на самом деле было продиктовано несогласием с содержащейся в романе резкой критикой правительственных верхов). 21 января 1912 г. Белый приехал в Петербург, где придал совершившемуся инциденту шпорокую огласку.⁶ «Поступок „Русской мысли“ со мной рассматривается как почти *подлость* и в Москве, и в Петербурге, — писал Белый 30 января Э. К. Метнеру. — <...> Между прочим, мой роман вызывает одобрение со стороны петербургских писателей.⁷ Среди сторонников Белого оказался Ф. Сологуб, который, как свидетельствовал Белый в воспоминаниях, способствовал созданию общественного мнения в его пользу: «...серьезно помог он, громким голосом на весь Петербург произнеся приговор, осуждающий поступок со мною Петра Струве; устроил обед; и на нем заседая, имея „ошую“ меня, „одесную“ критика Е. В. Аничкова <...> произнес мне как писателю неожиданный панегирик; от этого сотряслися издатели: Ляцкий, Некрасов и Гржебин восчувствовали интерес к „Петербургу“».⁸

Вероятно, на обеде у Сологуба в феврале 1912 г. и состоялось знакомство Белого с Ляцким. Последний, после отказа А. В. Амфитеатрова от редактирования «Современника», готовился приступить к руководству журналом.⁹ Стараясь привлечь к «Современнику» внимание демократиче-

---

⁴ В рецензии на «Urbi et Orbi» Ляцкий отрицательно расценивал книгу, укорял Брюсова за «декадентское ломанье и кривлянье» (Вестник Европы, 1904, № 3, с. 376—381); рецензируя «Stephanos», он уже говорит о праве Брюсова войти в «немногочисленную семью истинных поэтов, чутко отдающих обаянию дивного и вещего русского слова» (там же, 1906, № 4, с. 793—796). Подробный и вдумчивый анализ творчества Брюсова Ляцкий дал в статье «Пути и переутья в поэзии Валерия Брюсова» (Современный мир, 1908, № 3, отд. II, с. 39—52). Можно упомянуть в этой связи и письмо Ляцкого к И. Ф. Анненскому, в котором высоко оцениваются критические работы последнего (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 346).

⁵ См.: Брюсов В. Я. Письма к Е. А. Ляцкому (1906—1908) (публикация И. Г. Ямпольского). — Новый мир, 1932, № 2, с. 190—196; Бальмонт К. Д. Письма к Е. А. Ляцкому. Публикация И. С. Рождественской. — Русская литература, 1975, № 2, с. 194—201.

⁶ Подробнее об этом см.: Долгополов Л. К. Андрей Белый в работе над «Петербургом». (Эпизод из истории создания романа). — Русская литература, 1972, № 1, с. 163—166.

⁷ ГБЛ, ф. 167, карт. 2, № 52.

⁸ Белый Андрей. Начало века. М.—Л., 1933, с. 446—447.

⁹ 24 февраля 1912 г. Ляцкий сообщил А. В. Амфитеатрову: «Сегодня я дал согласие П. И. Певину редактировать „Современник“» (ИРЛИ,

ского читателя, Ляцкий прежде всего обратился к М. Горькому с предложением войти в редакцию журнала. «Предполагаю вести журнал в направлении беспартийного радикального органа, отводящего вопросам социализма первое место в своей политической программе»,¹⁰ — писал он Горькому 3 марта 1912 г. Одновременно Ляцкий стремился реформировать журнал, придав в нем большее значение историко-литературному отделу, а также привлечь к участию наряду с прежними сотрудниками и писателей символистской школы. Характерно в этом отношении, что он пригласил работать в редакции Б. А. Садовского — поэта и прозаика из среды московских символистов и автора ряда историко-литературных работ.

Предварительное предложение печатать «Петербург» в «Современнике» Ляцкий сделал Белому, очевидно, еще до своего официального вступления на пост редактора.¹¹ Аналогичные предложения поступили Белому от З. И. Гржебина (издательство «Шиповник») и от издательства «группы писателей» (см. письмо 1). Белый отвечал уклончиво, так как наиболее соблазнительным ему показалось тогда намерение Вяч. Иванова печатать роман в близком им обоим по духу журнале, который решено было специально основать (см. письмо 2). Но скоро выяснилось, что этот замысел осуществить не удастся, а Белому срочно были нужны деньги, и он согласился в марте 1912 г. продать роман ярославскому издателю К. Ф. Некрасову для печатания его отдельной книгой.¹² Ляцкий в эти дни был тяжело болен и на какое-то время отошел от дел; по выздоровлении он пытался договориться — уже с Некрасовым — о предварительной публикации «Петербурга» в «Современнике», но тот не принял его предложения.¹³ Впрочем, и в издательстве Некрасова роман не уви-

---

ф. 163, оп. 2, № 3); П. И. Певин — екатеринбургский промышленник, издатель журнала.

¹⁰ Цит. по кн.: Муратова К. Д. М. Горький на Капри. 1911—1913. Л., 1974, с. 19. В первой главе этой книги подробно рассматриваются позиция М. Горького по отношению к «Современнику» и история его общения с Ляцким.

¹¹ В письме к Б. А. Садовскому (написанном, вероятно, в начале марта 1912 г.) Ляцкий отмечал: «Если увидите в Москве Андрея Белого, передайте ему мой поклон и выразите сожаление, что я не имел возможности познакомиться с его романом. При свидании с ним я не мог говорить о материальной стороне дела с тою определенностью, как теперь» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, № 90).

¹² 10 марта 1912 г. Некрасов телеграфировал Белому из Ярославля: «По письму Грифа прошу оставить новый роман за мной» (ГБЛ, ф. 25, карт. 21, № 37); «Гриф» — глава одноименного издательства С. А. Соколов (Кречетов), выполнявший функции посредника между Белым и Некрасовым. Условия соглашения Белый оговаривал в письме к К. Ф. Некрасову от 22 марта 1912 г. (Гос. архив Ярославской области, ф. 952, оп. 1, № 41).

¹³ «Для моего издательства, — писал Некрасов Ляцкому 4 мая 1912 г., — очень важно начать второй сезон такой крупной вещью; кроме того, самый роман произвел на меня сильное впечатление, и я нахожу его более сильным и талантливым, чем „Серебряный голубь“. Вот почему я не могу согласиться на предложение „Современника“. Я не могу упустить или отдалить возможность усилить вес и значение моего нового издательского дела» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, № 359).

дел света (отчасти из-за того, что Белый не успел закончить его к осени 1912 г.), сохранилась только верстка его первых глав,¹⁴ опубликованных впоследствии в кардинально переработанном виде в составе так называемой «сиринской» редакции «Петербурга».¹⁵

Реальным результатом знакомства Белого с Ляцким явилась публикация в 1912 г. в «Современнике» его путевых очерков «Египет». Это было одно из первых крупных печатных выступлений Белого на страницах немодернистского издания. Личное общение Белого с Ляцким после петербургских встреч в феврале 1912 г. так и не возобновилось, хотя оба они стремились к этому. После отъезда месяц спустя за границу Белый попадает под сильное влияние религиозно-философского учения Рудольфа Штейнера; вступление на путь антропософского «ученичества» на долгое время отодвинет на второй план его литературные дела и интересы. Хотя все письма Белого к Ляцкому посылались по внешним, сугубо деловым поводам, они дают зримое представление об этой важнейшей, переломной поре в жизни Белого и помогают установить многие существенные факты, которыми отмечен в его биографии 1912 год — год внутренних перемен, странствий и интенсивной работы над «Петербургом».

Письма Андрея Белого к Е. А. Ляцкому печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома в архиве Е. А. Ляцкого (ф. 163, оп. 2, № 86). Из 8 писем опущено одно — от 30 мая 1912 г. (оно характеризуется в примеч. 1 к письму 4).

1

«Февраль 1912. Петербург».

Глубокоуважаемый Евгений Александрович,

приносил Вам свой роман, но оно не оставил, потому что у меня есть одно предложение со стороны Издательства группы писателей.¹ Зайду к Вам на днях.

Остаюсь искренне расположенный

Борис Бугаев.

¹ Вероятно, предложение исходило от «Издательского товарищества писателей» (первоначально в его названии были колебания), учрежденного в Петербурге в ноябре 1911 г. В первый состав его правления вхо-

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 18. «Некрасовская» редакция первых глав романа подготовлена в качестве приложения к изданию «Петербурга» в серии «Литературные памятники».

¹⁵ О соотношении различных редакций романа см.: Иванов-Рзумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., «Колос», 1923, с. 89—101 (статья «К истории текста „Петербурга“»); Долгополов Л. К. История создания романа. — В кн.: Белый Андрей. Петербург. М., 1978, с. 347—359.

дили Е. Н. Чириков (председатель), С. Н. Сергеев-Ценский и В. В. Муй-
жель, заведовал издательством Н. С. Клецов. См.: Голубева О. Д.
Издательское товарищество писателей (1911—1913).— В кн.: Книга. Ис-
следования и материалы, сб. VIII. М., 1963, с. 414—416.

2

〈Начало марта 1912. Москва〉.

Многоуважаемый Евгений Александрович!

Как досадно, что мы с Вами не увиделись. Но последние дни
моей петербургской жизни оказались сплошным сумбуром: ряд
дел, несколько обязательных визитов и далее: две лекции (в «*Ре-
лигиозно-Философском*» о «*бществе*» и в «Соляном Городке»);
к обоим надо было готовиться.¹

Я надеюсь, что наше знакомство продолжится, и что Вы, когда
будете в Москве, уведомите меня или же к нам зайдете.

Что касается моего романа, то охотно прислал бы Вам руко-
пись, но сейчас ее у меня нет. Да и стоит ли присылать? Ведь
в 1912 году все равно Вы ее не напечатаете, ибо слышим, что
«*Современник*» нагружен материалом, и будь даже Вы за напе-
чатание, Вам, вероятно, технически это будет трудно. Если я оши-
баюсь, то напишите два слова, и я тотчас же высылаю Вам ру-
копись.²

У меня есть к Вам другое предложение: я написал о Египте
этюд, довольно большой, очень просто написанный и стилисти-
чески отделанный; в нем 100 ремингтонных страниц.³ Струве и
Брюсов его напечатали бы в течение 1912 года, но только к концу,
ибо, как они говорят, они перегружены географией.⁴ В сущности
географии там мало, а скорей *живописи*. Брюсову этюд мой очень
нравится, и он бы напечатал сейчас, но Струве стоит за то, чтоб
напечатать после. Если «*Современник*» может напечатать вско-
рости мой этюд или по крайней мере дать рублей 200 аванса за
него (ужасно нужны сейчас деньги⁵), я бы его прислал; а теперь
вынужден его взять из «*Русской мысли*» для книги «*Путевые
заметки*». Первая часть ее, «*Тунисия и Сицилия*», набирается.
«*Египет и Палестина*» составили бы второй том. Но ввиду того
что пока «*Палестина*» моя не окончена, мне приходится «*Египет*»
присоединить к первой части, крайне нуждаясь в деньгах. Если бы
Вы взяли мой «*Египет*» или если бы Вы, взяв и напечатав через
несколько месяцев, могли бы мне дать теперь за него аванс
в 200 рублей, я бы «*Египет*» взял из книги и сообразно перво-
начальному плану напечатал бы его с «*Палестиной*» отдельною
книжечкою.⁶

Остаюсь глубоко уважающий Вас и готовый к услугам

Борис Бугаев.

Р. С. Не напишете ли два слова, Евгений Александрович, как 1) с романом, 2) с «Египтом».

¹ В списке прочитанных лекций и докладов, озаглавленном «Себе на память», Белый отметил: «Участие в прениях Петербургского религиозно-философского общества» (февраль 1912 г.) (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 96, л. 6 об.). 23 февраля Белый выступал в большой аудитории Соляной городка (Пантелеймоновская, д. 2) с лекцией на тему «Современный человек» (Речь, 1912, № 52, 23 февраля). Соляной городок — комплекс зданий у Цепного моста на углу набережной Фонтанки и Пантелеймоновской улицы; в начале XX в. здесь размещалось несколько музеев (педагогический, технический, сельскохозяйственный и кустарный). Название объясняется тем, что при Петре I на этом месте был склад соли.

² Неопределенный ответ на предложение Ляцкого напечатать «Петербург» в «Современнике» обусловлен проектом опубликования романа в журнале, который решили организовать Вяч. Иванов и Е. В. Аничков с помощью главы издательства «Мусажет» Э. К. Метнера. В середине февраля 1912 г. Белый писал Метнеру из Петербурга: «Иванов пытается собственно для моего „вышвырнутого романа“, который, по его мнению, лучше всего, что появлялось за последний период, создать журнал (<...> нужен предварительный разговор с Вамп» (ГБЛ, ф. 167, карт. 2, № 55). Иванов (на квартире которого Белый жил в Петербурге в феврале 1912 г.) был его активным защитником в инциденте с «Русской мыслью» и пропагандистом романа: он организовал у себя на «башне» выступление Белого с чтением законченных глав романа (в течение трех вечеров), он же предложил и самое название произведения (первоначальные заглавия Белого — «Лакпрованная карета», «Злые тени», «Путники», «Красное домино») (см.: Иванов Вяч. Родное и вселенское. Статьи. М., 1918, с. 92). В письме к Блоку от 8 или 9 марта 1912 г. Белый сообщал: «Разговоры с Аничковым о новом журнале обусловили то, что я дал слово Вячеславу не решать с романом 1) до разговора с Метнером *en trois*, 2) я отклонил реальные разговоры а) с Евгением Ляцким, б) „Шиповником“, с) с „Группой писателей“. Метнер сказал, что для нового журнала достанет денег к концу 1912 года. Иванов попросил Метнера обеспечить меня, чтобы я мог роман мой дописывать с совершенным спокойствием и дать его в наш будущий общий журнал (не «Труды и дни»)» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. 288—289). Однако субсидировать Белого Метнер не смог, замысел нового журнала «Петербургский вестник» специально для печатания в нем «Петербурга» реализовать также не удалось. 3 мая 1912 г. Вяч. Иванов писал Метнеру: «О романе Белого. Все это было неприятно узнать. Тяжело и похоронить мечту о журнале, где бы мы дружно и действительно, властно и реально заговорили с обществом не о лаборатории, а о жизни» (ГБЛ, ф. 167, карт. 14, № 10). Возвращаясь к этой истории, Белый резюмировал в письме к Метнеру из Брюсселя (22 апреля и ст. 1912 г.): «Роман пытался пристроить с согласия *Мусажета* в Петербурге и разорвал переговоры 1) благодаря „Петербургскому вестнику“ (существование коего зависело от нескольких тысяч в Москве)» (ГБЛ, ф. 167, карт. 2, № 57). См. также: Белый Андрей. Воспоминания, т. III, ч. II (1910—1912). — Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 456.

³ В Египте Андрей Белый побывал в марте—апреле 1911 г. во время своего путешествия по северной Африке и Палестине. Творческим итогом этой поездки стали его «Путевые заметки», в состав которых входит и очерк «Египет». Белый работал над книгой летом 1911 г.

⁴ Экономист, философ и публицист Петр Бернгардович Струве (1870—1944) возглавлял журнал «Русская мысль» с 1907 г.; В. Я. Брюсов с сентября 1910 г. заведовал в нем литературно-критическим отделом. Белый

представил в «Русскую мысль» рукопись «Египта» осенью 1911 г. (см.: Литературное наследство, т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976, с. 424—425).

⁵ Кризисное финансовое положение Белого объяснялось тем, что он не получил от «Русской мысли» ожидаемого аванса за «Петербург» (1200 рублей).

⁶ Очерк «Египет» был опубликован в «Современнике» (1912, № 5—7). Издание «Путевых заметок» в «Мусагете» в 1912 г. не было осуществлено, отчасти в результате долгих конфликтов разногласий Белого с Э. К. Метнером: «Метнер а priori невзлюбил „Путевые заметки“ (их кисло, медленно набирали года, чтобы после сбить «Сирину»)» (Белый Андрей. Начало века. (Берлинская редакция 1922—1923 гг.). — ГИБ, ф. 60, № 14, л. 35). Белый придавал этому произведению чрезвычайно большое значение. «Я чувствовал сплошное чувство досады от того, — писал он Метнеру 22 августа (н. ст.) 1912 г., — что слова мои об Африке кажутся лишь словоохотливостью туриста, что „Путевые заметки“ мои, которые для меня не менее важны, чем „Голубь“, даже никем не читались, что „Путевые заметки“ остались для всех кинематографом образов, а не вздохом души, в даях мира и даях пространства увидевшей свет» (ГБЛ, ф. 167, карт. 2, № 67). «Голубь» — роман Белого «Серебряный голубь» (1909). Белый был, однако, неправ, предполагая, что «Путевые заметки» невысоко ценятся в «Мусагете». Э. К. Метнер, например, писал 24 ноября 1912 г. А. А. Блоку: «Я не знаю, читали ли Вы „Путевые заметки“. Это вещь не менее гениальная, нежели роман» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 331; «роман» — «Петербург»). Задержки с опубликованием книги Метнер объяснял сложностью ее полиграфического оформления; 6 декабря 1912 г. он писал Блоку: «Путевые заметки хорошо бы пристроить в *Сири*, который имеет возможность издать их с большею роскошью; для них необходима очень хорошая бумага, так как рисунки Аси Тургеневой (очень удачные с натуры) должны быть среди текста, а не на отдельных листах; эти рисунки необыкновенно удачно дополняют текст своей острой (хотя и не совсем уверенною) графичностью. — Мусагету труднее будет справиться с этой задачей» (там же). В переработанном виде первый том «Путевых заметок» был издан дважды (без иллюстраций) десять лет спустя: 1) Офейра. Путевые заметки. Часть 1. М., Книгоизд-во писателей в Москве, 1921, 200 с.; 2) Путевые заметки, т. 1. Сицилия и Тунис. М.—Берлин, «Геликон», 1922, 310 с. (более полная редакция текста). Второй том «Путевых заметок» (включавший и переработку очерка «Египет») готовился к печати в издательстве «Геликон», но в свет не вышел (подробнее см.: Бугаева К., Петровский А., Шинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого. — В кн.: Литературное наследство, т. 27—28, с. 610—611). Текст его сохранился в архиве Белого (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 15). Отрывок о пирамидах и сфинксе в переработанном виде Белый опубликовал под названием «Египет». (Отрывки из 2-ой части путевых заметок «Офейра») (Московский альманах, I. М., Книгоизд-во писателей в Москве, 1922, с. 111—128).

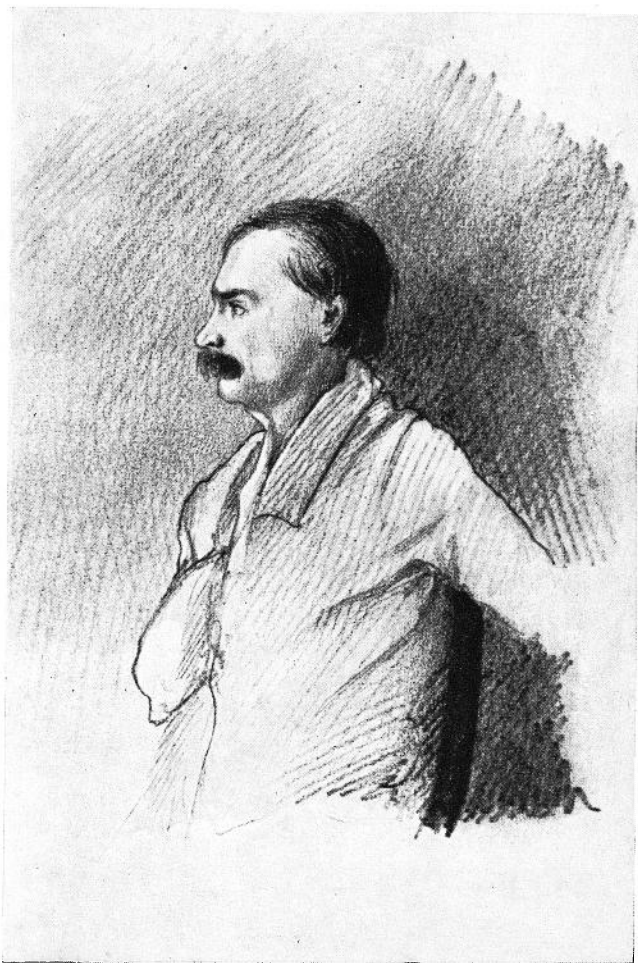
3

«Вторая половина мая (н. ст.) 1912 г. Брюссель».

Глубокоуважаемый Евгений Александрович!

Несколько дней тому назад получил Ваше любезное письмо.¹ Мне стыдно: Вы извиняетесь в том, что не ответили мне на мое предложение «Современнику» моего этюда о «Египте» или «Радесе».² Я же знал, что Вы были больны. Из Вашего письма как будто явствует, что один из моих этюдов идет в «Современнике».

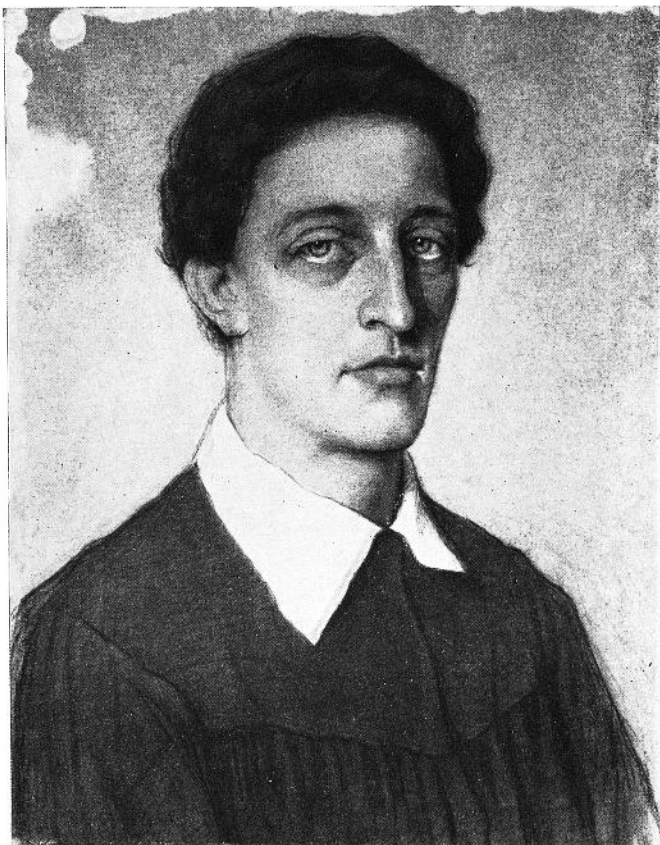
Г. П. Данилевский. Рисунок Я. П. Полонского. 1862 г.

К. Д. Бальмонт, С. А. Поляков, Ю. К. Балтрушайтис. Фото. 1901 г.

Андрей Белый. Рисунок В. В. Воинова. 1921 г.

А. А. Блок. Портрет работы Т. Н. Гишпиус. 1906 г.

Т. Н. Ги́псиус за мольбертом. Фото. 1900-е годы.

Е. А. Ляцкий. Фото. 1910 г.

А. А. Измайлов. Фото. 1900-е годы.

Леонид Андреев. Фото. 1900-е годы.

От Ахрамовича (из «Мусагета») ³ я знаю, что, кажется, принят «Египет» и что он идет в майской книжке. В таком, положительном, случае я обращаюсь к Вам, Евгений Александрович, с просьбой. Если возможно, пусть «Современник» мне вышлет за границу 200 рублей, если эти 200 рублей не высланы. Я не знаю (может быть, Вы выслали в *Musaget*, а в *Musagete* меня не уведомили). В последнем случае известите меня тоже, а то у нас в *Редакции* страшная безалаберность.

Извиняюсь, что вновь обращаюсь к Вам с просьбой: обращаюсь потому, что 1) сейчас нужны деньги, 2) что я слышал, будто «Египет» у Вас и идет в *мае*. Имеете ли Вы рукопись «Египта»? Если нет, то она должна находиться в «Мусагете». Может быть, «Современник» ответит мне два слова. Мой адрес до конца мая (мая до 29): Belgique. Bruxelles. Place S-te Gudule, 25. Мне.⁴ А после (до июля): France. Bois-le-Roi. Seine et Marne. Chez Monsieur Pierre d'Alheim.⁵

Остаюсь преданный Вам и готовый к услугам

Борис Бугаев.

Р. С. Пишу о деньгах потому, что из письма Вашего следует, как будто, что деньги Вы высылаете или выслали: между тем я их не получал.

¹ 1 мая 1912 г. Ляцкий писал Белому: «Бумага краснеет под моим пером, — так „стыдно“ чувствую я себя перед Вами за провинности конторы. Я отдал распоряжение еще до пасхи — перевести Вам 200 р. немедленно, а конторщик в предпраздничной суете забыл, потом не сразу признался <...> Единственным извинением моим служит то, что я был тогда болен и лежал в больнице, а издателя я видел только 1/2 часа» (ГБЛ, ф. 25, карт. 18, № 21).

² Очерк «Радес» (вошедший в первую часть «Путевых заметок»), так же как и «Египет», был представлен Белым в «Русскую мысль» в июле 1911 г. (Литературное наследство, т. 85, с. 424), но опубликован там не был. Открытой от 17 марта 1912 г., посланной на пути из Москвы в Брюссель, Белый просил Брюсова переслать рукопись «о Египте» в «Мусагет» для готовящегося издания «Путевых заметок» (там же, с. 427).

³ Ахрамович (псевд. — Ашмарин) Витольд Францевич (ум. 1930) — корректор издательства «Мусагет», выполнявший там также секретарские обязанности; секретарь ритмического кружка при «Мусагете», возглавлявшегося Белым. См. о нем: Белый Андрей. Между двух революций. Л., [1934], с. 374, 411.

⁴ В Брюсселе Белый жил с 20 марта (2 апреля) вместе со своей женой, художницей А. А. Тургеневоной, проходившей там курс обучения у гравера Данса (Dance).

⁵ Барон Пьер (Петр Иванович) д'Альгейм (1862—1922) — французский журналист и романист, организатор (совместно с женой, М. А. Олениной-д'Альгейм, и певицей А. В. Тарасевич) в Москве в 1908 г. «Дома песни» — с целью пропаганды камерной вокальной музыки. Выдающаяся камерная певица Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм (1869—1970) была теткой А. А. Тургеневоной. В доме д'Альгеймов в Буа-ле-Руа (под Парижем, вблизи Фонтенбло) Белый и А. Тургенева прожили весь июнь 1912 г. (см.: Turgenieff Assja. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1973, S. 24).

«Июнь 1912 г. Буа-ле-Руа».

Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Александрович!

Извиняюсь тысячу раз за докучную просьбу об авансе. Спешу уведомить Вас, что получил.¹

Мне очень улыбается мысль с Вами встретиться.² В июле и в августе я буду в Мюнхене, где предстоит мне слушать один курс лекций.³ Давайте же встретимся: между Мюнхеном и Карлсбадом вовсе не велико расстояние. Мы могли бы встретиться посередине. Наконец, я бы мог приехать в Карлсбад. Если, что всего лучше, если Вы едете на юг (не в Италию ли?), то Мюнхен Вам по дороге: ведь это — тракт на юг: в Мюнхене летом только и видишь, что туристов, едущих в Италию или возвращающихся из нее.⁴

Итак, надеюсь, мы встретимся. Адреса же мои таковы: 1) до первых чисел июля — France. Bois-le-Roi. Seine et Marne. Chèz M^{onsieur} Pierre d'Alheim. Мне. 2) С июля по сентябрь: München. Poste restante. (Когда перееду в Мюнхен, сообщу Вам свой адрес). Есть у меня к Вам еще одна просьба: вышлите мне №№ «Современника» с моими «Путевыми заметками» по одному из адресов.

Итак, надеюсь, до скорого свидания.

Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев.

¹ Аванс за «Египет» (200 рублей) Белый получил в Брюсселе непосредственно перед отъездом во Францию. Он известил Лядкого об этом кратким письмом (почтовый штемпель: «Bruxelles, 30 V 1912»).

² В письме из Петербурга от 22 мая (4 июня) 1912 г. Лядкий осведомлялся, получил ли Белый деньги, а также сообщал: «Летом (в июле) буду лечить свою печень в Карлсбаде, а потом проеду на юг. Не съедемся ли — побеседовать о журнале, литературе и прочем?» (ГБЛ, ф. 25, карт. 18, № 21).

³ Андрей Белый выехал вместе с А. Тургеневой в Мюнхен в первых числах июля 1912 г. Там он слушал (в августе) курс лекций Рудольфа Штейнера «О вечности и мгновении». «Мы едем в июле в Мюнхен учиться у Штейнера, — писал Белый М. К. Морозовой из Брюсселя, после поездки в начале мая 1912 г. в Кёльн на лекции Штейнера и знакомства с философом, — ибо это не теория, а действительная школа: ведь он действительно даже исцеляет недуги, а не только философствует, ибо прошел громадный путь внутренней работы» (ГБЛ, ф. 171, карт. 24, № 1в). В Мюнхене летом и в Базеле в сентябре 1912 г. Белый стал фанатическим приверженцем учения Штейнера. Вяч. Иванов, повидавшийся с Белым в Базеле в сентябре 1912 г., 10 (23) октября писал А. Д. Скалдину: «Я нашел Андрея Белого поглощенным изучением уроков Штейнера и работами, им указанными. Отрывки все еще неоконченного „Петербург“ по-прежнему листательны, стихов нет вовсе, но и роман не пишется: все сознание устремлено на другое. Утверждая, что (говоря вообще) столь цельное решение прекрасно, я нахожу вместе с тем, что оно

было для Бори и неизбежностью. Он во многих отношениях подошел к краю. Но что будет плодом нескольких лет этого ученичества? Прежде всего не погибнет ли художник? Однако, до Штейнера, не подошел ли уже тот прежний гениальный художник к краю?.. <...> Теперь я вижу его в безличном подчинении руководящей воле, в пассивной самоотдаче; но под ней припряталась дурная самость, подлежащая разрушению» (ЦГАЛИ, ф. 487, оп. 1, № 51). О поре приобщения Белого к антропософии см.: Белый Андрей. Из воспоминаний. 1. Бельгия. 2. Переходное время. 3. У Штейнера. — Беседа, 1923, № 2, с. 83—127.

⁴ Ранее Белый жил в Мюнхене в октябре—ноябре 1906 г. О своих впечатлениях он рассказал в очерках «Письмо из Мюнхена» (Золотое руно, 1906, № 11—12, с. 115—118) и «Мюнхен вечером» (Киевские вести, 1908, № 165, 22 июня). См. также: Белый Андрей. 1) Арабески. Книга статей. М., «Мусaget», 1911, с. 362—369; 2) Между двух революций, с. 103—140.

5

«Октябрь 1912 г. Фицнау».

Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Александрович!

Что же Вы не заехали в наши края? Вы писали, что будете в Карлсбаде; я ждал от Вас вести в Мюнхене, но ничего не получил. Или Вы были в других краях?¹

А у меня есть к Вам несколько предложений, но о них напишу потом, когда выяснится, где Вы, ибо не знаю, в Петербурге ли Вы или где-нибудь в другом месте. Судьба занесла меня надолго в Германию, так что, вероятно, лето проведу в Берлине. Пока же застряли мы с женой на Фирвальдштетском озере в Фицнау по двум обстоятельствам: 1) надо работать, 2) так сложились обстоятельства, что выехать нам трудно, ибо мало денег.² И вот тут-то моя реальная просьба: наведя справки, я узнал, что мой «Египет» печатался у Вас в «Современнике» за май—июнь—июль, стало быть я могу за него получить авторский гонорар, который так мне нужен. Итак, не зная, к кому обращаться с просьбой о гонораре помимо Вас, я извиняюсь за затруднение, которое причиняю Вам моим письмом. Но деньги действительно мне очень и очень нужны; и нужны в очень скором времени (через две недели боюсь, что не будет); и вот прошу Вас, дорогой Евгений Александрович, замолвить слово в «Современнике», чтобы по возможности мне выслали тотчас же гонорар за «Египет» (200 рублей аванса я уже получил весной) по нижеследующему адресу: Schweiz. Vierwaldstättersee. Vitznau (Via Luzern). Postlagernde. Herrn Boris Bugaïeff. Я здесь 3 недели. Если редакция вышлет позднее, то может статься, что деньги начнут путешествовать за мною, что очень неудобно. Поэтому, если бы можно было мне выслать деньги переводом по телеграфу, то это было бы очень удобно. Итак, если Вы в Петербурге, я очень прошу Вас посодействовать о немедленном переводе мне гонорара, за что заранее Вас благодарю.

Повторяю, я попал в довольно затруднительное положение; и гонорар бы меня выручил.³

Если бы мне выслали и оттиски «Египта», я был бы чрезвычайно доволен.

Пишу Вам с холодного и покрытого туманом озера. Где ни были мы с женой, везде нас встречали холода и дожди.

Ну, всего доброго. Еще раз извиняюсь за просьбу *поскорее* выслать деньги.

Остаюсь искренне Вас уважающий и преданный

Борис Бугаев.

P. S. На случай Вашего отсутствия в Петербурге пишу в Главную контору журнала. Лучше адресовать мне Postlagernde, нежели на отель, ибо отель через 1^{1/2} недели закрывается.

Написано на бланке: «Hotel & Pension Rigibahn, Vitznau».

¹ Ляцкий отвечал Белому 11 (24) октября 1912 г.: «Лето вышло у меня необыкновенное: по делам журнала пришлось объехать чуть не всю Европу и нигде не побывать *для себя*, — вот почему не пришлось захватить к Вам» (ГБЛ, ф. 25, карт. 18, № 21). В ходе своего путешествия Ляцкий в сентябре 1912 г. посетил М. Горького на Капри, где обсуждал с ним программу «Современника» (Муратова К. Д. М. Горький на Капри, с. 23—24, 30).

² В Физнау (Швейцария) Белый с женой поселились после окончания базельского курса лекций Штейнера «Евангелие от Марка» в конце сентября и прожили там до конца октября 1912 г. (см.: Turgenieff Assja. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum, S. 31). Белый написал там статью «Круговое движение» (Труды и дни, 1912, № 4—5, с. 51—73) и продолжал работать над окончанием «Петербурга».

³ В письме от 11 (24) октября Ляцкий обещал позаботиться о высылке Белому гонорара.

6

Stuttgart. 7 ноября н. с. <1912>.

Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Александрович!

Только что получил Ваше письмо; узнал, что Вы в Петербурге.¹

У меня есть к Вам предложение и просьба. Предложение мое заключается в следующем: у меня есть небольшая статья: «Солнце, луна, небо, воздух, вода у Пушкина, Тютчева, Баратынского. (Сравнительная характеристика)». Ее можно было бы назвать также «*Стихи у поэтов*». Не зная точно характера статей в «Современнике» (ведь восьмой месяц я не в России и ничего русского не читаю), я предварительно хотел у Вас справиться, подходит ли Вам такого рода статья.²

Просьба же моя заключается в следующем: нельзя ли все-таки выслать мне гонорар за «Египет» (до рождества мало денег)

по нижеследующему адресу: если деньги успеют дойти до 23-го ноября нового стиля, т. е. до 11 ноября по русскому, то адрес мой: Stuttgart. Degerloch. Wera Strasse. № 45a. Bei Schrenk. Мне. Если же уже поздно, то с 24-го до 29-го мой адрес: München, poste restante. Лучше всего было бы выслать не переводом, а заказным денежным письмом (удобнее с poste restante). Извиняюсь, что докучаю Вам прозаизмами.

О себе скажу, что в настоящее время я много работаю (над окончанием романа);³ вероятно, с рождества в Берлине; буду слушать лекции одного весьма интересующего меня мистика, Рудольфа Штейнера.⁴

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам

Борис Бугаев.

¹ Письмо Ляцкого от 11 (24) октября было доставлено в Фицнау 29 октября, уже после отъезда Белого, и затем переслано в Штутгарт.

² Замысел этой статьи относится к лету 1910 г., когда Белый работал над стилистическим анализом пятистопного ямба названных поэтов. 3 июня 1910 г. он писал секретарю «Мусагета» А. М. Кожебаткину: «...думаю дать Вам статью о лирике „Пушкина, Тютчева и Баратынского“; собираю данные» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 3, № 11). 2 сентября 1910 г. Брюсов сообщал П. Б. Струве, что Белый обещал дать в «Русскую мысль» «для конца этого или начала следующего года статью о „стихе Пушкина, Тютчева и Баратынского“» (Литературный архив, вып. 5. М.—Л., 1960, с. 269—270). 28 января 1912 г. Белый выступал с докладом «О стихиях у поэтов» (или «Стихии природные у поэтов») в петербургском Обществе ревнителей художественного слова. Статья «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» впервые была напечатана в «Биржевых ведомостях» (1916, № 15701, 26 июля), вошла в кн.: Белый Андрей. Поэзия слова. Пб., «Эпоха», 1922, с. 7—19 (датирована: «Июнь 1916. Дорнах»).

³ В ноябре—декабре 1912 г. Белый перерабатывал заново первые главы «Петербурга». 24 ноября (н. ст.) он писал матери: «... весь месяц в Штутгарте мы были заняты 1) делами с „Мусагетом“ (ведь я из-за границы пишу у нас в журнале), 2) переработкой заново романа, 3) медитациями, данными Доктором, 4) работой Доктору, что особенно трудно (приходится писать по-немецки)» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 359; «Доктор» — Р. Штейнер).

⁴ Планы Белого реализовались несколько иначе: 30 ноября он переехал вслед за Штейнером из Мюнхена в Берлин, а в конце декабря отправился в Кёльн, на цикл лекций Штейнера «Послания апостола Павла и Бхагавадгита», где и встретил новый год (Белый Андрей. Материал к биографии (литимный), предназначенный для изучения только после смерти автора. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, № 3, л. 61 об.). Январь и февраль 1913 г. Белый провел в Берлине.

7

«Начало декабря н. ст. 1912 г. Берлин».

Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Александрович!

Обращаюсь к Вам с просьбой посодействовать: похлопочите в конторе «Современника» выслать мне гонорар за мой этюд «Египет», напечатанный в Вашем журнале. Из гонорара я полу-

чил 200 рублей авансом. «Египет» напечатан в мае—июне и т. д. Очень прошу, чтобы мне выслали тотчас и, если возможно, по телеграфу. Адрес мой следующий: Berlin. Scharlottenburg. Lüther Strasse. 27. Pension Wegner. Herrn Boris Bugaïeff. Я попал в полосу безденежья: с 16<го> мне необходимо быть в Кёльне. Если я не получу до 16 декабря русского стиля, я в критическом положении.

Я надеюсь, что Вы поспособствуете скорейшей высылке. Из Vitznau я тоже просил выслать, но мне не выслали. Теперь же мне совершенно необходимо получить гонорар, и я очень настойчиво обращаюсь к Вам с просьбой поспособствовать скорейшей высылке. Без гонорара за «Египет» я просто не в состоянии обернуться эти полтора месяца, ибо самая возможность существовать для меня висит в воздухе.

Одновременно пишу кратко в контору. Копию с этого письма посылаю в редакцию «Современника» (не знаю, где Вас застигнуть). Извиняюсь много раз за беспокойство и настойчивость: но завися от этого гонорара и не имея денег, поневоле будешь писать в хлопотливом тоне.¹

Остаюсь глубоко уважающий Вас и готовый к услугам

Борис Бугаев.

¹ Ответил ли Ляцкий на просьбу Белого в этом и предыдущем письмах, неизвестно.

В. Я. БРЮСОВ

ПИСЬМА к А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Публикация Э. С. Литвин

Александр Алексеевич Измайлов (1873—1921) — писатель, литературный и театральный критик. Его рассказы и повести («Черный ворон», «Рыбье слово», «В бурсе» и др.), как и книга его «Стихотворений» (СПб., 1905) не поднимаются выше среднего уровня современной ему натуралистической беллетристики и эпигонской поэзии. Литературную известность принесли ему критические статьи, заметки, рецензии, фельетоны, постоянно печатавшиеся в газете «Биржевые ведомости» и в приложениях к ней — журналах «Новое слово», «Новая иллюстрация». С 1898 по 1916 г. Измайлов заведовал литературно-критическим отделом этой газеты.

Свои статьи и фельетоны Измайлов объединил затем в сборниках «На переломе. Литературные размышления» (СПб., 1908), «Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе» (М., 1910), «Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы» (М., 1911), «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (М., 1913).

Большую популярность приобрели меткие литературные пародии Измайлова на писателей-современников, составившие сборники «Кривое зеркало» (СПб., 1908) и «Осиновый кол» (Пг., 1915).

Особое место в деятельности Измайлова занимала книга «Чехов» (М., 1916), в которой он выступил как биограф и исследователь творчества писателя, собравший богатый фактический материал.

После Великой Октябрьской революции Измайлов вел большую культурно-просветительную работу, выступая с лекциями о русской литературе в рабочих и красноармейских аудиториях, и продолжал писать давно задуманную книгу о Лескове, которая, однако, осталась незавершенной.

Критика и публицистика начала XX в. представляла собой арену необычайно острой и напряженной борьбы литературных течений, исследовательских методов, политических воззрений. Зародилась подлинно марксистская критика, противостоящая народническим традициям, поэти-

ции легального марксизма и литературно-общественным воззрениям декадентско-символистского лагеря. Измайлов стремился занять особое место в литературной современности, всячески подчеркивая свою непричастность к этой борьбе: «Я — свой. Мои взгляды на литературу, мое освещение авторов не диктовано ни эс-декскими, ни кадетскими, ни какими-либо иными политическими представлениями. Я совершенно не понимаю, как эта область может соприкоснуться с областью свободного творческого суждения».¹ В соответствии с подобной декларацией задачу критика Измайлов видел в том, чтобы «напомнить основания вечной красоты».²

Однако этот расплывчатый эстетизм и подчеркнутая «надпартийность» вовсе не были чем-то исключительным в критике 900-х годов. Тенденция «освобождения» литературы от общественности и подчинения ее некоему идеалу «вечной красоты» ярко выражена в выступлениях Ю. А. Айхенвальда, Н. Я. Абрамовича, начинающего Корнея Чуковского. Субъективизм суждений, идеалистическое представление об искусстве как «самовыражении» личности художника сближали Измайлова с импрессионистической критикой эпохи.

Вместе с тем при известной общности исходных позиций заметки и фельетоны Измайлова существенно отличались своей направленностью от работ таких критиков-импрессионистов, как Айхенвальд или Абрамович, которые философски обосновывали свою методологию и претендовали на выдвижение новых историко-литературных концепций.

Определяя основные линии развития русской критики от 90-х годов XIX в. до 1917 г., Г. М. Фридендер пишет: «Характерной чертой буржуазной печати 900-х годов было то, что <...> в ней появляется тип критика-фельетониста, тесно связанного с газетой, работающего с сознательным учетом „злобы дня“ и интересов широкой публики, пишущего свои статьи в хлесткой, остроумной манере <...> К числу таких критиков-фельетонистов принадлежал А. А. Измайлов, а также молодой К. И. Чуковский <...> Нередко деятельность критиков-фельетонистов имела откровенно бульварный характер (П. Пильский) <...> Измайлов сам очень метко охарактеризовал обычный жанр своих критических выступлений, дав одному из своих очерков подзаголовок „беллетристический репортаж“».³

В подобной беллетризованной форме, соединяя критические оценки с анекдотами, парадоксами, бытовыми мелочами, пародийными вставками, Измайлов оперативно откликался на события литературной жизни. В течение многих лет он приобщал к литературе весьма от нее далеких читателей так называемой «Биржевки» — газеты откровенно коммерческой, заполненной судебными сенсациями и рекламными объявлениями, и это приобщение, несомненно, явилось положительной стороной деятельности критика-фельетониста.

Многие наблюдения Измайлова над особенностями творчества того или иного писателя, над его стилем и складом его личности верны и

¹ Измайлов А. Помрачение божков и новые кумиры. М., 1910, с. VII.

² Там же, с. IV.

³ История русской критики, т. II. М.—Л., 1958, с. 425—426.

метко выражены. Так, он писал о «жизнелюбии» Куприна;⁴ он остро подметил несостоятельность проповеди Мережковского, который, по его словам, «таскает с собой бога по книгам, газетным фельетонам, публичным лекциям».⁵ Измайлов выступал в защиту Леонида Андреева от газетных вымыслов и сплетен.⁶

К числу литературных заслуг Измайлова следует отнести и его выступления против мистицизма и претенциозности декадентов, против увлечения вопросами пола, а также его явные симпатии к творчеству художников-реалистов — Чехова, Короленко, Куприна.

В то же время иллюзии «надпартийности», субъективизм эстетических оценок, погоня за сенсацией сплошь и рядом приводили Измайлова к поверхностности анализа и ошибочным выводам. Так, пьесу Блока «Незнакомка» он назвал «голубой чепухой»;⁷ сюжет драмы Горького «Враги» посчитал «обыкновенным случаем современной хроники», а образы интеллигентов в ней — доказательством злобной вражды автора к героической русской интеллигенции.⁸ Остроумие критика-фельетониста превращалось в издевательство, когда он рассматривал «Сборники товарищества „Знание“» в очерке с хлестким заглавием «Творчество под барабан».⁹

Но по отношению к Брюсову Измайлов оказался внимательным и чутким критиком, хотя далеко не со всеми его оценками можно безоговорочно согласиться. Еще в 1903 г. в рецензии на альманах «Северные цветы», который он в целом высмеял как «пустопорожнее место», где «господа декаденты танцуют второй десяток лет», Измайлов выделил стихотворение Брюсова «Habet illa in alvo» за глубину мысли, звучность стиха и смелость темы.¹⁰ За этим отзывом последовали многочисленные рецензии на книги стихов Брюсова «Urbi et Orbi», «Зеркало теней», на его романы «Огненный ангел» и «Алтарь Победы», на переводы из Верлена, Д'Аннунцио.¹¹

Не менее многочисленны отзывы о Брюсове в статьях и фельетонах Измайлова, вошедших в его сборники. Одним из первых он отметил отход Брюсова от декадентской претенциозности, появление в его стихах образцов живой действительности, воздействие на Брюсова великой классической традиции. «Самый интересный боец модернистского лагеря, с каж-

---

⁴ Измайлов А. Песни о земной радости. Куприн и его сочинения. — Новое слово, 1910, № 4, с. 49—53.

⁵ Измайлов А. Возрождение пророков. (Мережковский и богоискательство). — Новое слово, 1910, № 6, с. 94—97.

⁶ Измайлов А. Первые шаги Леонида Андреева. — Новое слово, 1910, № 1, с. 97—101.

⁷ Измайлов А. На переломе. Литературные размышления. СПб., 1908, с. 51.

⁸ Измайлов А. Новости литературы. — Пробуждение, 1911, № 7, с. 192.

⁹ Измайлов А. Помрачение божков и новые кумиры, с. 56—68.

¹⁰ Измайлов А. Литературные мелочи. — Биржевые ведомости, 1903, № 419, 25 августа, с. 2.

¹¹ См.: Даниелян Э. С. Библиография В. Я. Брюсова. Ереван, 1976, с. 250, 255, 262, 269, 280, 284.

дым годом все более освобождающийся от декадентских вычуров, возвращающийся к ясному и трезвому реальному искусству и бесспорно очень талантливый»,¹² — писал критик о Брюсове в 1908 г.

Измайлов отмечал и неприемлемые для него черты поэзии Брюсова: чрезмерный эротизм «Баллад», претензии на роль пророка в стихах о назначении поэта, демоническое «сверхчеловечество», свойственное всем декадентам. Не всегда его упреки были справедливы. Так, безусловно, ошибочен отзыв о цикле «Мой песенник», который Измайлов объявил «грубой подделкой» под частушки, под пошлые и безвкусные «создания фабрики и портерной».¹³

Постоянно недооценивал Измайлов историческую прозу Брюсова, не выделяя ее из потока стилизаторской литературы тех лет. Принадлежащие ему характеристики «Огненного ангела» и «Алтаря Победы» весьма поверхностны. Фантастические эффекты «Огненного ангела», по его мнению, ушли ничуть не дальше эффектов Гофмана и Матюрена,¹⁴ а в сюжете «Алтаря Победы» он не находил ничего нового по сравнению с повестями об античном мире Сенкевича и Бульвер-Литтона.¹⁵

Наиболее полную положительную оценку личности и творчества Брюсова Измайлов дал в статье «У врат горького познания. (В. Брюсов и его поэзия)»¹⁶ и в интервью «У Валерия Брюсова».¹⁷ Объединенные под общим заголовком «Валерий Брюсов», эти статьи вошли в сборник Измайлова «Литературный Олимп».¹⁸

Знакомство Измайлова с Брюсовым произошло в дни гоголевского юбилея в Москве.¹⁹ Это подтверждает надпись, сделанная Измайловым на подаренной Брюсову книге «Помрачение божков и новые кумиры»: «Искренне уважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову на добрую память об авторе, всегда благодарном светлому дню гоголевской памяти, нас соприкоснувшему. СПб., 1909, 5 октября».²⁰

¹² Измайлов А. На переломе, с. 22.

¹³ Измайлов А. Литературные заметки. — Новая иллюстрация, 1903, № 47, с. 374—375.

¹⁴ Измайлов А. На переломе, с. 22.

¹⁵ Измайлов А. Хрестоматия новой литературы. Римская повесть В. Брюсова «Алтарь Победы» и Амвросий Медиоланский в новом освещении. — Новое слово, 1912, № 1, с. 116.

¹⁶ Новое слово, 1910, № 5, с. 46—49.

¹⁷ Биржевые ведомости, 1910, № 11628, 23 марта, с. 2; № 11631, 25 марта, с. 2.

¹⁸ «Объединение этих двух фельетонов будет в книге моей о новейшей литературе — „Помрачение божков“, сейчас печатаемой Сытнимым», — писал Измайлов Брюсову (ГБЛ, ф. 386, карт. 85, № 14—15, л. 1). Судя по содержанию, письмо относится к осени 1909 г. На самом деле объединение статьи о Брюсове с интервью состоялось только в следующей книге Измайлова — «Литературный Олимп» (М., 1911, с. 373—396), причем интервью «У Валерия Брюсова» получило название «В старом доме на Цветном бульваре».

¹⁹ См.: Брюсов В. Дневники. 1891—1910. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1927, с. 142.

²⁰ Библиотека Брюсова находится в ГБЛ. Следует отметить, что на титульном листе книги Измайлова указан 1910 г., однако появилась она в продаже в конце 1909 г.

Вскоре после этого знакомства Измайлов завязал переписку с Брюсовым: «Еще раз выражаю мою радость по поводу моего знакомства с Вами», — писал он в первом своем письме. В следующем письме Измайлов просил Брюсова о встрече и о беседе. Очевидно, после этого он посетил поэта и взял у него просимое интервью. Но знакомство не привело к дружеской близости, и отношения между ними определялись чисто литературными интересами.

В архиве Измайлова сохранились 33 письма Брюсова 1910—1916 гг. (ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 44), в архиве Брюсова — 32 письма Измайлова 1909—1917 гг. (ГБЛ, ф. 386, карт. 88, № 14—15). Письма Брюсова хронологически распадаются на два цикла: 1910—1911 гг. (8 писем) и 1914—1916 гг. (25 писем).

За время трехлетнего перерыва только однажды Брюсов и Измайлов обменялись письмами: 30 декабря 1913 г. Измайлов просил Брюсова принять участие в третейском суде, который должен был состояться в Москве между ним и сыном Вс. Крестовского — Вл. В. Крестовским в связи с тем, что Измайлов вновь поднял вопрос о плагиате автора «Петербургских грощов», доказывая, что целый ряд глав романа заимствован им у Помяловского.²¹ На это письмо Брюсов ответил 12 января 1914 г. открыткой из санатория доктора Максимовича близ Риги. Выразив согласие с точкой зрения Измайлова, Брюсов, однако, отказался от его «лестного предложения», сославшись на плохое состояние здоровья.²²

В январе 1912 г. «Биржевые ведомости» поместили несколько стихотворений Брюсова, но в 1913—1914 гг. он в этой газете не печатался.²³

Переписка возобновилась и стала активной в 1915 г., когда Брюсов находился в Варшаве в качестве военного корреспондента «Русских ведомостей».

Различна тематика писем Брюсова 1910—1911 и 1915—1916 гг. В более ранних письмах поэт в основном откликался на статьи и книги Измайлова о его творчестве и делился с ним некоторыми замыслами будущих работ. В письмах 1915—1916 гг. преобладает вопрос о сотрудничестве Брюсова в «Биржевых ведомостях». Измайлов был крайне заинтересован в публикации произведений Брюсова, завоевавшего к началу 1910-х годов полное признание в литературе. Все, что присылал Брюсов в ответ на настойчиво повторявшиеся просьбы Измайлова от имени редакции газеты (большинство писем Измайлова 1915—1916 гг. — редакционные стандартные бланки с его подписью и краткими приписками), будь то стихи, рассказы или заметки, немедленно печаталось, даже в тех случаях, когда сам писатель признавал невысокое художественное качество своих произведений.²⁴

²¹ См.: Измайлов А. Быль, а не легенда. — Русское слово, 1913, № 246, 25 октября, с. 2.

²² О позиции Измайлова и Брюсова в этом вопросе, а также о третейском суде по вопросу о плагиате см. комментарий И. Г. Ямпольского к незаконченному роману Помяловского «Брат и сестра»: Помяловский Н. Г. Полн. собр. соч. М.—Л., «Academia», 1935, с. 336—341.

²³ См.: Даниелян Э. С. Библиография В. Я. Брюсова, с. 77, 89, 92.

²⁴ Так, например, 16 апреля 1916 г. Брюсов признавался, что его «совершенство мучила» за посылку стихов «среднего качества»; однако стихотво-

Брюсову, с прекращением «Весов» лишившемуся своего журнала, а после 1912 г. потерявшему также прочное положение в «Русской мысли», посредничество Измайлова открывало возможность обращения к широким читательским кругам, возможность, которую он искал в самых различных издательствах и органах печати, начиная с декадентского «Сирин» и кончая демократическим издательством К. Ф. Некрасова в Ярославле.

Из сравнительно большого числа писем Брюсова к Измайлову для публикации отобраны 9, в которых освещаются творческие интересы и литературные замыслы Брюсова, даны его оценки собственных произведений, высказаны соображения о книгах и статьях критика-фельетониста. В письмах из Варшавы содержатся также отклики на события первой мировой войны, позволяющие в какой-то мере уточнить спорный и поныне вопрос о позиции Брюсова в этот период.

Письма, не включенные в настоящую публикацию, носят преимущественно чисто деловой характер: в них перечисляются стихи, посланные Измайлову, уточняются вопросы, затронутые ранее, отмечаются допущенные опечатки и т. п. Иногда встречаются краткие сообщения о стихах и рассказах, которые Брюсов намерен написать в будущем и предложить редакции «Биржевых ведомостей» (8 ноября 1915 г.). В одном из писем упоминается посланный по просьбе Измайлова для хроники перечень новых работ Брюсова (11 декабря 1916 г.), но листок с этим перечнем утерян. Нередко Брюсов выражал свою прямую заинтересованность в прочных связях с «Биржевыми ведомостями». Так, 29 августа 1915 г. он предлагал «снова быть вкладчиком» газеты, а 3 мая 1916 г. осведомлялся, как стоит вопрос о его сотрудничестве в связи с переменами в составе редакции: уходом Измайлова из «Биржевых ведомостей» и началом его деятельности в «Петроградском листке».

За исключением третьего (от 18 мая 1910 г. — машинопись с собственноручной подписью) все публикуемые письма — автографы. Отрывки из них использованы: М. И. Дикман — о стихотворении «Завет Святослава» (из письма 8) и о переводе «Ворона» (из письма 6),²⁵ В. А. Лазаревым — об «Огненном ангеле» (из письма 1),²⁶ А. А. Козловским — о стихотворении «Утром» (из письма 3) и о стихотворениях «У омута», «Казачье станье» и др. (из письма 9).²⁷

рения «Завещание», «В цыганском таборе», «В траве» и др. были напечатаны в «Биржевых ведомостях» и в «Огоньке» (см.: Даниелян Э. С. Библиография В. Я. Брюсова, с. 113—114).

²⁵ Брюсов В. Я. Стихотворения и поэмы. Л., 1961 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 823, 851.

²⁶ Лазарев В. А. Из истории литературных отношений первой четверти двадцатого столетия. Публикация архивного материала. — Учен. зап. Московск. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1962, т. СХVI, сб. III, с. 104. То же см. в статье: Лазарев В. А. Брюсов и чехословацкая литературная жизнь 20—30-х годов. Из истории чехословацко-советских литературных взаимоотношений. — В кн.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 416).

²⁷ Брюсов В. Я. Собр. соч. в 7-ми т., т. II. М., 1973, 406, 436.

9 февраля 1910.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Прочел я недавно в «Русском Слове» Ваш фельетон, где Вы хороните «Весы» и говорите несколько «добрых» слов обо мне.¹ Хочется в ответ сказать Вам свое благодарю. К тому же я всячески в долгу перед Вами. Я еще не благодарил Вас за Вашу книгу о «божках и кумирах». Читал ее с большим любопытством. Она «больше себя», т. е. больше того, что обещает. В ней также есть строки, за которые я Вам всячески признателен.² С иным, конечно, не согласен — например, с безусловным осуждением моего «Ангела».³ Сам я мой роман люблю и утешаюсь тем, что он нравится в Германии (осенью вышел немецкий перевод).⁴ Потом должен я извиниться перед Вами, что не ответил на анкету, устроенную Вами. Но очень уж я избегаю отвечать на анкеты. В сущности способны на это лишь великие мудрецы или великие остроумцы; иначе всегда выходит в лучшем случае что-то педоговоренное, в среднем — общее место, в худшем — пошлость. Все эти три возможности вовсе меня не соблазняют и я осторожно молчу. Простите такое лукавство.⁵

Ваш Валерий Брюсов.

Письмо на бланке Общества свободной эстетики.

¹ См.: Измайлов А. Литературные беседы. — Русское слово, 1910, № 28, 5 февраля, с. 2. О журнале «Весы» в связи с прекращением издания в 1909 г. Измайлов писал: «Они возникли в самый расцвет модернизма. И вот в последний, шестой год существования они были уже пережитком старины <...> Здесь помещались талантливые вещи настоящих поэтов: чудесные стихи Брюсова, александринские песни Кузмина».

² В книге Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры» помещена статья «Хмель на руинах». В ней Измайлов, говоря о победе «новой школы», называет Брюсова среди имен, «которые наиболее помогли выведению нашей поэзии из узкого тупика» (с. 14), отмечает «умственную содержательность» его лирики и большое мастерство: «По виртуозности, мощи и прекрасной свежести стиха он спорит с Бальмонтом» (с. 23).

³ В статье «Лавочка активария» в книге «Помрачение божков и новые кумиры» «Огненный ангел» включен в число мертвенных подделок под старину. «Сколок с Мельмота-скитальца», с гофмановского «Элексира сатаны» (с. 91) — так отзывался о романе Измайлов.

⁴ См.: Brjussoff Valerius. Der feurige Engel. Erzählung aus dem sechszenten Jahrhundert. Hyperion-Verlag Hans von Weber. München, 1910. Перевод Рейнгольда фон Вальтера.

⁵ Газеты 1910-х годов развлекали обывателя ответами «знаменитостей» на многочисленные анкеты. В 1911 г. «Биржевые ведомости» (31 декабря) опубликовали анкету с заголовком «Самый счастливый день в жизни». Видимо, в связи с просьбою ответить на эту анкету 29 декабря 1911 г. Брюсов писал Измайлову на бланке «Русской мысли»: «Обычно я ни на какие анкеты не отвечаю — принципиально <...> Но для Вас

лично я охотно перечислю все важнейшее, чем я сейчас занят». Далее идет перечень: «1) Алтарь Победы, 2) Зеркало теней, 3) Энеида, 4) Амфитрион, 5) Статья об А. де Мюссе, 6) Статья о Блоке, 7) Баллада Редьярдской тюрьмы, 8) Издание Пушкина для „Деятеля“».

2

Многоуважаемый и дорогой Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за присланные статьи.¹ Прочел их с величайшим любопытством. Не считаю себя вправе их критиковать, так как они говорят обо мне. Скажу честно, что не вспомню я, чтобы кто-нибудь говорил обо мне — в печати — с таким дружеством. Может быть, то, что Вы проходите мимо слабых сторон моей поэзии и меня, как человека, и есть главный недостаток Ваших статей. Но я могу только сказать Вам самое сердечное благодарю.

Несколько фактических поправок Вы мне, однако, позвольте сделать:

I. В статье о моих стихах: я не получал никаких «лавров Французской Академии» (у Французской Академии действительно есть такой почетный значок: лавры). Вы, вероятно, спутали эти лавры с тем, что я был избран почетным членом «Международного общества мира» после приезда в Москву французских парламентариев. Но избран я был в это звание не как поэт, а как председатель московского Литературно-художественного кружка, который угощал парламентариев... Весь этот эпизод скорее комический, чем почетный для меня, и лучше об нем позабыть поскорее...²

II. В статье обо мне: 1) Немецкий критик усомнился не в том, что «Огненный Ангел» произведение современное, а в том, что роман написан русским. «Я не верю в русское происхождение автора романа, — пишет критик «Berliner-Lokal-Anzeiger» (9 янв. 1910), — ибо такое знание этой части нашей истории едва ли допустимо у иностранца». Приблизительно то же говорил критик «Baseler Nachrichten» (28 дек. 1909). — 2) Я ушел из «Весов» не по тем причинам, какие Вы излагаете от моего лица. «Пережиточная, отсталая проповедь „Весов“ в 1910 г.» явилась следствием моего из них ухода, а не причиной. Так мне, по крайней мере, кажется. — 3) Когда «одна московская газета» предложила мне давать ей дважды в месяц фельетоны, я не «отказался без колебаний», а, напротив, *согласился*. Однако, согласившись, не сумел написать ни одного фельетона; так и не представил в газету ни строки...³

Все это, конечно, пустяки, но я был бы рад, если бы Вы могли все это исправить в отдельном издании Ваших статей, которое, Вы, конечно, предпримете.⁴

Шлю Вам и прошу принять новое издание моей пресловутой речи о Гоголе.⁵

Душевно Ваш

Валерий Брюсов.

31 марта 1910.

На бланке Общества свободной эстетики.

¹ В недатированном письме 1910 г. Измайлов писал Брюсову: «Посылаю Вам сохранившийся у меня корректурный оттиск заметок о Вас. Это было помещено (только без опечаток, возможных здесь) в январской книжке „Нового слова“». Речь идет о статье «У врат горького познания»; однако Измайлов ошибался: она была напечатана не в январской, а в майской книжке «Нового слова» за 1910 г. Из письма Брюсова видно, что он познакомился также с интервью «У Валерия Брюсова», напечатанным Измайловым в «Биржевых ведомостях» (1910, 24 и 25 марта).

² Измайлов действительно ошибся. Газета «Речь» (1910, № 63, 6 марта, с. 3) в разделе «Московская хроника» сообщила: «Этурнель де Констан известил председателя Московского литературно-художественного кружка В. Брюсова, что он избран почетным членом междупарламентской группы мира». В 1889 г. в Париже возник Межпарламентский союз — международная непартийная организация, объединяющая парламентские группы членов парламента различных стран с целью посредничества между государствами. В России такая группа была создана 3-й Государственной Думой в 1909 г. На следующий год состоялась ее встреча с французскими парламентариями. В 1909 г. в Москве и Петербурге были созданы Общества мира (см.: Речь, 1909, 7 октября и 18 декабря).

³ Излагая свою беседу с Брюсовым, Измайлов приводил слова поэта: «Еще год назад я ушел из „Весов“ именно потому, что почувствовал, каким пережиточным отсталым явлением стала теперь их проповедь». И далее: «Был случай, меня довольно настойчиво просили давать фельетоны в одну газету, здесь в Москве, — я отказался без колебаний». Подметив некоторые подлинные черты личности Брюсова (большую эрудицию поэта, богатство его рабочей библиотеки), Измайлов приписал ему некое «отшельничество», обособленность от литературной суеты, неспособность к срочной газетной работе. Все это совсем не соответствует облику Брюсова-журналиста, активного участника литературных битв вокруг и внутри символизма. В спешке и в погоне за «красным словом» Измайлов нередко допускал фактические ошибки, вроде тех, на которые весьма вежливо и тактично указал ему в этом письме Брюсов. Например, в рецензии на «Алтарь Победы» Измайлов везде называет героя романа «Юний Пизон», тогда как его имя — Юний Норбан (Новое слово, 1912, № 1, с. 117).

⁴ Перепечатывая свои статьи о Брюсове в сборнике «Литературный Олимп», Измайлов действительно исправил все перечисленные Брюсовым ошибки. За указание на них он благодарил Брюсова в письме от 12 мая 1910 г.

⁵ В юбилейные дни 1909 г. Брюсов выступил с докладом о Гоголе в торжественном заседании Общества любителей российской словесности. В этом докладе, вскоре изданном под заглавием «Испепеленный. К характеристике Гоголя» (Весы, 1909, № 4, с. 98—120; отд. изд.: М., «Скорпион», 1909; изд. 2-е. М., «Скорпион», 1910), Брюсов подчеркнул гиперболизм и фантастику произведений Гоголя и по существу вывел его творчество за пределы реализма. Речь о Гоголе вызвала целую бурю откликов в прессе и множество обвинений в адрес Брюсова (см.: Да-

ниелян Э. С. Библиография Валерия Брюсова, с. 272). Был даже поставлен вопрос об исключении Брюсова из Общества любителей российской словесности. В воспоминаниях современников неоднократно говорилось о большом впечатлении, произведенном этим выступлением Брюсова (см.: Шервинский С. В. Ранние встречи с Валерием Брюсовым. — В кн.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 494; Шагинян М. С. Человек и время. — Новый мир, 1973, № 5, с. 170—172; Розанов И. Н. Встречи с Брюсовым. — В кн.: Литературное наследство, т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976, с. 767—768). Измайлову было послано второе издание речи о Гоголе (1910 г.).

3

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас и Иеронима Иеронимовича за постоянную память обо мне¹ и за присылку №№ «Нового Слова». В журнале действительно, несмотря на горестную его внешность, очень много интересного и живого.² Многое было для меня ново, так что я давно уже разрезал все №№. Это, кажется, лучшая похвала.

Очень охотно был бы Вашему журналу полезен; но не знаю, насколько мне это доступно. Я писатель не для больших кругов, и как-то всегда так случается, что во всем, что я ни напишу, есть подробности, для «большой» публики неприемлемые. Должно быть, это во мне нечто «органическое». Я уже перестал с этим и бороться.

Пока посылаю Вам одно стихотворение, которое с большим трудом выбрал из числа лежащих у меня в «портфеле».³ Так как теперь занят я писанием маленьких рассказов, то, может быть, и из них выберу один для Вас.⁴ Но, конечно, будет это не раньше осени, так как на очереди две книги, которые должен я приготовить к сентябрю.⁵

Еще раз спасибо за Ваши статьи обо мне.

Дружески Ваш

Валерий Брюсов.

18 мая 1910.

¹ Знакомство Брюсова с И. И. Ясинским (1850—1931) относится к 1898 г. Начиная с 1901 г. Брюсов печатался в журнале «Ежемесячные сочинения», издававшемся Ясинским, которому принадлежит одна из первых сочувственных статей о творчестве Брюсова — «Новый поэт. В. Брюсов. Книга новых стихов 1897—1900» (Ежемесячные сочинения, 1901, № 1, с. 35—41). «Новое слово» (Пб., 1908—1914) выходило под редакцией Ясинского. Подробнее см.: Ясинская З. И. В. Брюсов и И. Ясинский. — В кн.: Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973, с. 426—437.

² Брюсов всегда придавал очень большое значение внешнему оформлению книги. 6 ноября 1902 г. он, например, писал П. П. Перцову: «Мне сегодня во сне привиделись первые корректурные листы „Нового Пути“:

будто Вы в каждом отделе ввели особую нумерацию страниц... Ах, этого не делайте!.. Одна просьба к Вам: все подписи и под статьями, и под стихами велите набирать одинаковым, не крупным, не жирным, прямым шрифтом <...> Не надо никаких типографских украшений и заставок, общих разным изданиям» (Знамя, 1940, № 5, с. 251). В оформлении редактируемого Брюсовым журнала «Весы» участвовали известные художники: Л. Бакст, Н. Рерих, Н. Феофилактов, М. Шестеркин. Естественно, что внешний облик «Нового слова» неприятно поразил Брюсова: журнал печатался на плохой, желтоватой бумаге, украшался полустертыми, шаблонными типографскими виньетками. Внешность журнала соответствовала его содержанию: в нем преобладали плохие переводы иностранных романов. Интересными для Брюсова могли быть регулярный библиографический раздел «Новые книги», заметки «Новое о старом», а также часто появлявшиеся в «Новом слове» стихи Ф. Сологуба, А. Блока, З. Гиппиус.

³ Имеется в виду стихотворение «Утром» («Стонет старая шарманка...») (Новое слово, 1910, № 7, с. 3).

⁴ Небольшой рассказ Брюсова «За себя или за другую» был опубликован в газете «Речь» (1910, № 354, 25 декабря, с. 2—5). В «Биржевых ведомостях» рассказы Брюсова в 1910—1911 гг. не появлялись.

⁵ Брюсов был занят подготовкой второго издания своей книги «Земная ось» (М., «Скорпион», 1910) и «Собрания стихов» П. Верлена (М., «Скорпион», 1911) в своем переводе.

4

12 марта 1911.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за присылку «Олимпа»,¹ а больше того за все, сказанное в книге обо мне. Сознаю Вас, что редко кто, из писавших обо мне, доставлял мне столько *удовольствия*, как Вы этими двумя своими статьями. Я не думаю, чтобы они *вернее*, чем разные другие, изображали меня и мою поэзию. Подозреваю даже, что это вовсе *не я*, но это весьма близко к тому, чем мне *хотелось бы быть*.

Можно ли докучать Вам делами «Нового слова»? Я получил лишь 6 первых №№ за 1910 г. Не получил и № со своими стихами и не знаю даже с точностью, были ли они напечатаны.² Если да, нельзя ли прислать мне этот № (а также гонорар за стихи)? Весьма обяжали бы меня, если бы похлопотали обо всем этом. Но если Вам это затруднительно, сообщите, я обращусь прямо в контору издания.

Готов, если бы Вас, или, вернее, редакцию, это интересовало, прислать еще стихотворение: на этот раз есть «в запасе» более значительные.

Кланяйтесь от меня маститому Иерониму Иеронимовичу, которого, конечно, встречаете: всегда вспоминаю об нем с ка-

ким-то «сладким умилением»: сношения с ним — из лучших воспоминаний моей юности.

Ваш душевно
Валерий Брюсов.

Мой личный адрес:
Валерий Яковлевич Брюсов
Москва, 1 Мещанская, 32.

На бланке «Русской мысли». Адрес Брюсова — отгиск со штампа.

¹ В книге «Литературный Олимп» (М., 1911) Измайлов высоко оценил поэзию Брюсова, назвав его «выразителем современной интеллигентной души» (с. 375). Полемизируя с критикой тех лет, упрекавшей Брюсова в чрезмерном рационализме, Измайлов отстаивал своеобразие его художественной индивидуальности, его право быть «поэтом думы, а не чувства» (там же). С восхищением писал Измайлов также об историческом колорите многих стихотворений Брюсова: «Можно дать голову на отсечение, что он когда-то был римлянином и ходил по форуму» (с. 379). На подаренном Брюсову экземпляре «Литературного Олимпа» надпись: «Искренне уважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову на добрую память от одного из большинства почитателей его таланта. СПб., 11 февраля 1911» (ГБЛ, библиотека Брюсова).

² См. примеч. 3 к предыдущему письму.

5

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за добрые слова о моем Верлене. С замечаниями Вашими вполне согласен.¹ Но ведь такое дело и немислимо исполнить без тех или иных недочетов. *Feci quod potui...*²

Сейчас я весь предался Риму, именно IV веку, с времен Константина Великого до времен Феодосия Великого. Мой «Авсоний»³ только одна из длинного ряда задуманных статей. Ближайшая будет называться «Рим и мир» и будет говорить о *международных* отношениях империи (с Персией, Индией, Китаем и т. д.).⁴ В то же время пишу *роман* из той же эпохи (времена императора Грациана) — «Алтарь Победы». Печататься он будет, вероятно, в «Русской Мысли» с января 1912 г.⁵ А попутно написал маленькую лирическую трагедию «Лаодамия», на сюжет, использованный многими (в новое время — Выспяньским, Сологубом, Анненским)⁶...

Сообщаю все это потому, что Вы предлагали мне сообщать Вам время от времени о своих работах.

А «Новое слово» так и не вспомнило о моем существовании. Я уже не хлопочу о гонораре, хоть бы № прислали с моими сти-

хами! Но Вас не хочу более утруждать этими хлопотами: напишу сам при случае в редакцию.

Желаю Вам счастливого лета и доброго расположения для работы.

Ваш Валерий Брюсов.

1 Мещанская, 32
2 мая 1911.

На бланке издательства «Скорпион».

¹ В рецензии на собрание стихов П. Верлена в переводах Брюсова Измайлов отмечал полноту, с которой подобраны произведения французского поэта, и порой поразительную близость переводов к оригиналу. Вместе с тем Измайлов указывал, что Брюсову лучше удаются «стихи страсти, экстазов чувства и стлхи спокойных размышлений» и что «в пьесах глубокого уныния, беспредельной тоски он дальше от Верлена, чем Сологуб» (Русское слово, 1911, № 98, 30 апреля, с. 2).

² Брюсов привел часть известного латинского изречения: «Feci quod potui, faciant meliora potentes» — «Я сделал все, что мог, пусть кто может сделает лучше».

³ Очерк Брюсова «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония» опубликован в «Русской мысли» (1911, № 3, отд. II, с. 1—48; отд. оттиск: М., 1911, 56 с.).

⁴ В рецензии на очерк «Великий ритор» А. И. Маленин писал: «Можно только приветствовать намерение автора издать книгу „Золотой Рим. Очерки жизни и литературы IV века по Р. Х.“» (Гермес, 1911, № 9, с. 230). Но ни эта книга, ни очерк «Рим и мир» в печать не появились. Частично Брюсов реализовал свой замысел значительно позже: в 1917—1918 гг. им был прочитан лекционный курс «Рим и мир. (Падение римской империи)» в Народном университете им. А. И. Шанявского. Подробнее см.: Гаспаров М. Л. Неизданные работы В. Я. Брюсова по античной истории и культуре. — В кн.: Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973, с. 189—208.

⁵ «Алтарь Победы. Повесть IV века» печаталась в «Русской мысли» (1911, № 9, 11, 12; 1912, № 1—4). «Алтарь Победы» — дань классическим увлечениям, отзвук любви к старым книгам латинских риторов времен Авсония и преклонения перед красотой старого Рима, — писал Измайлов. Но, отдавая должное знанию эпохи и любви к ней, критик считал «Алтарь Победы» художественной компиляцией, подобной исторической трилогии Мережковского (Новое слово, 1912, № 1, с. 116—118; № 2, с. 113—116).

⁶ Пьеса появилась под названием «Протесилай умерший. Трагедия в пяти сценах с хором» (Русская мысль, 1913, № 9, с. 1—31). В ее основе — сюжет античного мифа о любви и смерти, о жене, не пережившей свидания с мертвым мужем. Миф был некогда обработан Еврипидом в трагедии «Протесилай», не дошедшей до нас. Польский драматург-классик Ст. Выспянский использовал тот же сюжет в драме «Протесилай и Лаодамия», не переведенной в России. В драматургии русского символизма, в связи с тем что антитеза «любовь и смерть» была одной из самых излюбленных тем декадентской и символистской лирики, образы Протесилая и Лаодамии ожили в новом освещении. Драма И. Анненского «Лаодамия» относится к 1906 г., пьеса Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел» — к 1907 г. К мифу о судьбе Лаодамии Брюсов обращался в своей лирике — еще в 1906 г. им было написано стихотворение «Плач Лаодамии», где уже намечалась канва сюжета. Трагедия Брюсова существенно отличается от произведений его предшественников. Современный исследо-

ватель пишет: «Трактовка мифа о Лаодамии Брюсовым на грани реализма <...> Больше чем кому-либо другому из символистов удалось Брюсову в „Протесилае умершем“ приблизиться к тому пониманию рока, который был характерен для античности» (Дукор И. Проблемы драматургии символизма. — В кн.: Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 132, 185). Следует добавить, что Брюсов тщательно воспроизвел и форму античной трагедии.

6

27 апреля (10 мая) 1915.

Варшава, Мазовецкая, д. 1, кв. 7.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Очень благодарю Вас за скорый ответ на мое письмо и за хлопоты о высылке гонорара мне, каковой (67 р. 50 к.) мною получен. Я не успел переписать «Ворона» сегодня, к часу отхода поезда, и потому Вы получите рукопись завтра. Переводом этим я очень горд: трудности были неимоверные, и я сам себе аплодировал, преодолевая их. Уверен, что по крайней мере в течение столетия, пока русский язык не видоизменится, никто не сумеет передать «Ворона» *ближе к подлиннику*, чем то сделал я.¹ Впрочем, будете судить сами, и, надеюсь, согласитесь со мной, хотя я, конечно, и предубедил Вас *против* своего перевода своим неумеренным самохвалением...

Стихи, о которых я Вам писал раньше, я не решился послать. Пересмотрел их, и стихи «военные» оказались мне неудачными, а другие — слишком сложными для газеты. Вместо них вышлю что-либо другое.

Что касается самого важного из Ваших вопросов, то пока я не могу Вам дать решительного ответа.² Я еще не осведомлен вполне о предположениях «Русских» Ведомостей». Вчера получил только телеграмму из редакции, от А. А. Мануйлова, который просит меня *дождаться его письма*. Только из этого письма я узнаю положение дел, о котором пока могу лишь догадываться. Если бы обстоятельства сложились так, что я прекратил бы свою корреспондентскую деятельность в «Русских» Ведомостях», я был бы очень рад возобновить и продолжить ее в «Биржзевых» Ведомостях». «Начав войну», мне хотелось бы довести ее до конца, и было бы досадно бросить дело на половине, видеть первые акты великой трагедии, а потом уйти из театра и быть вынужденным довольствоваться чужими рецензиями.³

Итак, рассуждая *принципиально*, я Вас очень благодарю за предложение и не считаю его неприемлемым. Но ответить на него пока не могу. Кроме того, мне во всяком случае надо побывать в скором времени в Москве, куда я выезжаю около 5—6 мая.⁴ Если наши переговоры завяжутся, я приеду лично в Петроград, где мы и обсудим «условия», зависящие очень от того, что с меня

спросят и каким фронтом мне предложат заняться. Как вы знаете, я не «алчен» относительно гонорара, но жизнь на театре войны и особенно разъезды стоят весьма дорого, — каждая большая поездка (как, например, из Варшавы в Перемышль) сотни рублей.

Дружески Вам преданный

Валерий Брюсов.

¹ В письме от 16 (29) апреля 1915 г. из Варшавы Брюсов сообщал Измайлову: «Посылаю еще три стихотворения. На днях вторично перевел „Ворона“ Эдгара По. „Русская мысль“ решила не печатать переводы, уже существующие на русском языке». Первый перевод «Ворона» был сделан Брюсовым еще в 1905 г. (Вопросы жизни, 1905, № 1, с. 187—190). Эдгар По — один из любимых писателей Брюсова, его влияние очень заметно в сборнике «Земная ось». В предисловии к первому изданию этого сборника (М., 1907) Брюсов сам признавался в этом: «Я сознаю, что в таких рассказах, как „Республика Южного креста“ или „Теперь, когда я проснулся“, слишком сильно сказывается влияние Эдгара По». Именно теперь я занимаюсь творчеством Эдгара По и собрал об нем довольно много материалов, которые для русских читателей окажутся совершенно свежими, — писал Брюсов Ф. Д. Батюшкову 27 февраля 1914 г. — Вообще мне было бы приятно параллельно со сборником моих переводов поэм Эдгара По (который я сейчас готовлю), написать об нем очерк для вашей „Истории“ (ИРЛИ, № 15027, л. 1). Очерк Брюсова «Эдгар По» появился в 3-м томе «Истории западной литературы», издаваемой под редакцией Ф. Д. Батюшкова (М., «Мир», 1914, с. 328—344). Однако «Полное собрание поэм и стихотворений» Э. По в своих переводах Брюсову удалось издать значительно позже (М.—Л., ГИЗ, 1924). В 1910-х годах заметно изменились взгляды Брюсова на проблему художественного перевода: для классических образцов мировой литературы он теперь требовал прежде всего точности (см.: Гаспаров М. Л. Путь к перепутью. Брюсов-переводчик. — В кн.: Торжественный привет. Стихи зарубежных поэтов в переводе Валерия Брюсова. М., 1977, с. 5—15). Этим объясняются вторичное обращение Брюсова к «Ворону» и его гордость близостью к подлиннику. Брюсовские переводы Эдгара По, и в частности «Ворона», действительно жили очень долго, хотя и не «в течение столетия», но примерно полвека, пока в конце 1950-х годов советская школа перевода не одержала здесь новых побед.

² 20 апреля 1915 г. Измайлов предложил Брюсову в случае сокращения штатов «Русских ведомостей» стать военным корреспондентом «Биржевых ведомостей», где «высоко оценены его статьи о войне». Сочувственный отзыв о военных очерках Брюсова принадлежал самому Измайлову. Говоря о поразительном падении уровня военной беллетристики, когда «доселе талантливые писатели стали вдруг посредственными, а посредственные ничтожными», Измайлов выделил из их числа Вас. Немировича-Данченко, А. Н. Толстого и Брюсова (Биржевые ведомости, 1915, № 14674, 16 февраля, с. 2). Но вскоре Брюсов получил письмо от редактора «Русских ведомостей», видного деятеля партии кадетов А. А. Мануйлова, и 29 апреля (12 мая) попросил Измайлова считать предварительные переговоры о возможности участия в «Биржевых ведомостях» в качестве военного корреспондента «не имеющими продолжения».

³ Использование метафоры «театр войны» очень характерно для восприятия Брюсовым событий 1914—1917 гг. С ней перекликается эпитафия из Тютчева «высоких зрелищ зритель», который предшествовал циклу военных стихов «Желтый» в брюсовском сборнике «Семь цветов радуги» (М., 1916).

⁴ Отъезд Брюсова из Варшавы в Москву состоялся позднее. 9 мая 1915 г. он писал Измайлову еще из Варшавы: «Дня через три-четыре уезжаю в Москву».

7

14 июля 1915.
Москва, 1 Мещанская, 32.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Что мое письмо о Т. Краснопольской не было напечатано, я *очень* рад, и не только потому, что у меня был назван И. И. Ясинский вместо Лескова. Написал я свое письмо в первую минуту «негодования» и потом охотно взял бы его назад. Ну, а все же поведение Татьяны более чем сомнительно!¹

Верхарн прислал мне из Бельгии две поэмы с просьбой — напечатать их (в переводе, конечно). Я должен хотя бы попытаться исполнить просьбу maître'a. Поэтому посылаю Вам перевод «Героев Льежа».² Прилагаю и оригинал, дабы Вы могли судить, в чем виноват я, а в чем — увы — сам Верхарн. Поступите, как считаете справедливым.

К большому моему огорчению, стихи у меня «не пишутся». Я много переводил, между прочим с армянского языка, который изучаю, но Вам это вряд ли интересно. Посылаю одну балладу,³ весьма умеренное достоинство которой прекрасно сознаю. Если удастся что-либо написать или доделать из написанного раньше, — обещаю выслать немедленно Вам для «Биржевых Ведомостей».

Еще раз спасибо за напечатание всех посланных стихотворений, среди которых тоже были «умеренные» по достоинствам.⁴

Дружески Вам преданный

Валерий Брюсов.

Vēnus — Venēris, следовательно Венера, а не Венэра, «Сын Венеры», а не «Венэры сын», так?⁵

¹ 27 июня 1915 г. Брюсов написал возмущенное письмо редактору журнала «Огонек» (приложение к «Биржевым ведомостям») в связи с публикацией в нем (№ 26) рассказа Т. Краснопольской «Рыцари», представлявшего собой явный плагиат. Брюсов ошибочно считал, что она воспользовалась рассказом И. И. Ясинского. В тот же день Брюсов послал свой протест и сопроводительное письмо Измайлову. Вскоре Измайлов известил Брюсова, что передал его письмо редактору «Огонька», который, однако, решил, что оно запоздало и потому помещать его не стоит. Здесь же Измайлов исправил ошибку Брюсова, сообщив ему, что в основе рассказа Краснопольской было произведение Н. С. Лескова «Интересные мужчины» (письмо без даты).

² Поэма Э. Верхарна «Герои Льежа» в переводе Брюсова появилась в «Биржевых ведомостях» (1915, № 14973, 19 июля, с. 2). Вторая поэма,

присланная Верхарном Брюсову, — очевидно, «Генерал Леман» (Русские ведомости, 1916, № 269, 20 ноября, с. 3). Верхарн — один из любимейших и творчески наиболее близких Брюсову поэтов. «Данте современности» — так называлась статья Брюсова, написанная по случаю приезда Верхарна в Россию (Литературное приложение к газете «День», 1913, № 319, 25 ноября, с. 2—3). Переводами произведений Верхарна Брюсов занимался начиная с 1895 г. и буквально «открыл» его для русского читателя. «Брюсовский Верхарн остался образцовым, его переводом занимались многие мастера и при жизни Брюсова и после его смерти, здесь было много удач и неудач, но интонация, стиль, строй всюду оставались те, которые были заданы Брюсовым» (Гаспаров М. Л. Путь к перепутью. — В кн.: Торжественный привет. М., 1977, с. 8—9). С 1906 г. Брюсов состоял в переписке с Верхарном и был одним из организаторов его приезда в Россию в 1913 г. Подробнее о личных и литературных взаимоотношениях Брюсова с Верхарном см.: Дронов В. С. Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн. — В кн.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 216—231; переписка Брюсова с Э. Верхарном опубликована Т. Г. Динесман в «Литературном наследстве» (т. 85, с. 546—621). Письмо Верхарна, о котором сообщал Брюсов Измайлову, в этой публикации отсутствует.

³ Речь идет о «Балладе воспоминаний» («На склоне лет, когда в огне...») (Биржевые ведомости, 1915, № 15001, 2 августа, с. 2).

⁴ В июне-июле 1915 г. в «Биржевых ведомостях» были напечатаны следующие стихотворения Брюсова: «Песня» («Белы воды на побережье моря...») — № 14889, 7 июня, с. 2; «Газелла. Подражание персидскому» («В ту ночь нам птицы пели...») — № 14903, 14 июня, с. 2; «Ultima Thule» («Где океан, век за веком стучась о граниты...») — № 14917, 21 июня, с. 2; «Умиравший день» («Минувший день, склоняясь готовой...») — № 14931, 28 июня, с. 2; «Что это? Пенье, славенье...» — № 14959, 12 июля, с. 2.

⁵ Последняя строфа «Баллады воспоминаний» начиналась следующими строками:

Сын Вёнеры, Амор лукавый,
Храни меня отныне ты.

Постановка ударения приобретала здесь большое значение, определяя ритм и поэтическую интонацию всей строфы.

8

1 августа 1915.
Москва, 1 Мещанская, 32.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

По разным причинам письмо к Вам у меня залежалось. Прибавлю к нему еще два стихотворения. Сначала я не хотел их печатать. Во-первых, потому, что оба они не вполне хороши: в «Заложнице» — много реторики, в «Завете Святослава» — не удалось (чего я хотел) передать манеру *старых* поэтов, пушкинской эпохи, получилась какая-то двойственность, старое смешано с новым и кажется просто несовершенным... Во-вторых, потому, что я не надеюсь, чтобы эти стихи *могли* быть напечатаны в наши дни: очень вероятно, что обстоятельства «независящие» закроют этим стихам путь в печать. Но в конце концов я рассудил то и

другое предоставить суждению Вашему и редакции. Если найдете стихи приемлемыми, — возьмите их; если сможете напечатать, — напечатайте.¹

Преданный Вам

Валерий Брюсов.

Р. С. Сирена — герб Варшавы.²

¹ Оба стихотворения были напечатаны в «Биржевых ведомостях»: «Заложница» — 1915, № 15009, 6 августа, с. 3; «Завет Святослава» — № 15015, 9 августа, с. 2.

² Герб Варшавы — сирена с поднятым мечом — упоминается в стихотворении «Заложница»: «И вот — в руках врагов заложница, Сирена польская, и ты!». 23 июля 1915 г. в Варшаву вошли немецкие войска. Позднее к стихотворению «Заложница» были добавлены еще две строфы, а заглавие заменено новым — «Чаша испытаний».

9

13 сентября 1915.

Москва, 1 Мещанская, 32.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас очень за заботы о высылке мне гонорара, который мною получен (об чем я немедленно же известил Контору «Биржевых Ведомостей»). В ответ на Ваше предложение высылаю Вам кое-какие свои стихи — что мог сейчас собрать. Говоря откровенно (я себя всегда критикую строго), стоит внимания лишь одно стихотворение, первое, — «Над омутом»; не вовсе плохо «В траве», — и это все. Военное, «Казачье становье», посылаю потому, что об таких Вы просили особенно¹ (я его было прочил в какой-то сборник Городецкого, но как-то «не собрался» отослать).² «Баллада» совсем не хороша.³ Переводы, конечно, имеют интерес только литературный, не художественный.⁴ Опять повторяю, что все эти стихи предоставляю на Ваше «усмотрение». Возьмите, что сочтете пригодным для газеты, остальное спокойно бросьте (возвращать нет надобности: все копии у меня есть). Рассказ непременно постараюсь доставить Вам и именно «военный». Ох, трудно это, — дабы не уподобиться авторам из «Лукоморья!»⁵

Дружески Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Стихи Брюсова «Над омутом» («Ветер, сумрачно пророчащий...») напечатаны в «Биржевых ведомостях» (1915, № 15099, 20 сентября, с. 2), «В траве» («Красная и синяя...») — в «Огоньке» (1916, № 15, 10 апреля, с. 16; в дальнейшем под названием «Две головки»), «На театре войны» («Отбрасывая версты, стучит автомобиль...») — в «Биржевых ведомостях»

(1915, № 15113, 27 сентября, с. 2; в дальнейшем под названием «Казачье становье»).

² Поэт Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967) был в 1915 г. участником литературных сборников «Перун» (Пг., 1915) и «Лукоморье» (Пг., 1915). Брюсов, видимо, хотел послать свое стихотворение в первый сборник.

³ Вероятно, речь идет о «Балладе воспоминаний», опубликованной в «Биржевых ведомостях» (2 августа).

⁴ Имеются в виду переводы двух армянских народных песен («Пой-мала звездочка в небе..», «Сшейте платице для милой..») и двух стихотворений А. Исаакяна («Сорванную розу ветке не вернуть..», «Безвестна, безыменна, позабыта..») (Огонек, 1915, № 40, 4 октября, с. 11).

⁵ «Лукоморье» (Пг., 1914—1917) — журнал, основанный М. А. Сувориным и отличавшийся крайне шовинистическим направлением. Сотрудники его «проповедовали милитаристские идеи, классовое единение, предрекали скорую гибель Германии как „божью кару“ <..> радовались, что с войной якобы исчезло в искусстве „социально-политическое направление“» (Вильчинский В. Литература 1914—1917 годов. — В кн.: Судьбы русского реализма начала XX века. Л., 1972, с. 238). Сотрудниками «Лукоморья» были Г. Иванов, М. Кузмин, С. Ауслендер и др.

Л. Н. АНДРЕЕВ

ПИСЬМО к А. М. ЕВЛАХОВУ

Публикация Ю. В. Бабичевой

Драматургическое наследие Леонида Андреева многообразно. Он писал бытовые и символические пьесы, выступал как зачинатель экспрессионистской драмы и был не чужд драматургического гротеска. Сам драматург проницательно относился к попыткам критики установить закономерность «поворотов» в его творчестве, заявляя, что он «никогда не останавливался на одной форме, не делал ее для себя обязательной — и вообще никогда не связывал свободы своей формой или направлением». ¹ Следует вспомнить, что в 1908 г. Андреев выступил со столь несхожими пьесами, как «Дни нашей жизни», сатирическая сценка «Любовь к ближнему» и фантазмагория «Черные маски».

Андреев высоко ценил свою драму «Черные маски», но критика не приняла ее, разноречиво истолковывая при этом андреевскую символику. Как бы предвидя это, драматург сам дал первоначальное истолкование своих символов. В повести «Мои записки», предварившей появление драмы, говорилось: «замок — это душа; господин — это человек, властитель своей души; странные маски — это те силы, которые действуют в душе человека и в таинственное существо которых он не может проникнуть никогда». ² Критика же увидела в андреевской пьесе и изображение души современного человека, живущего «в лесу виселиц», и воспроизведение души человека «вообще», и раскрытие, самовыражение личности самого автора.

Не менее горячие споры возникли семь лет спустя, когда Андреев выступил с новой пьесой — «Тот, кто получает пощечины», прошедшей в разных интерпретациях на сценах Московского драматического (премьера состоялась 27 октября 1915 г.) и Александринского (премьера — 2 фев-

---

¹ Литературное наследство, т. 72. М., 1965, с. 540.

² Андреев Л. Полн. собр. соч., т. 3. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1913, с. 223.

раля 1916 г.) театров. Символическая двуплановость пьесы вызывала и двуплановость ее истолкования.

Ф. Сологуб писал об Андрееве как творце нового мифа. Я. Львов счел пьесу сказкой о заблудившихся в дебрях христианства прекрасных языческих богах. С. Кармин уловил в ней «жуткое предчувствие над-жизненных мистических сил».³

Критики, воспринимавшие «Тота» как современную драму, также разошлись в ее трактовке. Одни рассматривали ее как произведение социально-бытового плана с резко выраженной антибуржуазностью;⁴ других привлек обобщенно-философский смысл пьесы.⁵ Известный театральный критик А. Кугель дал отрицательный отзыв о пьесе, утверждая, что это «чистая литература», ее «мораль просто гнусна своей самонадеянностью», а идея «с большими претензиями и совсем махонькими осуществлениями».⁶

Некоторые критики уловили в какой-то мере связь новой драмы с «Черными масками». Так, родство их, хотя и вскользь, отметил друг Андреева, критик С. Глаголь (С. С. Голоушев). «„Тот“ Леонида Андреева, — писал он, — это маскарад, но маскарад, где маска у каждого срослась с кожей».⁷ Несколько позже на это родство указал А. М. Евлахов.⁸

Публикуемое письмо Л. Андреева, хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 680), является ответом на письмо А. М. Евлахова, вызванное следующими обстоятельствами. 15 января 1916 г. в Ростове-на-Дону состоялась постановка пьесы «Тот, кто получает пощечины». Спектакль не имел успеха и более не возобновлялся. 17 января Евлахов, профессор Варшавского университета (в связи с первой мировой войной университет переехал в Ростов-на-Дону), выступил с публичной лекцией о пьесе. Он истолковал ее как вечно повторяющуюся трагедию высокой творческой мысли в практическом мире. Основная идея лекции Евлахова заключалась в утверждении, что герои пьесы, Тот и Господин, — двойники, связанные друг с другом фатально: творческая мысль не мо-

³ Сологуб Ф. Мечтатель о театре. — Театр и искусство, 1916, № 1, с. 11—15; Львов Я. О Психее и заблудших богах. — Рампа и жизнь, 1915, № 44, с. 8—9; Кармин С. «Тот, кто получает пощечины». — Там же, с. 8.

⁴ Ганжулевич Т. Книжные ценности. (Новый альманах «Шповника»). — Журнал журналов, 1916, № 14, с. 10.

⁵ Россов Н. Идея и форма. — Театральная жизнь, 1916, № 4.

⁶ Ното повус [Кугель А.]. Заметки. — Театр и искусство, 1915, № 49, с. 927—931.

⁷ См. в кн.: Андреев Л. Пьесы. М., 1959, с. 582.

⁸ Евлахов Александр Михайлович (1880—1966) — литературовед и психиатр. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1899—1903) и медицинский Азербайджанского университета (1920—1925). Автор сборника стихов «Песни минуты» (Варшава, 1915) и ряда работ по истории и теории литературы. Профессор романо-германской филологии. С 1908 г. преподавал в ряде университетов (Петербургском, Киевском, Донском и др.). С 1928 г. работал врачом-психиатром в Баку, Ташкенте, Ленинграде. Преподавал психологию и судебную психиатрию. В последние годы жизни заведовал кафедрой иностранных языков в Консерватории в Ленинграде.

жет жить непознанной и неувоенной, а в процессе познания и популяризации она неизменно опопляется. Ту же роковую связь Евлахов устанавливал между Консуэлой (Красотой) и Бароном (осквернителем Красоты). В качестве критерия оценки художественного дарования Андреева Евлахов выдвигал понятие «емкость», близкое в его истолковании понятию «символизм».

Неумеренные похвалы Евлахова и спорность его трактовки творчества Андреева вызвали своеобразный ответ. В газете «Приазовский край» (1916, № 16, 18 января) появился ядовитый фельетон Аркадия Счастливецова «Театральный разъезд. (Подражание Гоголю)». В нем предлагалось несколько заведомо нелепых истолкований «загадочной» пьесы, в том числе с намеком на Евлахова: Тот — это профессора Варшавского университета, Консуэла — университет, а барон Реньяр — город Ростов.

26 января «Приазовский край» (№ 24) опубликовал «Беседу с Федором Сологубом». Только что напечатавший статью об андреевской пьесе писатель оспаривал концепцию Евлахова, настаивая на том, что пьеса «Тот, кто получает пощечины» — мифологическая легенда об освобождении Психеи: «Консуэла — человеческая душа, которую „Тот“ освобождает смертью от пошлости».

Евлахов не сложил оружия. В том же «Приазовском крае» (№ 55 и 56 от 28 и 29 января) была опубликована его статья о пьесе с примечанием редакции, указавшей, что это изложение лекции профессора, прочитанной им в Ростове и Новочеркасске. Затем Евлахов издал данный текст отдельно.⁹

Возникшие споры вызвали у Евлахова желание ознакомить Л. Н. Андреева со своей трактовкой пьесы и узнать его мнение о ней.

Брошюра Евлахова была замечена театральными критиками. В статье «Тот, кто понимает» А. Кугель (под псевдонимом «А. Туманский») призывал защитить Андреева от «мелко плавающего, хотя и „емко“ объясняющего профессора Тота, который понимает».¹⁰ Однако сам Андреев считал трактовку своей пьесы Евлаховым наиболее отвечающей авторскому замыслу.

Многоуважаемый Александр Михайлович!

Ваше письмо застало меня как раз в ту пору, когда я был совсем болен и не в силах написать даже строчку. Теперь, после двух месяцев пребывания в лечебнице,¹ я немного оправился, хотя до настоящего здоровья еще далеко и о работе не может быть и речи.

Скажу откровенно, что Ваше письмо доставило мне большую радость. Мне так редко приходится встречать понимание моих вещей, их смысл и мои намерения так дико перевираются, что правильный подход Ваш к толкованию «Тота» представляется исключительным. И особенно порадовало меня отношение Ваше

⁹ Евлахов А. М. Кто получает пощечины в новой драме Л. Андреева. Ростов-на-Дону, 1916, 24 с.

¹⁰ Театр и искусство, 1916, № 24, с. 487.

к «Черным маскам», имя которых в общей критике стало нарицательным для обозначения моей «запутанной символики». Для меня лично «Черные маски» — самое значительное из моих произведений, самое близкое и душевно дорогое (при очень многих формальных недостатках исполнения). Но когда я говорю это, добрые люди смеются — Вы же, столь далекий от меня, чутко поняли это; больше того: поняв правильно Лоренцо, Вы смело и с тем же глубоким пониманием перекинули мост от него к далекому, казалось бы, и непохожему Тоту.

Конечно, они родственны: по духу своему, устремленному горé и связанному землей, по миру фантомов, в котором живут, по источнику страданий, из которого пьют оба. Лоренцо выше, невиннее и чище, нежели отяжелевший и приземлившийся Тот; Лоренцо парит там, где Тот ползет по земле, — но пути их параллельны и цель одна.

Я не знаю, была ли напечатана Ваша лекция или нет. Но если она существует в печати, я был бы рад получить ее от Вас и точнее познакомиться с ее содержанием. Пробыв два месяца в лечебнице, я, наконец, возвращаюсь домой и адрес мой: Финляндия, Териоки, Л. Н. Андрееву.

Крепко жму Вашу руку и очень жалею, что все еще продолжающееся нездоровье не позволяет мне написать Вам столько и так, как хотелось бы. Большое спасибо за радость.

Леонид Андреев.

6 апреля 1916 г., Петроград.

Публикуемое письмо является ответом на неизвестное нам письмо А. М. Евлахова, смысл которого, видимо, идентичен смыслу опубликованной лекции адресата. Судя по письму Андреева, Евлахов высказал в своем письме мысль о близости пьес «Тот, кто получает пощечины» и «Черные маски». В его лекции данная мысль отсутствует.

Узнав об обмене письмами, редакция «Приазовского края» обратилась к Евлахову с просьбой ознакомить читателей с ответом драматурга. 1 мая в газете (№ 114) появилась заметка «Письмо Леонида Андреева», в которой говорилось, что профессор Евлахов получил письмо от Андреева «в ответ на свое, к которому была приложена газетная вырезка с изложением прочитанной лекции. Профессора занимал вопрос, в какой мере он правильно воспринял и истолковал перед своей аудиторией последнее произведение знаменитого писателя». Далее приводился отрывок из публикуемого письма. Эта же выдержка была опубликована А. М. Лининым в статье «Neuere Forschungen über Leonid Andrejev. — Zeitschrift für Slavische Philologie, 1931, № VIII. Со сноскою на статью Линина выдержка из письма цитировалась в кн.: Woodward J. Leonid Andrejev. A Study. Oxford, 1969, p. 211, 214—215.

¹ В феврале—марте 1916 г. Л. Андреев лечился в клинике доктора Л. Абрамова (Петроград, Тверская, д. 10). В первой половине февраля он писал брату Андрею: «Пробуду в больнице не менее 1½ месяца» (ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 4, л. 73 об.). 7 апреля он сообщил Б. Л. Садовскому: «Сейчас я уезжаю домой» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, № 17, л. 1—2) — и А. А. Измайлову: «Уезжаю домой, мало вообще поправившись» (ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 10, л. 50).

О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ

ПИСЬМО к В. М. САЯНОВУ

Публикация С. С. Гречишкина

Эпистолярное наследие Осипа Эмильевича Мандельштама (1891—1938) еще не собрано и не изучено. Между тем в письмах поэта, хранящихся в государственных архивах и в частных собраниях, содержится немало сведений о его жизненной и творческой биографии, которые окажут будущим исследователям неоценимую помощь в осмыслении дарования О. Э. Мандельштама.

Публикуемое письмо к поэту, прозаику и критику Виссариону Михайловичу Саянову (1903—1959) относится к началу сотрудничества Мандельштама в газете «Московский комсомолец».¹ По словам вдовы поэта, Н. Я. Мандельштам, в конце 1929—начале 1930 г. он принимал деятельное участие в работе этой газеты.

В передовой статье первого номера газеты говорилось: «С первого же дня своего существования „Московский комсомолец“ должен стать во главе руководства классовой борьбой, которую ведет рабоче-крестьянская молодежь Московской области, во главе классового воспитания масс». В том же номере был напечатан «наказ комсомольца тов. Виноградова», считавшего, что «газета должна иметь литературную страничку, которая, уделяя место творчеству молодежи, систематически рекомендовала бы вышедшие книги. На этой же страничке должны происходить споры по различным вопросам литературы».

«Литературную страничку» газеты и курировал Мандельштам. Первая из них появилась 5 сентября (№ 4), последняя, седьмая, — 17 октября (№ 40).² Здесь печатались стихи С. Кирсанова, И. Сельвинского, А. Безы-

¹ Первый номер газеты вышел в свет в воскресенье, 1 сентября 1929 г. Поэтому ошибочно утверждение, будто Мандельштам «с начала двадцатых годов <...> активно сотрудничал в газете „Московский комсомолец“» (см.: Дымшиц А. Поэзия Осипа Мандельштама. — В кн.: Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1974 (Б-ка поэта. Большая серия. Изд. 2-е), с. 54).

² С 22 октября 1929 г. (№ 44) газета стала выходить в уменьшенном формате. «Литературная страница» прекратилась, хотя «Московский

менского, Я. Купалы (в переводе Э. Багрицкого), В. Гусева, В. Соловьева, А. Алексеева-Гая, П. Панченко, С. Олендера, И. Пулькина, Я. Шведова и др.; проза К. Финна, Б. Кушнера, В. Шумикова, Н. Филиппова, А. Явича, С. Гехта, Ф. Малова; критические заметки и рецензии А. Тарасенкова, А. Селивановского, М. Колосова, А. Рябинина, Е. Трощенко. О. Литовского и др.

В этом разделе газеты (3 октября 1929 г., № 28) Мандельштам опубликовал в своем переводе стихотворение немецкого социал-демократического поэта Макса Бартеля³ и «Письмо тов. Кочину» — рецензию на роман Н. Кочина „Девки“, вышедший отдельной книгой в изд-ве „Федерация“ (речь идет о первой книге романа). «Письмо» содержит суждения Мандельштама о «крестьянской литературе» 1920-х годов, о ее своеобразии, удачах и просчетах. В целом положительно отзываясь о романе Н. И. Кочина, Мандельштам указывает и на его недостатки, попутно высказываясь о «деревенской теме» в творчестве Чехова и Бунина: «У тебя, я сказал бы, какой-то зоологический подход к мужику или девке, как к любопытной и близкой тебе стихии <...> Я возвышаю свой голос против такого зоологического изображения крестьян. Это не наш подход. Мы знали мужикобоязнь, например у Бунина, но для нас гораздо ценнее и интереснее подход к деревне Чехова. Чехов одинаково бесстрашно, спокойно и тщательно изображает врача, инженера и личность крестьянина. Между тем тебя, тов. Кочин, интересует темное крестьянское нутро, только стихийная и полуживотная жизнь, которую ты показываешь мастерски. Как только ты переходишь к другим темам, перо твое сразу слабеет».

За несколько дней до выхода первого номера газеты Мандельштам, искавший в конце 1920-х годов контактов с современностью,⁴ обратился с письмом к В. Саянову — молодому, но уже снискавшему известность комсомольскому поэту. К этому времени у Саянова вышли три сборника стихотворений,⁵ поэма,⁶ три критические работы,⁷ замеченные читателями и вызвавшие полемику в печати.⁸

Примечательно, что Саянов в 1920-е годы пережил увлечение поэзией начала XX в., в частности акмеистской. Позднее он сам вспоминал об этом: «Когда я оглядываю пройденный путь, я с особенной ясностью

комсомолец» из номера в номер продолжал печатать стихи и отрывки художественной прозы.

³ См. также другие переводы: Бартель М. Завоеюем мир. Избранные стихи. Пер. с немецкого О. Э. Мандельштама. Л.—М., 1925.

⁴ См., например, его ответ на анкету «Советский писатель и Октябрь»: Читатель и писатель, 1928, № 46.

⁵ «Фартовые года. Стихотворения» (М., 1926; изд. 2-е. Л., 1927), «Комсомольские стихи» (М., 1928) и «Современники. Избранные стихи» (Л., 1929).

⁶ Саянов В. Картонажная Америка. Поэма. Л., 1929.

⁷ «Современные литературные группировки» (Л., 1928), «От классиков к современности» (Л., 1929) и «Очерки по истории русской поэзии XX века» (Л., 1929).

⁸ См. подробнее: Абрамкин В., Лурье А. Творчество Виссариона Саянова. Л., 1959, с. 23—47; Хренков Д. Виссарион Саянов. Путь поэта. Л., 1975, с. 37—53.

чувствую, что на меня на протяжении ряда лет давили традиции старой поэзии, конкретнее говоря — футуристические и особенно акмеистические традиции». ⁹ Саянов не прошел и мимо стихов Мандельштама.

Мандельштам пригласил Саянова творчески и организационно участвовать в «Московском комсомольце», надеясь с его помощью привлечь в газету и других молодых поэтов города своей юности. В письме изложена программа не только поэтического отдела газеты, но, по-видимому, и литературного кружка, работавшего при редакции «Московского комсомольца».

Письмо О. Э. Мандельштама, машинопись на бланке редакции газеты «Московский комсомолец», хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома АН СССР в фонде В. М. Саянова (ф. 597). Письмо частично опубликовано в кн.: Хренков Д. Виссарион Саянов, с. 75—76.

24 августа 1929 г.

Дорогой товарищ Саянов!

Пишу вам в подкрепление телефонного звонка. «Московский Комсомолец» широко развертывает литературный отдел. Нам необходимо тесное сотрудничество с ленинградской молодежью. Вы знаете ее лучше, чем кто-либо. К вам настоятельная просьба: подбирайте материал и шлите его на адрес редакции. Я всецело полагаюсь на ваш выбор и все, что вы возьмете у авторов, они могут считать принятым.

Если вас не затруднит, переговорите с Тихоновым. ¹ Ваши стихи и его нам необходимы, кроме того необходима проза Тихонова. Ведя борьбу со всякого рода цеховщиной и варкой в собственном соку, мы сразу берем установку на культурный подъем. Комсомольский литературный молодежь нуждается в старших союзниках. Нельзя предоставлять его собственным силам. Я не представляю себе, чтобы вы не откликнулись немедленно на наш призыв.

Еще одна просьба: вы отказались по телефону взять неблагодарное дело распределения денег. Гонорар можно высылать и непосредственно из Москвы. Но если б вы указали в Ленинграде человека, способного взять на себя материальную часть, мы бы перевели в его распоряжение сумму в отделение издательства «Рабочая Москва». ²

Собираюсь написать вам частное письмо. ³

С приветом О. Мандельштам.

¹ Имеется в виду поэт Николай Семенович Тихонов (1896—1979).

² Имеется в виду газетно-журнальное издательство, где печатался «Московский комсомолец».

³ В архиве В. М. Саянова такого письма нет.

⁹ Саянов В. Поэты великого идеологического наступления. — Звезда, 1949, № 3, с. 201.

ВИРЖИНИ АНСЕЛО

ПИСЬМА к А. И. ТУРГЕНЕВУ

Публикация П. Р. Заборова

Среди парижских друзей и знакомых Александра Ивановича Тургенева¹ одно из видных мест принадлежит писательской чете Ансело. Жак-Арсен-Франсуа-Поликарп Ансело (1794—1854) являлся довольно известным в свое время драматургом; Маргарита-Луиза-Виржини Ансело (1792—1875) была драматургом и романпсткой, а также хозяйкой знаменитого литературного салона.²

Посетителями этого салона были выдающиеся писатели, критики, художники, политические деятели: достаточно назвать, например, такие имена, как В. Гюго, А. де Вьньи, Стендаль, П. Мериме, Ф. Шаль, Э. Делакруа, Ф. Гизо, А. де Токвиль. Нередко появлялись там и русские люди (в 1826 г. Ансело побывали в России и в дальнейшем обнаруживали к ней неизменный интерес).³ В их числе Э. П. Мещерский, С. А. Соболевский, Андрей Н. Карамзин, П. А. Вяземский. Но особенно долго и часто салон Ансело посещал Тургенев. Знакомство их началось у художника Ф. Жерара в середине февраля 1830 г., а 2 марта Тургенев впервые отметил в дневнике: «Вечер <...> у Ансело».⁴ С тех пор он бывал там, когда находился в Париже, постоянно на протяжении многих лет, почти до конца своей жизни.

Общенье с Ансело в значительной мере способствовало литературным и театральным интересам Тургенева: у них он сблизился с Мериме⁵

¹ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 258—275; Ежегодник... на 1977 год. Л., 1979, с. 235—248.

² См.: Bertant J. L'époque romantique. Paris, 1947, p. 101—102.

³ Русским впечатлениям была посвящена книга Ж. Ансело «Полгода в России» (1827). О ней см.: Корбе Ш. Из истории русско-французских литературных связей в первой трети XIX в. — В кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, с. 213—215.

⁴ ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 92.

⁵ См.: Виноградов А. К. Мериме в письмах к Дубенской. М., 1937, с. 16—18.

и Стендалем,⁶ у них встречался с прославленной трагической актрисой Рашель, вместе с ними присутствовал на премьерах их пьес. Со своей стороны, он приобщал их к русской литературе, а подчас знакомил и с новинками французской. Блестящий собеседник, он служил одним из лучших украшений салона. «Как умел он ценить анекдот, острогу», — вспоминала на склоне лет В. Ансело, одновременно восхищаясь неуемной энергией и неутомимой любознательностью «этого милого г. Тургенева».⁷

Контакты Тургенева с Ансело получили освещение в ряде его печатных корреспонденций⁸ и в опубликованной переписке.⁹ Однако несравненно полнее отразились они в материалах неизданных — в его дневнике, записных книжках, а также в письмах к нему Виржини Ансело. Письма эти дают весьма отчетливое представление об их отношениях — неизменно дружеских, основанных на взаимном интересе, уважении, расположении и в какой-то степени на общности литературно-художественных вкусов.

В архиве А. И. Тургенева сохранилось 21 письмо к нему В. Ансело (ф. 309, № 3808, 3809, 3473). Из них далее публикуются 12, относящиеся к разным годам пребывания Тургенева в Париже и различные по своему характеру: это и лаконичные приглашения на очередной прием или спектакль, и дружеские излияния, и пространные рассуждения на литературные и иные темы. О письмах Тургенева к Ансело ничего не известно.

1

«Février, 1830».

Je n'ai pas oublié que Monsieur Tourguéneff m'avait chargé de demander quelques instants à M. Mérimée, et comme je le prévoyais M. Mérimée est tout à ses ordres; le jour qu'il conviendra à Monsieur Tourguéneff il ira le trouver ou l'attendra.

Nous l'avons beaucoup regretté hier au soir chez M. Gérard, et si le projet de Monsieur Tourguéneff est de nous abandonner, je ne lui pardonnerai pas d'avoir voulu faire connaissance avec moi. Il y a des geus qu'il ne faut jamais voir ou jamais quitter.

V. A.

Monsieur Tourguéneff, <rue de> Richelieu, 63. Paris.

⁶ См.: Мюллер-Кочеткова Т. В. Стендаль по материалам архива А. И. Тургенева. — Учен. зап. Латв. гос. ун-та, 1972, т. 174, с. 118—134.

⁷ Ancelot V. Un salon de Paris. 1824 à 1864. Paris, 1866, p. 96—98.

⁸ См.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.—Л., 1964, с. 72, 127, 134, 149, 223, 277.

⁹ См.: Остафьевский архив князей Вяземских, т. 3. СПб., 1899, с. 186; т. 4. СПб., 1899, с. 35—36, 49, 52, 54, 65, 144.

Я не забыла, что господин Тургенев поручил мне испросить для него несколько минут у г. Мериме, и, как я это и предвидела, г. Мериме весь к его услугам; в тот день, который устроит господина Тургенева, он посетит его или будет ждать.

Мы весьма сожалели, что господина Тургенева не было вчера вечером у г. Жерара, и если он действительно намерен нас покинуть, я не прошу ему, что он пожелал со мной познакомиться. Существуют люди, которых или не следует покидать или уж лучше вовсе не встречать.

В. А.

Милостивому государю господину Тургеневу, улица Ришелье, 63. Париж.

Содержание письма позволяет отнести его ко второй половине февраля 1830 г.: в это время Тургенев был уже знаком с Ансело, но еще не начал посещать их салон; с другой стороны, в связи с хлопотами о помиловании брата, Н. И. Тургенева, видного участника декабристского движения, заочно приговоренного к смертной казни, Тургенев собирался тогда в Россию (см., например: ф. 309, № 312, л. 174, 190 об., 191). О Жераре см. примеч. 5 к письму Э.

2

«1830»

Je n'impose pas mon amitié, Monsieur, mais je constate que ce n'est pas moi qui oublie!

Si je prends bien vite pour règle de ma conduite cette maxime que j'aime *qu'il ne faut pas laisser croître l'herbe sur le chemin de l'amitié*,¹ c'est qu'il me semble à l'intérêt que je prends à vos inquiétudes et à vos chagrins² et au plaisir que je trouve à votre société que notre connaissance date déjà de loin.

Je crois que les relations qui ont en même temps ce qui convient au coeur et à l'esprit sont rares et je ne veux pas les perdre par une faute! Ne vous étonnez donc pas si une pauvre malade se rappelle à votre souvenir.

Virginie Ancelot.

Monsieur Monsieur Tourguéneff. Rue de Richelieu, n° 63.

Я не навязываю своей дружбы, милостивый государь, но свидетельствую, что забываю друзей не я!

Если основным правилом своего поведения по отношению к вам я без колебаний избрала мое любимое изречение: *дорога дружбы не должна зарастать травой*,¹ то лишь потому, что мое сочувствие вашим

волнениям и горестям,² а также удовольствие, которое доставляет мне ваше общество, позволяют мне считать, что знакомы мы с вами уже давно.

Я полагаю, что сердечная и одновременно дуловная близость встречается редко, и не хочу лишиться ее по оплошности! Не удивляйтесь же, если бедная больная напоминает вам о себе.

Виржини Ансело

Милостивому государю господину Тургеневу. Улица Ришелье, 63.

Содержание письма позволяет отнести его к весне 1830 г., по всей вероятности — к апрелю или маю: в это время Тургенев был озабочен составлением очередной оправдательной записки в связи с делом брага (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. с. 235—236) и бывал в салоне Ансело сравнительно редко.

¹ То же изречение (со ссылкой на «одного арабского поэта») В. Ансело приводит в письме к Стендалю от 8 февраля 1829 г. (*Stendhal. Correspondance*, t. II. Paris, 1967, p. 837).

² Основной причиной этих «волнений и горестей» Тургенева была судьба брата.

3

<7 juin 1830>.

M-me Ancelot prie Monsieur de Tourguénéff de ne pas oublier mardi prochain 8 juin. Nous devons faire nos adieux à M. Mérimée, et pour nous consoler du départ d'un aimable ami, il faut bien voir rassemblés ceux qui nous restent.

V.

Lundi.

Monsieur de Tourguénéff, rue de Richelieu, n° 63, hôtel de Lillois. Paris.

Перевод:

<7 июня 1830>.

Г-жа Ансело просит господина Тургенева не позабыть о ближайшем вторникe 8 июня. Нам предстоит проститься с г. Мериме, и, чтобы утешиться в связи с отъездом одного из дорогих друзей, необходимо собрать вместе тех, кто с нами остается.

В.

Понедельник.

Господину Тургеневу, улица Ришелье, 63, отель Лиллуа. Париж.

Письмо факсимильно воспроизведено в кн.: Виноградов А. К. Мериме в письмах к Дубенской, с. 88—89. Перевод помещен в кн.: Виноградов А. К. Избр. произв., т. 2. М., 1960, с. 321.

Дата письма — 7 июня — установлена по почтовому штемпелю, а также по записи Тургенева в дневнике от 7 июня: «Mad. Ancelot приглашает на прощальный вечер с Мериме» (ф. 309, № 308, л. 108). На другой день Тургенев записал: «У <...> Ансело — ужин в честь Мериме. разговор о путешествии в Гиппанию» (там же). Отъезд Мериме в Испанию состоялся лишь 27 июня 1830 г. (см.: Mérimée P. Correspondance générale, t. I. Paris, 1941, p. 69).

4

Mardi. <3 novembre 1835>.

Voici, Monsieur, la loge que je vous ai offerte l'autre jour afin que vous puissiez voir la toute petite pièce dont la 1-re représentation a lieu demain mercredi au Théâtre-Français.

Savez-vous que je vous ai fait une confidence que mes plus intimes seuls ont reçue et que le public ne doit jamais savoir — à moins que la faiblesse de l'ouvrage ne trahisse une main féminine.

Puissiez-vous n'avoir par l'ennui d'une mauvaise pièce et d'une mauvaise réussite; je vous demande même en ce cas indulgence et amitié. Cela console de tout.

Virginie Ancelot.

Перевод:

Вторник. <3 ноября 1835>.

Вот, милостивый государь, ложа, которую я предложила вам на днях, дабы вы могли увидеть пьеску, 1-е представление которой состоится завтра, в среду, во Французском театре.

Известно ли вам, что я призналась вам в том, что открыла лишь самым близким и что никогда не должно дойти до публики — разве что слабость сочинения выдаст женский почерк.

Только бы вам не пришлось увидеть скверную пьесу и стать свидетелем провала; но даже и в этом случае я взываю к вашей снисходительности и дружбе. Это служит утешением всегда.

Виржини Ансело.

Письмо датируется 3 ноября 1835 г. по содержанию. В среду 4 ноября во Французском театре состоялось первое представление одноактной комедии В. Ансело «Брак по рассудку» («Un mariage raisonnable»), причем автором значился ее муж. Предварительное приглашение на этот спектакль было доставлено Тургеневу еще 30 октября (см.: ф. 309, № 305, л. 142 об.), а 4 ноября он записал в своем дневнике: «...получил милую записочку от М-ме Ancelot, с билетом на ложу в театр, где — между нами будет сказано — играют ее пьесу» (там же, л. 144). Далее сообщается, что после обеда он был в театре и видел «Брак по рассудку».

Paris. 19 février <1837>.

Comment, Monsieur, vous avez la bonté de penser encore aux habitans de la rue de Joubert?¹ et de vous occuper de leurs plaisirs? Voilà une belle boîte de thé qui m'arrive en votre nom et qui me prouve le plus aimable souvenir. Tout cela est bien bon, mais votre retour serait bien mieux encore,² est-ce que nous n'aurons pas cette joie? est-ce que cette table où nous prendrons le thé ne verra pas un de ses convives les plus spirituels et les plus agréables à la maîtresse de la maison?

Souvent nous parlons de vous, Monsieur, et maintenant que M. Soboleski³ est ici et que j'ai reçu M. Karamsine,⁴ nous vous désirons bien au milieu de nous. Pourtant si vous aviez été ici, vous auriez partagé un chagrin très grand qu'a éprouvé notre société, c'est la perte de Gérard:⁵ ce grand artiste, homme d'un si grand esprit mort à 66 ans après six années tristes et cruelles, car il avait pris la vie en mélancolie depuis cette époque, son talent inconnu par les jeunes peintres, d'amères critiques et quelques-unes de ces injustices auxquelles le public est si sujet et les artistes si sensibles ont avancé sa fin. Je l'ai beaucoup regretté, sa maison était presque la seule où j'eusse vraiment du plaisir à me trouver souvent et qui se composa de gens de tous pays, de tous rangs, de manière à présenter des observations très variées, mais le plaisir de ses réunions, quelque regret qu'il me cause, était bien loin pour moi de l'intérêt que j'attachais à sa personne. Il y a si peu de gens qui joignent comme lui une grande élévation d'idée à un esprit très supérieur que toute perte en ce genre est irréparable.

Je vois toujours notre ami Koreff et sa petite femme⁶ qui est en train de lui donner un héritier. Ce dont il a l'air tout embarrassé et tout singulier.

Du reste je ne puis vous dire aucune nouvelle que les journaux n'aient portée déjà jusqu'à vous. Il n'y a guère que ce qui se passe au coin du feu qui ne soit pas de leur compétence et encore! je me bornerai donc et à vous assurer de mon amitié et de ma reconnaissance pour le souvenir de la vôtre, et à vous annoncer un exemplaire de «Marie».⁷ J'en ai fait tirer vingt avec une préface qui n'existe pas dans les exemplaires qui se vendent et que j'ai donné à mes seuls amis afin qu'il y ait une petite particularité pour eux. C'est un de ceux-là que je veux que vous ayez.

Cette lettre commencée depuis plusieurs jours ayant été retardée, je reçois avant de l'envoyer les deux affiches russe et française que M. d'Archiac m'apporte de votre part.⁸ Merci, merci mille fois... de cette bonne attention. Pourvu que la pièce fasse plaisir! qu'on en soit content! oh! j'y pense beaucoup. Au reste je suis ou

je serai jouée dans toutes les grandes villes d'Europe; mais je tiens plus à l'opinion de cette élégante société russe qu'à toute autre.

Vous pensez que je sympathise bien à vos regrets pour la mort de M. Pouchkine dont connu et admiré plusieurs ouvrages.⁹ La mort, l'absence, tout cela est triste et pourtant compose la vie.

Au revoir, Monsieur, pour ne pas dire ce vilain mot «adieu» plus laid encore de si loin.

Virginie Ancelot.

P. S. Si la traduction russe de «Marie» était imprimée, je serais bien heureuse d'en avoir un exemplaire.

Перевод:

Париж. 19 февраля <1837>.

Как, милостивый государь, вы столь любезны, что помните еще обитателей улицы Жубер?¹ и склонны заботиться об их удовольствиях? Предо мной прелестная коробка чая, которая послана мне от вашего имени и свидетельствует о самом добром ко мне отношении. Все это прекрасно, но ваше возвращение предпочтительнее.² Уготована ли нам эта радость? Появится ли за столом, где мы будем пить этот чай, один из самых остроумных и приятных хозяек дома гостей?

Мы нередко говорим о вас, милостивый государь, а теперь, когда здесь находится г. Соболевский³ и меня посетил г. Карамзин,⁴ мы очень хотели бы, чтобы и вы были среди нас. Правда, будь вы здесь, вам пришлось бы разделить огромное горе, поразившее весь наш дружеский круг. Речь идет о потере Жерара.⁵ Этот большой художник и умнейший человек скончался в возрасте 66 лет, после шести лет тоски и страданий, ибо все эти годы он пребывал в меланхолии. Молодые художники его не признавали, критика отзывалась о нем язвительно, публика обнаруживала несправедливость, к чему она так склонна, а художники так чувствительны, — и все это ускорило его конец. Я очень о нем скорблю: дом его был едва ли не единственным, где я действительно с удовольствием часто бывала и где собирались люди разных стран, разных положений и самых разных мнений; но как мне ни жаль этих столь приятных собраний, несравненно больше привлекала меня его личность. Существует столь мало людей, сочетающих, подобно ему, необычайную возвышенность мыслей с исключительным умом, что любая такая потеря невозможна.

Я постоянно вижу нашего друга Корейфа и его милую жену,⁶ которая в ближайшее время должна подарить ему наследника. Поэтому вид у него весьма смущенный и странный.

В остальном не могу сообщить вам ни одной новости, которую не донесли бы уже до вас газеты. Недоступно им только происходящее в домашнем кругу, да и то лишь пока! Ограничусь, следовательно, подтверждением моих дружеских чувств и признательностью за ваши, а также извещением, что вам послан экземпляр «Марии».⁷ Я напечатала двадцать экземпляров с предисловием, которое отсутствует в экземплярах, поступивших в продажу, и преподнесла их только друзьям, дабы

в них было хоть какое-то небольшое отличие. Один из них я и хочу вам подарить.

Письмо это было написано несколько дней тому назад, но задержалось отправлением, а между тем я получила две афиши — русскую и французскую; их доставили мне от вашего имени г. д'Аршиак.⁸ Спасибо, тысячу раз спасибо ... за столь милую предупредительность. Лишь бы пьеса доставила удовольствие! лишь бы она понравилась! О, я много об этом думаю. Правда, пьесы мои играют или будут играть во всех крупных европейских городах, но более всего меня интересует мнение этого изысканного русского общества.

Вы догадываетесь, что я искренне разделяю вашу горе, причиненное смертью г. Пушкина, многие сочинения которого я знаю и люблю.⁹ Смерть, отсутствие — все это грустно, и тем не менее из этого состоит жизнь.

До свидания, милостивый государь, чтобы не употреблять это гадкое слово «прощайте», тем более отвратительное, что мы — так далеко друг от друга.

Виржини Ансело.

Письмо датируется 19 февраля 1837 г. по совокупности данных (смерть Пушкина, пребывание Тургенева в России, Андрея П. Карамзина в Париже и т. д.).

¹ Улица Жубер, д. 15 — парижский адрес Ансело.

² С июля 1836 по июнь 1837 г. Тургенев находился в России.

³ Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — библиограф и библиофил, плодовитый энциклопедист; один из ближайших друзей Пушкина, приятель Тургенева; много лет провел за границей; в Париже посещал салон Ансело, где сблизился с Мериме и Стендалем. См.: Випоградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928. с. 19, 20, 22, 25, 36.

⁴ Карамзин Андрей Николаевич (1814—1854) — старший сын П. М. Карамзина. В мае 1836 г. отправился с лечебными, образовательными и увеселительными целями за границу, где пробыл до октября 1837 г. О нем см.: Пушкин в письмах Карамзиных. М.—Л., 1960. с. 30—35. Находясь в январе—феврале 1837 г. в Париже, Карамзин по рекомендации Тургенева посещал салоны С. П. Свечной, Ж. Рекамье и В. Ансело. О своем первом визите к Ансело он сообщил в письме к родителям от 12 (24) января 1837 г.: «... взявши с собою карточку, присланную мне Александром Ивановичем, я отправился к М-ме Anselot, которая меня приняла, и приняла очень мило» (Старина и новизна. кн. 17. М., 1914. с. 263—264). О других его посещениях этого салона см.: там же, с. 271, 276, 296, 298, 301.

⁵ Жерар Франсуа (1770—11 января 1837 г.) — французский художник-классик, ученик Давида; автор ряда замечательных исторических полотен и портретов.

⁶ Корефф Давид-Фридрих (1783—1851) — немецкий врач и филантроп, постоянный посетитель салона Ансело; жена его — урожд. Тереза Матис.

⁷ Пьеса В. Ансело «Мария, или Три возраста» («Marie, ou Trois éroques») вышла в свет в ноябре 1836 г. В Петербурге она ставилась в 1837 г. на французской и в переводе В. А. Каратыгина на русской сценах. См.: Вольф А. П. Хроника петербургских театров, ч. 2. СПб., 1877, с. 43; Пушкин в письмах Карамзиных, с. 176. Русское издание пьесы не известно.

⁸ Аршпак Огюст д' (1811—конец 1840-х гг.) — атташе французского посольства в Петербурге, секундант Дантеса во время его дуэли с Пушкиным, вследствие чего был вынужден в начале февраля 1837 г. покинуть Россию. К Пушкину относился благожелательно; этим объясняется обращение к нему Тургенева (О. д'Аршпак был хорошо знаком с Ансело). Показательно, что по просьбе Е. А. Карамзиной он одновременно передал Андрею Карамзину последнее прижизненное издание романа Пушкина «Евгений Онегин» (см.: Пушкин в письмах Карамзинных, с. 390).

⁹ Об этом см.: Максимов М. [Гиллельсон М. И.]. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева (Пушкин и А. И. Тургенев). — В кн.: Прометей, т. 10, М., 1975, с. 335—397.

6

Paris. 10 octobre 1837.

Voici, Monsieur, les vers de M-me de Iænisch. Il faut vraiment toute ma confiance en vous pour que nous n'imaginions pas que ce nom cache celui de quelque littérateur français exercé dans l'art de faire des vers. La simplicité, l'élégance, la netteté de cette versification, les beaux vers qui se font remarquer même par la force de l'expression, dénotent un talent des plus remarquables. M. Ancelot a seulement trouvé deux ou trois petites observations qui sont des fautes d'attention et qu'il a indiquées afin qu'il n'y ait pas la moindre tache dans un ouvrage aussi distingué. Si l'on ajoute encore que ce qui serait bien pour un homme de lettres français est le travail d'une femme et d'une étrangère, on ne peut trop louer un si grand mérite.¹ Pour ma part, je vois une si haute distinction dans quelques-unes de femmes du nord de l'Europe, que je suis toute humiliée pour les françaises. Ici nous sommes bien ignorantes des langues étrangères, et c'est à peine autrefois si nous savions la nôtre, mais malgré l'infériorité dont je suis forcée de convenir je me sens toute heureuse de voir le mérite des autres femmes, et je regarde la supériorité de quelques-unes comme un bonheur pour toutes.

Je vous remercie donc, Monsieur, de m'avoir procuré le plaisir de lire les vers charmans. C'est une réelle obligation.

Je vous envoie en même temps ma dernière comédie «Le château de ma nièce» que je vous prie de garder en souvenir de moi.²

Voici encore mes commissions pour Pétersbourg recommandées à votre inépuisable complaisance.

Remerciemens et complimens sincères de votre affectionnée

Virginie Ancelot.

Перевод:

Париж. 10 октября 1837.

Вот, милостивый государь, стихи г-жи Яниш. Помстине, если бы не мое полное к вам доверие, мы и представить бы себе не могли, что под

этим именем скрывается не французский литератор, искусный в поэтическом искусстве. Простота, изящество, гладкость версификации, красота стихов, которые обращают на себя внимание и своей выразительностью, свидетельствуют о замечательном таланте. Г-н Ансело нашел лишь две-три погрешности, допущенные по невниманию, и указал на них, дабы в столь превосходном произведении не осталось ни малейшего недостатка. Если же добавить, что то, что сделало бы честь французскому литератору, принадлежит перу женщины и иностранки, невозможно переоценить столь значительный успех.¹ Со своей стороны, я нахожу столь высокие достоинства в некоторых женщинах северной Европы, что испытываю унижение за женщин французских. Мы ведь почти не владем иностранными языками, да и собственный в прежние времена едва знал, но, хотя я и не в состоянии отрицать нашу неполноценность, я счастлива признать достоинства других женщин и рассматриваю превосходство некоторых из них как удачу для всех.

Итак, благодарю вас, милостивый государь, за то, что вы доставили мне удовольствие ознакомиться с этими прелестными стихами. Право же, я вам очень признательна.

Одновременно посылаю вам свою последнюю комедию «Замок моей племянницы», которую прошу принять на память обо мне.²

А вот и мои поручения в Петербург, о которых я пишу, уповая на вашу нестоющую любезность.

Примите искреннюю благодарность и привет от преданной вам

Виржини Ансело.

¹ Речь идет о сборнике французских стихотворений и переводов К. К. Павловой (Яниш) «Прелюды» (Pavlof C. Les Préludes. Paris. 1839). Тургенев получил его в рукописи и вслячески содействовал его усовершенствованию и изданию. В подготовке книги по просьбе Тургенева участвовали Л. де Роншо, написавший небольшое предисловие к ней (где между прочим упомянул о роли, сыгранной в этом деле Тургеневым), Ж.-М. Шопен, просмотревший ее с точки зрения языка и стихосложения, и ряд других французских литераторов, среди которых, как выясняется, были и супруги Ансело. Не случайно, получив часть тиража «Прелюд», Тургенев счел своим долгом немедленно послать им экземпляр (см. дневниковую запись от 14 апреля 1839 г. — ф. 309, № 318, л. 109).

² Пьеса В. Ансело «Замок моей племянницы» («Le château de ma nièce») вышла в свет в сентябре 1837 г.

Paris. 2 février 1838.

Voici, Monsieur, le livre de Mr Vinet. Je ne me suis pas bornée à lire l'article sur «Jocelyn»,¹ car j'aime particulièrement les esprits d'analyse qui examinent et jugent avec confiance, quoique mon ami Beyle² les regarde comme des niais. Mais je suis dans

l'usage de garder mes idées et mes affections intactes au milieu de la pluie d'épigrammes dont il les accable.

Dans cet article que vous m'avez recommandé j'ai trouvé presque partout une finesse et une justesse de jugement admirables. Il n'y a guère que dans les dernières pages qu'il me semble s'écarter de la vérité dans ses idées plutôt religieuses, il est vrai, que littéraires, et je comprends plus la religion avec le sentiment élevé de «Jocelyn» dans ce qui tient aux impressions de l'âme qu'avec la sèche rigidité du professeur génois. C'est quand on fait des ouvrages, quand on est comme je le suis en ce moment trois heures par jour à faire répéter aux Français ma comédie d'«Isabelle»,³ lorsque l'on a essayé, comme je le tente, d'enfermer une idée morale et une étude du coeur dans les trois actes d'une pièce, que l'on s'est donné une peine infinie pour chercher l'intérêt en repoussant l'in vraisemblance, pour ne pas arriver au grotesque dans la plaisanterie ou à l'exagération dans le sentiment et rester dans le simple et le vrai, c'est quand on a mis tant de soins et de réflexions à des choses qui ne seront pas comprises du grand nombre et en seront peut-être mal accueillies, qu'on sent tout le prix de la critique faite avec cette supériorité d'idées, cette confiance et ce soin admirable qu'offre l'article de Mr Vinet.

Mais en France on n'a pas le temps de juger les ouvrages des autres comme cela. C'est tout au plus si l'on prend celui qui est nécessaire pour faire les siens.

Seriez-vous assez bon pour me procurer l'adresse de Mr Ballanche.⁴ Je voudrais l'avoir lui aussi à ma 1-e représentation, car je compte sur vous, bien entendu.

Mon ouvrage a besoin d'attention bienveillante et éclairée autant que d'indulgence!

Mille complimens affectueux et pardon pour cette longue lettre.

Virginie Ancelot.

Перевод:

Париж. 2 февраля 1838.

Вот, милостивый государь, книга г-на Вине. Я не ограничилась чтением статьи о «Жоселене»,¹ ибо с особой симпатией отношусь к людям с аналитическим складом ума, которые уверенно исследуют и судят, хотя мой друг Бейль² и считает их дураками. Но я имею обыкновенно не менять своих представлений и привязанностей, несмотря на град насмешек, которыми он их осыпает.

В рекомендованной мне вами статье я обнаружила почти везде замечательную тонкость и верность суждений. Мне кажется, что лишь на последних страницах автор отклоняется от истины, правда, скорее в том, что касается религии, а не литературы; я же постигаю религию душой и в большей мере благодаря присутствующему в «Жоселене» возвышенному чувству, нежели благодаря суровой непреклонности женеевского

профессора. Особенно ценишь литературную критику, в которой, как в статье г-на Вине, проявляются такое благородство мыслей, уверенность и замечательная добросовестность, когда, подобно мне, занимаешься литературным трудом и репетируешь по три часа в день во Французском театре свою комедию «Изабелла»;³ когда пытаешься, как это сделала я, втиснуть и нравственную идею и анализ сердечного чувства в трехактную пиесу; когда мучительно добиваешься занимательности, избегая неправдоподобия, дабы не превратить шутку в гротеск, не впасть в преувеличение в изображении чувств и сохранить простоту и правдивость; когда, наконец, вкладываешь столько стараний и умственных сил в сочинения, которые большая часть публики не поймет, и, быть может, плохо примет.

Но во Франции недостает времени для оценки чужих сочинений вроде этого. Хорошо еще, если используют сочинения, необходимые для того, чтобы писать собственные.

Не будете ли вы столь любезны сообщить мне адрес г-на Баланша.⁴ Мне хотелось бы видеть и его на 1-м представлении моей пиесы, ибо на вас-то я, конечно, рассчитываю.

Мое сочинение нуждается в благожелательном и просвещенном внимании, равно как и в снисходительности.

Тысяча нежных приветов и извините за слишком длинное письмо.

Виржини Ансело.

¹ Имеется в виду книга А. Вине «Опыты моральной философии и религиозной морали, с прибавлением некоторых опытов литературной критики» (Vinet A. Essais de philosophie morale et de morale religieuse, suivis de quelques essais de critique littéraire. Paris, 1837). Включенные в нее две статьи о поэме А. де Ламартина «Жоселен» обратили на себя особое внимание Тургенева. В «Хронике русского в Париже» (1838) он с сочувствием отозвался о них и привел обширные выдержки (см.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.), с. 132—133). Не удивительно, что он поспешил ознакомить с этой «примечательной критикой» и г-жу Ансело. В данном письме речь идет о второй из этих статей: «Sur le „Jocelyn“ de M. de Lamartine».

² Настоящая фамилия Стендаля.

³ Пьеса В. Ансело «Изабелла, или Двухдневный опыт» («Isabelle, ou Deux jours d'expérience»), впервые представленная во Французском театре 15 марта 1838 г.

⁴ Баланш Пьер-Симон (1776—1847) — французский философ и писатель; ближайший друг г-жи Рекамье и постоянный посетитель ее салона; на протяжении многих лет находился в приятельских отношениях с Тургеневым и состоял с ним в переписке. См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год, с. 266—270.

8

Lundi, 26 novembre 1838.

Voulez-vous une place ce soir, Monsieur, à l'opéra? Venez me trouver loge des premières n° 18.

Virginie Ancelet.

Monsieur A. Tourguéneff. 16, rue Duphot.

Перевод:

Понедельник, 26 ноября <1838>.

Не угодно ли вам, милостивый государь, место в опере на сегодняшней вечер? Приходите ко мне в ложу первого яруса № 18.

Виржини Ансело.

Господину А. Тургеневу. Улица Дюфо, 16.

Письмо датируется 26 ноября 1838 г.: по улице Дюфо, в доме 16, Тургенев проживал в 1838—1839 гг.; на понедельник 26 ноября приходилось в 1838 г. Об этом же свидетельствует и дневниковая запись от 26 ноября 1838 г., раскрывающая смысл письма: «М-ме Ancelot пригласила в оперу — я видел „Гугенотов“, и скучна мне очень показалась» (ф. 309, № 318, л. 88). Речь шла, следовательно, об опере Дж. Мейербера «Гугеноты», впервые поставленной в Гранд-Опера 29 февраля 1836 г.

9

Samedi, 13 avril <1839>.

Nous avons, Monsieur, quelques projets de musique, vers etc. pour mercredi prochain 17 avril. Vous venez toujours si tard que je veux vous forcer de me donner ce jour-là toute votre soirée. Aussi je m'empare de vous à six heures. Vous viendrez dîner avec M. de Tocqueville,¹ M. de Marest² etc.

Ne me refusez pas, Monsieur, nous sommes de vieux amis et cela donne quelques droits.

Je m'y prends à l'avance afin de prévenir les autres engagements, n'allez pas m'oublier d'ici là.³

Votre dévouée

Virginie Ancelot.

A Monsieur A. Tourguéneff. 16, <rue> Duphot.

Перевод:

Суббота, 13 апреля <1839>.

У нас имеются, милостивый государь, кое-какие намерения по части музыки, стихов и т. д. на будущую среду 17 апреля. Вы приходите всегда так поздно, что на сей раз я хочу потребовать у вас весь вечер. Поэтому я завладеваю вами в шесть часов. Вам предстоит обед вместе с г. де Токвилем,¹ г. де Марестом² и т. д.

Не отказывайте мне, милостивый государь, мы ведь старые друзья, а это дает некоторые права.

Я начинаю хлопотать заранее, дабы предупредить другие приглашения, постарайтесь до тех пор обо мне не забывать.³

Преданная вам

Виржини Ансело.

Господину А. Тургеневу. Улица Дюфо, 16.

Письмо датируется 13 апреля 1839 г. на основании следующих данных: по улице Дюфо, 16, Тургенев проживал в 1838—1839 гг.; на субботу 13 апреля приходилось в 1839 г.

¹ Токвиль Алексис-Шарль-Анри Клерель де (1805—1859) — французский социолог, историк и политический деятель.

² Марсел Аполлинер-Луи-Адольф, барон де (1784—1867) — близкий друг Стендаля, частый посетитель салона Ансело.

³ Дневниковая запись от 17 апреля 1839 г. свидетельствует о том, что Тургенев откликнулся на приглашение В. Ансело. Среди гостей, между прочим, был Стендаль (ф. 309, № 318, л. 111).

10

Paris. 20 octobre 1840, mardi.

Voici ma nouvelle comédie, Monsieur. Je veux que vous l'ayez offerte par moi.¹

A demain.² Ne m'avez-vous pas dit que vous me présenterez l'un de vos compatriotes. Vous savez mon faible pour nos ennemis les Russes.³ C'est une joie dans la petite retraite de la Rue de Joubert quand le plus errant de tous vient nous y rapporter sa bonne et déjà vieille amitié.⁴ Vous l'avez bien vu si je vous ai dit seulement la moitié de ce que j'éprouvais à votre retour.⁵

Virginie Ancelot.

Monsieur le Comte ⁶ Alexandre Tourguéneff.

Перевод:

Париж. 20 октября 1840, вторник.

Вот моя новая комедия, милостивый государь. Мне хочется, чтобы вы получили ее в дар от меня.¹

До завтра.² Разве вы не сказали мне, что собираетесь представить мне одного из своих соотечественников? Вам известна моя слабость к нашим врагам русским.³ Для скромного приюта на улице Жубер всегда радостно появление там самого из них непоседливого, движимого искренней и уже столь давней дружбой.⁴ Вы заметили, что я не сказала и половины того, что чувствовала в связи с вашим возвращением.⁵

Виржини Ансело.

Господину графу ⁶ Александру Тургеневу.

¹ Речь идет о комедии В. Ансело «Маргарита» («Marguerite»), вышедшей в свет в октябре 1840 г.

² С 13 ноября 1838 г. приемным днем Ансело вместо вторника стала среда.

³ Намек на резкое ухудшение в это время русско-французских отношений в связи с позицией России (а также Англии, Австрии и Пруссии) в «восточном» вопросе.

⁴ 21 октября 1840 г. Тургенев отметил в дневнике: «Вечер у Ансело <...> пили чай, болтали» (ф. 309, № 53, л. 140 об.).

⁵ Во Францию Тургенев вернулся в начале октября 1840 г.

⁶ Ошибка Ансело: Тургенев не был графом.

11

Jeudi, 4 mars <1841>.

Serez-vous assez bon, Monsieur, pour nous faire l'honneur et le plaisir de venir dîner mercredi prochain 10 mars avec quelques amis et voir même quelques académiciens!

J'espère donc en vous pour ce jour-là à six heures précises. L'on causera plus longtemps et mieux que dans une soirée.¹

Vous savez mon vieil et sincère attachement.

Virginie Ancelot.

Перевод:

Четверг, 4 марта <1841>.

Не будете ли столь любезны, милостивый государь, оказать нам честь и доставить удовольствие, согласившись в будущую среду 10 марта отобедать у нас в обществе нескольких друзей и даже нескольких академиков!

Итак, я надеюсь увидеть вас в этот день ровно в шесть часов. У нас будет возможность побеседовать дольше и лучше, нежели в вечернее время.¹

Вам известна моя давняя и искренняя к вам признанность.

Виржини Ансело.

Письмо датируется 4 марта 1841 г. по совпадению числа и дня недели.

¹ Дневниковая запись от 10 марта 1841 г. свидетельствует о том, что Тургенев побывал на этом обеде (ф. 309, № 319, л. 85 об.). Среди гостей было действительно несколько академиков — В. Жуи, А. Жэ, Ж.-П.-Г. Вьене, Ш.-Г. Этьенн, Л.-Э. Дюпати, что объяснялось, в значительной мере, избранием Ж. Ансело 26 февраля 1841 г. во Французскую Академию (см.: Ancelot devant ses concitoyens. Notice biographique par J. Morlent. Paris, 1855, p. 45—46).

«9 juillet 1841».

Voici, Monsieur, une invitation pour jeudi, mais nous nous verrons avant¹ et je vous offrirai place près de moi à la Séance,² nous pourrions même y aller ensemble.

A mercredi donc, puis après à jeudi, et tous mes complimens affectueux etc.

V<irginie> Ancelot.

Перевод:

«9 июля 1841».

Вот, милостивый государь, приглашение на четверг, но мы увидимся раньше,¹ и я предложу вам место подле себя на Заседании;² мы даже можем отправиться туда вместе.

Итак, до среды, а затем до четверга, и примите мой самый сердечный привет.

Виржини Ансело.

Письмо датируется 9 июля 1841 г., поскольку этим числом помечено упоминаемое в нем (и посланное одновременно) приглашение на обед 15 июля 1841 г. (написано оно было рукой Ж. Ансело).

¹ Речь идет об очередной среде у Ансело, на которой Тургенев не присутствовал («Вечеру занемог и не пошел к Ансело», — отметил он в дневнике 14 июля 1841 г. — ф. 309, № 319, л. 103 об.).

² Имеется в виду торжественное принятие Ж. Ансело во Французскую Академию, состоявшееся 15 июля 1841 г.; по определению Тургенева — «академический праздник». См. запись от этого числа в дневнике: «В Академии с Ансело, выслушал речи, хлопал Ансело <...> обед у Ансело» (ф. 309, № 319, л. 103 об.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ¹

- Абрамкин В. М. 255
 Абрамов Л. С. 253
 Абрамов Ф. А. 83
 Абрамович Н. Я. 232
 Авенариус В. П. 84
 Аверкиев Д. В. 200, 201, 203
 Авраменко П. К. 82
 Агатов А. П. 16, 22
 Агте А. П. 81
 Адаш П. 85
 Адрянов С. А. 84
 Азадовский К. М. 17, 18
 Айхсвальд Ю. А. 232
 Академия наук 172
 Академия художеств 196, 209, 211, 215
 Аксаков К. С. 189, 190
 Александров А. А. 64, 67, 82
 Александровский В. Д. 48
 Алексеев А. И. 16
 Алексеев Г. М. 19, 22
 Алексеев М. П. 2
 Алексеев-Гай А. 255
 «Алконост», изд-во 31, 46
 Алмазов Б. П. 148
 Альгейм П. П., де (Pierre d'Alheim), барон 225, 226
 Альфредов С. 19
 Алябьев А. А. 138
 Алянский С. М. 52, 53
 Амфитеатров А. В. 219
 Анакреон 204
 Андреев А. Н. 253
 Андреев А. С. 81
 Андреев Л. Н. 218, 233, 250—253
 Анисфельд 215
 Аничков Е. В. 219, 223
 Анненков П. В. 174, 175
 Анненский П. Ф. 219, 242, 243
 Анпенский Н. Ф. 84
 Апсело Ж.-А.-Ф.-П. 257—261, 265, 266, 271, 272
 Апсело М.-Л.-В. 257—272
 Аптокольский П. Г. 83
 Апариз, книгопродавец 138
 Апулей 146, 148
 Аристотель 48
 Аркадакский К. В. 84
 Арним Е. (Беттина), урожд. Брентало 106, 126, 127
 Ариольд Ю. К. 81
 Архипова Л. П. 80
 д'Аршиак О. 262, 264, 265
 Ауслендер С. А. 249
 Афанасьев А. Н. 211
 Афанасьева Н. Ф. 80
 Афиногенов Н. А., псевд. — Степной Н. 84
 Афоничев П. М. 81
 Ахматова А. А. 82, 83
 Ахматова Е. Н., псевд. — Лейла 140, 143, 145
 Ахрамович В. Ф., псевд. — Ашмарил 225
 Ашкипази М. О., псевд. — Delines M. 84
 Ашукин Н. С. 5
 Бабичева Ю. В. 250
 Бавастро А. Ф., псевд. — Леоптьев Исидор 19
 Багин М. 21
 Багрицкий Э. Г. 255
 Баженов Н. А. 16
 Байрон Д. Г. 130, 146, 148, 154, 155
 Бакст, наст. фам. Розенберг Л. С. 241

¹ Составила Г. К. Каурова.

- Бакунин А. М. 103—105, 110, 111, 113, 114, 120, 124
 Бакунин М. А. 88—128
 Бакунин Н. А. 123, 124
 Бакунин П. А. 92, 93, 125, 127
 Бакунина А. А. 88—93, 97, 98, 113, 115, 118, 119, 121, 127, 128
 Бакунина В. А. 89, 113, 120, 121
 Бакунина Т. А. 89, 91, 93, 97, 113
 Балаш П.-С. 267, 268
 Баласогло А. П. 139
 Балашова С. 66
 Балтрушайтис Ю. К. 3, 4, 8—10, 16, 17, 20
 Бальмонт Е. А. 9
 Бальмонт К. Д. 4, 6, 8—16, 20, 21, 202, 219, 237
 Банников Н. В. 82
 Баратынский Е. А. 38, 228, 229
 Барсуков Н. П. 147, 152
 Барсуков С. А., псевд. — Юлиан Сергеев 21, 22
 Бартевев П. И. 86, 156, 157
 Баскаков В. Н. 2
 Батюшков Ф. Д. 84, 245
 Бахтерев И. В. 66, 67, 74
 Бахтин Н. М. 19, 21
 Бегун Л. Ф. 22
 Беер А. А. 90, 104, 109, 110
 Беер К. А. 104, 110
 Беер Н. А. 90, 104, 110
 Бееры 110, 114, 127
 Безобразов Г. М. 110, 111
 Безобразова М. Н. 111
 Безобразова Ф. Н. 111
 Безыменский А. И. 254
 Бейдеман А. Е. 136, 139, 143—145, 150, 154
 Белинский В. Г. 24, 88, 91, 93—95, 97—101, 103, 104, 109, 110, 114, 119, 121, 122, 124—127, 131, 137, 139, 165, 178, 180, 218
 Белицкий Е. Я. 39
 Бсло В. И. 80
 Белов С. В. 52
 Беломорский А., см. Туфанов А. В.
 Белый Андрей, псевд. Бугаева Б. Н. 5—7, 20, 23—28, 63, 84, 210—214, 216, 218—230
 Бельский А. Г., псевд. — Рукки 19, 21
 Беляков С. Т. 81
 Бем А. Л. 84
 Берг К. В. 181, 184
 Берг Н. В. 137, 148, 152
 Березина А. Э. 81
 Березина В. Г. 88, 94, 97, 98, 100, 104, 105
 Берков П. Н. 165
 Бернович М. П. 82
 Бернштейн Д. И. 138
 Бернштейн Н. Д. 19
 Бескин В. С. 85
 Бестужева-Панаева А. И. 80
 Бетина, см. Арним Е.
 Бетховен Л., ван 42, 91, 93, 113, 124
 Бианки В. В. 64
 «Библиотека для чтения» 136, 138—150, 152, 157, 161
 Билибин И. И. 108, 109, 111—113
 «Биржевые ведомости» 229, 231, 236, 237, 239, 244, 245, 248
 Биски-Нумана Е. 22
 Благой Д. Д. 5
 Блок А. А. 21, 24, 25, 27, 28, 30, 38—40, 48, 52—54, 66, 68, 81, 209—217, 221, 223, 224, 233, 238, 241
 Блок Л. Д., урожд. Менделеева, 53, 210, 212, 213, 215—217
 Бобров С. П. 52, 53, 84
 Богословский А. А. 21
 Богоявленский Л. П. псевд. — П-ий Л. 19, 21
 Богучарский В. Я. 19
 Боденштедт Ф. 161
 Боднарский Б. С. 84
 Боков В. Ф. 80
 Болле 122—124
 Бонч-Бруевич В. Д. 84
 Борисов Л. И. 82
 Боровский Э. 21
 Боткин В. П. 88—128, 145, 147
 Боткин И. П. 112, 114
 Боткин М. П. 195, 196
 Боткин П. К. 103, 104, 107
 Браудо А. И. 84
 Браун Н. Л. 82
 Брентано, см. Арним Е.
 Бровка И. А. 81
 Бругманн Ф.-К.
 Брусянин В. В. 84
 Брюсов В. Я. 3—8, 11, 17, 21, 22, 84, 202, 203, 219, 222—224, 229, 231, 233—249
 Бряцев А. А. 80
 Бугаев Б. Н., см. Белый Андрей
 Бугаев Г. В. 25
 Бугаева А. Д. 229
 Бугаева К. Н., в первом браке Васильева 23, 25, 39, 224
 Бузони Г. 81
 Бузони Ф. Б. 81
 Булгаков С. Н. 84
 Бульвер-Литтон Э.-Д.-Ч. 234
 Бунин И. А. 6, 7, 84, 255
 Бурдин Ф. А. 150, 152, 158, 160
 Буренин В. П. 188
 Буренин Н. Е. 80, 81
 Бурлаков Н. Н. 19, 21
 Бурлин В. Н. 22

- Бурлюк Д. Д. 86
 Буслаев Ф. И. 177
 Бутаевич-Петрашевский М. В. 130, 139, 194
 Бутлеров А. М. 83
 Бутурлин Д. П. 130
 Бухгейм Л. Э. 84
 Буш В. 76
 Быховский С. Л. 22
 Бякин В. И. 16
 Бялик Б. А. 166
- Вадбольский П. Н., псевд. — Северцов Юрий** 22
 Вакуловский Н. Н. 84
 Ван Лерберг III. 3
 Варламов А. Е. 93
 Васильевский В. Н. (псевд. — Аркадий) 21
 Васильев М. В. 81
 Васильева К. Н., см. Бугаева К. Н.
 Вассерман Я. 85
 Васютович А. 22
 Введенский А. И. 64, 67, 72
 Вебер К.-М. 106
 Вейцберг П. И. 84
 Вельтман А. Ф. 135—138
 Вельяшева П. П. 81
 Венгер С. А. 4, 26, 84, 148
 Венгерова З. А. 84, 85
 Венгерова И. А. 84
 Венгерова Н. В. 80
 Венгерова Р. А., урожд. Лапдау 84
 Венцлова А. 86
 Вердеревский В. Е. 155
 Вердеревский Е. А. 154, 155
 Вересаев В. В., паст. фам. Смидович 218
 Верещагин Н. Ф. 80, 81
 Верлен П. 233, 241—243
 Верхарн Э. 22, 246, 247
 Верховский Ю. Н. 84
 «Вестник Европы» 218
 «Весь», журнал 3—5, 8, 9, 11, 15, 17—22, 236—238, 241
 Вечтомова Е. А. 82
 Влдерг А. Ф. 136, 139, 150, 154
 Впельгорские 159
 Впельгорский М. Ю., гр. 161
 Вилье де Лиль-Адап Ф. О. М. 5
 Вильчипский В. П. 249
 Вине А. 266—268
 Виноградов А. К. 257, 261, 264
 Виноградова М. С. 81
 Впны А. В., де 257
 Висковатов П. А. 192, 194, 195
 Впташевская М. Н. 82
 Вптоль И. И. 81
 Витте С. Ю. 177, 198, 199
- Водовозов В. В. 84
 Войтечко В. А. 81
 Волков Н. Д. 86
 Вольная философская ассоциация («Вольфила») 27, 31, 40—46, 54
 Вольф А. И. 264
 Вороповский В. Г. 19, 21
 Воропцов М. С., кн. 141, 149, 151
 Воронько П. Н. 82
 Воротишков А. П. 22
 Ворошильский В. 86
 Востоков А. X. 173
 Востров В. В. 130
 Всесоюзный союз поэтов, Ленинградское отд-ние 65, 68
 Выспяцкий Ст. 242, 243
 Высшее художественное училище 209, 211, 212
 Вышнеградский И. А. 197—199, 202
 Вьспе Ж.-П.-Г. 271
 Вяземский П. А. 257
- Габбе Т. Г. 64
 Гаевский В. П. 140, 143, 145—147, 154, 155, 175
 Гаевский И. П. 145, 147
 Гасвский П. И. 155
 Гайдебуров П. П. 41
 Гайди Й. 5, 108
 Галантин И. Д. 145, 148
 Галахов А. Д. 137
 Галенц А. 82
 Гамсун К. 3, 9, 10, 15
 Ганжулевич Т. Я. 251
 Гапзен А. В. 84
 Гаршин В. М. 83
 Гаршина Е. С., урожд. Акимова 83
 Гаспаров М. Л. 243, 245, 247
 Гачфал В. М. 16
 Гегель Г. В. Ф. 98, 99, 101, 102, 105, 106, 114, 116, 119
 Геденов Л. М. 151
 Гейле Г. 108, 137, 204
 Гейро Л. С. 175, 193
 «Геликоп», изд-во 224
 Гешпади Г. Н. 150, 152, 154
 Георгневский А. Н. 202
 Герасимов М. П. 48
 Гербановский М. М. 16
 Гербель Н. В. 155—157, 159, 181, 184
 Герелль Г. 214
 Герпет Н. В. 68
 Геррес Й. 102
 Герцен А. И. 109
 Герцых А. М., урожд. Ольшевская 87
 Гершелзон М. О. 84
 Гете И. В. 92

- Гехт С. Г. 255
 Гёшель К.-Ф. 116
 Гизетти А. А. 42
 Гизо Ф. 257
 Гиллельсон М. И. 265
 Гиррихс Г.-Ф.-В. 116
 Гишпиус А. Н. 209
 Гишпиус З. Н. 4, 6, 20, 84, 209, 210,
 212—214, 216, 241
 Гишпиус Н. Н. 209, 212—215
 Гишпиус Т. Н. 209—217
 Гирзман К. 16
 Гитович А. И. 81—83
 Глаголь С., см. Голоушев С. С.
 Глазунов А. К. 81
 Глинка Ф. Н. 132
 Гнедич П. П. 84
 Гоголь Н. В. 48, 61—63, 126, 139,
 178, 183, 234, 239, 240, 252
 Годин Я. В. 21
 Голенищев-Кутузов А. А. 200, 201,
 203
 Голков И. К. 21
 Голлербах Э. Ф. 84
 Головачевский С. 21
 Молодой М., наст. фам. Эпштейн
 М. С. 82
 «Голос». газета 141, 185, 187
 Голоушев С. С., псевд. — Глаголь С.
 251
 Голубева О. Д. 222
 Гольдштейн М. Ю. 83
 Гомер 173, 197
 Гончаров И. А. 165, 176, 198, 205,
 218
 Гор Г. С. 65
 Горацкий 155
 Горбунов П. Ф. 175
 Гордеева В. В. 84
 «Горн», журнал 43
 Городецкий С. М. 211, 216, 248, 249
 Горький М. 23, 81, 218, 220, 228,
 233
 Горяинова С. П. 103, 104
 Государственное казначейство 196
 Гото Г.-Г. 105, 106, 108, 119
 Готье Ю. В. 84
 Готман Э.-Т.-А. 98, 99, 234, 237
 «Гражданин», журнал 176, 177
 Грайн Г. 21
 Грамматчикова Л. Ф., урожд. Конн
 81
 Грановский Т. Н. 102, 119, 126
 Гребенщиков Г. Д. 85
 Гречишкин С. С. 3, 52, 209, 254
 Гржебил З. П. 33, 219, 220
 Грпбосдов А. С. 129
 Григорович Д. В. 132, 160
 Григорьев А. А. 137, 151, 178, 183
 Григорьев В. 21, 22
 Григорьев И. С. 21
 Григорьев П. Г. 143
 Григорьев П. И. 140, 143
 Григорьян К. Н. 45
 «Гриф», изд-во 220
 Грицына Е. И. 72
 Громека М. С. 85
 Грог Я. К. 85, 142, 171—175
 Губер Э. И. 150, 152
 Гумбольдт В. 48
 Гуревич Л. Я. 5, 84
 Гуро Е. Г. 69
 Гурьев А. И., псевд. — Аркадий 21
 Гусев В. 255
 Гусев В. Н. 16, 21
 Гусятников П. 178, 179
 Гюго В. 257
 Давид Л. 264
 Дамдинсурэн Ц. 82
 Даниелян Э. С. 233, 235, 236, 240
 Данилевская Е. Г. 129
 Данилевский Г. П. 129—148, 150—
 152, 154, 156—158, 161, 162, 169—
 171
 Данилевский Н. Я. 192, 194
 Д'Апунцио Г. 84, 233
 Данс (Dance) 225
 Данте А. 247
 Дантес Г. Ж.-К. 265
 Девин П. И. 21
 Делакруа Э. 257
 Деменков П. С. 85, 86
 «День», газета 15
 Деревщиков П. Г., псевд. — Г. Ги-
 неев 21, 22
 Державин Г. Р. 166, 178—180, 182,
 183
 Дерптский университет 173
 Джамбатиста В. 159, 161
 Джиральдони Е. 81
 Дисперов А. Ф. 21
 Дикман М. И. 236
 Дилакторская П. Л. 81
 Динесман Т. Г. 247
 Добиаш А. А. 83
 Добролюбов Н. А. 165, 166, 178, 180
 Добронравов В. В., псевд. — Нра-
 вов Д. 21
 Добужинский М. В. 9
 Долгополов Л. К. 37, 214, 219, 221
 Доллинн А. С. 84
 Дом искусств 46
 Дом песни 225
 Дом печати 52
 Дорели В. 85
 Достоевский А. Ф. 82
 Достоевский Ф. М. 130, 132, 177, 183,
 184, 194

- Драбкина Ф. И. 81
 Дрентельн А. Р. 84
 Дрентельн Ек. С., урожд. Бирюкова 84
 Дрентельн Ел. С. 83
 Дрентельн Н. С. 83, 84
 Дрентельн С. Р. 84
 Дритенпрейс В. П. 16
 Дронов В. С. 247
 Дружинин А. В. 133, 140—142, 145, 147, 149, 150, 162
 Друзин В. П. 82
 Друскин Я. С. 65
 Дубельт Л. В. 151
 Дубенская (Лагрене) В. И. 257, 261
 Дудин М. А. 80, 82
 Дукор П. 244
 Дурново П. Н. 198
 Дурылин С. П. 5
 Дымшиц А. Л. 82, 83, 254
 Дьяков Н. Н. 117
 Дьякова В. А., урожд. Бакунина 117
 Дюпати Л-Э 271
- Евграфов С. К. 86
 Евлахов А. М. 250—253
 Евриппид 243
 Егоров Б. Ф. 88, 91, 93, 98, 102, 109
 Екатерина II 179, 182
 «Ералаш», сборник 144
 Ермолинский К. П. 83
 Есенин С. А. 48, 73, 85, 86
 Ефимов А. П. 83
 Ефремов А. П. 106, 109, 110
 Ефремов П. А. 84
 Ещобоев С., см. Поляков С. А.
- «Железная дорога», альманах 170
 Железнов Л. 72
 Желябужская Е. А. 81
 Жемчужникова Л. М. 145
 Жерар Ф. 258, 259, 262—264
 Жирмунский В. М. 86
 Житков Б. С. 64
 Жуи В. 271
 Жуков 94
 Жуковский В. А. 129, 178
 Жю А. 271
- Забелин П. Е. 211
 Забелин П. В. 80
 Заболоцкий Н. А. 66, 67, 82, 83
 Заборов П. Р. 257
 «Заветы», журнал 24
 Загоскин М. Н. 136—138
 Заикин А. Ф. 123, 124
 Залкин П. Ф. 123, 124
- «Закавказский вестник», газета 138
 Закржевский А. К. 22
 Замятин Е. И. 24, 75
 «Заря», журнал 177, 190
 Захаров А. В. 22
 Зверев И. П. 192, 194
 Зверинцев Л. Н. 83
 Зеллинский Ф. Ф. 84
 Зельдович М. Г. 104
 Зимина С. С. 80
 Златковский М. Л. 193, 196, 198
 «Знамя», журнал 42
 «Знание», изд-во 6, 233
 Зоценко М. М. 83
 Зуккау В. Г., псевд — Невский В. 82
- Ибсен Г. 3, 16
 Иванов Вяч. И. 6, 7, 17, 18, 25, 213, 220, 223, 226
 Иванов Г. 249
 Иванов Е. П. 209, 219, 217
 Иванков П. 21
 Иванов И. П. 184
 Иванов-Разумник Р. В., псевд. Иванова Р. В. 23—31, 33, 38—42, 45, 48, 53—55, 63, 84, 210, 221
 Иванова В. Е., урожд. Буренина 80, 81
 Иванович М. А., псевд. — Базаров М. 21
 Иванострем В. В. 22
 Игельстром Е. Г. 81
 Игнатъев М. А. 81
 «Издательское товарищество писателей» 221
 Измайлов А. А. 231—248, 253
 Измайлов П. В. 2
 Ильинский И. С. 153, 155
 Имгарт Д. И. 19, 22
 Институт театральных знаний 30
 Иоганнис А. 108, 109
 Иоффе Н. 72
 Исаакян А. 249
 Исаков П. Н. 84
 Исаковский М. В. 82
- Кавелин К. Д. 145, 147, 148
 Каверин В. А. 65, 80, 86
 Казин В. В. 48
 Калмыкова А. М. 210
 Каменская М. Д. 81
 Кампашелла Т. 43—46
 Кампиони В. К. 54
 Кампиони С. П. 53, 54
 Кандауров К. В. 16
 Кара С., псевд. Кара-Дэмура С. С. 82

- Карамзин Андрей Н. 257, 262—265
 Карамзин В. Н. 172
 Карамзин Н. М. 86, 172, 178, 264
 Карамзина Е. А. 265
 Каратыгин В. А. 264
 Кардовский Д. Н. 16
 Карсев Н. И. 85
 Карлсон Э. Я. 81
 Кармин С., псевд. Кара-Мурзы С. Г. 251
 Карпинский А. П. 84
 Каршов В. П. 104
 Карташев А. В. 212, 213
 Карус К.-Г. 114, 115
 Катаев В. П. 86
 Катенев В. П. 130
 Катков М. Н. 103, 104, 110, 119, 156
 Квашнина-Самарина В. С. 86
 Квициллиян М. Ф. 48
 Квитка-Основьяпенко Г. Ф. 141, 142, 152, 156, 157, 161
 Кежун Б. А. 82
 Кеневич В. Ф. 174, 175
 Кешнан А. Д. 22
 Керн А. П. 121
 Керубини Л. 98, 99
 Кетлипская В. К. 82, 83
 Кетчер Н. Х. 122
 Кирсанов С. И. 254
 Клементий-Август, архиепископ (барон фон Дросте цу Фшшеринг) 102
 Клестов Н. С. 222
 Клещенко А. Д. 82
 Климов Е. Е. 80
 Клоссус В.-Ф. 173
 Клошников И. П. 94, 98—103, 109, 110, 124
 Ключников П. П. 106, 109, 110
 Ключник-Ветров И. С. 81
 Княжнин Я. Б. 127
 Князева Е. Н. 80
 Кобзаревский П. С. 83
 Кобылинский Л. Л., псевд. — Эллис 20
 Ковалевский Е. П. 145, 147
 Ковигатор Р. А. 81
 Коган Н. А. 53
 Коган П. С. 53
 Кожебаткин А. М. 229
 Кожевников 149
 Кожевников П. Ф. 22
 Кожинов В. В. 167
 Козлов 145
 Козловский А. А. 236
 Колабухов А. М. 22
 Колегов В. М. 80
 Колоколов В. С. 82
 Колосов М. 255
 Колтунов И. Г. 82
 Кольгас В. К. 16
 Кольцов А. В. 160
 Комаров В. В. 176, 177
 Комтет цензуры 198, 200, 202
 Конан-Дойль А. 66
 Кондаков С. Н. 209
 Кондратьев А. А. 211
 Коневской И., псевд. Ореуса И. И. 7
 Кони А. Ф. 84, 205
 Кони Ф. А. 159, 161
 Конрад Н. И. 82
 Константин I (Великий) 242
 Корбе Ш. 257
 Корефф Д.-Ф. 262—264
 Корефф Т., урожд. Матиас 264
 Корзухина В. 21, 22
 Коринфский А. А. 84
 Корнелий Непот 173
 Корнель П. 126, 127
 Корпилов А. А. 88, 89, 97, 102, 104, 109, 110, 116, 118, 124, 126, 128
 Корпилов П. Е. 86
 Корню О. 102, 116
 Королепко В. Г. 84, 233
 Коростовцев К. И. 156, 157
 Коростовева Л. К. 156, 157, 160
 Коростовева Н. А., урожд. Бублова 156, 157
 Корсаков К. П. 86
 Костарев С. П. 19, 21
 Котляревский Н. А. 84
 Кочин Н. И. 255
 Красевский А. А. 119, 122, 133, 140, 141, 145, 148, 156—159
 Кранцфельд В. П. 84
 Краснопольская Т. 246
 Крестовский Вл. В. 235
 Крестовский Вс. В. 235
 Кроммелинк Ф. 11
 Кроненберг А. И. 127
 Кроненберг И. Я. 127
 Кроненберг Н. И. 126, 127
 Кроненберг С. И. 125—127
 Кронсбергг 125
 Кропоткин П. А. 84, 184
 Круглов А. В. 86
 Кружок им. Блока 53
 Кружок молодых 210
 Кручепых А. Е. 69
 Крылов В. А. 84
 Крылов И. А. 86, 130, 175
 Крымов В. П. 16
 Кубасов И. А. 84
 Кублицкая-Пиоттух А. А., урожд. Бекетова, в первом браке Блок 53, 217
 Кублицкий-Пиоттух Ф. Ф. 217
 Кугель А. Р., псевд. — Туманский А., Ното novus 251, 252

- Кузмин М. А. 86, 237, 249
 Кузнецов В. В. 215
 Кузнецов П. В. 9
 Кузькин М. 22
 Кузьмин Н. В. 87
 Кульчицкий А. Я. 126, 127
 Купала Я., паст. фам. Луцевич И. Д.
     255
 Куприн А. И. 84, 233
 Куприна-Иорданская М. К. 87
 Курский Л. В. 81
 Кусков П. А. 192, 194
 Куторга М. С. 140, 142
 Куторга С. С. 140, 142
 Кучак Н. 22
 Кушнер Б. А. 255
 Кэрролл Л. 79
- Лавров А. В. 23, 209, 218
 Лавров П. Л. 84
 Лагорио Л. Ф. 150, 152
 Лазарев В. А. 236
 Ламанский В. И. 189, 190
 Ламартин А.-М.-Л. 160, 162, 268
 Ламберт Х. 16
 Ланг А. А. 16
 Лангер 98, 99
 Лангер Л. Ф. 91—93, 98, 99, 123, 124
 Лафонтен Ж. 146, 148
 Лебедев А. А. 82, 83
 Лебедев В. А. 81
 Левик В. В. 83
 Левин Ю. Д. 109, 184
 Левина С. С. 81—83
 Левицкий С. Л. 160, 162
 Левшин А. И. 160, 162
 Лейла, см. Ахматова Е. Н.
 Леман Б. А., псевд. — Б. Дигс 21,
     22
 Лео Г. 101, 102
 Лермантов В. В. 83
 Лерминье Э. 99
 Лермонтов М. Ю. 129, 130, 135, 137,
     150, 155, 194, 195, 197, 199
 Лерлер Н. О. 84
 Лесков Н. С. 75, 231, 246
 Лесная Л. 67
 Лидин В. Г. 3, 87
 Лизини 196
 Ликиардопуло М. Ф. 9, 12, 15, 16
 Линденбаум В. 17
 Линева Е. Э., уржд. Паприц 81
 Липин А. М. 253
 Литвин Э. С. 231
 Литературно-драматическое общест-
     во 201
 Литературный фонд 172, 174, 175
 Литовский О. С. 255
 Лифшиц В. А. 72, 82, 83
- Лихарев Б. М. 82, 83
 Лихачев В. И. 84
 Лобанов В. М. 3
 Лозинский М. Л. 82, 86
 Ломоносов М. В. 166, 178—180, 182,
     183
 Лопухин И. В. 86
 Лукашевич П. 19
 «Лукоморье», журнал 248, 249
 Лукреций 16
 Луначарский А. В. 24
 Лурье А. Н. 255
 Лурье А. С. 42
 Львов Я. Л. 251
 Льдов К. Н. 76
 Любимов А. М. 86, 87
 Любимова К. А. 85, 87
 Лютер А. И. 81
 Лютер М. 99, 100
 Ляцкая В. П. 80
 Ляцкий Е. А. 218—230
 Лященко-Сухомлина Т. И. 80
- Мазон А. 84
 Майков А. А. 168, 198, 202
 Майков А. Н. 132, 133, 145—147, 150,
     155, 156, 163—208
 Майков В. А. 198, 201, 202
 Майков В. Н. 167, 185—187
 Майков Н. А., отец Майкова А. П.
     207
 Майков Н. А., сын Майкова А. П.
     176, 177
 Майкова А. И. 188, 200
 Майковы 196, 197
 Македонов А. В. 67, 82
 Максимов В. Е. 85
 Максимов Д. Е. 5, 17—19, 29
 Максимович, врач 235
 Макшеев З. А. 83
 Малейн А. И. 243
 Малов Ф. 255
 Мальчевский П. Л. 83
 Мандельштам 156, 160
 Мандельштам О. Э. 5, 254—256
 Мансырев Н., кн. 148
 Мануйлов А. А. 244, 245
 Мануйлов В. А. 80
 Марбах Г.-О. 101, 102, 108
 Марест А.-Л.-А. 269, 270
 Марнюшкин А. 21
 Маркова В. Н. 82
 Маркович В. М. 166
 Марр Н. Я. 69
 Маршак С. Я. 64, 67, 72, 73, 78
 Марьенков М. М. 81—83
 Масанов И. Ф. 85
 Матюрел, см. Мэтьюрич Ч. Р.
 Махлин В. С. 212

- Мацкевич Д. П. 140, 143
 Маяковский В. В. 66
 Меи Л. А. 132, 137, 145—147, 154—
 156, 158—161, 168, 183
 Мейер А. А. 40, 42, 214
 Мейербер Дж. 269
 Мейерхольд В. Э. 61, 62, 217
 Меїстр Л. 19
 Мережковские 210, 213, 216
 Мережковский Д. С. 4, 6, 9, 15, 16,
 202, 209, 212—214, 216, 233, 243
 Мериме П. 257—261, 264
 Метастазо П., наст. фам. Траппи
 5
 Метпер Э. К. 219, 223, 224
 Мещерский А. П. 80
 Мещерский В. П., ил. 177, 187, 198,
 199
 Мещерский Э. П. 257
 Миклашевская А. Л. 86
 Милашевский В. А. 87
 Миллер К. И. 81
 Миллер О. Ф. 163, 165, 166, 177—
 183, 190—193
 Милоков П. Н. 85
 Минский Н. М., наст. фам. Вилен-
 кш 4
 «Мир искусства», журнал 17
 Мирания Л., псевд. — Лео М. 22
 Миролубов В. С. 18
 Миролубов П. П., см. Ювачев П. П.
 Мирская А. 22
 Митяшев М. 22
 Михайлов М. Л. 131, 132, 155, 157,
 159, 161
 Михайлов Н. Н. 21
 Михайлова А. Н. 81
 Михайловский Н. К. 86
 Михайлов С. В. 64
 Михеле (т) К.-Л. 116
 Михрояц П. А. 80
 Мицкевич А. 130
 Мишле Ж. 100
 Мкртчян Л. М. 82, 83
 Млавич Л. 22
 Моизстер Г. О. 82
 Мор Т. 44
 Мордовцев Д. Л. 191, 193
 Морозов П. О. 85
 Морозова М. К. 226
 «Москвитянин», журнал 135, 138,
 151, 153
 «Московский комсомолец», газета
 254, 256
 Моцарт В. А. 5, 98, 105, 106, 108,
 196
 Мочалов П. С. 92, 93
 Муїжель В. В. 85, 222
 Мунне-Сюлли Ж. 202
 «Муравей», журнал 17
 Муравьев М. Н. 86
 Муравьев С. Н. 117
 Мурадин К. Г., см. Эмин Г.
 Муратова К. Д. 2, 81, 220, 228
 «Musaget», изд-во 37, 52, 223—225,
 229
 Мэтьюрин Ч. Р. 234, 237
 Мюллер Ф.-М. 49
 Мюллер-Кочеткова Т. В. 258
 Мюссе А. де 238
 Набоков В. Д. 85
 Навашип Д. С. 16, 22
 Нагибин Ю. М. 80
 Надеждин П. И. 117, 118, 190
 Найдышев А. А. 19
 Народный И. И., псевд. Гардия 81
 Народный университет им. А. И.
 Шаляевского 243
 «Наши достижения», журнал 39
 Нащокин П. В. 202
 Нащокина В. А. 202
 Нсвахович М. Л. 144, 145
 Недоброво Н. В. 86
 Некрасов К. Ф. 219—221, 236
 Некрасов Н. А. 135, 138, 145, 147,
 148, 156, 157, 159, 161, 174, 175,
 184
 Некрасов Ф. А. 159, 161
 Немирович-Данченко Вас. П. 85, 245
 Немирович-Данченко Вя. П. 85
 Непот, см. Корнелий Н.
 Нечаев С. Г. 181, 184
 Нечитайлов В. 21
 Нибур Б. Г. 197, 198
 Нива Ж. 28, 53
 Низар Ж.-М.-Н.-Д. 173, 174
 Низарбек В., псевд. — Маска 22
 Никитенко А. В. 136, 138, 140, 141,
 145, 147, 170, 171, 184
 Никитенко В. 22
 Никитина Е. Ф. 87
 Никитич Н. А., наст. фам. Никитюк
 Н. А. 82
 Николай I 62, 166, 189, 190
 Николич В. Н. 19, 21
 Никольская С. И. 16
 Никулин Л. В. 87
 Ницше Ф. 38
 Новалис, псевд. Гарденберга Ф.,
 фоп 130
 «Новая иллюстрация», журнал 231
 Новгородский художественный му-
 зей 214
 «Новое слово», журнал 231, 239, 240,
 242
 «Новый путь», журнал 16, 240
 Нолле-Коган Н. А., см. Коган Н. А.
 Норв А. С. 142, 147, 170, 171

- Обрадович С. А. 82
 Общество любителей древней
 письменности 194
 Огарев Н. П. 90
 «Огни», изд-во 218
 Огурцов Н. Г., псевд. — Арпон 21
 Одоевский В. Ф. 145, 147, 170, 171
 Озеров Л. А. 82, 83
 Ойфа П. Н. 82
 Окрейц С. С. 85
 Оксман Ю. Г. 218
 Олейников П. М. 64, 86
 Олендер С. Ю. 255
 Олешпа-д'Альгейм М. А. 225
 Олимпов К., наст. фам. Фофатов
 К. К. 73
 Ореус И. И., см. Коневской П.
 Орлов А. Ф., гр. 151
 Орлов В. Н. 213
 Орлова П. И. 93
 Остекен-Востокова Е., фон 173
 Островский Л. Н. 135—138, 148,
 150—152, 183
 «Отечественные записки» 135, 136,
 138, 140, 141, 143, 146, 152, 153,
 185
 Оффенбах Ж. 181, 184
- Павлова К. К., урожд. Янши 265,
 266
 Пагирев Г. В. 82
 Палаузов С. П. 152
 Панаев И. П. 119—121, 124, 145, 147,
 148, 153, 156, 157
 Панаева (Головачева) А. Я. 156,
 157
 Паница С. В. 81
 Папкратов Б. П. 82
 Папова В. Ф. 82, 83
 Пантилеев А., псевд. Еремеева А. П.
 64
 Паниченко П. 255
 Пашуканис В. В. 33
 Певин П. П. 219, 220
 Первомайский Л. С. 82
 Первслесский П. М. 129
 Перцов П. П. 3, 202, 203, 240
 Пестовский Б. А., псевд. — Б. Калу-
 гин 19, 21
 «Петербургские ведомости» 188
 «Петербургский вестник» 223
 Петр I 179, 182, 223
 Петрашевский М. В., см. Буташе-
 вич-Петрашевский М. В.
 Петров 147
 Петров В. В. 82, 83
 Петрова М. Г. 24
 Петров-Водкин К. С. 40, 42
 Петровский А. С. 23, 224
- Петровский М. С. 64, 73
 Петровых М. С. 83
 «Петроградский листок» 236
 Пехтелев И. Г. 165
 Печаткин В. П. 159, 161
 «Печать и революция», журнал 53
 Пильский П. М. 232
 Пинес Д. М. 23, 29, 53, 224
 Пинчук Л. Р. 81
 Писарев М. И. 200, 201, 203
 Писемский А. Ф. 156, 157, 159, 161,
 165, 176
 Платоп 44
 Платонова Т. А. 214
 Плетисев П. А. 140, 142, 170, 171
 Плеханов Г. В. 24
 Плещеев Л. А. 175
 По Э. 16, 244, 245
 Погодин М. П. 103, 137, 138, 147,
 151, 171
 Пожарова М. А. 16, 19
 Позняков-Гермап А. В. 9, 21
 Покровский 192, 194
 Покровский О. В. 80, 86
 Полевой П. А. 93
 Поленова М. А., урожд. Воейкова
 85
 Полесьев С. Ф. 81
 Полоцкий Я. П. 129—143, 145—151.
 153—162, 166, 168, 170, 194, 196—
 200, 203, 205
 Полоузов С. Н., см. Палаузов С. Н.
 Полторацкий Т. М. 113, 114
 Полторацкий А. М. 113, 114
 Полторацкий Александр П. 119, 121
 Полторацкий Алексей П. 121
 Поляков А. Я. 3, 4, 6
 Поляков С. А., псевд. — Ещбоев С.
 3—20
 Помяловский П. Г. 235
 Понель М. Т., псевд. — Томашевич
 21
 Порецкий А. У. 177
 Поротов М. 19, 22
 Португалов В. В. 85
 Порфирьева А. В. 81
 Поспиков П. П. 111, 113
 Поспиков Н. П. 111, 113
 Поспикова Л. И. 113
 Потепля А. А. 46, 48
 Потемкин Г. А. 105, 106
 Пракситель 196
 Прахов М. В. 188, 194, 195
 Премров М. Л. 22
 Пришвин М. М. 24
 Прокофьев А. А. 82, 83
 Прокофьев В. А. 80
 Пролеткульт 42, 43
 Прохоров М. 19
 Пулькин П. 255

- Пунин Н. Н. 42
 Пушкин А. С. 38, 48, 62, 78, 79, 130, 135, 137, 144, 148, 150, 155—157, 175, 178, 180, 183, 192, 196, 197, 199, 202, 228, 229, 238, 263—265
 Пшибышевский С. 3
 Пыпин А. Н. 131, 181, 184
 Пяст В., псевд. Пестовского В. А. 210
- «Рабочая Москва», изд-во 256
 Радивилов В. И. 122—124
 Радин А. 19
 Рассказов Ф. О. 81
 Ратвинский Н. А. 192, 194
 Рафаэль С. 195, 196
 Рахманов Л. Н. 82, 83
 Рахтанов И. А. 64
 Рачинский И. И. 16
 Рашель Л. 258
 Рекамье Ж. 264, 268
 Религиозно-философское общество 223, 322
 Ремизов А. М. 9, 15, 24, 25, 211
 Репин И. Е. 209
 Репман А. Х. 80
 Рерих Е. И. 85
 Рерих Н. К. 85, 241
 «Речь», газета 239, 241
 Ржевский В. К. 114, 121
 Ржевский Ф. К. 120, 121
 Римский-Корсаков Г. М. 81
 Римский-Корсаков Н. А. 86
 Рихтер Н. И. 81
 Ровинский Д. А. 139
 Ровинский Н. А. 136, 139
 Ровникова Л. И. 152
 Родиславский В. И. 93
 Рождественская И. С. 219
 Розанов А. С. 80
 Розанов В. В. 20
 Розанов И. Н. 240
 Романова Г. А. 61
 Роншо Л. 266
 Россов Н., псевд. Пашутина Н. П. 251
 Ростигшевский Г. Р., псевд. — Смерт-
 ный Г. 22
 Ростопчина Е. П., гр. 147, 148, 150
 152
 Рубо Ф. А. 209
 Руге А. 102
 Рудольф К. И. 19
 Ружичка Ф. И. 19
 Русакова Э. 69
 Русанов Н. С. 86
 «Русская мысль», журнал 219, 222—
 225, 229, 236, 245
 «Русские ведомости», газета 25, 244,
 245
- «Русский вестник», журнал 186
 «Русский мир», газета 176, 177
 «Русское слово», газета 237
 Руставели Ш. 15, 158
 «Русь», журнал 145
 Рыбина Е. И. 82, 83
 Рыков А. Я. 22
 Рыленков Н. И. 83
 Рябинин А. 255
- Садовойской Б. А. 85, 220, 253
 Сайтов В. И. 85
 Салиас Е. А. 191, 193
 Саллюстий Г. К. 173
 Салтыков-Щедрин М. Е. 23, 180, 184
 Сальвини Т. 168
 Самборская Л. С. 83
 Самойлов В. В. 160—162
 Сасин-Оренбургский М. 19, 22
 Сасс-Тисовский К. А. 19, 21
 Сахаров И. П. 211
 Сахарова Е. М. 66
 Сац Н. И. 87
 Саянов В. М. 254—256
 Свенцицкий А. 21
 Светлов М. А. 82, 83
 Свечина С. П. 264
 Свирский А. И. 5
 Свиясов Е. В. 129
 Северин Ф. 110, 111, 114, 119
 «Северные цветы», альманах 7, 233
 Северянин И., псевд. Лотарева И. В.
 66
 Сегалович Г. 19
 Селиванов А. А. 16
 Селивановский А. П. 255
 Сельвинский И. Л. 254
 Семевский В. И. 130
 Семевский М. И. 135, 197, 198
 Семенов 192, 194
 Семенов Б. Ф. 65, 81—83
 Семенов М. Н. 4, 9, 16
 Сементковский Р. И. 85
 Сенека 185, 186
 Сенкевич Г. 234
 Сенковский О. И. 138, 140, 145, 147,
 149, 152
 Сен-Санс К. 85
 Сешпер В. И. 19
 Сергеев-Ценский С. Н. 24, 222
 Серебряков Е. А. 83
 Серова В. С., урожд. Бергман 81
 Спдоров Ю. А. 20
 Сидич Е. П., псевд. — Эллич 22
 Сильчевский Д. П. 85
 Симановский И. 21
 «Сирин», изд-во 15, 24—26, 28, 30,
 33, 36, 221, 224, 236
 Скабичевский А. М. 85, 167, 185—
 187

- Скалдин А. Д. 226
 Скатов Н. Н. 166
 Скирмунт С. А. 9
 «Скифы», альманах 26, 27, 31
 «Скорпион», изд-во 3—9, 11—17
 Скрыбин А. Н. 17
 Славутинский М. С. 21
 Славянский комитет 189
 Славский П. 19, 21
 Слонимский С. М. 68
 Случевский К. К. 192, 194
 Смирдин А. Ф. 138
 Смиренский В. В. 82
 Смирнов А. А., псевд. — Альвинг Ар-
 сений 21
 Смирнов В. М. 81
 Соболевский С. А. 257, 262—264
 Соболев А. 5
 «Современник», журнал 135, 138,
 140, 142, 143, 145, 146, 148, 152—
 154, 157, 159, 161
 «Современник», журнал (1912 г.)
 218—230
 «Современный мир», журнал 218
 Соколов И. П. 150, 152, 158
 Соколов (Кречетов) С. А. 220
 Соколов С. И. 10
 Соколов С. С. 19, 21
 Соколов-Микитов И. С. 83
 Соловьев В. 255
 Соловьев В. С. 20, 32, 53, 85
 Соловьев Р. Н. 21
 Соловьев С. М. 16, 18, 20, 53, 54
 Соловьева П. С., псевд. — Allegro 81,
 210, 211
 Солдугуб В. А. 140, 141, 153, 155,
 156, 159, 161
 Сологуб Ф. К., наст. фам. Тетерни-
 ков 4, 6, 7, 21, 24, 215, 219, 241—
 243, 251, 252
 Солоухин В. А. 80
 Сомов К. А. 9, 212
 Сосюра В. А. 82
 Софокл 190, 202
 Спасович В. Д. 184
 Спасский М. Ф. 112—114
 Спиглазов Н. 146, 148
 Срезневский В. И. 85
 Срезневский И. И. 131, 172
 Станкевич Н. В. 92—94, 102, 104,
 106, 109, 126, 139
 Старчевский А. В. 131, 133, 137, 138,
 140, 141, 144—146, 148—150, 152,
 153
 Стасов Д. В. 81
 Стасова Е. Д. 81
 Стасова П. С. 81
 Стасюлевич М. М. 205
 Стеклов Ю. М. 104
 Стендаль 5, 257, 258, 260, 264—268,
 270
 Степун Ф. А. 19, 21
 Столица Л. Н. 19
 Стоюнина М. Н., урожд. Тихменева
 85
 Страхов Н. Н. 165, 192—194
 Струве П. Б. 219, 222, 229
 Струговщиков А. Н. 140, 141
 Суворин М. А. 249
 Судейкин С. Г. 16
 Сумбатов-Южин А. И. 85
 Суходольский (Сухо-Дольский) В. А.
 22
 Сыромятников С. Н. 85
 Сюшперберг К. А., псевд. — Эрберг
 К. 40, 42
 Таиров А. Я. 85
 Тальников Д. 61
 Тарасевич А. В. 225
 Тарасенков А. К. 82, 255
 Тарасов С. 22
 Тацит 185, 186
 Твардовский А. Т. 82
 Тверитинов А. 210
 «Телескоп», журнал 190
 Телешов Н. Д. 5, 6
 Тендряков В. Ф. 80
 Терентьев И. Г. 67
 Терещенко 25
 Терк А. Я. 19, 22
 Тимофеев Н. Г. 84
 Тихонов Н. С. 69, 256
 Тихонов П. Н. 141
 Тихохранов 160
 «Товарищество актеров, художни-
 ков, писателей и музыкантов»
 217
 Токвиль А.-Ш.-А. 257, 269, 270
 Толмачев Д. 74
 Толмачева М. Л. 210
 Толстая А. И., гр. 156, 158
 Толстая Н. И. 132
 Толстов А. Д. 130
 Толстой А. К. 175
 Толстой А. Н. 245
 Толстой Л. Н. 30, 66, 164, 165, 176,
 194, 205, 218
 Толстой Ф. И. 62
 Толстой Ф. М. 156, 157
 Толстой Ф. П. 134, 157
 Толстые 160
 Томашевский Г. Н. 81
 Тредиаковский В. К. 94
 Трепин В. 64
 Троповский Е. Н. 9, 16
 Троценко Е. 255
 Трубецкой С. Н., кн. 20

- «Труды и дни», журнал 25, 223
Трутовский В. К. 9
Туманов Н. Г. 81
Тумапский А., см. Кугель А. Р.
Тургенев А. И. 257—272
Тургенев И. С. 139, 140, 142, 146, 156, 160—162, 164, 166, 175, 180
Тургенев Н. И. 259, 260
Тургенева А. А. 53, 54, 224—228
Тургенева В. П. 140, 142
Тургенева О. А., в замуж. Сомова 160, 162
Тургенева Т. А. 53, 54
Турфанов А. В., псевд. — А. Беломорский 22, 69, 70, 72, 73
Тушинская М. М. 80
Тушинский М. Д. 86
Тэн И. А. 178, 183
Тюстин А. В. 80, 86
Тютчев Ф. И. 38, 48, 50, 172, 197, 199, 205, 228, 229, 245
- Убежище для женщин 65
Углицкий Д. И. 19, 22
Уитмен У. 12, 16
Уманец С. И. 202, 208
Умов Н. А. 83
Упит А. М. 8
Урицкий С. Б. 39
Успенский Г. И. 83
Утин Б. И. 130
«Утро России», газета 15
- Фаусек Ю. И. 210
Федоренко Н. Т. 82, 83
Федоров А. В. 82
Федоров Г. А. 111, 114, 115
Федоров И. Н. 82
Федоров М. Ф. 87
Федотов П. А. 139
Фейсбах Л. 115, 116
Феодосий I (Великий) 242
Феофилатов Н. П. 9, 241
Фег А. А. 150, 152, 160, 204, 205
Феферберг Л., псевд. — Мирволлий 22
Фиггер В. Н. 66
Флатов К. П. 22
Филипович Л. 19, 22
Флиппов А. 19
Флиппов Н. 255
Философов Д. В. 9, 17, 85
Финк К. 255
Фишман О. Л. 82
Фишоп И. 155, 157—159
Флоренская О. А. 19, 22
Флоренский П. А. 19
Фомин А. Г. 85
- Фомиш П. И., псевд. — Лёкин П. 19, 22
Фофанов К. К., см. Олимпов К.
Фраерман В. С. 80
Фрейганг А. И. 170, 171
Фридлендер Г. М. 232
Фриче В. М. 85
Фучикова Г. 83
- Халатов Н. 64, 68
Ханьков 139
Харджиев Н. И. 76
Хармс Д. И., наст. фам. Ювачев Д. И. 64—79, 87
Хачатурян А. И. 87
Хвостов Д. И., гр. 159, 161
Хвоципская Н. Д. 171
Херубини, см. Керубини Л.
Хлебников В. В. 66, 69
Ходасевич В. М. 81
Холодович А. А. 82, 83
Хрепков Д. Т. 82, 83, 255, 256
- Цветковская Е. К. 11
Цейдлер В. П. 186, 187
Цейдлер П. М. 163, 164, 167, 175—177, 184—188
Цертелев Д. Н. 201
Цицерон 173
- Чаадаев П. Я. 189, 190
Чаковский А. Б. 82
Черинцева Э. К. 80
Чернышевский Н. Г. 165, 178, 180, 210, 218
Чехов А. П. 62, 66, 218, 231, 233, 252, 255
Чешихин Вс. Е. 85
Чивилихин А. Т. 82, 83
Чижевский Д. Ф. 16
Чириков Е. Н. 222
Чистов А. Ф. 84
Чудецкая Е. 7
Чуковская М. Н. 83
Чуковский К. И. 5, 52, 64, 81, 82, 87, 232
Чуковский Н. К. 82
Чулков Г. И. 5, 85, 213
Чуркин А. Д. 82
- Шагинян М. С. 87, 240
Шаллер Ю. 102
Шаль Ф. 257
Шалыпин Ф. И. 81, 87
Шалыпина И. Ф. 87
Шапошников П. Г. 130
Шаскольский П. Б. 85

Шатковский 136, 143, 150, 154
Шаффл М. 159—161
Шахматов А. А. 85
Шахов В. 19, 22
Шварц А. 69
Шварц Е. И. 83
Шварц Е. Л. 64, 83
Шварц П. 17, 22
Шведов Я. З. 255
Швеков М. М., псевд. — Анфалов Мп-
ханл 19, 22
Шевченко К. Г. 19, 22
Шевырев С. П. 103, 135, 137, 202
Шекспир У. 42, 91, 93, 108, 109, 111,
123, 127, 129, 131, 137, 138, 140, 141,
150, 160, 181, 184
Шелгунов Н. В. 180, 181, 183
Шелли П. Б. 10
Шервинский С. В. 240
Шестаков Д. П. 87, 202
Шестаков П. Д. 80, 87
Шестеркин М. И. 241
Шефнер В. С. 82, 83
Шидловский Ю. Е. 149, 152
Шиллер Ф. 108, 109, 156, 157, 159
«Шиповник», изд-во 10, 220, 223
Шпраз О. 82
Шприцкий-Шахматов П. А. 171
Шкловский В. Б. 42
Шлейермахер Ф. 114, 115
Шлецер Б. 22
Шляпкин И. А. 211
Шнидлер А. 85
Шопен Ж.-М. 266
Шошил В. А. 80
Шпилевский, домовладелец 128
Шрадер О. 49
Штакеншнейдер А. И. 132
Штакеншнейдер Е. А. 132, 147, 160
Штакеншнейдер М. Ф., урожд. Хол-
чинская 132
Штакеншнейдеры 147, 156, 161
Штейман З. 69
Штейнберг А. З. 40, 42
Штейнер Р. 27, 44, 53—55. 59—61.
221, 226—229
Штинглиц Э. М. 9
Штраус (Штраус) Д. Ф. 101, 102
Штукенберг А. И. 86
Шуберт Ф. 122
Шубин П. Н. 82
Шульговский Н. Н. 85
Шумиков В. 255

Щепкин Д. М. 110
Щепкин М. С. 110, 161
Щепкина А. М. 91, 110

Щерба Л. В. 85
Щербина Н. Ф. 132, 134, 135, 137,
138, 140, 142, 145—150, 156, 159,
161, 164, 169—171
Щуров С. П. 19

Эвальд В. Ф. 84
Эйнштейн А. 69
Эйферт Н. И. 161
Эйхенбаум Б. М. 85
Эллис, см. Кобылинский Л. Л.
Эмми Г., псевд. Мурадяна К. Г. 82,
83
Энгельгардт 168
Энгельгардт А. Н. 84
Энгельгардт Б. М. 85
Энгельс Ф. 42
Эпштейн М. С., см. Голодный М.
Эрберг К., см. Сюнперберг К. А.
Эренбург И. Г. 82, 87
Эсхил 190, 202
Этьенн Ш.-Г. 271

Ювачев Д. И., см. Хармс Д. И.
Ювачев И. П., псевд. — Мирлоубов
И. П. 65, 66
Ювачева Н. И., урожд. Колюбакина
65
Юдина М. В. 65

Явич А. 255
Яворский Б. Л. 16
Языков 111, 114
Якимов В. Я. 111
Якоби-Ф. Г. 98
Яковлев, см. Богучарский В. Я.
Яковлев В. Д. 140, 143
Яковлев Н. В. 85
Якубинский Л. П. 70
Ямпольский И. Г. 163, 219, 235
Янжул И. И. 85
Яповский С. Д. 168
Яспская З. И. 240
Ясинский И. И. 240, 241, 246

Allegro, см. Соловьёва П. С.
Ancelet V., см. Ансело М.-Л.-В.
Bertaut J., 257
Delines M., см. Ашкинази М. О.
Dorely V., см. Дорели В.
Gérard, см. Жерар Ф.
Gorges J., см. Гёррес Й.
Lerminier E., см. Лермильс Э.
Morlet J. 271
Sing-Academie 98
Woodward J. 253

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Афиша заседания Вольной философской ассоциации. 1920 г.	43
Г. П. Данилевский. Рисунок Я. П. Полонского. 1862 г.	224—225
К. Д. Бальмонт, С. А. Поляков, Ю. К. Балтрушайтис. Фото. 1901 г.	224—225
Андрей Белый. Рисунок В. В. Воинова. 1921 г.	224—225
А. А. Блок. Портрет работы Т. Н. Гиппиус. 1906 г.	224—225
Т. Н. Гиппиус за мольбертом. Фото. 1900-е годы	224—225
Е. А. Лядский. Фото. 1910 г.	224—225
А. А. Измайлов. Фото. 1900-е годы	224—225
Леонид Андреев. Фото. 1900-е годы	224—225

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>С. С. Гречишкин.</i> Архив С. А. Полякова	3
<i>А. В. Лавров.</i> Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме	23
<i>А. А. Александров.</i> Материалы Д. И. Хармса в Рукописном отделе Пушкинского Дома	64

II. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

<i>Л. П. Архипова.</i> Обзор архивных материалов XIX—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР за 1976—1977 гг.	80
---	----

III. ПУБЛИКАЦИИ

<i>В. П. Боткин.</i> Письма к М. А. Бакунину. <i>Публикация Б. Ф. Егорова</i>	88
<i>Г. П. Данилевский.</i> Письма к Я. П. Поговскому. <i>Публикация Е. В. Свиясова</i>	129
<i>А. Н. Майков.</i> Письма. <i>Публикация И. Г. Ямпольского</i>	163
<i>А. А. Блок.</i> Письма к Т. Н. Гиппиус. <i>Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова</i>	209
<i>Андрей Белый.</i> Письма к Е. А. Ляцкому. <i>Публикация А. В. Лаврова</i>	218
<i>В. Я. Брюсов.</i> Письма к А. А. Измайлову. <i>Публикация Э. С. Литвин</i>	231
<i>Л. Н. Андреев.</i> Письмо к А. М. Евлахову. <i>Публикация Ю. В. Бабичевой</i>	250
<i>О. Э. Мандельштам.</i> Письмо к В. М. Саянову. <i>Публикация С. С. Гречишкина</i>	254
<i>Виржини Ансело.</i> Письма к А. И. Тургеневу. <i>Публикация П. Р. Заборова</i>	257
Указатель имен, периодических изданий и учреждений	273
Список иллюстраций	286

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 1978 Г.

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректоры *Г. А. Александрова, Э. В. Гришина*
и *Г. А. Мошкина*

ИБ № 9006

Сдано в набор 23.11.79. Подписано к печати 05.05.80. М-36648.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
обыкновенная. Печать высокая, Печ. л. 18+4 вкл.
(¹/₂ печ. л.)=18.5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 22.02. Тираж 15050.
Изд. № 7465. Тип. зак. № 914. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12